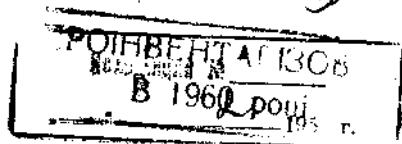

В.Л.

СОЛНЦЕ И ЛУНА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

1905 годъ.

XXIX г. издЕРЕВІРЕНО
2005

12 №№. Цѣна 1 рубль.

Редакторъ-издатель Алексѣй АЛЬМЕДИНГЕНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Умственное и нравственное воспитание.

	столб.
1. Бесѣды о воспитаніи. <i>В. С. Лихачова</i>	1, 59, 93, 166, 364
2. Главнѣйшіе элементы дошкольного воспитанія. Д-ра <i>Г. Гордона</i>	5
3. Мать. <i>Ю. Яцуты</i>	16
4. Миша и поросенокъ. <i>В. Тулевичъ</i>	28
5. Родительская любовь. <i>Н. Жаринцовой</i>	49
6. Годъ въ школѣ. <i>С. Караскевичъ</i>	81, 136, 168, 206
7. О женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ. <i>Н. Кошкиной</i>	116
8. Кто виноватъ? <i>M. Радецкаго</i>	129
9. Нужна ли система въ воспитаніи? <i>Н. Чехова</i>	148
10. Возраженіе В. С. Лихачова на письмо Н. Чехова.	151
11. Какія краски умѣстнѣе въ дѣтской литературѣ? <i>А. Налимова</i>	161
12. Душа ребенка. <i>Н. Лухмановой</i>	193
13. Борьба съ дѣтской раздражительностью. <i>Я. Папера</i>	199
14. Изъ хроники школьнаго дѣла.	219
15. Типъ „капризного“ мальчика у О. Мирбо. <i>А. Налимова</i>	225
16. Дѣти симпатичныя и несимпатичныя. <i>Д-ра</i>	237
17. Тщетность родительскихъ собраній. <i>А. В.</i>	257
18. Нравственная возбуждаемость дѣтей. <i>Я. Папера</i>	272
19. Религія дѣтей. <i>П. Каптерева</i>	289
20. Скрывать или не скрывать? <i>Л. Е. Оболенскаго</i>	321, 367
21. Сознаніе обязанностей у дѣтей. <i>Я. П.</i>	335
22. Воспитаніе, какъ факторъ борьбы съ вырожденіемъ. Д-ра <i>М. И. Малышевскаго</i>	353, 400
23. По поводу родительскихъ союзовъ. <i>А.</i>	387
24. Важнѣйшій предметъ вниманія въ дошкольномъ воспитаніи. <i>Я. Папера</i>	393
25. Дѣтская необузданность. — <i>рв.</i>	414

II. Физическое воспитание:

столб.

1. О ложномъ дальтонизмѣ и воспитаніи свѣтowego чувства у дѣтей. Д-ра Г. Гордона.	5
2. Дѣтская медицина и гигіена у древнихъ грековъ и римлянъ. Д-ра А. Виренуса.	63
3. Попеченіе о здоровьѣ нервной системы. Д-ра А. Виренуса.	97
4. Какъ слѣдуетъ одѣвать дѣтей? Д-ра Г. Гордона.	232

III. Хроника дѣтской жизни:

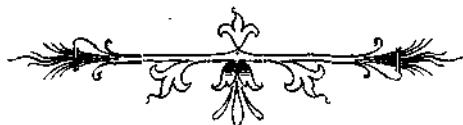
1. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати.
В. Иллайрова. 34, 68, 105, 154, 213, 245, 280, 345, 375

IV. Протоколы засѣданій Родительского кружка:

41, 77, 189

V. Вибліографія:

45, 79, 125, 220, 250, 288, 320, 351, 381, 420

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Январь — № 1.

1905.

Содѣржаніе № 1.

1. Бесѣды о воспитаніи. В. С. Лихачова	1
2. Главныиѣ элементы дошкольнаго воспитанія. Д-ра Гри. Гордона	5
3. Мать. К. Яиути	16
4. О ложномъ дальтонизмѣ и воспитаніи цветового чувства у дѣтей Д-ра Р. Каца.	21
5. Миша и поросенокъ. В. Тулесичъ	28
6. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. В. Измайлова.	34
7. Отчетъ о засѣданіи Родительскаго Кружка 23 октября 1904 г. Н. К.	41
8. Библиографія	45

Бесѣды о воспитаніи.

(По личнымъ воспоминаніямъ и по наблюденіямъ надъ своими и чужими дѣтьми).

I.

До сихъ поръ наша средняя школа только обучала. Теперь она намѣрена и воспитывать. Этому, конечно, нельзя не порадоваться. Насколько обученіе на основѣ воспитанія полезно, настолько же оно, лишенное этой основы, въ лучшемъ случаѣ не даетъ ни плюса, ни минуса, а въ худшемъ прямо таки вредно. Разбойникъ тѣмъ опасище, чѣмъ лучше вооруженъ. Сохрани насть Боже, однако, на этомъ намѣреніи нашей школы успокаиваться. Колыбелью воспитанія остается все-таки семья. Хорошіе устои семейнаго воспитанія могутъ быть школою упрочены. Случайныя ошибки семейнаго воспитанія могутъ быть школою исправлены. Но дурные посѣвы семей-

наго воспитанія школою искоренены быть не могутъ. Имѣя полное право требовать отъ школы, чтобы она не портила нашихъ дѣтей, когда они хорошо воспитаны — мы не имѣемъ ни малѣйшаго права требовать отъ нея, чтобы она ихъ исправляла, когда они воспитаны плохо. А мы постоянно это дѣлаемъ. И въ этомъ — источникъ постоянныхъ недоразумѣній между семьей и школой, за которая въ концѣ концовъ расплачиваются ни въ чёмъ неповинные дѣти.

Правда, неповинно расплачиваться нашимъ дѣтямъ приходится за многое, и часто мы бываемъ невластны ихъ отъ этого избавить. Но въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей мы полные господа, значитъ — и полные отвѣтчики. Дѣло огромное, нѣтъ спора; однако же, вовсе не такое трудное, какъ мы воображаемъ или, гораздо чаще, силимся воображать: была бы любовь да охота.

Воспитаніе дѣтей мы привыкли связывать съ той либо другой системой. Нѣть системы — нѣть, будто бы, и воспитанія. Но система системъ рознь. Какую выбрать, чтобы сразу же не сдѣлать промаха? Какую применить, чтобы впослѣдствіи не расканиваться? Да никакую, если подъ системой разумѣть ненарушимую совокупность однородныхъ воспитательныхъ приемовъ. Что ни ребенокъ — то особый предметъ воспитанія; и у каждого

ребенка что ни часъ на дню—то новое настроение, требующее особаго способа воздействиія: гдѣ же набрать столько системъ? Очевидно, въ нихъ и надобности нѣть,—а если и есть, то единствено для забавы воспитывающихъ, къ большему или меньшему, но неизбѣжному ущербу для воспитываемыхъ. Будь иначе, развѣ могло бы найти себѣ приверженцевъ такое, напримѣръ, воюще шутовство, какъ фрѣбелевская система? Тутъ ужъ поистинѣ кошѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

Воспитать ребенка значить подготовить его къ жизни, создать изъ него такое существо, которому хорошо жилось бы самому и съ которымъ хорошо жилось бы другимъ. Это—единственная цѣль воспитанія, не допускающая никакихъ обособительныхъ уклоненій, никакихъ преднастѣренныхъ приспособленій къ тому либо иному житейскому поприщу,—ибо тогда мы имѣли бы дѣло уже не съ воспитаниемъ, а съ натаскиваньемъ, въ родѣ натаскиванья охотничьихъ собакъ на тотъ либо иной родѣ охоты. И для достижениія этой цѣли достаточно личнаго опыта каждого отца и каждой матери. Помнить же они, какъ воспитывали ихъ самихъ; видѣли же они, пока сами не стали родителями, какъ воспитывались дѣти ихъ родныхъ и знакомыхъ; наконецъ, имѣя уже своихъ дѣтей и переходя отъ воспитанія старшихъ къ воспитанію младшихъ, принимаютъ же они въ соображеніе раньше ими сдѣланныя и замѣченныя ошибки. А если не помнить, не видѣли и не замѣтили? Тогда ни о какомъ воспитаніи и рѣчи быть не можетъ. Помнить, впрочемъ, немудрено, потому что забыть, какъ насть

воспитывали, все равно, что забыть свое дѣтство, чего обыкновенно не бываетъ,—а при любви къ дѣтямъ и при охотѣ воспитывать ихъ очень легко и видѣть и запомнить все, что этого предмета болѣе или менѣе касается; безъ любви же и охоты воспитаніе становится столь преступнымъ дѣломъ, что его нельзя даже, какъ растрату или подлогъ, извинить легко-мыслениемъ.

Нужно ли доказывать, что воспитаніе ребенка только тогда можетъ итти успешно, когда душа его вполнѣ открыта отцу и матери и когда онъ самъ чувствуетъ себя членомъ семьи, неотъемлемою частью неразрывнаго цѣлаго? Такъ оно и бываетъ, потому что это естественно,—бываетъ до тѣхъ поръ, пока мы, родители, не вмѣшаемся въ дѣло природы и не примемся дѣйствовать ей наперекоръ, чѣмъ рано или поздно кончается—страшно сказать!—почти въ каждой семье. Чуть проявить ребенокъ сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, какъ ужъ мы спѣшимъ поставить его на надлежащее, будто бы, мѣсто,—и начало взаимному отчужденію положено. Душа ребенка мало-по-малу для насть закрываются, а семья мало-по-малу перестаетъ быть для него тѣмъ неразрывнымъ цѣлымъ, неотъемлемою частью котораго онъ себя раньше чувствовалъ. Мы же и удивляемся, и огорчаемся, и даже обижаемся:

— Вотъ они, дѣти-то! Ужъ, кажется, все для нихъ, всякия уступки, всякия жертвы, а они—извольте радоваться!—замкнулись въ себѣ и знать насть не хотятъ. Особый міръ какой-то у каждого завелся.

Да, особый міръ. Но дѣло не въ томъ, чтобы этого міра не было, ибо

Главнѣйшіе элементы дошкольнаго воспитанія.

иначе не было бы и человѣческой личности,—а въ томъ, чтобы между этимъ міромъ и нами не вырастала стѣна, созданіе нашихъ же рукъ. Выводимъ мы ее камень за камнемъ, сами того не сознавая, и обыкновенно становится она видимою для насъ уже тогда, когда черезъ нее не перешагнуть: приходится проламывать.

Не дать такой стѣнѣ вырасти есть много способовъ; главный же изъ нихъ —сохраненіе возможной откровенности и полной искренности въ нашихъ сношеніяхъ съ дѣтьми. На немъ пока и остановимся.

B. C. Лихачовъ.

Главнѣйшіе элементы дошкольнаго воспитанія.

Періодъ жизни ребенка, когда онъ еще не посещаетъ школы или, вѣрнѣ, не достигъ еще школьнаго возраста, является очень важнымъ въ отношеніи его воспитанія. Въ дошкольное время на ребенка вліяетъ только семья и близкіе окружающіе его, и вліяніе это однообразно и односторонне въ сравненіи съ тѣмъ вліяніемъ, какое начнутъ оказывать на него потомъ, по вступленіи его въ школу, сверстники-товарищи и учителя-наставники. Въ школу ребенокъ является уже известнымъ образомъ воспитанный: родная семья наложила уже на него первую печать воспитанія, и это первоначальное воспитаніе настолько важно, что является обыкновенно основой, на которой зиждется дальнѣйшее вліяніе на его умъ и душу. Огромное значеніе дошкольнаго воспитанія становится яснымъ, если припомнить, что въ первые годы своей жизни ребенокъ жи-

веть не сознательной жизнью, а чувственной, то-есть такой, гдѣ все основано на дѣятельности органовъ чувствъ, и что его дѣйствіями и поступками руководить не разумъ, а инстинктъ, подобно тому, какъ мы это наблюдаемъ у животныхъ. Соответственно этому его органы чувствъ обладаютъ въ это время особенной восприимчивостью, особенной остротой, благодаря которой получаемыя извѣй впечатлѣнія оставляютъ чрезвычайно сильный слѣдъ на его начинающей складываться характеръ и пробуждающееся сознаніе.

Когда слѣдуетъ начинать воспитывать ребенка? Вотъ вопросъ, о которомъ когда-то много толковали и толковали весьма различно: некоторые говорили, что ребенка слѣдуетъ начать воспитывать тогда, когда онъ начинаетъ вполнѣ сознательно относиться къ окружающему, ибо до этого воспитаніе немыслимо; другіе утверждали, что воспитаніе можно начать уже при первыхъ проблескахъ сознанія, и въ доказательство указывали на самыхъ несмыщленыхъ животныхъ, которыхъ тѣмъ не менѣе удается известнымъ образомъ воспитать; третьи, наконецъ, говорили, что ребенка вовсе не слѣдуетъ воспитывать, а его нужно предоставить самому себѣ, стараясь какъ можно меньше активно вліять на него. Кто изъ нихъ правъ? Какъ всегда, истина лежитъ и здѣсь въ золотой серединѣ; ребенка нужно воспитывать всегда, съ начала его жизни, съ колыбели, какъ говорятъ Друммондъ, но воспитаніе это должно безконечно варирировать и меняться сообразно постепенному развитию ребенка, при чемъ нужно всегда стараться вести это воспитаніе какъ можно менѣе активно для того, чтобы пораньше пробудить

въ ребенкѣ сознательное отношеніе къ окружающему миру.

Слѣдовъ эти краткія общія замѣчанія, мы остановимся болѣе подробно на нѣкоторыхъ деталяхъ дошкольного воспитанія ребенка, начиная съ первыхъ дней его жизни, но предварительно еще замѣтимъ, какъ общее постепенное правило, что въ подобномъ воспитаніи нужно подвигаться впередъ весьма медленно, осторожно, въ высшей степени постепенно. Подобное требование вытекаетъ изъ того факта, что окружающій міръ открывается и становится доступнымъ ребенку также очень медленно, частями, сообразно его постепенно начинающимъ функционировать органамъ чувствъ и медленно пробуждающему сознанію. Можно сказать, что ребенку до извѣстнаго возраста міръ представляется картиной, сплошь закрытой завѣсой, которая начинаетъ сладать съ нея очень медленно и постепенно: сегодня освобождается одинъ уголокъ ея, завтра, другой, послѣ завтра — третій, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока вся картина не представитъ цѣликомъ передъ его дѣйствительнымъ и умственнымъ взоромъ.

Ребенокъ въ первыи дни по своемъ появлениі на свѣтъ является существомъ не только не сознательнымъ, но и почти не чувствующимъ. Изъ пяти видахъ чувствъ его функционируетъ, и то только грубо и несовершенно, одно лишь чувство осознанія: онъ способенъ ощущать и сознавать лишь болѣе или менѣе грубая механическія и температурныя вліянія, въ формѣ ударовъ, толчковъ, значительного тепла и холода и т. п. Что касается другихъ чувствъ, то новорожденный почти лишенъ ихъ, несмотря

на то, что органы этихъ чувствъ функционируютъ у него съ момента рожденія. Такъ, напримѣръ, зрачки глазъ его суживаются отъ яркаго свѣта и расширяются въ темнотѣ, но это не означаетъ, однако, что онъ воспринимаетъ зрительныя ощущенія, то-есть дѣйствительно способенъ видѣть, потому что для этого нужно сознаніе, а его-то у него и нѣтъ. Точно также у новорожденнаго функционируютъ органъ слуха, вкусовой аппаратъ и другіе органы, но онъ неспособенъ воспринимать ихъ дѣятельность, или, вѣрѣте, сознавать ее, и потому въ дѣйствительности онъ лишенъ этихъ чувствъ.

Итакъ, первое доступное новорожденному чувство — это чувство осознанія. Но это чувство функционируетъ у него, какъ мы выше замѣтили, грубо, несовершенно. Новорожденный ощущаетъ боль и плачетъ, если вы крѣпко ударите его или опустите въ очень холодную или очень горячую воду, но слабыхъ раздраженій кожи, когда вы его, напримѣръ, щекочете или слегка ударяете рукой, или не рѣзкихъ температурныхъ колебаній онъ совершенно не ощущаетъ. Это несовершенство осознанія есть своего рода орудіе защиты, которымъ мудрая природа одарила безпомощный дѣтскій организмъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ объ уходѣ за ребенкомъ въ первыи дни его жизни: на каждомъ шагу его подвергаютъ, особенно въ бѣдныхъ и малоинтеллигентныхъ семьяхъ, рѣзкимъ температурнымъ колебаніямъ, безъ достаточной или даже всякой защиты отъ нихъ, сплошь и рядомъ купаютъ то въ очень холодной, то въ очень горячей водѣ и т. д. Въ защиту природа сдѣлала ребенка сравнительно мало чувствительнымъ

и кѣ всему этому, иначе подъ вліяніемъ ро-^злюбныхъ причинъ дѣти выживали очень рѣдко. Гигиена учитъ оберегать по возможности новорожденныхъ неагъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ и-^х младу и наоборотъ, переходовъ, ко-^ть первые для нихъ очень часто гибельны. Не нужно спѣшить поэтому выносить е, новорожденного въ первый разъ на въздухъ ранѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, а даже въ тепломъ климатѣ: у насъ же и осенью и зимой совсѣмъ не выносить его до наступленія совершеннію теплыхъ днѣй, а держать въ комнатѣ при одинаковой, равномѣрной темпера-^{ту}рѣ. Обычай носить новорожден-^{ныхъ} въ церковь для совершенія надъ ними таинства св. крещенія, столь распространенный среди бѣднаго го-^{родск}ого и особенно деревенскаго на-^{селенія}, чрезвычайно вреденъ и опасенъ, такъ какъ при этомъ, помимо выноса дѣтей на холода и морозъ, имѣть мѣсто еще купанье ихъ въ холодной водѣ въ церквиахъ, которая большей частью не отапливаются зи-^{мою}. Объ этомъ вредномъ обычая много писали, указывая на основаніи статистическихъ данныхъ вліяніе его на смертность дѣтей въ первые дни ихъ жизни; сознаніе этого вреда далеко еще не усвоено неинтеллигентными классами населения.

По мѣрѣ роста ребенка продолжаетъ развиваться у него и чувство осознанія, но высшаго своего развитія оно дости-^{гаетъ} только тогда, когда онъ изъ су-^{щества}, живущаго преимущественно растительной жизнью, превращается въ взрослаго, вполнѣ сознательнаго и мыслищаго человѣка. Такимъ образомъ, развитіе чувства осознанія у человѣка идетъ параллельно развитію его умствен-^{ныхъ} способностей, что неоднократно

было доказано физиологическими изслѣ-^{дованіями}: чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе развито у него осознаніе, и наоборотъ. У дикарей, у которыхъ ирочіе органы чувствъ функционируютъ идеально хорошо, чувство осознанія развито очень слабо.

Слѣдующій органъ чувствъ, ранѣе другихъ пробуждающійся у ребенка, это органъ слуха. Извѣстно, что малютки начинаютъ реагировать на зву-^{ковыя} раздраженія уже въ такомъ возрастѣ, когда ихъ прочіе органы чувствъ находятся еще въ бездѣятель-^{номъ} состояніи. Развитіе слуха подви-^{гается} у нихъ очень быстро впередъ и достигаетъ уже черезъ нѣкоторое время нормы. Къ сожалѣнію, мы живемъ въ такихъ условіяхъ, которыя вліяютъ очень вредно на развитіе слуха у нашихъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ: этотъ вѣчный, никогда не умолкающій шумъ на улицахъ, особенно большихъ городовъ, эти крики разночековъ и торговцевъ, звонки конокъ и моторовъ, грохотъ экипажей и свистки пароходовъ и фабрикъ — развѣ все это не слишкомъ раздражаетъ нѣжный, не раз-^{вившійся} еще достаточно слухъ нашихъ дѣтей и не способствуетъ преждевре-^{менному} притупленію его? Несомнѣнно, что жизнь въ большихъ городахъ отзы-^{вается} очень вредно на этомъ важномъ органѣ чувствъ, и если бы мы распо-^{лагали} статистическими данными, то могли бы на нихъ доказать, что чѣмъ больше городъ, чѣмъ, стало-быть, шум-^{нѣе} въ немъ уличная жизнь, тѣмъ больше въ немъ дѣтей, не обладаю-^{щихъ} нормально развитымъ слухомъ. Имѣя это въ виду, мы при началь-^{номъ} воспитаніи нашихъ дѣтей должны обратить особое вниманіе на развитіе ихъ слуха: мы должны тщательно охра-

нять ихъ отъ излишняго шума въ своемъ домѣ, всячески избѣгать появляться съ ними въ такихъ мѣстахъ города (вокзалы, пристани, базары), гдѣ уличная жизнь особенно шумна, и т. д.

То же, что о слухѣ, слѣдуетъ сказать и о зрѣніи, которое начинаетъ развиваться у дѣтей по мѣрѣ того, какъ они начинаютъ понимать окружающее. Зрительные ощущенія ребенка въ началѣ его жизни должны быть неопределены и хаотичны, потому что онъ неспособенъ видѣть предметы ни тѣлесно, ни перспективно, не различаетъ цвѣтовъ и т. д. Но по мѣрѣ ознакомленія съ окружающимъ міромъ и пробужденія въ немъ сознанія, онъ научается всему этому, при чмъ процессъ этотъ совершается у него довольно медленно. Даже такія дѣти, которые отличаются уже своихъ отъ чужихъ, узнаютъ знакомые предметы, сплошь да рядомъ протягиваются ручонки, стараясь достать такие предметы, которые очень далеки отъ нихъ (рожокъ уличного фонаря, луну, и т. п.), то-есть не имѣютъ еще никакого понятія о перспективѣ. Улица, которая чрезмѣрно раздражаетъ слухъ ребенка, производить такое же вліяніе на его глазъ. Присмотритесь къ пестротѣ окраски домовъ, къ магазиннымъ вывескамъ и рекламамъ, къ пестротѣ дамскихъ костюмовъ и нарядовъ, и вы поймете, что такая безконечная игра цвѣтовъ не можетъ оставаться безъ вреда для всякаго, особенно молодого глаза. Прибавьте къ этому, что такому глазу, благодаря условіямъ нашей жизни, приходится съ первыхъ же дней жизни приспособляться только къ близкимъ разстояніямъ, то-есть искусственно поддерживать свою наклонность къ

близорукости,—и въмъ станетъ понятнымъ, что органъ зреїнія нашихъ дѣтей всегда подвергается чрезмѣрному раздраженію и не можетъ развиваться правильно. Нужно поэтому всегда стараться не держать дѣтей въ мало или слишкомъ сильно освещенныхъ комнатахъ и не водить ихъ туда, гдѣ окружающее сильно раздражаетъ зреїніе. Съ теченіемъ времени придется прибѣгнуть къ пѣлому ряду другихъ мѣръ для того, чтобы ослабить вредное вліяніе на глазъ окружающихъ условій, но это уже относится къ школьному воспитанію ребенка, то-есть къ тому періоду времени, когда онъ начнетъ уже посѣщать школу или вообще учиться.

Обоняніе и *вкусъ* развиваются въ ребенкѣ позже всего и слѣдуютъ за развитіемъ интеллекта его, точно такъ же, какъ и осязаніе. Говоря объ этихъ двухъ чувствахъ, слѣдуетъ замѣтить, что для правильнаго воспитанія ихъ въ ребенкѣ нужно оберегать его отъ вліянія слишкомъ раздражающихъ запаховъ (отнюдь не пріучать къ духамъ) и особенно очень пикантныхъ вкусовыхъ веществъ, которыхъ могутъ вліять очень дурно и на его желудокъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ первый періодъ самаго начальнаго воспитанія ребенка, именно періодъ воспитанія его чувствъ. Всльдѣ за нимъ постуپаетъ другой періодъ, тѣсно сливающійся съ нимъ, именно періодъ начальнаго общаго *физического воспитанія* ребенка, послѣ которого начинается уже такъ называемое умственно-нравственное воспитаніе его. О послѣднемъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Періодъ этого воспитанія начинается то раньше, то позже, смотря по ум-

ственнымъ способностямъ ребенка, но приблизительно можно принять, что онъ начинается съ трехлѣтняго возраста. Въ это время сознаніе ребенка окружавшаго настолько уже подвинулось впередъ, что онъ можетъ понять обращенное къ нему въ доступной формѣ слово и опѣнить (конечно, до извѣстной степени) чужой или собственный поступокъ. Ребенокъ начинаетъ превращаться въ мыслящее существо, которое понемногу начинаетъ критически относиться къ окружающему. Мы сказали въ началѣ, что дошкольный періодъ воспитанія, дѣлъющійся приблизительно до 6 лѣтъ, особенно важенъ, потому что въ это время у ребенка складываются первыя представленія и вырабатываются тѣ основные душевныя качества, изъ которыхъ впослѣдствіи слагается характеръ. Нужно поэтому всячески стараться, чтобы эти представленія были какъ можно болѣе правильными и естественными, а душевныя качества какъ можно болѣе здоровыми и нормальными.

Лучшій способъ вліянія на ребенка, особенно юнаго возраста,—это личный примѣръ, стало-быть, наглядное дѣйствіе, подобно тому, какъ и въ преподаваніи наглядный способъ выше и доступнѣе для его пониманія, чѣмъ любое описание. Основой такого воспитанія должно быть развитіе силы воли въ ребенка, потому что эта черта характера является наиболѣе существенной и ее можно вырабатывать уже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Характеръ ребенка именно и отличается отъ характера взрослаго недостаткомъ этой силы воли, потому что въ его организмѣ не функционируютъ еще тѣ задерживательные центры, дѣятельностью которыхъ обусловливает-

ся выдержка, выносливость, твердость, рѣшительность, упорство и т. д.—словомъ, все, что носить одно общее название силы воли. Ребенокъ живетъ импульсивной жизнью, то-есть такой, гдѣ поступки непосредственно следуютъ за желаніями, не будучи ни провѣрены логическимъ мышленіемъ, ни проконтролированы приобрѣтеннымъ опытомъ. Дѣти обыкновенно требуютъ, чтобы всякое желаніе ихъ было бы тотчасъ исполнено,—они ждать и мириться съ отказомъ не умѣютъ, и послѣдній вызываетъ у нихъ очень часто раздраженіе, которое можетъ выражаться въ различной формѣ. Дѣти не умѣютъ ни умѣрять свои желанія, ни сдерживать себя, и потому развитіе въ нихъ силы воли и сводится именно къ тому, чтобы научить тому и другому. Преподаваніе этой силы воли будетъ наиболѣе успѣшнымъ, если ребенокъ будетъ всегда видѣть передъ собою хорошия примѣры въ своихъ окружающихъ, особенно въ тѣхъ лицахъ, которымъ завѣдаютъ его воспитаніемъ. Человѣкъ нерѣшительный никогда не сумѣеть воспитать энергичнаго ребенка съ развитой силой воли, подобно тому, какъ трусь никогда не внушить храбости и мужества своему воспитаннику: это старая истина, что для того, чтобы воспитать въ комъ-нибудь извѣстное качество, нужно самому обладать имъ...

Рядомъ съ заботой о силѣ воли ребенка нужно думать о работѣ надъ его *фантазией*. Какъ извѣстно, дѣти надѣлены огромной силой воображенія, которую приходится умѣрять для того, чтобы по возможности отдаѣть въ ихъ представленіяхъ мѣръ дѣйствительный отъ воображаемаго. Дѣти постоянно смѣшиваютъ видѣнное и слышанное

съ тѣмъ, что явилось плодомъ работы ихъ фантазіи, и окружающей міръ представляется имъ поэтому совершенно особеннымъ. Къ сожалѣнію, при воспитаніи дѣтей мало вниманія обращаютъ постоянно на эту особенность ихъ ума,—напротивъ, имъ даже приносятъ очень часто вредъ, тѣмъ, что наполняютъ и безъ того таинственный для нихъ міръ всякимъ вымысломъ и сверхъестественностью. Эти лѣшіе, колдуны, вѣдьмы и бабы-яги не только не необходимый, но даже вредный элементъ дѣтскихъ сказокъ, который чрезмѣрно возбуждаетъ слишкомъ впечатлительный умъ ребенка. Вѣдь цѣль вымысла—это сдѣлать для ребенка болѣе интересной сѣную обыденную жизнь, сдѣлать все окружающее болѣе заманчивымъ и увлекательнымъ. Нужно ли распространяться о томъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута инымъ, менѣе вреднымъ путемъ, при которомъ не имѣть мѣста чрезмѣрное возбужденіе со всѣми его послѣдствіями?

Заканчивая этимъ настоящую статью, мы должны замѣтить, что въ ней мы обрисовали только общія черты дошкольного воспитанія, начертавши, такъ сказать, схему его, которая нуждается еще въ болѣе детальной обработкѣ. Со временемъ мы вернемся еще къ этому вопросу и тогда надѣемся подробнѣе поговорить объ отдѣльныхъ моментахъ его и точнѣе указать, чѣмъ дошкольное воспитаніе дѣтей отличается отъ послѣдующаго школьнаго и въ чѣмъ заключается его огромное значеніе для ребенка.

Д-ръ Григ. Гордонъ.

М а т ь.

Марья Николаевна собиралась на засѣданіе „Губернскаго педагогического кружка“. Было еще рано, но она спѣшила и волновалась. Все валилось у ней изъ рукъ, иголка колода пальцы, наперстокъ куда-то исчезъ. На туалетномъ столикѣ шумѣла бензиновая лампочка; щипцы для завивки волосъ сильно нагрѣлись и издавали запахъ каленаго металла. Марья Николаевна по нѣсколько разъ распускала свои волосы и снова взбивала ихъ гребешкомъ, но прическа не удавалась...

Коля, восьмилѣтній мальчикъ, сльдилъ за горячкой матери и томился. Весь домъ былъ занятъ, онъ одинъ ничего не дѣлалъ: мама одѣвалась, папа отдыхалъ, Поля гладила мамѣ юбку, Нянечка Агафья чистила мамино платье, кухарка и кучеръ пили въ кухнѣ послѣдѣній чай.

— Мамочка, скоро ты одѣнешься? спросилъ Коля.

— А что тебѣ, милый?

— Скучно...

— Сейчасъ, Коляшка, только привешусь...

Марья Николаевна взяла раскаленные щипцы и приложила ихъ къ волосамъ. Щипцы зашипѣли, и комнату наполнилъ запахъ жженыхъ волосъ.

— Мама, что это жареными перьями запахло? полюбопытствовалъ Коля.

— Ахъ, отстань ты отъ меня, отвѣтила мама, обжигая себѣ пальцы и лобъ.

— А скоро ты будешь готова?

— Какой ты, право, нетерпѣливый! Надо же мнѣ одѣться приличнѣе, вѣдь я єду покупать тебѣ маленькаго братца.

Прежде подобное обѣщаніе имѣло магическое дѣйствіе, но на этотъ разъ

оно потеряло свою силу. Коля недоверчиво взглянул на мать и сказал:

— Авдотья говорила, что покупают только поросенковъ!

— А ты слушай маму, а не кухарку! строго замѣтила Марья Николаевна.

— А что же ты все обманываешь, отвѣтилъ Коля.—Вотъ и теперь: мнѣ скучно, а ты...

Онъ не нашелъ, что сказать, и съ капризной гримасой легъ на кушетку.

Прошло нѣсколько минутъ...

— Ну, вотъ я и готова! сказала Марья Николаевна, отходя отъ зеркала.—Давай, мальчики, займемся чѣмъ-нибудь.

Она съ удовольствиемъ ничего бы не дѣлала, но ей было почему-то неловко передъ сыномъ. Въ другомъ углу кушетки лежала переплетенный томъ „Нивы“. Марья Николаевна, причесанная и напудренная, но еще не одѣтая, взяла книгу и раскрыла ее наугадъ. Мелькомъ взглянула она на туалетные часы: до начала заѣданія оставалось еще больше часа. Надо убить куда-нибудь ненужное время...

— Будемъ, Колюшка, разматривать вдвоемъ картинки. Смотри, вотъ „Замокъ на берегу озера въ Швейцаріи“. Какъ хорошо! какъ интересно жить въ такой чудной странѣ! Тамъ все горы, масса туристовъ, и орлы парятъ въ облакахъ...

Отъ восхищенія Марья Николаевна зѣвила. Стрѣлка часовъ подвигнулась только на двѣ минуты. Коля уткнулся лицомъ въ бархатную подушку, на которой чьей-то искусной рукой былъ вышитъ охотникъ съ необыкновенно блѣдныемъ лицомъ и яркимъ румянцемъ. Возлѣ охотника стояла собака съ поднятымъ вверхъ мордой, а надъ головой у него летѣло три утки, но такъ низко,

что ему стоило только протянуть руку, чтобы схватить ихъ.

— Но тебя, милый, кажется это не занимаетъ? продолжала Марья Николаевна.—А вотъ посмотри: „Въ степи“. Киргизъ мчится по полю на своемъ конѣ за волкомъ. Вотъ-вотъ окь догонитъ его и убьетъ нагайкой... Когда ты выростешь, ты будешь такъ же охотиться въ деревнѣ.

— Все равно ты мнѣ этого не изволишь! сказъ Коля и кисло улыбнулся.

— Ну, конечно, гоняться за волкомъ ты не сумѣешь, поправилась Марья Николаевна,—но верхомъездить будешь.

— На деревенскихъ клячахъ! прозрительно замѣтилъ Коля. Ему почему-то все было противно, и онъ придирился къ каждому слову.

Марья Николаевна перевернула нѣсколько страницъ и продолжала:

— А вотъ посмотри: „Парадъ на Семеновскомъ плацу“. Видишь, сколько здѣсь военныхъ, всадниковъ... Ты хотѣлъ бы быть кавалеристомъ?

— Нѣтъ! лаконически отвѣтилъ Коля.

— Неужели? удивленно спросила Марья Николаевна.—Позволь тебѣ не повѣрить!

— Какъ хочешь...

— Почему же ты вдругъ отказываешься отъ своей завѣтной мечты?

— Потому что ты и папа всегда не позволяете мнѣ быть военнымъ, а теперь ты спрашиваешь у меня просто такъ!

— Что это значитъ такъ?

— Да такъ, лишь бы что-нибудь сказать.

— Фи, какой ты сегодня злой и капризный! Не поймешь, чего тебѣ хочется...

Марья Николаевна отодвинулась отъ сына и стала читать какой-то разсказъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Поля съ юбкой, а за ней Агафья принесла платье.

— Барыня, пожалуйте: кружевница пришла, сказала Агафья.

Лицо Марии Николаевны ожидалось. Она захлопнула книгу и быстро вышла.

— Займите вашего любимца, сказала она на ходу нянюшкѣ.

Агафья подошла къ кушеткѣ, на которой лежалъ Коля, и ласково спросила:

— Что, Котикъ, скучаешь безъ нянѣки? Ну, мы сейчасъ найдемъ себѣ веселье... Хочешь картинки смотрѣть?

Коля сердито махнулъ головой, точно отгонялъ муху, и ничего не отвѣтилъ. Картички надоели ему хуже горькой рѣдьки. Нянюшка сѣла на коверъ, взяла книгу вверхъ ногами и неумѣлой рукой стала переворачивать по нѣсколько страницъ сразу.

— Кто тамъ пришелъ? спросилъ Коля немного погодя.

— Кружевница, милый: которая кружева продаетъ.

— Какія кружева?.. Настоящія, не нарисованныя?

— То-есть какъ это настоящія? съ недоумѣніемъ спросила нянюшка.

— И кружевница настоящая, а не такая, какъ эти замки и киргизы, что въ книгѣ? продолжалъ Коля и ударилъ ногой по „Нивѣ“, такъ что она вывалилась изъ руки нянюшки.

— Да не все ли тебѣ равно, милый! сказала Агафья.—Ты бы лучше нянѣку слушалъ, а то вотъ какой озорникъ: чуть, было, меня ножкой не зашибъ.

— Пойдемъ туда, нянѣка! решительно сказалъ Коля.

— Тамъ нѣть для тебя ничего подходящаго. Все кружева разныя...

Но Коля уже вскочилъ съ кушетки и пошелъ въ столовую. Тамъ на полу, на бѣломъ полотнѣ, лежали горы рыхлыхъ, пущистыхъ кружевъ. Мама и какая-то женщина сидѣли на корточкахъ и рассматривали ихъ.

— Сударыня, возьмите вотъ эти! говорила женщина.—Первый сортъ, самыя настоящія ярославскія, и не дорого.

Коля сталъ позади матери и внимательно смотрѣлъ на красивые узоры. Легкія какъ пухъ кружева поразили его своимъ разнообразіемъ и реальностью. Вглядываясь въ нихъ, онъ, казалось, уже начиналъ понимать ихъ замысловатые рисунки и мысленно соглашался или не соглашался съ выборомъ матери. Оживленіе ея передалось и ему.

— Мама, возьми вотъ эти! сказалъ онъ вдругъ, и глаза его заблистали отъ восторга.

Марья Николаевна съ удивленіемъ посмотрѣла на сына.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила она.

— Разматриваю кружева! отвѣтилъ Коля.—Это такъ интересно... Посмотри: эти желтые ленты похожи на кремовое пирожное или на тортъ.

Марья Николаевна купила по выбору Коли и отпустила продавщицу.

— Такъ тебѣ понравились кружева? спросила она сына.—Что же ты нашелъ въ нихъ интереснаго?

— Не знаю, мама... Но они такія красивыя и настоящія, а картинки мнѣ ужасно надоѣли!.. Да и тебѣ тоже...

Марья Николаевна съ недоумѣніемъ взглянула на Коля. Ей было рѣшительно непонятно, что картинки не занимали его, а какія-то тряпки привели въ восторгъ. Въ головѣ ея бродили

О ложномъ дальтонизмѣ и воспитаніи цвѣтового чувства у дѣтей.

отрывки педагогическихъ истинъ и пріемовъ, но они не могли помочь ей разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Сердце подсказывало ей, что въ воспитаніе надо вложить больше искренности и правды, а умъ боролся съ предразсудками...

Марья Николаевна машинально пошла въ будуаръ, перемѣнила прическу, одѣла домашнее платье и уложила приготовленные наряды. Затѣмъ она пошла къ маленькому столику, на которомъ лежали разбросанныя Колины книги, и начала разставлять ихъ по мѣстамъ. Теперь для нея было уже ясно, что въ засѣданіе она не побѣдетъ...

Съ тѣхъ поръ скуча не царила въ этомъ домѣ. Когда Коля приходилъ къ матери, она не усаживала его возлѣ себя, какъ прежде, и не развлекала его замками и киргизами. Она рассказывала ему о томъ, что было ей знакомо и интересовало ее самое. Если не о чёмъ было говорить, они молчали, но никогда уже не прибѣгали къ помощи „Нивы“...

К. Януша.

О ложномъ дальтонизмѣ и воспитаніи цвѣтового чувства у дѣтей.

На XVI съездѣ Итальянскаго Офтальмологического общества, состоявшемся во Флоренціи въ октябрѣ 1902 года, сдѣланъ былъ докладъ римскимъ окулистомъ Ромео Розелли о дальтонизмѣ у дѣтей (*Il daltonismo infantile*). Подъ „дальтонизмомъ“, какъ известно, разумѣютъ врожденную слѣпоту на цвѣта, производя это слово отъ имени знаменитаго англійскаго физика и химика Дальтона, страдавшаго означенной аномалией и давшаго (въ 1794 г.)

ея описание. Среди способовъ определенія цвѣтовой слѣпоты наибольшей распространностью пользуется проба, предложенная въ 1877 году шведскимъ врачомъ Гольмгреномъ и состоящая въ подборѣ мотковъ шерсти, кажущихся одинаковыми по цвѣту. Этимъ-то способомъ и пользовался д-ръ Розелли, изслѣдовавшій цвѣтовую способность у 100 дѣтей въ возрастѣ 4—12 лѣтъ. Оказалось громадный % слѣпыхъ на цвѣта, а именно: 27 дѣтей не различали ни одного изъ основныхъ цвѣтовъ — ни краснаго, ни зеленаго, ни фиолетового; слѣпными же на 1 или на 2 цвѣта оказались 52. У девочекъ процентъ этотъ былъ значительно меньше: среди 40 изслѣдованныхъ нашлись всего 13 дальтонистокъ и лишь 7 изъ нихъ обнаружили слѣпоту на всѣ цвѣта.

Опредѣляя цвѣтовую способность у нанимавшихся на желѣзнодорожную службу, д-ръ Розелли какъ-то разъ натолкнулся на случай дальтонизма у 25-лѣтняго рабочаго, просившагося въ кочегары. Такъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ рабочій вполнѣ удовлетворялъ предъявляемымъ требованіямъ, да къ тому же и общее впечатление произведено было имъ самое благопріятное, то Розелли попытался научить этого человѣка распознаванію цвѣтовъ и съ этой цѣлью сталъ упражнять его цвѣтовую чувствительность на моткахъ шерсти, какъ и на другихъ пробахъ. Попытка эта увенчалась успѣхомъ, и мѣсяца черезъ два кочегаръ могъ быть принятъ на службу, такъ какъ онъ сталъ правильно различать не только основные цвѣта, но и всѣ переходныя ступени.

Побуждаемый этимъ случаемъ и несколькими другими, ему подобными,

д-ръ Розелли задался цѣлью развить цвѣтовое чувство у дѣтей, не разливавшихъ цвѣты, путемъ систематическихъ упражненій. И вотъ, выбравъ изъ ихъ числа 20 чел., имѣвшихъ не менѣе 6 лѣтъ отъ рода и показывавшихъ слѣпоту на всѣ цвѣта, онъ сталъ упражнять ихъ цвѣтовую чувствительность помошью тѣхъ же мотковъ цвѣтной шерсти и по истечениіи нѣкотораго времени добился того, что всѣ эти дѣти научились различать цвѣта совершенно правильно. Въ виду такихъ результатовъ докладчикъ настоятельно советовалъ воспитывать цвѣтовое чувство у дѣтей. Указавъ затѣмъ на изданія имъ для этой цѣли 3 стѣнныя таблицы, на каждой изъ которыхъ имѣются названія 5 цвѣтовъ, отпечатанныя въ соответствующихъ краскахъ, онъ въ заключеніе выставилъ на основаніи своихъ изслѣдований слѣдующія 6 положеній:

1) Чѣмъ менѣе возрастъ дѣтей, тѣмъ легче найти у нихъ дальтонизмъ.

2) Знаніе цвѣтовъ у дѣтей находится въ прямомъ отношеніи къ ихъ умственному развитію—болѣе развитыя дѣти узнаютъ лучше цвѣта.

3) Чувствительность къ цвѣтамъ развивается значительно раньше у девочекъ, чѣмъ у мальчиковъ.

4) Красный цвѣтъ чаще всего различается дѣтьми, за нимъ слѣдуетъ фиолетовый, зеленый же распознается рѣже всѣхъ.

5) Дѣти, казавшіяся слѣпыми на цвѣта, отъ упражненій съ послѣдними становятся къ нимъ вполнѣ чувствительными, такъ что можно признать, что истинной дисхроматопсіи (разстройства цвѣтового зрѣнія) не существуетъ у дѣтей, имѣется же у нихъ лиць ахроматопсія (отсутствіе цвѣто-

вого зрѣнія) отъ недостатка упражненій, отъ незнанія цвѣтового чувства.

6) Можно думать, что слѣпота на цвѣта у взрослыхъ, если она не вызвана болѣзнью, обусловливается атрофіей цвѣтоощущающаго прибора отъ полнаго его бездѣйствія (Annali di Ottalmologia, 1903).

Мнѣніе д-ра Розелли далеко не ново: излѣчимость дальтонизма еще 30 лѣтъ тому назадъ проповѣдывалась французскимъ врачомъ А. Фавромъ, а бреславскимъ профессоромъ Гуго Магнусомъ въ свое время предложена была и таблица (съ цвѣтными картами) для упражненія цвѣтового чувства въ школахъ. Но съ этимъ взглядомъ на дальтонизмъ не всѣ согласны, и представителемъ противоположнаго взгляда является одинъ изъ извѣстнѣйшихъ гигиенистовъ, проф. Конъ, который слѣдующимъ образомъ выражается о лѣченіи дальтонизма въ своемъ руководствѣ по гигиенѣ глаза (Lehrbuch der Hygiene des Auges, 1892): „Встрѣчая среди женщинъ менѣе слѣпыхъ на цвѣта, чѣмъ среди мужчинъ, не только вывали это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что, много занимаясь съ цвѣтными предметами, женщины будто бы лучше развиваются свое цвѣтовое чувство, а отсюда дѣлали выводъ, что и въ школахъ слѣдуетъ воспитывать цвѣтовое чувство предъявленіемъ различныхъ цвѣтовъ. Между тѣмъ, отсутствие цвѣтового чувства—что отсутствіе глаза: никакія упражненія не въстановятъ другого глаза. Что можетъ быть воспитано, это лишь умѣніе правильно называть цвѣта“. Проф. Конъ и самъ изслѣдовалъ цвѣтовое чувство у дѣтей, а именно, въ 1877 г. имъ изслѣдованы были цвѣтовая чувствительность у 3.490 учащихся въ бре-

славскихъ школахъ, при чёмъ онъ не ограничивался однократнымъ изслѣдованиемъ, а много разъ убѣждался въ вѣрности показаний самыми точными пробырочными испытаниями. Извѣдая такимъ образомъ, онъ напечь среди 2.429 учениковъ 4% слѣпыхъ на цвета,—иначе говоря, не менѣе 97 чел. должны были быть неизлѣчимыми дальтонистами на всю жизнь; среди ученикъ же, коихъ было 1.061, не оказалось ни одного такого случая.

Однако же, и данная проф. Кона подвергнуты критикѣ и въ свою очередь признаны не безупречными. Сдѣлано это было весьма недавно тюбингенскимъ профессоромъ Карломъ Грюнертомъ, выступившимъ въ „Graefe's Archiv für Ophthalmologie“ (1903) съ весьма обстоятельной статьей о полной врожденной слѣпотѣ на цвета. Проф. Грюнертъ приводить изъ литературы всѣ точно описанные случаи полного дальтонизма, — всего такихъ случаевъ имъ собрано около 40 (за 1860—1902 гг.), — прибавлять къ нимъ 5 собственныхъ и на основаніи всѣхъ этихъ наблюдений даетъ картину дальтонизма, подъ которую совершенно не подходятъ ни наблюденія д-ра Розелли, ни описание проф. Кона: дальтонизмъ въ означенныхъ случаяхъ сопровождался цѣльмъ рядомъ другихъ ненормальностей зрѣнія, и эти ненормальности были до того типичны и до такой степени гармонировали съ недостачей цветового чувства, что невольно зарождается сомнѣніе въ подлинности тѣхъ случаевъ дальтонизма, гдѣ подобныхъ явлений не было. Наиболѣе постояннымъ изъ такихъ спутниковъ дальтонизма являлось значительное ослабленіе остроты зрѣнія, оказывавшейся обыкновенно не выше

0,2—0,3 противъ нормы. Второе място по частотѣ занимала свѣтобоязнь, проявлявшаяся характернымъ выраженіемъ лица — лобъ въ морщинахъ, брови сдвинуты, вѣки сожмурены и голова наклонена впередъ. Наконецъ, рѣже всего, но все же довольно часто встрѣчалось безпрестанное качаніе глазъ, усиливавшееся при сосредоточиваніи взгляда на какой-нибудь предметъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ разнородныхъ наблюденій надъ дальтонизмомъ и противорѣчивыхъ взглядовъ на его излѣчимость становится очевиднымъ, что приходится различать между истиннымъ дальтонизмомъ и ложнымъ, что истинный дальтонизмъ возможенъ и у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, и что лишь при такомъ дальтонизмѣ безполезно учить дѣтей пониманію цветовъ. При ложномъ же дальтонизмѣ, съ которымъ, повидимому, имѣется дѣло въ громадномъ большинствѣ случаевъ, воспитаніе цветового чувства вполнѣ умѣстно. Весьма возможно, что и небольшой, сравнительно съ получившимся въ изслѣдованіяхъ д-ра Розелли, % дальтонистовъ у проф. Кона въ весьма значительной степени обусловливается невольнымъ упражненіемъ цветового чувства при повторныхъ пасѣданіяхъ и что при еще болѣе продолжительныхъ пробыркахъ оказалось бы еще меньше слѣпыхъ на цвета. Возможно также, что и въ составѣ того % дальтонистовъ, который установленъ быть массовыми изслѣдованіями взрослыхъ людей въ разныхъ странахъ, — 3% у мужчинъ и 0,3% у женщинъ, — тоже вошло не мало ложныхъ дальтонистовъ съ правильно устроеннымъ, но недостаточно развитымъ приборомъ для ощущенія цветовъ. Образуется ли и въ самомъ

дѣлѣ съ годами атрофія этого органа отъ неупотребленія, какъ полагаетъ д-ръ Розелли, трудно решить: случай съ 25-лѣтнимъ кочегаромъ какъ будто противорѣчить этому мнѣнію. Но что взрослого человѣка, не сумѣвшаго усвоить себѣ различіе между цветами, несмотря на то, что они столь часто попадаются въ обыденной жизни, какъ и въ природѣ,—что такого человѣка труднѣе научить пониманію цветовъ, чѣмъ ребенка, который не знаетъ цветовъ просто потому, что ему не приходилось съ ними близко сталкиваться и когда-либо надѣй ними задумываться, ясно само собою. Понимать же цвета, и тонко ихъ понимать, не только важно въ эстетическомъ отношеніи, но и крайне необходимо для лицъ всевозможныхъ профессій, будь то машинистъ, ведущій поездъ, или морякъ, направляющій судно, будь то купецъ, торгующій шелками, или художникъ, рисующій въ краскахъ. И ужъ одно то обстоятельство, что отрицательный результатъ испытанія на цветовую чувствительность можетъ неожиданно поставить преграду давно намѣченной дѣятельности, въ то время какъ свое временное упражненіе этой чувствительности — путемъ ли вышиванія означенныхъ таблицъ, предъявленіемъ ли мотковъ цветной шерсти, или инымъ какимъ-либо способомъ—могло бы, быть можетъ, предотвратить эту неожиданность, уже это одно должно побуждать къ воспитанію цветового чувства у дѣтей. Въ тѣхъ же случаяхъ, где способность къ познанію цветовъ дѣйствительно отсутствуетъ, где существуетъ истинный дальтонизмъ, не поддающійся излечению, подобная попытка къ воспитанію цветового чувства дадутъ возможность за-

благовременно обнаружить порокъ развитія и такимъ образомъ предупредить безплодную трату силъ и цѣлый рядъ тяжелыхъ разочарованій.

Д-ръ Р. Кауль.

Миша и поросенокъ.

— Что же, Коля, оставимъ поросенка или нѣтъ? Чего жъ баба будетъ тамъ дожидаться?

Эти слова заставляютъ маленькаго Мишу раскрыть глаза. Онъ лежитъ въ своей кроваткѣ, рядомъ съ постелью матери. Черезъ голубую сѣтку и желѣзный узоръ кровати ему видны: стоящий передъ зеркаломъ папа, который причесываетъ себѣ гребешкомъ голову, нянѣка Пелагея у дверей и мама, которая собирается вставать съ постели.

— Да какъ знаешь... говорить папа:— не по карману, въ сущности, поросенята, а впрочемъ... потрогайся, конечно.

— Вона меньче, якъ рубля зъ гравеныкомъ, не хоче! отзыается Пелагея: — Порося жъ такы ничего соби— кругленьке... отъ подыметься, я заразъ принесу...

Громкій разговоръ отрезвляетъ Мишу отъ сна, и онъ приподымаетъ съ подушками голову. Ему скоро должно стукнуть три года, и поэтому некоторые вещи для него болѣе или менѣе понятны. Повторенное нѣсколько разъ въ разговорѣ слово „поросенокъ“ будить въ немъ воспоминаніе о какой-то такой смѣшной штукѣ, въ родѣ собаки, съ ножками и хвостикомъ, а обѣщаю Пелагея принести показать эту штуку—вызываетъ нѣкоторое соображеніе, заставляющее Мишу стремительно вскочить на ноги и въ

одну секунду совершилъ акробатический перелазъ изъ своей кровати на постель къ матери. Послѣдняя испуганно протягиваетъ руки, но Миша уже сидитъ около нея.

— Мама, мама! Иняня принесетъ мнѣ по-по-росѣнка?.. бормочеть онъ заплетающимся немногимъ послѣ сна языкомъ и съ ожесточеніемъ протираетъ кулаками заспанные глаза.

Въ ту же секунду въ дверяхъ спальни показывается Пелагея съ маленькимъ бѣлорозовымъ поросенкомъ, котораго она держитъ въ рукахъ, на манеръ спеленатаго младенца.

Зрѣлище получается слишкомъ эффектное, чтобы Миша могъ оставаться къ нему равнодушнымъ: онъ взвизгиваетъ отъ радости и застыаетъ съ протянутыми впередъ руками и выражениемъ полнаго блаженства въ широко-раскрытыхъ глазахъ. Однако дальнѣйшія события повергаютъ его въ недоумѣніе. Вмѣсто того, чтобы отдать какъ можно скорѣе этого потѣшнаго поросенка Мишѣ, Инянка не выпускаетъ его изъ своихъ рукъ: она вертитъ поросенка передъ мамой во все стороны, а тотъ бѣтсѧ и дрыгаетъ ногами. Все это становится подъ конецъ невыносимымъ, и Миша не въ силахъ больше терпѣть: его нижняя губа оттопыривается, носъ сморщивается, большие и круглые, какъ пятачи, глаза превращаются въ щелочки, и вдругъ весь онъ разражается слезами:

— Даѣ, даї его! да-а-ай!..

Весь міръ исчезаетъ въ Мишиныхъ глазахъ, онъ не слышитъ, какъ уходитъ на службу отецъ, какъ Пелагея говоритъ: „...Ты нехай, нехай трошки погрѣйтся—вою чистеньке!“ и получаетъ возможность понимать только

тогда, когда пущенный въ постель поросенокъ, стараясь забиться въ уголъ между подушками, почти сбиваетъ его съ ногъ. Миша мгновенно ляѣтъ, однако не надолго; скоро на лицѣ его снова появляется выраженіе недоумѣнія, такъ какъ онъ замѣчаетъ, что поросенокъ вовсе не хочетъ играть. Различные поощрительные пріемы, въ родѣ вытаскиванія поросенка изъ угла за ноги и за уши, совершенно не достигаютъ цѣли, и растерявшійся Миша собирается пустить въ ходъ единственное, оставшееся въ его распоряженіи средство, т.-е. чмокнуть конфузливаго ѿѣрька въ пятакъ, но въ это время Пелагея протягиваетъ руку, беретъ поросенка подъ мышку и уноситъ его на кухню. Миша поражается, какъ громомъ, на него находить что-то въ родѣ столбяка, разрѣшающагося въ заключеніе цѣльмъ потокомъ слезъ.

Мать теперь уже раскаивается въ томъ, что позволила прислугѣ дать мальчику напграться съ поросенкомъ, и ей стоятъ огромныхъ усилий успокоить Мишу, въ ходъ идутъ первыя попавшіяся на мысль увѣщанія.

— Слушай, Миша! говорить мать:— свинка вернется... она поѣхала на извозчикѣ въ лавку и привезетъ тебѣ конфетокъ, пирожнаго... Смотри-ка: вонъ она ёдетъ на извозчикѣ! Видишь? Вонъ—вонъ!..

Миша приподымає голову и съ сильнейшимъ любопытствомъ таращитъ круглые глаза въ окно.

— На извозчикѣ? спрашиваетъ онъ сквозь слезы.

— На извозчикѣ.

— Свинка... привезетъ конфетку?

— Привезть, привезть, дѣтка! говоритъ мать.—А теперь давай свои ножки, будемъ одѣваться.

Миша улыбается и вытирает ру-
башонкой остатки слезъ на щекахъ.
Онъ успокоился окончательно и уже
безъ слезъ позволяетъ надѣть на себя
чулки, туфельки и прочее. За то вре-
мя, пока его одѣваютъ, блуждающей
по комнатѣ его взоръ натыкается
на корзинку съ игрушками въ углу;
образъ поросенка мгновенно тускнѣеть
и исчезаетъ, уступая мѣсто сѣрой въ
яблокахъ картонной лошадкѣ, которая
выставила изъ корзинки грустные
остатки когда-то пышнаго мочалнаго
хвоста и единственную искалеченнуу
заднюю ногу.

Спустя полчаса Миша начинаетъ
свой трудовой день: онъ носится по
комнатамъ, натыкаясь на столы, цѣп-
ляясь за стулья и ежеминутно рискуя
стукнуться головой объ какой-нибудь
уголь; запрягаєтъ стулья въ лошадей,
потомъ самъ впряженіе за лошадь въ
свою кроватку и, въ заключеніе, дѣ-
лаєтъ блестающую операцию картонной
лошадкѣ, которой откусываетъ по ко-
ренъ послѣднюю ей ногу. Послѣ этого
онъ смироу осаживается на полу среди
состроенного имъ винегрета изъ игру-
шекъ и, устремивъ куда-то вдалъ свои
сѣрые круглые глаза, начинаетъ рас-
качиваться бѣлокурой головкой изъ
стороны въ сторону въ тактъ сочи-
ненной имъ самимъ мелодіи:

„Сорока—ворона! Ворона—сорока!
Дамъ кусочекъ молочка,
Дамъ кусочекъ пирожка...“

— Мама! не пріѣхала еще свинка?
совершенно неожиданно обрываетъ онъ
вдругъ пѣсню и поворачивается къ
матери.

— Что такое? не понимаетъ мать.—
Ахъ, нѣть! вспоминаетъ она утренній
разговоръ:—не пріѣхала еще. Сиди

смирненько, играй — и не мѣшай мнѣ
работать!

Въ три часа возвращается со службы
отецъ. Миша хорошо знаетъ это время:
когда папа приходитъ откуда-то домой,
онъ прежде вѣлуетъ маму и его, а
потомъ говоритъ: „Ну что же, какъ бы
насчетъ обѣда?“ Это значитъ, что Миша
скоро пойдетъ въ комнату, где стоитъ
круглый столъ: тамъ мама посадить
его на высокій стульчикъ, а потомъ
няня принесетъ кушать супъ, котлеты
или еще что-нибудь.

За обѣдомъ Миша больше играетъ
ложкой въ своей тарелкѣ, чѣмъ есть
налитый ему супъ. Онъ не отличается
аппетитомъ, и поэтому мать должна
кормить его сама, насиливо заливая
ему ротъ. Наконецъ, супъ съѣденъ; Миша
отдувааетъ щеки и облегченно
заявляетъ:

— Всё!

Онъ некоторое время молчитъ и
вдругъ выпаливаетъ:

— А пирожного дашь?

— Пирожного нѣть, говоритъ мать:—
но, если ты будешь умницей и будешь
хорошо кушать, то я послѣ обѣда дамъ
тебѣ конфетку.

Миша щурить глаза и улыбается,
предвкушая наслажденіе отъ конфетки,
но затѣмъ глаза его принимаютъ такое
выраженіе, какъ-будто онъ забылъ
что-то очень важное и нужное и ни-
какъ не можетъ вспомнить, что это
это такое; онъ разсѣянно смотритъ на
свою ложку и уже раскрываетъ ротъ,
чтобы спросить о чёмъ-то мать, но та
въ это время поворачивается къ при-
слугѣ:

— Пелагея, неси поросенка...

Миша вдругъ подпрыгиваетъ на
стулѣ, точно отъ электрическаго толчка,
лицо его сначала краснѣеть, а затѣмъ

сплывается въ самую осьпительную лыбку. Магическая фраза матери воскрешаетъ въ его памяти всю утреннюю сцену и неотразимый образъ поросенка въ ореолѣ изъ конфетъ и пирожныхъ. Отъ волненія онъ теряетъ даръ слова и только вертится во всѣ стороны на стулѣ, не спуская съ дверей блестящихъ торжествомъ глазъ.

Наконецъ показывается Пелагея, но она несетъ совсѣмъ не свинку! Въ рукахъ у нея блюдо съ чѣмъ-то темнымъ, какъ жаркое. Пелагея подходитъ ближе, ставить блюдо на столъ... и глаза у Миши вдругъ расширяются и дѣлаются громадными, а все лицо принимаетъ выраженіе того момента, когда непониманіе переходитъ въ безъ счетный и безграницный ужасъ. И за тѣ нѣсколько мгновеній, пока онъ силился оторвать свои, животныя ужасомъ наполненные глаза отъ сиящаго на блюдѣ съ выскalenыми зубами, образцово зажаренного поросенка, въ его маленькой головѣ вихремъ проносятся проблески первыхъ, чуждыхъ ему до сего времени, настоящихъ, мучительныхъ мыслей, изъ которыхъ одна, самая яркая, осьпительной молнией вдругъ врѣзывается въ его дѣственное сознаніе и пронизываетъ все его крохотное существо ощущеніемъ, чего-то незвѣданного еще, болѣе чернаго, чѣмъ букъ, и такого страшнаго, что Миша не выдерживаетъ: онъ вскрикиваетъ и, откинувшись назадъ, заливается пронзительнымъ плачемъ:

— Не надо кушать свинку-у-у!!.

— Что ты, что ты, дѣтка! Богъ съ тобой! пугается мать.—Это не свинка, это жаркое!

Отецъ дѣлаетъ удивленное лицо, то быстро находится въ размаху

перехватываетъ ножъ поросенка, стараясь быстрѣе разрѣзать его на куски. Пелагея торопливо уноситъ на кухню испугавшую мальчика голову поросенка, а отецъ обращается къ женѣ съ недовольнымъ видомъ:

— И зачѣмъ это было показывать ему живого? — Смотри-ка, Миша! говорить онъ:—это не свинка, это такъ—только похоже на свинку... Эхъ, ты, братъ, трусишка! Гляди-ка, видишь—это жаркое!

Миша пугливо косится на блюдо, но свинки тамъ уже дѣйствительно нѣть! Шапа говорить правду—это жаркое, вонъ и кашика насыпана... Страхъ понемногу начинаетъ проходить, и Миша успокаивается, а черезъ минуту онъ уже прилежно трудится, стараясь обгладать ребрышко поросенка, которое сунули ему въ руку. Онъ весь погрузился въ это занятіе, зато неустающая фантазія замѣтно теперь сильнѣе стала работать въ его маленькомъ перебудораженномъ мозгу, потому что онъ на секунду задумывается и вдругъ поворачивается къ матери, протягивая руку съ обглоданной косточкой къ окну:

— Смотри, мама, смотри!.. Вонъ, вонъ ёдетъ свинка, везетъ Мишѣ конфетки!..

B. Тулевичъ.

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

Какъ известно, учредительное собрание всероссийского „Союза для борьбы съ детскою смертностью“ состоялось 18-го января 1904 г. въ Петербургѣ. Число желающихъ вступить въ члены союза къ тому времени достигло до

630 человѣкъ — самыхъ разныхъ профессий. Тогда же, на собраніи, между прочимъ внесено было предложеніе, чтобы союзъ своей годовщиной считалъ первое воскресеніе послѣ Рождества, когда церковь празднуетъ избавленіе спасшихся отъ продова избенія младенцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы въ этотъ день повсемѣстно производился церковный сборъ въ пользу „Союза“. Уже ко дню учредительного собранія взносовъ и пожертвованій поступило болѣе полутора тысячи рублей, да кромѣ того были обѣщаны постоянные ежегодныевзносы.

Мы говоримъ „уже“, — принимая въ расчетъ общее убѣственное, дѣствительно почти „иродово“ равнодушіе общества къ дѣтской смертности.

Въ настоящее время мы съ удовольствіемъ можемъ констатировать, что идея борьбы съ этимъ равнодушіемъ крѣпнетъ мало-по-малу, даетъ ростки. Такъ изъ Екатеринбурга, этой „столицы Урала“, центра уральской горно-промышленной дѣятельности, въ „Нов. Время“ пишутъ:

„16 октября въ аудиторіи музея общества любителей естествознанія состоялось многочисленное учредительское собраніе по организаціи первого въ Россіи мѣстнаго отдѣла „Союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи“. Собраніе происходило подъ предѣдательствомъ инициатора возникновенія этого союза (уставъ котораго уже утвержденъ), предѣдателя Уральскаго медицинскаго общества, земскаго врача Н. А. Русскихъ“.

На собраніи между прочимъ констатировалось, что, какъ показываютъ многочисленныя изслѣдованія врачей и этнографовъ, Россія по дѣтской

смертности стоитъ „въ числѣ другихъ цивилизованныхъ странъ на первомъ мѣстѣ“. Особенно поражаетъ въ этомъ отношеніи сѣверо-востокъ (Пермская губернія), где смертность мѣстами достигаетъ болѣе 50 процентовъ на 1-мъ году жизни (еще не принимается, значитъ, въ расчетъ смертность дѣтей на послѣдующихъ годахъ жизни!).

Изслѣдователи указывали, что многія причины этого печального явленія устранимы. Нѣкоторыя мѣропріятія общественнаго характера, каковы, напр., „ясли“, являются попыткой къ практическому разрешенію вопроса о борьбѣ съ дѣтской смертностью, но ихъ такъ немногого на всю Россію, что о сколько-нибудь серіозномъ значеніи ихъ пока не можетъ быть рѣчи. Число „яслей“ должно быть увеличено въ сотни разъ. Не одни „ясли“ должны стоять въ программахъ борьбы, а цѣлый рядъ другихъ мѣръ, и когда всѣ эти мѣры будутъ соединены общей идеей, организованы въ систему, когда къ борьбѣ съ дѣтской смертностью будетъ привлечено много лицъ, могущихъ оказать свое содѣйствіе, тогда можно будетъ надѣяться на какой-либо успѣхъ“.

Люди, могущіе оказать въ данномъ случаѣ содѣйствіе, вообще страшно необходимы. Врачи и этнографы пишутъ, что особенно страдаетъ отъ дѣтской смертности „сѣверо-востокъ“. Цифры, поистинѣ ужасныя цифры, однако показываютъ, что „сердце Россіи“ — Москва можетъ смѣло конкурировать въ этомъ отношеніи съ „сѣверо-востокомъ“. Возьмемъ первый попавшійся подъ руку недѣльный подсчетъ умершихъ въ Москвѣ, и мы прочтаемъ тамъ слѣдующее: „За п-дѣлю съ 34-го по 30-е октября въ Москвѣ умрло 578 человѣкъ, въ томъ числѣ

нѣй до пятилетнаго возраста 336 въ частности дѣтей московскаго питательного дома 128". Необходимо къ этому добавить, что въ общее число умершихъ входитъ 45 человѣкъ прѣжнихъ. Какой-то кошмаръ! Дѣти мрутъ, какъ мухи. Хуже всякой войны.

Послѣ подобныхъ извѣстій душа отдыаетъ даже на частичныхъ проявленіяхъ заботы о дѣтяхъ. Въ кievской прессѣ читаемъ слѣдующее отрадное сообщеніе:

„Вновь открытое въ Кіевѣ зданіе лѣчебницы для хронически больныхъ дѣтей представляеть собою 2-хъ этажный каменный особнякъ, выходящій фронтомъ на Козловскую улицу. Зданіе построено по проекту одесского архитектора А. Б. Минкуса. Постройка его обошлась въ суммѣ около 100.000 р., при чёмъ половину этой суммы пожертвовала почтенный членъ общества лѣчебницы для хронически больныхъ дѣтей Бродскій“.

Не лишне здѣсь будетъ также привести нѣкоторыя дамныя отчета ветеринарного врача г. Чугина дѣятельности приюта-яселей въ с. Никольскомъ, Астраханской губ., помѣщеннаго въ мѣстныхъ „Губ. Вѣд.“. Приютъ дѣйствовалъ въ 1904 г. $2\frac{1}{2}$ мѣсяца. Въ общемъ, за все время существованія приюта, дѣтьми проведено было 75 днеп. Чорядокъ для въ содержаніи дѣтей былъ установленъ слѣдующій: въ 8 ч. утра давался чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и по 1 или по 2 яйца; въ 12 или въ 1 часъ для обѣда изъ одного горячаго мясного блюда съ чернымъ хлѣбомъ; въ 5 ч. вечера чай съ бѣлымъ хлѣбомъ; въ 8 часовъ — ужинъ — рисовая или пшененная молочная каша. Хлѣбъ и мясо ежедневно выдавались на одного питомца по такому приблизительно ра-

счету: 1 фунтъ бѣлаго хлѣба, $\frac{1}{2}$ ф. чернаго и отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ф. мяса. При такомъ питаніи ежедневно полное содержаніе каждого дитяти обходилось въ 12 коп. Изъ отпущеныхъ 200 р. на устройство приюта израсходовано 63 р. 44 к., а на содержаніе 136 р. 45 к. Уходъ за дѣтьми и варка пищи были поручены двумъ наемнымъ нянькамъ. „За время существованія приюта съ дѣтьми не было ни одного несчастнаго случая и ни одного серіознаго заболѣванія; не было даже обычныхъ въ эту пору желудочно-кишечныхъ разстройствъ. Населеніе отнеслось къ приюту съ довѣріемъ и вполнѣ благосклонно, въ чёмъ автора отчета убѣждаютъ во 1-хъ добровольный приездъ дѣтей родителями и во 2-хъ нѣсколько случаевъ добровольныхъ пожертвованій со стороны крестьянъ“. (Цитировано со словъ „Астрах. Листка“).

Въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ извѣстно, устраиваются въ настоящее время сберегательныя кассы. Учитель подаетъ въ казначейство заявление, что желаетъ въ училище открыть кассу и просить выслать ему на извѣстную сумму марокъ и для наклейки послѣднихъ соотвѣтствующее количество карточекъ. Затѣмъ учитель объявляетъ дѣтамъ, что при ихъ училищѣ открывается касса и просить дѣтей беречь каждую копейку и покупать марки. На этой почвѣ дѣти, очевидно — увы! — не проявилия въ достодолжной степени духомъ „сбереженій“, создали, по словамъ корреспондента „Бирж. Вѣд.“, довольно своеобразную „игру“. „Со дня открытия кассы они каждую перемѣну толпятся около учителя, покупая марки, преимущественно копеечныя, и наклеивая ихъ на карточку. Когда марокъ на карточкѣ будетъ на-

克莱но на рубль, учитель препровождаетъ карточку въ казначейство, тамъ ученику выдается сберегательная книжка, въ которую заносится его рубль, и онъ становится вкладчикомъ казначейства. По конечкѣ до другого рубля не скоро насбираешь. Но ребята скоро смекнули, въ чемъ дѣло. Изъ казначейства сами или чрезъ учителя они берутъ свои рубли обратно и опять начинаютъ покупать марки до рубля. Рубль кладется на книжку, опять берется обратно, опять покупаются марки и т. д. Учениковъ, какъ дѣтей, забавляетъ самый процессъ покупки и наклейки марокъ. Въ результатѣ, учителя и служащіе въ казначействѣ измучены, ибо каждый рубль, при поступлениі въ казначейство и взятіи его обратно, проходитъ черезъ множество рукъ и заносится во множество книгъ».

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ имѣлъ мѣсто невѣроятный фактъ. Уѣздное земское собраніе постановило закрыть одну изъ старѣйшихъ школъ въ уѣзда; поводомъ послужило то обстоятельство, что сельское общество не могло возвратить ссуду на содержаніе школы, и за нимъ накопилась недоимка въ 300 рублей. Такимъ образомъ, чистопольское земство наказало дѣтей „за грѣхи ихъ отцовъ“. Ужъ не полагаютъ ли эти земцы, что будущее ненѣжественное поколѣніе отличится большой платежеспособностью по сравненіи съ своими отцами? Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Нагляднымъ подтвержденіемъ этой пословицы можетъ служить слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто, по словамъ „Од. Л.“, въ Одессѣ.

Нѣкто Н. Гончаренко потерялъ 1.700 рублей. Счастливчикомъ, нашедшимъ ихъ, оказался служившій у г. Гончаренко юнецъ М. Левенсонъ. Обнаруженіе находки произошло при такихъ обстоятельствахъ.

Чины сыскной полиціи обратили вниманіе на трехъ юнцовъ, которые съ такимъ же числомъ дѣвочекъ-подростковъ въ послѣдніе дни въ двухъ экипажахъ катались по разнымъ улицамъ города, посѣщали театры, ужинали въ лучшихъ ресторанахъ и за все расплачивались съ рѣдкой щедростью. Наконецъ, около 11 часовъ вечера, „подающіе надежды“ юнцы лихо подкатили къ цирку, где и заняли ложу. Юнцы блестѣли свѣжестью костюмовъ, золотыми кольцами и такими же часами. Дамы-дѣвочки были одѣты по послѣдней модѣ. Въ тотъ моментъ, когда оригиналльная компанія весело и беззаботно болтала, чины сыскной полиціи заявили имъ, что они арестованы. Оказалось, что Левенсонъ, составивъ компанію изъ сверстниковъ, задавалъ тонъ присяжного жуира. У него при задержаніи обнаруженъ былъ острый ножъ, которымъ, по словамъ его товарищей по кутежамъ, онъ собирался убить всякаго, кто бы посмѣлъ пожелать его арестовать. Всѣ они дѣти бѣдныхъ родителей. У юной и расточительной компаніи изъ 1.700 рублей найденъ былъ только остатокъ въ 672 рубля».

Каковъ общий тонъ жизни, таковы и дѣти.

B. Измайлова.

Отчетъ о засѣданіи Родительскаго Кружка 23 октября 1904 года *).

Первое въ 1904—5 уч. году засѣданіе Родительскаго Кружка, вступающаго въ третью десятилѣтіе своего существованія, прошло оживленно.

По открытии засѣданія предсѣдательствующій П. А. Литвинскій почтилъ школьнѣкими теплыми словами инициаторовъ — основателей Родительскаго Кружка. А. С. Виреніусъ, какъ врачъ-гигиенистъ, постоянно знакомилъ общество съ иностранной литературой по своей специальности. В. П. Коховскій, самъ занимавшійся воспитаніемъ своихъ дѣтей, сообщалъ свѣдѣнія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ семейного воспитанія. Прот. А. Мальцевъ читалъ дневники своихъ дѣтей. Много цѣннаго материала вносили по-коиній А. Н. Кирпотенко. П. Ф. Каптеревъ помогалъ научно обосновать наблюденія надъ дѣтской природой. Благодаря близкому участію въ жизни Кружка А. Н. Альмедингена, который знакомитъ съ дѣятельностью Кружка провинціальныхъ читателей „Воспитанія и Обученія“, въ многихъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества возникли Род. Кружки. Нерѣдко отъ нихъ поступаютъ запросы и въ самый Кружокъ и въ ред. „Восп. и Обученія“.

Когда въ обществѣ заговорили о болѣе близкомъ общеніи школы съ

*) На засѣданіи присутствовали: Предсѣдательствующій П. А. Литвинскій, А. С. Виреніусъ, Н. С. Карцовъ, прот. А. И. Маляревскій, д-ръ Кацъ, проф. Сопертинскій, К. В. Лукашевичъ-Хмызниковъ, И. И. Кёнигъ, К. Г. Алексѣевъ, Ф. Шубинъ, Н. Абрамовъ, Е. Х. Маляревская, И. Н. Михайловъ, Ю. Н. Протопопова, Н. Л. Кошкина, И. И. Феоктистовъ. 8 челов. гостей.

семьей, Родит. Кружокъ вступилъ въ новыи фазисъ своей работы, онъ расширилъ свою программу.

Дѣлались сообщенія объ уходѣ за учащимся ребенкомъ, объ школьнѣй обстановкѣ, показывались модели классныхъ столовъ, досокъ и т. д.

Затѣмъ П. А. Литвинскій заявилъ, что онъ желалъ бы сложить съ себя званіе предсѣдателя. Присутствовавшіе на собраніи члены приступили къ выборамъ. Большее количество голосовъ получилъ Н. С. Карцовъ. На секретарскую должность избрали: Н. Л. Кошкина, К. В. Лукашевичъ-Хмызниковъ.

Послѣ выборовъ Н. С. Карцовъ поблагодарилъ общество за оказанное ему довѣріе и крупными штрихами обрисовалъ дѣятельность своего предшественника.

Послѣ этого было приступлено къ намѣченнымъ докладамъ.

Н. Л. Кошкина сдѣлала сообщеніе о принципахъ „Національнаго Союза родителей въ Англіи“. Кружокъ желалъ ближе ознакомиться съ дѣятельностью Союза по отношенію къ дѣтямъ. Для этого предсѣдательствующій обратился отъ имени Петербургскаго Родительскаго Кружка въ центральное бюро Союза, съ просьбою выслать отчетъ о дѣятельности Союза за послѣдній годъ.

Послѣ небольшого перерыва П. А. Литвинскій предложилъ бесѣду, пробудившую глубокій интересъ: „Отношеніе дѣтей къ современной войнѣ“. Война уноситъ тысячи жертвъ, тревога общества, теряющаго близкихъ — братьевъ, отцовъ, мужей,—передается и дѣтямъ. Растетъ спросъ на газету, на карту военныхъ дѣйствій. Народилась газета цѣною въ одну копейку.

Громаднымъ успѣхомъ пользуются открытые письма: портреты генераловъ, военные суда, сцены атакъ, схватокъ, гибель броненосцевъ съ соответствующими подписями, фѣлыми пѣснями, типы и виды Японіи. Между французскими изданіями нѣкоторыя исполнены художественно. Однимъ словомъ, всѣ слои общества живутъ и страдаютъ съ далекими братьями, защитниками родины. Какъ намъ направить, при этихъ захватывающихъ событияхъ, вниманіе нашихъ дѣтей? Какъ они должны относиться къ войнѣ?

Въ преніяхъ вначалѣ ясно обозначилось два теченія: для развитія патріотического чувства въ дѣтяхъ слѣдуетъ пользоваться сообщеніями, вдувшими къ намъ съ театра войны. У японцевъ сильно развита любовь къ родинѣ, они даютъ намъ хороший примеръ. Нѣтъ возможности задержать общее теченіе, нельзя притушить интересъ къ войнѣ, она слишкомъ близка сердцу каждого русскаго человѣка. Война явленіе естественное, неизбѣжное. И намъ слѣдуетъ возбуждать серьезній интересъ къ войнѣ (г. Шубинъ).

Большинство склонялось, однако, къ тому мнѣнію, что задача воспитанія развивать гуманитарные чувства въ ребенкѣ и всѣми силами тормозить проявленіе низменныхъ инстинктовъ. Если со взрослыми нужна осторожность, то тѣмъ болѣе съ дѣтьми. По возрасту затрагивать и вопросы. Война явленіе ненормальное, не христіанско. Дѣти не въ силахъ уяснить себѣ отношенія націй между собой, борьбу политическихъ интересовъ. (А. С. Вирениусъ). Нельзя поощрять въ дѣтяхъ чувства радости при извѣстіи о гибели и страданіяхъ врага. Развивая патріотиче-

скія чувства, нельзя заглушать общечеловѣческія, и японцы—люди прежде всего, мы не должны убивать альтруизма. (К. В. Лукашевичъ).

На высказанное однимъ изъ членовъ мнѣніе, что вопросъ о томъ, естественное явленіе война или нѣтъ, выходитъ изъ области педагогіи и не подлежитъ нашему обсужденію, проф. С. А. Соллертинскій замѣтилъ, что онъ считаетъ этотъ вопросъ абсолютно педагогическимъ. Изъ какого инстинкта рождается интересъ къ войнѣ? Изъ стремленія разразить, разрушить. Не должны мы поощрять грубые инстинкты. Война явленіе неестественное. Мы должны приложить всѣ усилия, чтобы уяснить дѣтямъ, что война большое горе для всѣхъ настъ, что она уносить дѣтей, отцовъ, разрушаетъ семью.

Наконецъ, слово было предоставлено К. Г. Алексееву¹⁾. Онъ поставилъ вопросъ: какъ направить въ данномъ случаѣ дѣятельность дѣтей. Уже народились кружки, поставившіе себѣ цѣлью организовать личное участіе дѣтей въ удовлетвореніи нуждъ, вызванныхъ войною. Вопросъ этотъ, за позднимъ часомъ, не могъ быть исчерпанъ въ настоящемъ засѣданіи. Обсужденіе его, съ общаго согласія, было перенесено на слѣдующее собраніе, имѣющее быть черезъ двѣ недѣли, а именно 6-го ноября.

Вторая часть засѣданія, послѣ выборовъ, велась подъ предсѣдательствомъ Н. С. Карцова, который всѣ высказанныя мнѣнія резюмировалъ въ слѣдующемъ положеніи: скрывать отъ

¹⁾ Завѣдующій Спб. школой гимнастики, секретарь общ. тѣлеснаго воспитанія „Богатырь“, редакторъ журнала „Гимнастика“.

БИБЛІОГРАФІЯ.

дѣтей событий Дальнего Востока несть надобности, но сообщать ихъ и обсуждать вужно съ большою осторожностью.

H. K.

БІБЛІОГРАФІЯ.

1. **Вечерний звонъ.** 2-ое собрание стихотворений С. П. Съ 12-ю рисунками. М. 1904. Ц. 30 коп.

Это книжка не дѣтская, но она очень умѣстна въ любой семье, въ каждой школѣ. Замѣчательнымъ благодушіемъ истиннаго христіанина вѣть отъ красивыхъ, звучныхъ строкъ неизвѣстнаго, скрывшагося подъ инициалами, автора. Должно-быть, очень хороший человѣкъ этотъ авторъ. Читая его книжку, такъ и хотѣлось бы познакомиться съ нимъ, сблизиться, бѣздовать. Истинно вѣрующій, тепло любящій человѣка и жизнь авторъ сказывается въ этомъ скромномъ сборникѣ, который мы отъ души рекомендуемъ для приобрѣтенія въ семьи, желающей дать своимъ дѣтямъ воспитаніе въ христіанскомъ духѣ. Тутъ есть и переложенные въ стихи молитвы, и картинки изъ семейной жизни, и баллады, и легенды, гдѣ проходить одна и та же идея—силы вѣры въ Бога и въ Его покровительство человѣку во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ.

H. Позняковъ.

2. **Басни въ лицахъ.** Рассказы для дѣтей Е. К. Соловой. Съ рисунками С. И. Панова. Изданіе А. Ф. Девреена. С.-Петербургъ. 1904. Цѣна 80 к., въ папкѣ 1 р. 180 страницъ.

Баснями называются иносказательно-поучительные повѣствованія. Иносказательность басенъ заключается въ томъ, что, вмѣсто людей, въ нихъ совершаются разныя дѣйствія животныхъ, растенія и пр.; а поучительность въ томъ, что эти дѣйствія разсчитаны на извѣстные послѣдствія, такъ сказать, пригнаны къ нимъ. Отсюда явствуетъ, что басни, лишенныя иносказательности, пре-

вращаются въ поучительные рассказы, то-есть въ тотъ видъ словесныхъ произведеній, скучнѣе котораго трудно что-нибудь вообразить. Затѣя г-жи Солововой, какъ частный случай, только подтвердила собою высказанное общее правило. Что ни разскажь—то скучная, прескучная, да еще и длинная-предлинная рачея съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ наказать порокъ и вознаградить добродѣтель. Богъ съ ней, съ такой литературой.

B. C. L.

3. **Война и приключения оловянныхъ солдатиковъ.** Изъ воспоминаній реалиста. Рассказъ С. Р. Минцлопа. Съ рисунками художника А. П. Эйснера. Изданіе третье, А. Ф. Девреена. С.-Петербургъ. 1904. Цѣна 50 к., въ папкѣ 65 к. 75 страницъ.

Вотъ книжка, которую прочтеть съ увлеченіемъ каждый мальчикъ—не только потому, что въ ней повѣствуется о такой прелести, какъ оловянные солдатики, но и потому, даже преимущественно потому, что авторъ не прикидывается интересующимся разсказывающими приключеніями, а дѣйствительно заинтересовался ими, сумѣвъ полностью перевоплотиться въ реалиста-разсказчика. Въ такомъ перевоплощеніи и заключается тайна художественного воздействія съ одной стороны и художественного наслажденія съ другой. Это и есть та художественная правдивость, которую мы угадываемъ при помощи большаго или меньшаго художественного развитія, а наши дѣти—при помощи свойственнаго ихъ возрасту проникновенного чутья.

B. C. L.

4. **Въ сѣнѣахъ Восточной Сибири.** Приключенія американцевъ среди чукчъ (чукчей?), коряковъ и камчадаловъ. С. А. Постѣлова. Съ 18 рисунками С. И. Панова. Изданіе А. Ф. Девреена. С.-Петербургъ. 1904. Цѣна 90 к., въ папкѣ 1 р. 15 к.—203 страницы.

Среди читателей-дѣтей, какъ и среди читателей-взрослыхъ, не мало любителей исторической, этнографической и

т. п. литературы, пытающейся соединить въ своихъ произведеніяхъ поэзію съ наукой, иначе говоря—пріятное съ полезнымъ. Художественное значеніе такой литературы, конечно, не велико; но разъ существуетъ на нее спросъ, то отчего же ей не существовать?

Въ ворохѣ неизбѣжного и, пожалуй, даже преобладающаго хлама попадаютъ тутъ и хорошія вещи, къ числу каковыхъ съ чистою совѣстью можно отнести книжку г. Поспѣлова. Рассказъ о приключеніяхъ американцевъ написанъ живо и тепло, да кромѣ того украшенъ рисунками художника, не нуждающагося въ рекомендациіи.

B. С. Л.

5. Учебная хрестоматія по русской словесности. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Издание П. П. Сойкина. Часть I (курсъ 5-го класса). Ц. 1 р.—Часть II (курсъ 6-го класса). Ц. 1 р. 50 к.—Часть 3-я (курсъ 7-го класса). Ц. 2 р. Спб. 1904.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это интересное изданіе. Было бы желательно, чтобы оно поскорѣе проникло въ наши среднія учебныя заведенія и вытѣснило бы собой старѣющіяся, отжидающія хрестоматіи Галахова и Филонова, которая когда-то имѣли въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ монополію. Правда, можно бы сдѣлать нѣкоторая замѣчанія по поводу выбора материала г-номъ Сальниковымъ (такъ, напр., мимо „Писемъ пур-

тешественника“ онъ какъ бы скользнулъ, давъ изъ нихъ только четыре небольшихъ отрывка, тогда какъ „Письмамъ русского путешественника“ слѣдуетъ отводить важное мѣсто для уясненія значенія Карамзина для дальнѣйшей русской журналистики и какъ историка). Но такія замѣчанія были бы и рѣдки и мало значительны и, можно сказать, потонули бы во множествѣ похвалъ, которая по справедливости слѣдуетъ воздать г. Сальникову за его добросовѣстно, кропотливо, умѣло и, по видимому, съ любовью составленный трудъ.

H. Позняковъ.

6. Рассказы и стихотворенія изъ русской истории. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Елпатьевскій. 2-ое изданіе. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Въ свое время въ „Воспитаніи и Обученіи“ было сказано о первомъ изданіи книги г. Елпатьевскаго. Теперь вышло второе ея изданіе, которое мы усердно рекомендуемъ для приобрѣтенія въ каждую благомыслившую семью. Составитель много потрудился надъ улучшеніемъ своего труда, воспользовавшись многими, сдѣланными ему по поводу первого изданія, замѣчаніями. Отъ этого книга его много выиграла и еще болѣе, чѣмъ прежде, стала достойна самого широкаго распространенія.

H. Позняковъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Февраль — № 2.

1905.

Содѣржаніе № 2.

1. Родительская любовь. Три этюда. Н. Жариновой	49
2. Бесѣды о воспитаніи. В. С. Лихачова.	59
3. Дѣтская медицина и гигіена у древнихъ грековъ и римлянъ. Д-ра мед. А. Ви- ренуса.	63
4. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. В. Измайлова.	68
5. Отчетъ о 2-мъ засѣданіи Родительского кружка 6-го ноября. Н. Кошкиной . .	77
6. Библіографія	79

Родительская любовь.

Три этюда.

I.

Лидочка родилась въ Москвѣ. Конечно, мать берегла себя передъ этимъ по всемъ правиламъ специальной гигіиены. Врачи, подъ постояннымъ надзоромъ которыхъ находилась молодая женщина, не ожидали никакихъ осложненій, но сохранили отчасти таинственный, отчасти торжественный видъ. Ничего не было упущенено. Событие произошло при трехъ докторахъ и сестрѣ милосердія, согласно всѣмъ законамъ природы — и, главное, антисептики съ легкимъ участіемъ хирургіи. Ребенокъ родился здоровый. Молодая мать съ умиленіемъ и трепетомъ взяла его къ своей груди, — когда доктора, наконецъ, разрѣшили ей это на третій день, — но Лидочка, испробовавъ, кушать не стала: оказалось,

что изъ подготовленныхъ самыи тщательнымъ образомъ сосковъ, молоко сочится... зеленое. Огорченіе и волненіе матери были ужасны; но она разумно заставила себя смириться передъ неизрѣальнымъ явленіемъ и покорно отдала вопросъ о питаніи своего ребенка на разрѣшеніе лучшимъ докторамъ, — потому что это были три лучшіе специалиста въ Москвѣ!..

Періодъ пребыванія кормилицы въ домѣ прошелъ очень тяжело: первую пришлось разсчитать потому, что къ ней ходилъ мужъ; вторую, — потому, что на пальцѣ у нея сдѣлался нарывъ, который могъ превратиться въ гангрену; третью рѣшили оставить, несмотря на ея невѣроюю глупость, такъ какъ молоко у нея было самыи подходящимъ по химическому анализу и приливало въ изобиліи. Глупость — «классическая» глупость, можно сказать — не очень мѣшала: мать собственоручно не только пеленала и купала дѣвочку, но сама каждый разъ обмывалась кормилицѣ грудь борной кислотой до и послѣ кормленія, наблюдала за ея горячей ванной два раза въ недѣлю и строго слѣдила за ея желудкомъ; ни на какія изъ этихъ заботъ мать не жаловалась — хотя у нея въ первый же мѣсяцъ образовалась грудница, и пришлось вынести мучительный страданія. Лидочка была теперь всѣмъ смысломъ ея жизни, ея цѣлью и bla-

женствомъ; и она трепетала за это блажество почти двадцать четыре часа въ сутки... Всевинячили ли предварительно холодную воду, которую подливали въ ванночку ребенку?.. Вымыли ли борной кислотой столикъ, за которымъ дѣвочка кушаетъ?.. Выдержаны ли въ кипяткѣ машинка—прессъ, которымъ выжимаютъ для Лидочки соокъ изъ сырого бифштекса?.. Нѣть ли сегодня сквозного вѣтра на перекресткѣ, можно ли гулять?..

Время идетъ, и заботы усложняются, и страстия любовь матери, раздѣляемая отцомъ, все увеличивается. Они люди образованные, съ широкими взглядами, передовые, приносящіе много добра нуждающимся; и они хотятъ, чтобы ихъ дѣти — а ихъ теперь уже трое — выросли чуткими и разумными; и вотъ, дѣлается все, что можно придумать и осуществить: постоянно мѣняются бонны, гувернантки и прислуга,— потому что никакъ не удается найти безупречныхъ; на лѣто семья уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ ведется образцовый образъ жизни и гостить обязательно докторъ; зимняя квартира переведена за городъ, откуда мужъ ёздитъ на службу на цѣлый день ежедневно, геройски вынося эту несносную ёзду. Дѣти растутъ нервными, но далеко не глупыми; къ нимъ примѣняется много хорошихъ правилъ воспитанія, и ихъ сердечки открыты на все доброе. И — въ общемъ — они даже здоровы, т.-е. не хилы; но надъ домомъ вѣчно виситъ страхъ передъ тѣмъ, какъ бы не случилось чего-нибудь необыкновенного въ физическомъ отношеніи, — и вѣчно что-нибудь слу-чается: то у старшей дѣвочки оказывается такое желудочное явленіе, котораго доктора ни видомъ не ви-

дали, ни слухомъ не слыхали; то у второго ребенка нарывъ въ ухѣ, и надо дѣлать операцию; то у младшаго мальчика растетъ какая-то „кошечка“ въ желудкѣ; то у кухарки дифтеритъ, надо уѣзжать изъ собственного дома и жертвовать половиной имущества ради дезинфекціи; то у мужа поздно сняли гипсовую повязку съ разрѣзанного нарыва на пальце, и суставъ остался бездѣятельнымъ; то у самой матери ревматизмъ въ черепѣ!..

И такъ идутъ дни за днями; хорошие люди готовы всѣмъ интересоваться, участвовать во всякомъ добромъ дѣлѣ, во всякомъ разумномъ общественномъ предпріятіи,—но ихъ силы почти всегда скованы домашними „страхами“. Еще молодая мать, съ обаятельно-симпатичнымъ лицомъ, дѣлаетъ изъ себя чуть ли не карикатуру, нося на талии какую-то патентованную броню, „защищающую отъ толчковъ дѣтей“, и юбку на полныхъ четверть-аршина отъ земли, „чтобы не подметать микробовъ“; выѣзжая съ дѣтьми, она береть съ собой пледы, которые подкладываетъ подъ нихъ на дрожкахъ и въ вагонахъ; а по ночамъ не спить цѣлыми часами, прислушиваясь, „какъ они дышутъ“...

Я близко знаю и горячо люблю эту семью и могу еще прибавить, что эта умная, чуткая и прелестная женщина отнюдь не лишена искры юмора и въ спокойные минуты сама трунить надъ своими „страхами“ (что и позволяетъ мнѣ настроить эти страницы); но тѣмъ болѣе становится больно и обидно за нее, когда спокойные минуты проходять и наступаетъ вереница пытокъ, — отчасти валяющихся не вѣсть откуда, но въ большинствѣ случаевъ созданныхъ страстью родительской любовью.

* * *

II.

Великолѣпное помѣстье на южномъ берегу Англіи. Лордъ и леди проводятъ въ немъ, какъ полагается, вторую половину лѣта—послѣ лондонскаго сезона; затѣмъ, на осень уѣзжаютъ въ другое помѣстье, въ Шотландію, где проводятъ сезонъ охоты въ избранномъ обществѣ приглашенныхъ друзей; часть зимы идетъ на путешествіе на континентъ, или поѣздку въ Австралію, или Индію, или Нью-Йоркъ,—а весна снова встречаетъ ихъ дома, на зеленомъ южномъ берегу Англіи...

У лорда одинъ сынъ: его гордость и надежда, будущій преемникъ его титула, его богатство и общественнаго значенія. Ни самъ лордъ, ни его прелестная жена—красавица, точно сошедшая со старинной гравюры, — ни на секунду не сомнѣваются въ будущности своего единственнаго ребенка: для него дѣлается все—все, что составляетъ въ ихъ кругу, изъ поколѣнія въ поколѣніе, самое блестящее, здоровое, внимательное воспитаніе, полное смысла, интереса и ласковаго отношенія...

Круглый годъ, кроме первой половины лѣта, Реджинальдъ проводить дома, въ помѣстии. Ему уже тринацдцать лѣтъ, но общество гувернантки, съ которой онъ проводитъ все свое время, вполнѣ удовлетворяетъ умственныя и нравственныя требования мальчика: она широко-образованная женщина, одинокая, но не унылая, съ прекраснымъ чуткимъ сердцемъ, и дѣйственно всей душой отдавшаяся выпавшей ей задачѣ воспитать мальчика къ тому времени, когда ему придется уйти изъ—подъ ея вліянія въ Итонскую школу—по традиціонному обычаю высшихъ англійскихъ фамилій. Miss

Maud достаточно молода, сильна и подвижна, чтобы участвовать въ Реджинальдѣ во всѣхъ его физическихъ упражненіяхъ и развлеченияхъ,—а они составляютъ непремѣнную и крупную часть въ его воспитаніи. Ежедневно, несмотря ни на какую погоду, ониѣздятъ верхомъ или гребутъ въ лодкѣ по узенькой, но быстрой рѣчкѣ, протекающей черезъ луга имѣнія; обязательно играютъ въ гольфъ, или гоккей, или теннисъ: когда возможно, катаются на конькахъ; кроме того, ходятъ на далекія прогулки. Такое обильное пребываніе на чистомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ правильной гимнастикой, ежедневной холодной ванной и почти всегда открытыми окнами, сдѣлало мальчика сильнымъ, бодрымъ и ловкимъ. „Породистое“ сложеніе, а можетъ-быть, и „породистый“ характеръ, дѣлаютъ его воспитаніе не мучительной задачей, а интереснымъ дѣломъ, — въ особенности для такой женщины, какъ miss Maud, которая, при томъ, пользуется полнымъ довѣріемъ родителей и можетъ примѣнять свою инициативу во всѣхъ подробностяхъ. Мальчикъ уменьшаетъ природы, способный—и въ то же время добрый и не капризный, такъ что сдѣлать изъ него „джентльмена“ въ полномъ смыслѣ этого слова внимательной воспитательницѣ не трудно. Имъ хорошо вѣдоемъ: и дѣльно, и весело!.. Въ одной части большого роскошнаго дома у нихъ свое царство: своя маленькая столовая, классная комната — огромная, свѣтлая и веселая, — гимнастический и музыкальный залъ, библиотека — тоже свѣтлая и уютная, полная картинъ, скульптуры, цвѣтовъ и коллекцій, где стоятъ мягкие диванчики, и где miss Maud съ мальчикомъ проводятъ все свободные

часы за чтениемъ и разговорами. А разговоры у нихъ безконечны: miss Maud нисколько не похожа на старинныхъ гувернантокъ, игнорировавшихъ вопросы дѣтей, находя ихъ „неумѣстными“ по собственному неразвитию; нѣтъ, въ ея бесѣды съ мальчикомъ входитъ очень многое, горизонтъ его взглядовъ расширяется, и точка зрѣнія правильна. И бесѣды эти заканчиваются часто лишь передъ самымъ сномъ, когда Реджинальдъ — уже умытый и въ ночномъ халатикѣ—приходитъ съ разрѣшеніемъ miss Maud посидѣть на коврѣ передъ топящимся каминомъ въ ея комнатѣ, примыкающей къ его спальнѣ. Miss Maud садится въ кресло, мальчикъ кладетъ къ ней на колѣни свою голову, и серіозные, фантастические и веселые разговоры сменяются одинъ другимъ...

На первую половину лѣта Реджинальдъ уѣзжаетъ съ miss Maud къ берегу моря, или гостить къ одному изъ двухъ — тщательно выбранныхъ отцомъ—товарищей, или приглашаетъ ихъ къ себѣ. Такъ время и идетъ—разумно, интересно, весело. Если бы кто-нибудь спросилъ Реджинальда: „Счастливъ ли ты?“—мальчикъ искренно отвѣтилъ бы: „О, да!..“

А родители?

О, родители тоже искренно рады видѣть сына, когда они бываютъ дома: послѣ своего ранняго обѣда съ miss Maud, Реджинальдъ особенно аккуратно одѣвается, причесывается и чистить ногти и идетъ въ будуаръ матери; она каждый день позволяетъ ему сидѣть тамъ цѣлый часъ, пока она причесывается и вообще приготавливается ко второй половинѣ дня—катаю, пріему гостей, чаю и обѣду.

Реджинальдъ очень любить этотъ часъ и съ восторгомъ ждеть всегда пріѣзда родителей: они такие добрые, веселые, такъ шутить съ нимъ, рассказываютъ такие интересные случаи изъ своихъ путешествий!.. Мама такая прелестная!.. Отецъ береть его иногда съ собой показаться верхомъ—онъ такъ прекрасно єздить!—а иногда зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ и играетъ съ нимъ въ шахматы или выбираетъ ему изъ своихъ шкаповъ самыя интересныя книжки!.. А иногда бываетъ даже еще большее удовольствіе: отецъ съ матерью приходятъ къ нему въ комнаты — чай пить. Тогда веселыя хлопоты начинаются у miss Maud и Реджинальда съ самого утра: комнаты убираются сплошь цветами, приготавливаются на столикахъ самые интересные коллекціи и альбомы, miss Maud отправляется съ нимъ въ кухню — попросить повара, чтобы испекъ самые любимыя пирожки отца и матери, — и наконецъ, восторженный маленькой хозяинъ горячими объятіями встрѣчаетъ своихъ дорогихъ гостей...

Да, мальчикъ ихъ горячо любить: онъ отъ нихъ не видать ничего, кроме ласки и вниманія. Но большого онъ не требуетъ: ему въ голову не приходить, что можетъ быть иная любовь со стороны родителей, и онъ глубоко вѣритъ въ нее: развѣ отецъ и мать не заботятся устроить для него все, какъ можно лучше? развѣ у него нѣтъ интереснаго ученья, занятій, и всѣхъ этихъ удовольствій на свободѣ, и своей лошадки, и библіотеки, и рояля, и милой, доброй miss Maud?..

* * *

III.

Въ церковь родители никогда не ходят; дѣтей не обучають никакимъ молитвамъ; и на всѣ ихъ вопросы, обыкновенно смущающіе дѣтскій умъ, всегда отвѣчаютъ безъ увертоекъ, совершенно открыто и просто, какъ люди, признающіе лишь чисто отвлеченню религію — религію человѣческой совѣсти.

По своему общественному положенію они вращаются среди выдающихся людей научнаго, соціальнаго и художественнаго лондонскаго міра. Редакторъ крупнаго журнала и одинъ изъ вожаковъ либеральной партіи—отецъ могъ бы жить съ семьей въ центрѣ Лондона; но онъ предпочитаетъ уѣзжать ежедневно послѣ журнальной работы въ одну изъ ближайшихъ деревенскихъ мѣстностей, где у него есть небольшой домъ съ садомъ. Пріѣзжая домой около пяти, онъ имѣетъ возможность часа два или три до ужина работать въ саду; работаетъ онъ вмѣстѣ съ дѣтьми: выросшія среди природы, они любятъ и знаютъ деревенскій трудъ; да и всякий трудъ, всякое дѣло представляеть для нихъ интересъ: съ ранняго возраста оба мальчика видятъ вокругъ себя и отца и мать за дѣломъ и сами почти незамѣтно втягиваются въ него. Въ свободное время и отецъ и мать пишутъ или разговариваютъ съ часто пріѣзжающими друзьями о новыхъ книгахъ, о писателяхъ, о картинахъ, о событияхъ общественной жизни... Мальчиковъ никогда не высылаютъ изъ комнаты, и они постепенно втягиваются въ интересъ горячей дѣятельности и стремленіе внести въ міръ свою долю труда. Это стремленіе легко переходитъ у нихъ въ жизнь: миссисъ Тенриджъ, свободно занимаясь съ дѣтьми

лѣтъ до двѣнадцати, нисколько не раздражается и не устаетъ отъ этого дѣла, а напротивъ, находитъ пріятнымъ и возможнымъ не держать даже никакой прислуги: только разъ въ недѣлю приходитъ поденщица для крупной, грубой работы, а все приготовленіе пищи, уборку посуды и спалень и пр. дѣлаетъ она сама съ дѣтьми. Теперь старшему мальчику четырнадцатый годъ, и онъ живеть уже не дома, а въ другомъ графствѣ, въ извѣстной Бидэльской школѣ (основанной мистеромъ Бэдлей на такихъ же принципахъ): но, пріѣзжая домой на всѣ каникулы, онъ попрежнему встаетъ раньше всѣхъ, готовить завтракъ и убираетъ столовую и рабочую комнату; а послѣ завтрака моетъ и прибираетъ посуду. Мать—готовить обѣдъ и убираетъ свою спальню; младшій мальчикъ, которому теперь девять лѣтъ, убираетъ спальню свою и брата и готовить послѣобѣденный чай... И все-таки на все остается времена!.. Дѣти много читаютъ, спрашивая у родителей безъ всякаго ложнаго стыда, а съ прямотой чистаго разума, обо всемъ, что кажется имъ непонятнымъ. И искусства въ домѣ тоже не мало: всѣ играютъ на рояль и поютъ;ѣздятъ въ Лондонъ въ музеи и на выставки. Нѣтъ, конечно, безсмысленнаго, грубаго готовтанья и балагурства,—но это не значитъ, что нѣтъ юмора: мать и отецъ всегда бодры и веселы, охотно играютъ въ разныя англійскія игры на свѣжемъ воздухѣ, охотно шутятъ — и дѣти растутъ такими же. Горизонтъ ихъ интересовъ широкъ; родители не боятся сдѣлать изъ нихъ ученыхъ уродцевъ, такъ какъ этой опасности нѣтъ и въ поминѣ на общемъ свѣтломъ фонѣ ихъ жизни; и дѣти толково знакомы

съ химієй, физикою, исторієй, геологієй, астрономієй. Несмотря на то, что родители даже считали лишнимъ ихъ крестить, мальчикамъ глубоко внушено уваженіе къ свободѣ убѣжденій каждого человѣка, и они не только не высказываютъ никакихъ одобреній, когда при нихъ выражаются, хотя бы самые узкие догматические или яро-патріотические взгляды,— но не испытываютъ никакой неловкости или внутренняго пренебреженія. Мальчики чудные, иначе о нихъ выразиться невозможно. Въ наиѣшнее ужасное время войны, они нисколько не заражаются воинственнымъ азартомъ, не дѣлаютъ себѣ мечей и ружей, не рубятъ воображаемаго врага и нисколько не радуются пораженіямъ ничьей стороны: вокругъ нихъ никто не проникнуть воинственнымъ патріотизмомъ; и во времена англо-бурской войны они точно такъ же не слышали ничего, кроме справедливости по отношенію къ обѣимъ сторонамъ и чисто-христіанскаго взгляда на весь ненужный ужас войны: и сердца мальчиковъ широко раскрыты навстрѣчу милосерднымъ и высокимъ призываамъ Христа.

H. Жаринова.

Бесѣды о воспитанії.

(По личнымъ воспоминаніямъ и по наблюденіямъ надъ своими и чужими дѣтьми).

II.

Прежде чѣмъ приступить къ бесѣдѣ о возможной откровенности и о полной искренности въ нашихъ сношенияхъ съ дѣтьми, я считаю необходимымъ выяснить эти два понятия настолько, чтобы уже не опасаться никакихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Нерѣдко, говоря объ откровенности, мы разумѣемъ искренность—и наоборотъ. Происходить это частью отъ недостаточнаго знакомства съ истиннымъ значеніемъ произносимыхъ нами словъ (попросту, отъ недостаточнаго знанія роднаго языка), частью отъ не-привычки или отъ неохоты придерживаться въ рѣчи именно тѣхъ выражений, которыми устраиваются всякие кривотолки, то-есть выраженій точныхъ (опять - таки, попросту, отъ свойственнаго намъ распущенности рѣчи). Въ чемъ же разница? Чтобы на этотъ вопросъ получить удовлетворительный отвѣтъ, обратимся къ слово-производству.

Откровенный—то же, что открытый. Отсюда—откровенность, какъ свойство и какъ состояніе, ибо можно быть откровеннымъ вообще, по характеру, и можно быть откровеннымъ въ отдельныхъ случаяхъ, по отдельнымъ причинамъ. Искренность, въ свою очередь, есть свойство или состояніе искренняго, то-есть чистосердечного, прямодушнаго, правдиваго. Быть откровеннымъ значитъ ли быть непремѣнно искреннимъ? Нѣтъ. Иногда откровенность является слѣдствіемъ болтливости, неумѣлья держать языкъ за зубами: это—откровенность невмѣняемая. Иногда откровенностью мы прикрываемъ какіе-нибудь болѣе или менѣе коварные расчеты, то-есть въ обмѣнъ на свою, строго отмѣренную, откровенность норовимъ получить чужую, но уже безъ всякой мѣры: это—откровенность злоумышленная. Нитамъ, ни здѣсь искренность (чистосердечіе, правдивость) не при чёмъ. А быть искреннимъ значитъ ли быть откровеннымъ? Тоже нѣтъ. Бывають случаи, когда помѣхой откровенности

являются самые чистые и, стало быть, вполнѣ искренние, правдивыя побуждения: боязнь огорчить, обидеть, испугать и т. п. Такимъ образомъ, откровенность и правдивость представляютъ собою понятія, мало того, что совсѣмъ не тождественные, но нерѣдко и прямо противоположныя. Лживая откровенность и скрытная правдивость—далеко не безмыслицы. Но почему въ сношевіяхъ съ дѣтьми искренность требуется полная, а откровенность—только возможная? Потому, что полная откровенность между людьми немыслима, да едва ли и желательна, неполная же искренность равносильна полной неискренности.

Въ каждой человѣческой душѣ есть заповѣдный тайникъ, въ который безнаказанно никто заглянуть не можетъ. Наказаніе получается обоюдное—какъ для того, кто заглянулъ, такъ и для того, кто позволилъ заглянуть,—независимо отъ содержанія тайника. Пусть не окажется тамъ ничего дурного, пусть окажется тамъ одно хорошее: все равно. Заглянувшій неизбѣжно подвергнется укорамъ совѣсти, какъ будто онъ заглянулъ въ замочную скважину умыщенно и завѣдомо запертой двери,—а позволившій заглянуть испытаетъ такое же чувство, которое испыталъ бы человѣкъ, насильно и нежданно обнаженный передъ посторонними взорами. Посагать на чужія тайны противно нашей духовной природѣ,—говоря точнѣе, нашей совѣсти. Чѣмъ въ послѣдней больше чуткости, тѣмъ большими уваженіемъ проникнута она къ чужой тайнѣ и тѣмъ меньше способно удовлетворить ее удовлетвореніе возбужденаго чужой тайной любопытства; напротивъ, истинное удовлетвореніе получаетъ она

лишь тогда, когда ей удастся такое любопытство въ себѣ побороть. Уваженіе къ чужой тайнѣ—одна изъ потребностей нашей совѣсти; потому-то о полной откровенности между людьми не можетъ быть и не должно быть рѣчи. А поскольку неудачными оказываются попытки насиовать въ данномъ отношеніи нашу духовную природу—каждому, вѣроятно, известно по примѣрамъ если не изъ своей, то изъ чужой практики,—въ литературѣ же такую попытку съ неизгладимою наглядностью показываетъ намъ гр. Л. Н. Толстой на примѣрѣ Николеньки Иртеньева и Дмитрія Нехлюдова.

Что касается искренности, то можно ли быть вообще искреннимъ, прямодушнымъ, правдивымъ—иначе, какъ не вполнѣ? Тутъ либо все, либо ничего. Достаточно быть не то, что уличеннымъ, а хотя бы только заподозрѣннымъ въ неискренности, чтобы лишиться довѣрія по меньшей мѣрѣ на данный случай. Наклонность къ неискренности, криводушію, лживости—нельзя заключить въ предѣлы, заранѣе установленные. Человѣкъ не можетъ самъ себѣ сказать: вотъ тогда-то я буду лживъ, а тогда-то правдивъ. Вчера было такъ, сегодня иначе, а завтра—Богъ вѣсть. Если между неполною искренностью и полною неискренностью есть разница, то количественная, а не качественная. Попадетъ ли въ бочку меду ведро дегтя или только ложка—медь, все равно, будетъ испорченъ.

B. С. Лихачовъ.

Дѣтская медицина и гигієна у древнихъ грековъ и римлянъ.

Дѣтскій врачъ Ш. Сегэнъ представилъ въ медицинской факультетъ въ Парижѣ диссертацию подъ заглавиемъ: *La médecine infantile chez les Grecs et les Romains.*

Заглавие брошюры завлекательно, хотя, къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, довольно скучны и мизерны. Наибольшій интересъ представляютъ указанія на тѣ цѣлесообразныя мѣропріятія по гигієническому уходу за ребенкомъ и по лѣченію, какія служатъ для сравненія съ современными. Оказывается, что въ древности примѣняемо было не мало такихъ именно мѣропріятій, какихъ матери держатся и теперь, а то и такихъ, до какихъ не дороили онѣ еще и до сегодня.

Древняя медицина мало заботилась и о взрослыхъ, что же касается дѣтей, то на самую жизнь ихъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, а о лѣченіи, можно сказать, ничего почти и не знали. Во многихъ мѣстахъ новорожденаго ребенка показывали отцу: нравился ребенокъ, его отдавали на попеченіе матери или кормилицы; не нравился, убивали или сбрасывали въ пропасть. Крѣпкій ребенокъ выживалъ при всякомъ уходѣ, слабый погибалъ—какъ говорится — на законномъ основаніи. Правда, въ первобытныхъ условіяхъ жизни, при крѣпкихъ, здоровыхъ родителяхъ, дѣти отличались хорошимъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ, и на лонѣ матушки-природы росли и развивались энергичными и выносливыми. Система закаливанія примѣнялась къ дѣтямъ съ первыхъ дней жизни и вырабатывала въ короткое время субъек-

това, годныхъ къ борьбѣ за существование въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Отцомъ древней медицины считается Гиппократъ; о предшественникахъ его, хотя мы и знаемъ, но только изъ источниковъ литературного, но отнюдь не научного характера. У Гомера встречаются имена врачей, Махаона и Полидора, разныхъ колдуній; у него говорится о болѣзняхъ взрослыхъ, о хирургическихъ случаяхъ, но о дѣтяхъ ни слова.

Мудрый Солонъ презрительно относится къ врачебному ремеслу. У Гезіода, Геродота, Эмпедокла и др. встречаются кое-какія медицинскія свѣдѣнія по части родильницъ и новорожденныхъ, но и то по большей части невѣроятнаго или прямо нелѣпаго свойства.

Больѣ всѣхъ предшественниковъ оставилъ въ наслѣдіе міру по медицине Гиппократъ, и учениемъ его пользовались врачи до временъ Возрожденія.

Ссылаются на англичанъ, какъ на виновниковъ назначенія дѣтямъ спиртныхъ напитковъ, между тѣмъ оказывается, что Гиппократъ совѣтовалъ давать имъ при некоторыхъ болѣзняхъ, напримѣръ, при камняхъ пузыря, вино въ смѣси съ водою.

У Гиппократа имѣются описанія различныхъ болѣзней или, точнѣе, нѣкоторыхъ ихъ признаковъ, по коимъ можно подозрѣвать наличность того или другого недуга. Такъ, напримѣръ, воспаленіе уха описывается слѣдующимъ образомъ: „Острая болѣзнь уха, сопровождаемая непрерывной и сильной лихорадкой, представляетъ симптомъ страшный, такъ какъ это угрожаетъ бредомъ, а то и смертью“. „Дѣти погибаютъ отъ этой болѣзни на седьмой день, а то и раньше. Однако,

если изъ уха показывается гной бѣлаго цвета, то можно бываетъ надѣяться на выздоровленіе". Въ родѣ этого Гиппократомъ описывается бугорчатое воспаленіе оболочекъ мозга и еще нѣкоторыя болѣзни. Въ афоризмахъ излагаются нѣкоторые признаки и явленія у больныхъ дѣтей, сопровождаемые, впрочемъ, толкованіемъ слишкомъ произвольнымъ и гадательнымъ.

Со времени паденія Греціи медицина перешла въ руки александрийцевъ, не внесшихъ въ нее ничего нового и оригинального. Затѣмъ идетъ очередь Рима. У Цельза мы встрѣчаемъ кое-что оригинальное, хотя не мало заимствовано имъ и отъ Гиппократа. У него имѣются и указанія гигиеническаго свойства. Такъ, онъ замѣчаетъ: "Воздержаніе вообще переносится людьми весьма хорошо, но только не въ дѣтскомъ возрастѣ". „Теплые ванны годятся для дѣтей и старцевъ. Дѣтямъ вино давать можно, но только значительно разведенное водою". Противъ глистовъ Цельзъ употреблялъ гранатную кору, которую назначаютъ и въ настоящее время.

Платонъ, въ своемъ трактатѣ о воспитаніи ребенка, советуетъ кормить послѣдніяго исключительно материнскимъ молокомъ. Питаніе младенцевъ молокомъ наемной кормилицы имѣло начало во времена римской республики. Тогда считалось даже признакомъ бѣдности, если сама мать кормила ребенка. Конечно, бывали исключенія, но весьма рѣдкія.

Въ царствование императора Траяна дѣйствовалъ въ Римѣ знаменитый врачъ Соранъ Эфесскій, ученикъ АLEXANDRIЙСКОЙ школы. Онъ обращалъ большое вниманіе на уходъ за дѣтьми. Годнымъ къ воспитанію считалъ онъ того ре-

бенка, который при рожденіи здорово плачетъ и кричитъ. Ребенокъ долженъ быть хорошо сложенъ, обладать всѣми чувствами (?), отличаться свободою движений, чувствительностью ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи, вполнѣ свободными и нормальными отверстіями тѣла, и отвѣтывать сильнымъ крикомъ и слезами на всевозможныя ощущенія. Ребенокъ, не отличающійся такими признаками, всегда будемъ плохимъ сосункомъ. Сама мать, по мнѣнію Сорана, должна начать кормить дитя послѣ того, какъ отдохнетъ отъ родовъ, т.-е. не ранѣе четвертаго дня. Если въ продолженіе трехъ дней нѣть кормилицы, ребенку даютъ меду, который можно разводить козьимъ молокомъ. Наконецъ, мать должна передъ началомъ кормленія сѣживать нѣсколько молока, а потомъ уже кормить.

Римскія кормилицы далеко не отказывались отъ вина. Писатель Светоній упрекаетъ своихъ согражданокъ въ томъ, что они довѣряютъ дѣтей грубымъ простолюдинкамъ, разнымъ дряннымъ и развратнымъ бабамъ, воспитывавшимъ младенцевъ въ трущобахъ, въ возмутительной обстановкѣ.

Соранъ отвергаетъ всякое лѣченіе, связанное съ мѣною качествъ молока, и допускаетъ только мѣры діэтическія; если же ничего подѣлать нельзя, лучшимъ средствомъ считается перемѣнить кормилицу. Ребенка, по его словамъ, надо мыть два раза въ день, сначала теплой водой, затѣмъ тепловатой, и мало-по-малу пріучать къ холодной, чтобы сдѣлать его менѣе чувствительнымъ къ дѣйствію наружного воздуха. Ребенка постепенно пріучаютъ къ массированію, и кормилица обучаетъ его первымъ приемамъ гимнастики. Не

следует привыкать ребенка слишком рано ходить во избежание искривлений и уродования скелета. Повидимому, пороки эти встречались у римлян довольно часто, благодаря невежеству и небрежению к воспитанию детей. Этими причинами объяснялись, по мнению Сорана, и весьма частые случаи рахитизма (английской болезни) детей. Кормить младенцев, особенно слабеньких, следовало бы исключительно молоком; давать съ 14-го дня мучнистый вещества — величайшая ошибка. Въ 1½—2 года, когда зубы допускаются уже плотную пищу, ребенку можно начать сбавлять приемы молока и повышать количество твердой пищи. Наконецъ, рядъ указаний кончается темъ, что для отнятия отъ грудисовѣтуеться лучше всего пользоваться весеннимъ временемъ.

Врачъ Галенъ въ знаменитомъ сочинении своемъ *De arte tuenda* (О сохраненіи здоровья) даетъ подробныя наставленія по гигиенѣ ребенка. Ребенокъ, говоритъ онъ, „походитъ на зрялое яблоко: стоитъ только его коснуться, оно и падаетъ“. Молоко кормилицы, по его словамъ, тѣмъ лучше, чѣмъ здоровье ея кровь, а кровь здорова, когда хороша пища, во время употребляемая. Питьемъ пользоваться кормилица должна умѣренно, а кстати, должна избѣгать и ласкъ мужа. До появленія первыхъ зубовъ, т.-е. до 6 мѣсяца, ребенка надо кормить только молокомъ, а затѣмъ уже привыкать и къ твердой пищѣ, а именно, сначала къ хлѣбу, потомъ къ овощамъ, говядинѣ и пр. Галенъ совершенно отвергаетъ вино, „которое слишкомъ горячить тѣло и дѣлаетъ слишкомъ влажною голову“. Холодная вода только полезна, но подъ условиемъ, чтобы не была за-

грязнена и получалась прямо изъ ключа. Дѣтямъ 3—4 лѣтъ Галенъ советуетъ прогулку въ экипажѣ или на лодкѣ, въ 7 лѣтъ более энергичныя упражненія, напримѣръ, верховую Ѣзду.

Д-ръ мед. А. Виреніусъ.

Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати.

(Астраханскій семейно - педагогическій кружокъ.—Юноша-патріотъ.—Дѣтская смертность въ Москвѣ.—Закрытие параллельныхъ классовъ.—Кievскіе безобразники.—Злоключенія мальчика).

Прекраснымъ примѣромъ, заслуживающимъ всяческаго подражанія и самаго горячаго сочувствія, можетъ служить дѣятельность астраханскаго семейно-педагогическаго кружка. Иль отчета этого кружка за время съ сентября 1902 г. по январь 1904 г., напечатанного въ „Астраханск. Листкѣ“, мы возьмемъ лишь наиболѣе характерныя данныя.

Члены кружка время отъ времени собираются для обмѣна мыслями, иногда читаются наиболѣе заинтересовавшія ихъ статьи педагогическихъ журналовъ. Подобныя чтенія всегда вызываютъ оживленные дебаты. На одномъ изъ общихъ собраний, напр., послѣ прочтения статьи П. Ф. Каптерева „О дѣтской лжи“, собраніе пришло къ заключенію, что въ дѣтяхъ воспитанія въ дѣтяхъ правдивости, необходимо изгнать изъ системы современного воспитанія наказанія, необходимо „какъ можно меньше налагать запрещеній, внушать дѣтямъ любовь къ правдѣ и привыкать къ правдивости собственнымъ примѣромъ и лаской“.

Особо рассматривался случай лжи школьной, когда классъ лжетъ, исходя изъ требований корпоративного характера, желая защитить товарища. Было выяснено, что подобная ложь, нетерпимая по существу, какъ и всякая ложь вообще, находится, однако, въ непосредственной причинной зависимости съ современными школьными порядками, съ тѣми преслѣдованіями и наказаніями, какія практикуются въ современной школѣ. Подобная корпоративная ложь, такимъ образомъ, при настоящемъ школьнѣмъ режимѣ, въ весьма многихъ случаяхъ скорѣе всего вызываетъ сочувствіе, какъ выраженіе товарищескаго чувства, какъ результатъ, наконецъ, благороднаго желанія освободить отъ наказанія товарища, по существу, быть-можеть, и не виновнаго въ той именно степени, какъ полагаетъ школьнное начальство.

На другомъ изъ собраний обсуждался любопытный вопросъ о вредѣ танцевъ. Въ настоящее время выяснено, что дѣти вообще слишкомъ склонны увлекаться танцами. Родители сплошь да рядомъ сами готовы поддерживать это увлеченіе. Собрание, основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ, рѣшительно высказалось противъ танцевъ, исходя изъ соображенія, что они „крайне вредно отражаются на здоровье дѣтей всѣхъ возрастовъ, сокращая время сна и ненормально возбуждая ихъ“. Педагогами и врачами было заявлено, что танцы оказываютъ весьма вредное влияніе на учащихся, являясь часто причиной малоуспѣшности ихъ занятій. Собрание пришло къ рѣшенію: убѣдить родителей не оставлять дѣтей своихъ на танцевальныхъ вечерахъ позже 11 часовъ вечера.

Это послѣднее рѣшеніе, замѣтимъ

отъ себя, какъ-будто не соответствуетъ симпатичному заключенію одного изъ собраний о вредѣ „запрещеній“ и вообще всякаго рода насильственныхъ дѣйствій. Не лучше ли было бы, если бы родители вообще или совсѣмъ вывели изъ моды дѣтскіе танцы, или же, давъ дѣтямъ возможность потанцевать немного, замѣнили танцы другими развлечениями,—словомъ, оразнообразили бы вечера настолько разумнымъ и достаточнымъ образомъ, чтобы къ 11 часамъ у самихъ дѣтей само-собой получился бы выводъ приблизительно слѣдующаго свойства: „ну вотъ, мы теперь натанцевались, наигрались, послушали музыку, книжку, пасмотрѣлись на картины,—пора и спать!“ При желаніи и умѣніи это можно устроить.

По тому же вопросу о танцахъ на одномъ изъ собраний былъ выслушанъ докладъ дѣйствительного члена кружка г-жи Соболевой, въ которомъ авторъ *совершенно исключаетъ* изъ программы дѣтскихъ развлечений танцы, „какъ преждевременно развивающіе дѣтей въ нежелательномъ направленіи и даже негигиеничные при большомъ скопленіи дѣтей“. При обмѣнѣ мнѣній, вызванныхъ докладомъ, собрание признало безусловно вредными танцы на большихъ дѣтскихъ вечерахъ, где собирается несолько сотъ дѣтей и где танцы продолжаются далеко за полночь. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы для дѣтей младшаго возраста танцы оканчивались не позднѣе 8 часовъ и вообще продолжались не болѣе трехъ часовъ. (Не слишкомъ ли много? В. И.). Совершенное исключение танцевъ изъ программы признало собраниемъ „преждевременнымъ“ (?), пока „не будетъ придумано развлеченіе (неужели нужно еще придумывать? В. И.),

могущее съ большой пользой (!) замѣнить танцы". Наиболѣе полезными развлечениемъ признаны чтенія съ туманными картинами, къ которымъ дѣти вообще относятся съ особыннымъ интересомъ.

Нѣсколько собраній было посвящено не менѣе интереснымъ докладамъ дѣятельныхъ членовъ кружка. Такъ, д-ромъ Романовимъ въ разное время было прочитано два доклада: „О дѣтской истеріи" и „Душа ребенка". Въ особенности же долженъ быть любопытнымъ „Дневникъ матери", прочитанный г-жей *.*. Дневникъ обнимаетъ собою періодъ жизни ребенка съ первыхъ дней до конца первого года. И понятно, какъ констатируетъ отчетъ, записки были прослушаны съ огромнымъ интересомъ, при чмъ было высказано пожеланіе, чтобы матери записывали свои наблюденія.

На одномъ изъ собраній была избрана комиссія въ составѣ 8 членовъ для организаціи лекцій по медицинѣ и гигіенѣ, которая обратилась къ мѣстнымъ врачамъ съ просьбой оказать кружку содѣйствіе въ данномъ направлениі. На призывъ откликнулось 14 лицъ. Врачи имѣли въ отчетный періодъ 6 засѣданій для обсужденія, какъ программы лекцій, такъ вопросовъ, касающихся самой организаціи дѣла. Рѣшено было на первое время ограничиться чтеніемъ лекцій по отдѣльнымъ вопросамъ, касающимся гигіиены дѣтского возраста, а впослѣдствіи приступить къ чтенію систематическихъ курсовъ. Изъ намѣченныхъ лекцій отмѣтимы: — „Заразныя болѣзни у дѣтей", „Сенсуальная патологія", „Наслѣдственность", „Наичаще встрѣчающіяся первныя болѣзни дѣтского возраста" и „Алкоголь въ дѣтскомъ возрастѣ".

Кружокъ устроилъ также и дѣтскій вечерь безъ танцевъ,—„первый опытъ", показавшій, что дѣти съ удовольствіемъ предаются играмъ и не только маленькия, но и подростки, такъ что отсутствіе танцевъ не мѣшало дѣтскому веселью и довольству".

Каждое воскресеніе регулярно устраивались игры для дѣтей, при чмъ руководствомъ служила книга Лестафта—Ш-я ч. „Руководства по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста". Кромѣ игръ, дѣти упражнялись въ гимнастикѣ и пѣли дѣтскихъ хорошихъ пѣсень. Послѣ игръ читались разсказы изъ дѣтскихъ журналовъ. „Игры, читаемъ въ отчетѣ, оказывали на дѣтей замѣтное развивающее дѣятельство"...

„Всѣ великия вещи—просты" ... Читая отчетъ кружка, все время невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего бы родителямъ всѣхъ вообще городовъ нашей обширной, но бѣдной инициативою родины не соединиться въ подобные же семѣйно-педагогическіе кружки? Право же, это не такъ трудно; была бы добрая воля!

Только что наступилъ новый годъ... Пожелаемъ отъ всей души астраханскому семѣйно-педагогическому кружку всяческаго преуспѣянія!

Говорять: — война родить героеvъ. Что касается юношъ, то на нихъ она, несомнѣнно, производить такое сильное, подчасъ болезненное, впечатлѣніе, что дѣло иногда доходитъ до „вѣщихъ" сновидѣній. По словамъ „Полтавскаго Вѣстника", отъ одного такого юнца изъ м. Опошни Зеньковскаго уѣзда начальникомъ губерніи получено слѣдующее письмо, приводимое газетой дословно съ сохраненіемъ его правописанія:

„Его Сиятельству господину Полтавскому Губернатору, прошу васъ, будьте настолько добры, Ваше Сиятельство, возьмите меня на Дальній Востокъ охотникомъ. Я буду служить Императору правдой и честью, возьмите меня, не откажите моей просьбѣ. Я прошу Васъ со слезами, на коленяхъ. Я не могу равнодушно смотрѣть, когда мои же собратья боятся и проливаются кровь. Такъ прошу же я Васъ удостоить меня постоять за отечество грудью, и за Императора, и за весь православный народъ. Я прошу дни и ночи у Господа Бога, чтобы Онъ ниспослалъ мнѣ сю милость умереть за правду, вѣру и отечество. Смѣеть просить 18-ти лѣтъ юноша Михаила Гуринъ.

„О, я прошу Васъ немедленно дать мнѣ знать. Удостойте меня этой почести, уйти мнѣ на войну. О, я желаю этого. Отпишите мнѣ, сейчасъ же къ вамъ явлюся немедленно. Мнѣ нужно съ этими подучиться и тогда уйти съ запасными Зеньковскаго уѣзда. О, я прошу васъ со слезами на коленяхъ.

„Однъ разъ я промолился дома до разсвѣта. Я утомленный легъ и заснула, и мнѣ явился сонъ и во снѣ приснился Архангелъ Михаилъ, который указывалъ мнѣ рукою на Дальний Востокъ и говорилъ: иди и умрай.

„Вотъ я вздумалъ послать Вамъ письмо; когда Вы позволите мнѣ явиться, я явлюсь къ Вашему Сиятельству съ бумагами и метриками отъ священника. О, я прошу Васъ, не откажите въ моей просьбѣ. Я молю неотступно Господа Бога умереть на бранномъ полѣ за Императора, за вѣру и отечество. Михаилъ Гуринъ“.

„Русскій Листокъ“ приводить статистическія данныя общей смертности въ Москвѣ за годъ. Оказывается, что умершихъ въ возрастѣ до одного года — 41,8% всего числа смертныхъ случаевъ; изъ этой цифры треть падаетъ на питомцевъ такъ называемаго Воспитательного дома, для котораго, очевидно, болѣе пришлось бы совершенно другое наименованіе, ничего общаго не имѣющее со словомъ „воспитательный“... Замѣтьте, что указаный % относится лишь къ дѣтямъ до одного года! Изъ общаго числа умершихъ — 30,940, пользуясь цифровыми данными, вычтемъ число умершихъ хотя бы съ 15-лѣтняго возраста и до возраста болѣе 80 лѣтъ — 12,779, мы получимъ кошмарный „остатокъ“ умершихъ до 15 лѣтъ, остатокъ, выражающійся въ цифре — 18,161.

Здѣсь дѣти мрутъ, а тамъ ихъ лишаютъ свѣта образованія изъ-за пресловутаго недостатка средствъ. Въ газетахъ уже стали прорываться скорбныя вѣсти не только о невозможности расширить существующія помѣщенія училищъ, но даже о закрытіи уже имѣющихся параллельныхъ классовъ. Типичнымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить фактъ, имѣвшій мѣсто въ Полтавѣ. Учебное начальство мѣстной классической гимназіи, пишетъ „Полтавск. Вѣстн.“, намѣreno закрыть, въ виду отсутствія средствъ къ расширенію зданій гимназіи, существующіе при ней параллельные классы. Встревоженные родители дѣтей школьнаго возраста осаждаютъ гимназію съ вопросами. Имъ отвѣчаютъ, что, дѣйствительно, такое намѣреніе есть...

Въ Киевѣ развивается отвратительная дѣятельность лицъ, похищающихъ

дѣвочечъ. Такъ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, 9-го декабря, около 6 час. вечера, какой-то господинъ встрѣтилъ на Фундуклеевской улицѣ ученицу одного изъ начальныхъ городскихъ училищъ, 9 лѣтъ, предложилъ ей передать письмо въ квартиру, которую онъ укажетъ, и обѣщалъ дать за это деньги. Дѣвочка пошла за нимъ сначала изъ желанія получить деньги, а затѣмъ изъ страха. За городомъ негодай совершилъ надъ ребенкомъ гнусное преступленіе и скрылся. Подобного же рода фактъ былъ и на Большой Васильковской улицѣ—около мѣсяца назадъ, когда дѣвочка 11 лѣтъ шла въ училище. Въ послѣднее время поступаютъ заявленія и изъ другихъ училищъ, что дѣтей подъ разными предлогами стараются увлечь подобного рода преступныя личности. Такъ, на Фундуклеевской ул. какой-то сѣдой господинъ убѣжалъ дѣвочку затаи къ нему на квартиру, увѣряя ее, что онъ—училищный врачъ и лечить и осматриваетъ всѣхъ ученицъ. На Предславинской ул. господинъ, Ѳавшій въ фаэтонѣ, предлагалъ идущимъ изъ школы ученицамъ конфеты и прокатиться вмѣстѣ съ нимъ за городъ.

Въ заключеніе приведемъ немудрую исторійку о „похожденіяхъ 13-лѣтняго мальчика“. Съ однимъ изъ санитарныхъ поѣздовъ Дальн资料的 Vostoka прибылъ въ Москву 13-лѣтній мальчикъ Иванъ Козловъ. До войны онъ проживалъ вмѣстѣ съ матерью въ Витебскѣ. Мать его торговала фруктами,—тѣмъ они и жили. Но вотъ началась война и мальчикъ началъ зачитывать газетами. Голова закружилась и онъ забредилъ войной, военными по-движами, опасностями... Братъ его жилъ

въ Красноярскѣ,—это городъ въ длекой Сибири. „Братъ долженъ ити на войну... я отправлюсь вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ мы будемъ сражаться“

Онъ сталъ умолять свою мать:

— Мама, мама, отпусти меня къ брату!

И мать не въ силахъ была отказать. Онъ доѣхалъ до Красноярска изъ Витебска съ воинскими поѣздами. Какимъ образомъ совершилось это путешествіе, газета „Р. Листокъ“, откуда мы заимствуемъ это сообщеніе, не говорить ничего. Вероятно, нѣсколько тысяч верстъ мальчикъ проѣхалъ „зайцемъ“. И, разумѣется, нелегко даже представить себѣ тѣ лишнія, какія выпали на долю этого бѣдняка. Но вотъ, наконецъ, онъ приѣзжаетъ въ Красноярскъ, и что же?—оказывается, что братъ уѣхалъ уже на Дальній Востокъ... Недолго думая, Ваня Козловъ, надо полагать, тоже „зайцемъ“ садится въ вагонъ и ёдетъ на театръ военныхъ дѣйствій „къ брату“. Но его „присутствіе въ поѣздѣ было открыто и ему было предложено вернуться домой“. Тутъ появился слухъ, что братъ Вани убить, и мальчикъ, оплакивая брата, тронулся назадъ въ Россію. Онъ Ѳахъ до Москвы то съ воинскими, то съ санитарными поѣздами. Онъ голодалъ. Большую часть одежды ребенку пришлось продать, чтобы купить хлѣба. Въ концѣ-концовъ онъ остался въ рубашкѣ и лѣтнемъ пиджакѣ. Стояли морозы. На московскомъ вокзалѣ онъ, озябшій, голодный, растерянный, „плакалъ“... Ему „посовѣтовали обратиться къ содѣйствію полиції, что онъ и сдѣлалъ“ и, такимъ образомъ, временно нашелъ пріютъ въ одномъ изъ московскихъ полицейскихъ участковъ...

Отчетъ о засѣданіи Родительскаго Кружка.

Вотъ въ двухъ словахъ эта простая и вмѣстѣ трогательная исторія зло-
зложеній впечатлительного мальчика.
„Ему посовѣтовали обратиться къ содѣйствію полиції...“ Въ огромномъ го-
родѣ, где и на вокзалѣ, и на всѣхъ
лицахъ кишмя-кишитъ толпа, не наш-
лось ни одной сострадательной души,
которая пожалѣла бы ребенка и дала
ему пріютъ, согрѣла бы его, обласка-
ла бы его, страдающаго, перенесшаго
столько муки за длинное время пути!
А вѣдь его маленькое сердце уже по-
лучало удары...

„Ему посовѣтовали обратиться къ
содѣйствію полиції...“

Боже мой, какъ ожесточились серд-
ца наши, какъ мы любимъ и уважаемъ
дѣтей!

B. Измайлова.

Отчетъ о 2-мъ засѣданіи Родитель- скаго кружка 6-го ноября ¹⁾.

А. С. Виреніусъ далъ отчетъ о стать-
яхъ П. Ф. Каптерева, Г. Зоргенфрейя
и Е. П. Ковалевскаго, касающихся сов-
мѣстнаго воспитанія мальчиковъ и дѣ-
вочекъ, помѣщенныхъ въ Русской Шко-
лѣ (мартъ и сентябрь 1904 г.). Вотъ
главные выводы изъ статьи П. Ф. Е. Воспитывать дѣвочекъ труднѣе, чѣмъ
мальчиковъ. Дѣвочки скорѣе созрѣва-
ютъ, необходимо быстрѣе вести ихъ
воспитаніе и образованіе. Женщины
легче возбуждаются и также быстрѣе
утомляются. Женскій умъ отличается

конкретнымъ и реальнымъ характеромъ. Абстракція и специализація не
его удѣль. За женщинами слѣдуетъ
признать способность быстрого пони-
мания и болѣе точного выраженія.
При быстротѣ восприятія и реакціи,
женскій умъ отличается меньшою
творческою силой. Принимая во вни-
маніе указанныя свойства женскаго
ума, можно притти къ слѣдующему
заключенію: учебный женскій курсъ
долженъ быть реальнаго характера,
онъ долженъ быть энциклопедичнѣе
мужскаго, нужно высоко цѣнить и вся-
чески поддерживать проявленіе жен-
скаго творчества.

Е. П. К. говоритъ, что и въ Запад-
ной Европѣ вопросъ о совмѣстномъ
обученіи пока еще въ зародышѣ. Но
реформа мужскаго воспитанія вносить
въ воздухъ, и кто знаетъ, не повлечетъ
ли она за собою серіозныхъ из-
мененій и въ женскихъ школахъ того
же порядка. Всѣ доводы склоняются
въ пользу совмѣстнаго обученія.

Г. Зоргенфрей приходитъ къ слѣ-
дующимъ выводамъ: 1) Совмѣстное
обученіе дѣтей въ средней школѣ и
съ точки зрѣнія педагогической теоріи
и практической пользы весьма желательно
и полезно. 2) Такая система, быть-можетъ, менѣе пригодна для
большихъ городовъ. 3) Введеніе сов-
мѣстнаго обученія въ видѣ опыта для
4-хъ-классныхъ прогимназій, у насъ
въ Россіи принесло бы большую вы-
году въ финансовой отношеніи и силь-
но подвинуло бы впередъ образование.
4) При совмѣстномъ обученіи надо осо-
бенно осторожно относиться къ приему
новыхъ учениковъ и ученицъ, особенно
въ старшихъ и среднихъ классахъ.

К. Г. Алексѣевъ предложилъ три
вопроса на обсужденіе: 1) Желательно

¹⁾ Присутствовали: Н. С. Карцовъ, А. С.
Виреніусъ, Н. Л. Кошкина, К. Г. Алексѣевъ,
К. В. Лукашевичъ-Хмызникова, св. А. И.
Маляревскій, Е. Х. Маляревская, А. Ф. Шта-
кельбергъ, Ф. Шубинъ, В. П. Протейкинскій,
М. Георгіевская, Н. Ф. Арапьевъ.

ли поощрять въ дѣтяхъ стремленіе прити на помощь своему ближнему не только во время войны, но и вообще. 2) Что уже сдѣлано въ этомъ направлениі. Въ Петербургѣ возникло нѣсколько кружковъ: „Родной привѣтъ“, „Дѣтская лепта“. Возникъ бесплатный журналъ „Добрый путь“, листокъ благотворительного кружка. 3) Что можетъ сдѣлать Род. круж. со своей стороны, чтобы организовать дѣло дѣтской помощи. Послѣ оживленныхъ преній было решено предложить небольшой комиссіи заняться разработкой этихъ вопросовъ и результатъ представить на обсужденіе кружка. Нѣсколько лицъ изъ членовъ и гостей изъявили желаніе немедленно приступить къ коллективной работе. Первое собраніе комиссіи назначено на 11-е ноября.

Н. Кошкина.

БИБЛІОГРАФІЯ.

7. **Наши звѣрки.** Разсказы для младшаго возраста. Е. Горбуновой. Павлиній глазъ. Разсказъ Сергея Орловскаго. Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. М. 1904.

Мы никогда не забывали указывать, что изданія подъ редакціей г. Горбунова-Посадова, между всѣми другими дѣтскими книжками, отличаются наиболѣе опредѣленною программностью, цѣльностью и продуманностью своихъ вкладовъ въ педагогическую литературу. При случаѣ мы помѣчали тутъ извѣстную узость, однообразіе, что ли, стремленій, нѣкоторый перевѣсъ одной и той же поучительности (съ отѣникомъ tolstoisme'a, по французскому выраже-

нію) надъ воздействиемъ путемъ яркихъ и богатыхъ образовъ. Но постоянно, съ отраднымъ чувствомъ, мы находили въ названныхъ изданіяхъ идеиность работы, отрѣшенность отъ всякихъ рыночныхъ поисковъ. Въ разсказахъ „Наши звѣрки“ [не лучше ли, однако,— не звѣрокъ, звѣрки, а звѣрекъ—звѣрьки?] авторъ привлекаетъ малышей къ живой природѣ, къ наблюденіямъ на мѣстѣ, къ наглядному, осознательному, опытному знакомству съ окружающимъ міромъ. Только вотъ въ книжкѣ г-жи Горбуновой животолюбіе не ударяется ли подчасъ въ крайность, не впадаетъ ли въ чрезмѣрный сантиментализмъ? Напр.: „Надъ обѣими могилками (воробья и голубя) мы насыпали холмики, обложили ихъ травкой и цветами и поставили крестики. Долго потомъ, каждое утро, мы ходили плести свѣжіе вѣнки на эти крестики“. Или: „Передъ отъездомъ мы взяли съ хозяина дома слово, что онъ не тронетъ до глубокой осени той полѣнницы, где жила мышь. А тогда, мы надѣялись, она переселится уже въ домъ“.

Рассказъ г. Орловскаго названъ такъ по имени бабочки. Дѣйствующія лица въ немъ молоденькая дѣвушка и подростки. Они собираютъ коллекціи бабочекъ, ботанизируютъ. Лѣтніе деревенскіе досуги юношь представлены авторомъ оживленно, съ хорошую литературностью. Героиня „Павлиньяго глаза“ охладѣваетъ, въ заключеніе, къ этимъ выискиваніямъ удивительныхъ бабочекъ. Въ тонъ „Библіотекѣ“ г. Горбунова она рѣшаетъ: „люблю жизнь и радуюсь ей, и пусть всѣ другія созданія такъ же радуются ей и такъ же ее благословляютъ“. И здѣсь есть свое преувеличеніе. И засушка рабочій, и подборъ настѣкомыхъ, занятія въ свою мѣру не милосердныя,— для иныхъ—предтечи настоящихъ научныхъ трудовъ.

А. Налимовъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Мартъ — № 3.

1905.

Содержание № 3.

1. Годъ въ школѣ. С. Караскевичъ	81
2. Бесѣды о воспитаніи. В. С. Лихачова	93
3. Попеченіе о здоровьѣ нервной си- стемы (По Гиршлафу). Д-ра мед. А. Виреніуса	97
4. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. В. Измайлова	105
5. Отчетъ о женскомъ конгрессѣ въ Бер- линѣ. Н. Кошкиной	116
6. Библиографія	125

Годъ въ школѣ.

I.

— Вставайте, барышня! Тамъ до васъ дѣячиха пришла: дожидается.

— Дѣячиха? Какая дѣячиха? Что ей отъ меня нужно? Я вскочила съ постели и не совсѣмъ узнатющими глазами оглянула большую, низенькую комнату и бабку Настю, стоявшую передо мною. Въ окна смотрѣла темная зелень столѣтнаго дубового лѣса, а бабка Настя, неубранный самоваръ на столѣ и открытый чемоданъ на полу напомнили мнѣ, что я только вчера прїѣхала на новое мѣсто,—учительницей въ село Лозовню.

— Такъ что же дѣячку отъ меня, нужно? спросила я, наскоро умываясь.

— Ничего дѣячку ненужно... Дѣячекъ у насъ старый да вдовий,—какая ему

надобность! А дѣячиха пришла, значитъ, дѣякова, Левона Семенычева, хо-
зяйка. Онъ у насъ первый богатырь на селѣ: лавку держитъ, двѣ мельницы
снимаетъ... А дѣвчонка ихняя (Сюнь-
кой звать)—въ школѣ. Ну, значитъ,
мать пришла съ новосельемъ проздра-
вить.

— Именно что проздравить! Съ этими словами, не дожидаясь зова, продвинулась въ двери огромная, статная и высокая баба, съ красными, какъ яблоки, щеками и съ зубами такой поразительной крѣпости и бѣлизны, что при взглядѣ на нихъ вспоминались куриные косточки.

— Ничего особеннаго намъ, барышня, отъ васъ не надо, продолжала она, тыча мнѣ свою руку ребромъ:—но какъ узнали насчетъ вашего прїѣзда, хозяинъ, Левонтій Семеновичъ, мнѣ и говорить: сходи, говорить, окажи имъ уваженіе,—и они намъ уважать. Вотъ, не побрезгайте нашимъ гостинцемъ на новосельи.

И она совала мнѣ въ руки узелокъ въ пестромъ ситцевомъ платочекѣ, изъ угловъ котораго торчала сахарная бумага и выглядывали связки баранокъ.

— Чайку, сахарку, конфетиковъ, орѣшиковъ... сколько во силѣ нашей возможности, поясняла дѣячиха, тыча пальцемъ въ середину пестраго узла.

— Ахъ, нѣть, нѣть! Я братъ ничего не могу.

— Какъ можно, чтобы не братъ! убѣжденно говорила дѣячиха.—Всѣ берутъ... ужь положеніе такое. Иванъ Родионовичъ берутъ и Гаврила Алексѣевичъ берутъ. Потому, для начала занятіевъ мы должны для васъ свою благодарность доказать.

— Дѣло извѣстное! авторитетно подхватила бабка-Настя,—что попу Великій посты, то учителю дѣтская премка. Потому—всякій хоть отъ какой бѣдности, а за своего дитя не пожалѣть,—понесетъ.

— А мнѣ, пожалуйста, не носите: я братъ не буду.

И, должно-быть, въ моемъ тонѣ послышалась рѣшиимость, потому что бабка-Настя пожала плечами, а дѣячиха обиженно отодвинула отъ моихъ рукъ свой узель.

— Напрасно только обижаете!

— Отъ хлѣба-соли грѣхъ отказывается, опять вставила бабка.—Вонъ, бараночки свѣжія—все равно хлѣбъ святой.

— Ну, хорошо! Я баранки возьму и съ ними мы сейчасъ чаю напьемся, сказала я, чтобы прекратить непріятную для меня сцену.

Черезъ полчаса дѣячиха, снявшая съ головы большой, цвѣтистый, кашемировый платокъ, сидѣла противъ меня за самоваромъ и, раздробляя древнія баранки своими ослѣпительными зубами, говорила мнѣ убѣдительнымъ тономъ:

— Вы съ моей Сюнькою не разстанетесь... Такая, я вамъ скажу, дитя, что во всей школѣ другой такой нѣту: на слова скорая, командиръ-дѣвка, одно слово! У насъ сыновъ пять, а дочка одна. А хозяинъ ее за то любить, что она вся какъ есть въ его характеромъ уродилась: какъ стиснетъ

зубы да какъ дастъ кому въ шею, такъ только хляснетъ... И хозяинъ нашъ Левонтій Семеновичъ, говорить: „ты нашу Сюньку на линіи барышни содержи, потому—я Богъ-знатъ чего не пожалѣю, чтобы только ей за сѣрымъ мужикомъ не быть“. Вы, милая барышня, когда въ церкви на нее посмотрите: нарядится наша дѣвчонка въ бурдовое кашемировое платье, въ шелковой ко-сынѣ, въ зонтику... настоящая дво-рянка!.. И еще, я вамъ скажу, есть въ классѣ одна дѣвчонка такая злорѣдная, такая ехіда, что сказать не возможно... весь у нихъ родъ этакій зловредный! Какъ придетѣ въ классъ,—сейчасъ позовите: эй, Машка Гусева: ступай въ уголъ на колѣшки!

Я невольно разсмѣялась.

— Да за что же я ее стану наказы-вать?

— А для примѣра, чтобъ знала.

— А что же она дурное дѣлаетъ?

— Пакости разныя. Она, положимъ не виновата, а такъ они родомъ пакостные... Мы съ Гусевыми сосѣди; наши старшіе мальчишки первымъ пріятелями были: вмѣстѣ воробьевъ изъ-подъ стрѣхи драли, вмѣстѣ въ школу ходили. Ну, потомъ нашъ кѣдѣлу приставился, а тотъ, Антошка-тихній, началъ что-то путаться, ёздилъ куда-то, книжки день и ночь читалъ.. Потомъ пріѣзжалъ въ картузѣ съ бляшкой и сейчасъ намъ объясняетъ „Это у меня кокарда, и обозначаетъ она мое благородство, потому что теперь на мнѣ чинъ и я въ школу учителемъ подался“. Мы сначала думали врѣть все, аяъ вышло, что и вправду учителемъ стала и теперь подъ Березовскимъ въ селѣ Майдавѣ служить... Съ этого самаго времени вся ихъ про-тивъ меня подлость обозначилась.

Прежде того жили мы съ ними по-сосѣдски: они у меня и хлѣбомъ, и мукою, и ишеномъ, и солью,—и все безъ отдачи, только ради одного того уваженія, что Машка ихняя придется дѣтей понянчить, а старуха когда около бѣлья да около печи поможетъ. Вътъ разъ повздорила моя Сюнька съ ихнею Машкой да, какъ горячая дѣвочонка,—хлясь ее по уху, а та какъ взвизгнетъ, какъ зареветь! „Не смѣшь, кричить, бить меня, не смѣшь!“ А тутъ самъ братецъ къ намъ на дворъ бѣжитъ,—бѣлый, какъ мѣль, и тоже кричитъ: „не смѣшь да не смѣшь!“

Тутъ ужъ я не стерпѣла и все ему вычитала.

„Очень просто, говорю, смѣю, коли ты хлѣбъ изъ моей муки ѿши. Слыши, бѣжитъ онъ къ себѣ въ хату и кричить въ голосъ: „маменька, маменька! Слыши, что она говоритъ? Правда ли это?“ А маменька правды дѣвать некуда: „мы, говорить, сынокъ, люди бѣдные“. Вътъ онъ снялъ перелазъ съ нашего двора на ихний, дорожку на нашъ огородъ хворостомъ завалилъ, и стали мы тамъ лѣто жить. А какъ пришла осень, сѣть господинъ учитель въ телегу, да и уѣхалъ,—и все свое благородство на картузъ увезъ. Подошла осень: топить нечѣмъ, есть нечего,—надо Машѣ ко мнѣ ити...“

Какой-то неопределенный говоръ давно уже слышался мнѣ сквозь рассказъ дѣячихи. При послѣднихъ словахъ изъ кухни донеслись слова бабки-Насти: „Пожалуйте, матушка, пожалуйте! Барышня дома—чай кушаютъ“. На порогѣ показалась низенькая, чистенькая старушка въ чепчикѣ и черномъ ситцевомъ платѣ—мелкимъ бѣлымъ горошкомъ. За нею вошла хорошенькая бѣлокурая дѣвочка съ ясными

голубыми глазами и худенькимъ, блѣднымъ лицомъ. При видѣ вошедшихъ дѣячиха встала и низко поклонилась:

— Здравствуйте, матушка!

— Здравствуй, Маланья Егоровна! Потомъ моя новая гостья обратилась ко мнѣ.

— Не побрезгайте на новоселье нашу хлѣбъ-соль принять. Сынъ мой, отецъ Петръ, еще вчера говорилъ: „сѣѣдили бы, мамаша, нашу новую учительницу провѣдать: хорошо ли ей на новомъ мѣстѣ да не надо ли чего?.. Любушка! дай-ка сюда салфеточку.“

Она взяла изъ руки дѣвочки бѣлу, чистую салфетку и развязала изъ нея большой, румяный, едобный хлѣбъ, отъ которого пахло миндалемъ и щафраномъ.

Дѣячиха ушла, бабка-Настя подогрѣла мой маленький самоварчикъ, и мы съ „матушкой“ расположились за чаемъ. Моя гостья была мать Логовенского священника и ко мнѣ пріѣхала по дѣлу: съ просьбой принять Любушку въ школу. Дѣвочка уже училась въ приготовительномъ классѣ епархиального училища. Но этой зимою у о. Петра умерла жена. Въ домѣ стало скучно и пусто, потому что старшія дѣти были въ учебныхъ заведеніяхъ, и при томъ Любушка расхворалась послѣ смерти матери, и отецъ рѣшилъ на годъ или два опять взять ее въ деревню, домой.

Пока я со старушкой бесѣдовала, шумъ и шопотъ въ кухнѣ не прекращались. Наконецъ, бабка-Настя высунула голову изъ-за двери: „Барышня! Пожалуйте на минутку: очень много народа къ вамъ по дѣлу“.

Я вышла и увидѣла цѣлую толпу бабъ и двухъ-трехъ мужиковъ, наполнившихъ всю мою маленькую кухню.

Нѣкоторые изъ нихъ держали за руки дѣвочекъ и всѣ безъ исключенія—по узелку или кулечку въ рукахъ. Все это были отцы и матери, которые пришли опредѣлять въ школу своихъ дѣтей и принесли подарки, чтобы задобрить учитѣльницу. Не малаго труда стоило мнѣ вразумить ихъ, что подарковъ я братъ не стану.

Только къ полудню гости изъ моей кухни разбрелись одинъ по одному. Но этимъ посѣщенію не кончились. Бабка то и дѣло приводила ко мнѣ въ комнату новыхъ гостей. Тутъ были фельдшеръ Ракитинъ съ неимовѣрно длинной и худой дочкой; „овечий лѣкарь“ Брахманъ съ блокурой восьмилѣтней крошкой; дьяконица съ двумя толстыми дочками и парой черныхъ хохлатыхъ курь, которыхъ она ухитрилась подсунуть безъ моего вѣдома бабкѣ Настѣ „на племя“; письмоводитель съ завода и Кадниковъ,—папокъ, „что на шляху дегтемъ торгуетъ“.

— Только дворскіе не пришли, говорила обиженно бабка-Настя.—Знаютъ, что ихнихъ дѣвокъ и безъ просьбы возьмутъ.

II.

Школа, въ которой я учительствовала, была частновладѣльческая, предполагалось—ремесленная. Но въ ту пору типъ сельскохозяйственныхъ ремесленныхъ школъ едва намѣчался и потому мастерскія пустовали и учителей-ремесленниковъ не было. Помѣщалась школа въ хорошенькомъ кирпичномъ домикѣ за княжескимъ паркомъ, и на селѣ ее называли „красной“ въ отличіе отъ старой земской школы, которая темнѣла сѣрымъ неуклюжимъ зданіемъ на выѣздѣ изъ села, противъ такой же сѣрой, такой же старой мір-

ской „гамазеи“. Въ новой школѣ не было квартиръ для учителей, и мнѣ отвели комнату въ Больничномъ хуторѣ, ту самую, где прежде помѣщалась единственный „классъ“, существовавшій раньше экономической школы. Изъ моихъ оконъ былъ чудный видъ на озера-пруды, на княжескую усадьбу, раскинувшую по горѣ, на дворецъ съ бѣлою колоннадою и флагомъ на башнѣ, на „красную“ школу, которая виднѣлась на краю ларка, яркая и красива, какъ игрушка. До нея изъ Больничнаго хутора было добрыхъ двѣ версты, иходить приходилось пѣшкомъ въ ожиданії, пока мнѣ дадутъ изъ экономіи общіанную лошадь и телѣжку.

Въ тотъ день, когда назначенъ былъ молебенъ и начало пріема, я была на мѣстѣ уже съ восьми часовъ. Школьный домъ былъ новый, въ четыре огромныя комнаты: двѣ для классовъ и двѣ для мастерскихъ. Между мужской и женской половиной во всю ширину дома была втиснута узкая кухня, служившая раздѣвальней, а изъ нея дверь вела въ коридоръ, по краямъ котораго были окна. Коридоръ этотъ раздѣлили перегородкой надвое, поставили въ каждой половинѣ по шкалу, столу и стулу, и назвали „учительскими комнатами“. Чтобы попасть въ классы, надо было пройти черезъ обѣ учительскія. Въ классахъ было не лучше и не хуже, чѣмъ во всѣхъ сельскихъ школахъ.

Въ самой большой комнатѣ,—мастерской, на столѣ, покрытомъ осѣннѣй скатертью, лежала икона и все было приготовлено для молебна. Самый молебенъ мелькнулъ для меня, какъ въ туманѣ: управляющій, главно-управляющій, инспекторъ народныхъ училищъ, членъ земской управы, князь...

всё это было начальство, а за нимъ тѣсной и темной стѣной сбились дѣтскія головки, надъ которыми мой со-служивецъ, Иванъ Родионовичъ, неистово машетъ палочкой и поетъ „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины!..

Было второе сентября, — теплый, почти жаркій, благоуханный осеній день, одинъ изъ свѣтлыхъ дней короткаго и милаго „бабыаго“ лѣта, — когда я начала свои занятія въ школѣ.

Иванъ Родионовичъ еще не приходилъ. Мальчики, крыльца которыхъ было съ улицы, неистово галдѣли и кричали, а на моей половинѣ, куда птицы надо было черезъ дворъ, было тихо.

— Что это, Миронъ, такъ тихо? Гдѣ же дѣвочки? спросила я, входя.

— Пришлишились: вѣсъ, значитъ, за-видѣли.

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравствуйте! весело и громко отвѣтили мнѣ 30 дѣтскихъ голосовъ, и въ классѣ стало тихо-тихо. Я смотрѣла на моихъ ученицъ смущенно, тревожно и робко; и мнѣ отвѣчали такимъ же смущеннымъ и тревожнымъ взглядомъ тридцать паръ дѣтскихъ свѣтлыхъ глазъ. Что дадимъ мы другъ другу? чѣмъ станемъ другъ для друга? чѣмъ одинъ другого научимъ?

— Ну, дѣти! давайте знакомиться.

Прежде всего поражала пестрота и разнообразіе въ одѣждѣ и манерахъ моихъ ученицъ. На первыхъ скамьяхъ сидѣли чисто вымытыя, гладко причесанныя дѣвочки съ голубыми и красными лентами въ косахъ, въ шерстяныхъ платьяхъ и бѣлыхъ плоеныхъ передникахъ. Потомъ жила ситцевая, пестрая толпа съ косичками и ситцевыми платочками на головахъ; и наконецъ, пять—шесть нечесаныхъ фи-

гурь, съ большими „полушалками“, въ которые уродливо были закутаны и головы и плечи.

Въ старшій группѣ было пять дѣвочекъ: Логачева,—дочь княжескаго камердинера, Рутковская,—дочь дворецкаго (обѣ въ коричневыхъ платьяхъ и фартукахъ съ плоеными оборками), Кадникова—дочь „панка, что дегтемъ торгуетъ“, Гришина—большая черноволосая дѣвушка, съ меня ростомъ, и Марія Гусева. Росту она была для своихъ двѣнадцати лѣтъ очень маленькаго, съ большой блокурой головой, съ милой улыбкой широкаго, некрасиваго рта и пристальнымъ и вдумчивымъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ, которые у нея были разрѣзаны чуть-чуть наискось. У всѣхъ дѣвочекъ были чисто-русскія, болѣе или менѣе миловидныя лица, широкоскулые, съ круглыми носиками, съ ясными сѣрыми или карими глазами, и только одно лицо поражало необыкновенной красотой: это было лицо Нади Рутковской—идеальная головка съ тонкими, нѣжными и отчетливыми линіями лба, носа и нѣсколько заостренного подбородка, съ большими прозрачными синими глазами и волной золотистыхъ кудрей, которая падали до пояса. Сюнька, т.-е. Есенія Дьякова обманула мои ожиданія: я представляла ее себѣ бойкой, смѣлой до дерзости дѣвочкой, а предо мною стояла неуклюжій увалень, закутанный въ большой шерстяной платокъ, пять котораго выглядывало неумытое лицо съ испуганными, дикими глазами.

— Снимите платокъ, Дьякова!

Но Сюнька еще плотнѣе стянула его на груди. И сняла сама—и увидѣла растрепанную голову и до черноты грязныя шею и уши. Такими же гряз-

ными оказались и другія дѣвочки, за-
кутанныя въ платки, и я строго-на-
строго приказала, чтобы завтра всѣ
пришли безъ платковъ и съ заплетен-
ными косами: нечесаныя, лохматыя го-
ловы поражали какъ-то особенно рѣзко
рядомъ съ чистыми, одѣтыми по-го-
родски дѣтьми.

Потомъ началась повѣрка знаній,
требуемыхъ по программѣ. Старшая
группа читала и писала совершенно
грамотно: въ диктанѣ даже занятые
стояли на своихъ мѣстахъ. Но когда
я спрашивала, почему то или другое
слово такъ пишется, дѣвочки удив-
ленно смотрѣли на меня и говорили,
что такъ въ „книжкѣ напечатано“.

— А изъ грамматики что вы учили?

— Да только еще начали: склоняли
да подлежащее-сказуемое разбирали.

— Ну, Логачева, просклоняйте мнѣ
слово „пѣтухъ“.

— Пѣтухъ... пѣтуха... пѣтуху.

— Постойте, постойте... Назовите
прежде падежи.

Но о падежахъ никто понятія не
имѣлъ. Синтаксическій разборъ сво-
дился къ слѣдующему: „первое слово—
подлежащее, второе — сказуемое, а
тамъ—что придется“.

— Напримеръ: „пѣтухъ поетъ“ — гдѣ
подлежащее?

— Пѣтухъ.

— А если я скажу „поетъ пѣтухъ“?

— Тогда, стало-быть, „поетъ“.

Батюшкина Любочка засмѣялась.

— Да такъ къ вопросу не подхо-
дить: надо спросить „что дѣлаетъ“?

Но тѣмъ всѣ Любочкины свѣдѣнія и
ограничивались. Почти то же было
и съ ариѳметикой. Старшая группа
безъ ошибокъ дѣлала четыре дѣйствія,
но зато даже въ самой простой задачѣ
плохо разбиралась, а въ задачникѣ

Евтушевскаго добрая четверть задать
была подчеркнута: „это задачи неопре-
дѣленныя, значить, неразрѣшимыя“. И
въ этотъ разрядъ неразрѣшимыхъ попа-
ли всѣ задачи на пропорціональное
дѣленіе, на объемъ и движение. Во
второй группѣ оказалось нѣсколько
школьницъ, которыхъ совершенно не
умѣли читать, но писали совершенно
правильно, списывая съ книги и очень
красиво — съ прописи.

— Какъ это случилось? недоумѣ-
вала я.

— Да мы все только писали да
писали: Иванъ Родионовичъ съ боль-
шими ариѳметикой или русскій дѣлаютъ,
а мы себѣ пишемъ да пишемъ.

Къ числу неграмотныхъ принадле-
жала и Дьякова. Другая неграмотная,
Балабанова, очевидно, не умѣла читать
оттого, что ее учили по тремъ разнымъ
методамъ: звуковому, слоговому и по
церковно-славянски. „Рукавица“ у нея
выходило: „Рука-ко-аэль-ка“. Но когда
я всѣхъ неграмотныхъ захотѣла пере-
садить обратно къ звуковикамъ, Бала-
банова горько разрыдалась. Напрасно
я утѣшала ее, что черезъ шесть не-
дѣль она опять будетъ читать и я
ее пересажу въ среднюю группу: „Нѣть
ужъ! Такая, видно, моя удача: твержу,
твержу слова, все лѣто съ дѣдушкой
аэбуку проказываю и съ братомъ чи-
таю, а какъ осенью въ классъ приду —
такъ опять все сызнова“. Звуковиковъ
я приняла двѣнадцать человѣкъ. Во-
семь изъ нихъ были деревенскія дѣ-
вочки въ сарафанахъ и большихъ плат-
кахъ, а четыре въ городскихъ платьи-
цахъ — дочери служащихъ съ завода.
И маленькимъ, какъ старшимъ, я строго-
настрого приказала чисто вымыться
горячимъ водою съ мыломъ и гладко
причесать волосы.

(„только не папъ и не мамъ“)? Вѣдь мы, въ самомъ дѣлѣ, изолгались въ конецъ; лжемъ при всякомъ случаѣ, удобномъ и неудобномъ, и со всякими цѣлями, благими и неблагими. Взять хоть бы такъ называемыя свѣтскія отношенія: всѣ эти привѣтственные улыбки, радушныя рукопожатія, пылкія выраженія участія, сочувствія,—что это, какъ не сплошная, и при томъ взаимно-завѣдомая, ложь? А отношенія родственныя? отношенія служебныя?— „Ложь лжей и всяческая ложь“, сказалъ бы современный Соломонъ. Мы лжемъ, и сознаемъ, что лжемъ,—но мы такъ привыкли лгать, что это сознаніе ни малѣйшей неловкости намъ не причиняетъ. И, разъ мы сами себя чувствуемъ прекрасно, намъ и въ голову не приходитъ, какое вредное вліяніе должна производить наша, зачастую просто легкомысленная, лживость на нашихъ же дѣтей,—какую страшную заразу мы съѣмъ этою лживостью въ дѣтскихъ душахъ, раскрытыхъ наподобіе цвѣточныхъ вѣнчиковъ и готовыхъ на всю жизнь воспринять все доброе...

Что же намъ дѣлать? Неужто самимъ перевоспитываться? Непремѣнно. Воспитывая другихъ, мы перевоспитываемъ себя—иначе и быть не можетъ. А кто на это не дерзаетъ, тотъ не имѣть права и воспитывать. Наглядное воспитаніе, т.-е. воспитаніе на примѣрахъ,—единственно дѣйствительное: какіе же можетъ явить собою воспитательные примѣры человѣкъ, съ личнымъ нравственнымъ совершенствованіемъ уже покончившій,—не потому, разумѣется, покончившій, что всего потребнаго и желаемаго въ этомъ отношеніи достигъ (поищите-ка такихъ людей!), а потому, что занятъ гораздо

болѣе интересными, по части самоуслажденія, цѣлями и задачами?

Помимо непосредственныхъ наказовъ и запретовъ съ одной стороны и наглядныхъ примѣровъ съ другой, мы послѣдовательно умерщвляемъ правдивость въ дѣтяхъ еще иными способами, косвенными. Если тамъ мы руководствуемся соображеніями житейской практики, то здѣсь уже прямо опираемся на педагогику,—домашняго изобрѣтенія, положимъ, но тѣмъ не менѣе прочно въ нашемъ семейномъ быту укоренившуюся. Изъ этихъ косвенныхъ способовъ первое мѣсто по распространеннosti и вредоносности надлежитъ отвести тѣмъ дипломатическимъ приемамъ, къ которымъ мы съ такой охотой прибегаемъ въ направленіи дѣтей на стезю добродѣтели. Напримеръ: ребенокъ заѣбъль утромъ поздороваться съ нами; мы ничего ему не говоримъ, но своимъ видомъ даемъ ясно понять всю глубину нанесенного намъ оскорблѣнія. Или наоборотъ: покажется намъ почему-нибудь, что сдѣланную ребенкомъ обыкновенную шалость слѣдуетъ возвести на степень выходящаго изъ ряда вонъ простука, и мы, не ощущая въ души ни малѣйшаго гнѣва, искусственно напускаемъ его на себя — хмуримся, дуемся. Во всѣхъ такихъ случаяхъ намъ неизбѣжно приходится прятываться; а такъ какъ ребенокъ это прекраснѣо понимаетъ, то мало-по-малу настолько этимъ искусствомъ проникается, что уже намъ становится въпору у него учиться.

Допустимъ, однако, что мы сами ни прямо ни косвенно лживости въ ребенка не развиваемъ: какъ уберечь его отъ постороннихъ въ этомъ направленіи вліяній? Не научимъ его кривить душой мы, родители,—научить

прислуга, научать товарищи. Тутъ одно средство: взаимное довѣріе. И чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Въ ребенкѣ одновременно съ его сознаніемъ должно расти непоколебимое довѣріе ко всему, что онъ въ насть видить и отъ насть слышитъ,—къ каждому нашему слову, къ каждому взгляду, къ каждой улыбкѣ; все, имѣющее хотя малѣйшую связь съ нашей личностью, должно быть для него олицетвореніемъ правдой. А если мы пойдемъ къ нему навстрѣчу, и на довѣріе отвѣтимъ довѣріемъ въ такой же полной мѣрѣ, т.-е. никогда не дадимъ ему почувствовать нашего недовѣрія,—то уже никакая кривда между нами не встанетъ.

— B. C. Лихачовъ.

Попеченіе о здоровье нервной системы.

(По Гиршлафу).

Ссылка на наследственность во многихъ случаяхъ служитъ для родителей пугаломъ, противъ котораго, повидимому, беспомощна всякая борьба. Жизнь, однако, показываетъ, что въ страхѣ передъ наследственностью большую частью находять слишкомъ далеко. Оказывается, что природа въ большинствѣ случаевъ выравниваетъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ пороки и недостатки предыдущихъ поколѣній. Такъ, известно, что прямое унаслѣдованіе нервныхъ болѣзней наблюдалось далеко не столь часто, какъ обыкновенно разсказываютъ. Идиотизмъ, падучая болѣзнь, истерія, мигрень, вотъ, пожалуй, болѣзни, которыхъ принадлежать къ тѣмъ именно нервнымъ разстройствамъ, при коихъ известную роль играетъ наследственное предрасположеніе; такія же устрашающія нерв-

ные и душевныя болѣзни, какъ спинная сухотка, размягченіе мозга и т. п., отнюдь не отличаются означенными вліяніемъ. Даже и простая нервная слабость, нейрастенія, не передается непосредственно отъ родителей дѣтямъ.

Если нервная слабость—какъ нельзя въ томъ и сомнѣваться—зависитъ отъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій жизни, отъ неразумного образа жизни и воспитанія, пренебреженія личной гигієнѣ и т. п., то понятно, что всѣ эти условія могутъ встрѣчаться и у потомковъ и у нихъ вызывать одинаковыя послѣдствія. Унаслѣдовалась, по этому толкованію, не самая болѣзнь, но вредныя привычки и пр., которые вызвали болѣзнь и у предковъ; поэтому состоять уже во власти наследниковъ предпринимать противъ нея мѣры и парализовать подозрѣвающее вліяніе наследственности. Фактъ, что известная болѣзнь проявляется во многихъ поколѣніяхъ одной и той же семьи, не даетъ поэтому права заключать, что она переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Точными изслѣдованіями установлено было даже въ новѣйшее время то, что наследственное обремененіе специально у нервныхъ и душевныхъ больныхъ обнаруживается отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ у лицъ здоровыхъ, нервная система которыхъ навсегда остается нормальной.

Исключению подлежать лишь тѣ случаи, когда нервная система родителей отравлена сифилисомъ, алкоголизмомъ или другими ядами. Все это нерѣдко отражается на дѣтяхъ, хотя и не такъ, чтобы дѣтская нервная система поражалась непремѣнно тѣми же самыми болѣзненными признаками, каковые замѣчались у родителей. Самый злостный

наследственный врагъ человѣчества— это злоупотребленіе спиртными напитками; оно прямо ведетъ къ погибели нервной системы и родителей и дѣтей. На второмъ планѣ оказывается сифилисъ: отъ него происходятъ тягчайшія органическія нервныя страданія и душевные болѣзни, какъ-то: спинная сухотка, размягченіе мозга. Большая часть выкидышей, женскаго бесплодія, значительный процентъ дѣтей-идиотовъ и слабоумныхъ обязаны зараженію сифилисомъ родителей. Такой же опасностью грозятъ нервной системѣ дѣтей половыя излишества родителей, распутная жизнь и т. д.

Къ органическимъ причинамъ, вредно дѣйствующимъ на нервную систему, относится также несоответственное питаніе дѣтей. Грудной младенецъ отличается отъ ребенка, вскармливаемаго на рожкѣ, не только своимъ питаніемъ, но и своимъ первымъ здоровьемъ, своею выносливостью относительно внѣшнихъ вліяній, своимъ спокойствиемъ, сномъ и т. д.

Вредно дѣйствуютъ на нервную систему и некоторые яды, какъ-то: кофе, чай, табакъ, минеральные вещества (свинецъ, фосфоръ, сѣроуглеродъ, мышьякъ, ртуть, свѣтильный газъ, окись углерода, углекислый газъ и т. д.).

Органическое разстройство нервной системы развивается и подъ вліяніемъ эхинококка (многоглавой пузырчатой глисты), который попадаетъ въ тѣло ребенка въ видѣ яицъ ленточной глисты, преобразующихъся въ эхинококкъ. У каждой собаки непремѣнно имѣются означенныя глистные яйца, которые очень легко поражаютъ дѣтей, не отличающихся обыкновенно опрятностью и не стѣсняющихся прикосновеніемъ домашней собаки.

Что касается функциональныхъ разстройствъ нервной системы, то таковыя наблюдаются въ умственной дѣятельности, въ органахъ чувствъ и въ мышечной системѣ. Для этихъ органовъ существенно слѣдующее основное положеніе: дѣятельность всѣхъ этихъ органовъ нормальна, пока она отвѣчаетъ данной работоспособности организма, патологична же, когда она превышаетъ ее или когда слишкомъ продолжительна. Отсюда ясно, что упражненіе полезно и необходимо для всякаго органа, съ другой же стороны всякое переутомленіе пагубно точно такъ же, какъ и продолжительная бездѣятельность органа. Всякая дѣятельность, доставляющая ли только удовольствіе или посвящаемая серіозному труду, можетъ вести къ вредному переутомленію, когда работоспособность органа мгновенно падаетъ, какъ, напримѣръ, въ состояніи голодація, усталости, у лицъ неупражняющихъ или ослабленныхъ болѣзнью. Надо, впрочемъ, замѣтить, что переутомленіе можетъ обнаруживаться не только вслѣдствіе однократной какой-либо слишкомъ тяжелой работы, но, что чаще,—и отъ слишкомъ продолжительной, хотя бы и незначительной самой по себѣ работы.

Какимъ, однако, образомъ можно предотвратить переутомленіе въ работе? Средства къ этому слѣдующія: 1) достаточное развитіе и упражненіе всѣхъ органовъ, благодаря чему мы можемъ работать съ наименьшимъ напряженіемъ; 2) спокойная, непрерывная, внимательная работа, при которой мысль наша не отвлекается, а постоянно сосредоточена на дѣлѣ; 3) обязательное чередование работы и отдыха; 4) мѣна въ дѣятельности раз-

личныхъ органовъ, обуславливающая равномѣрное упражненіе и утомление; и, наконецъ, 5) правильная пристановка работы ради ъды, отдыха и сна.

Къ только что сказанному можно въ дополненіе сказать слѣдующее: необходимо по возможности избѣгать всякой излишней дѣятельности, не отвѣчающей опредѣленной, хозяйственной или гигиенической дѣлѣ, или необходимо не упускать по крайней мѣрѣ изъ виду того, что творится большою частью безсознательно на пользу оздоровленія. Каждый изъ насъ ежедневно тратить значительную долю физического труда на бесконечное множество неуловимыхъ тѣлесныхъ движений и мышечныхъ напряженій, когда ходить, стоять, сидеть, пишетъ, носить что-либо, одѣвается, умывается и т. п.; органы чувствъ, въ особенности глазъ и ухо, работаютъ въ минуты бодрствованія безостановочно; наконецъ, умъ нашъ занять не прерывно, хотя бы и не былъ вынужденъ къ этому какимъ-либо опредѣленнымъ мотивомъ. Человѣкъ толковый и серіозно относящейся къ требованіямъ гигиены сумѣть и въ этихъ болѣе или менѣе незамѣтныхъ актахъ найти и сохранить мѣру, и подавить ихъ, когда нужно краинимъ образомъ напрѣчь или ослабить работоспособность организма. Разъ на все это обращается должное вниманіе, то вскорѣ сама собою устанавливается привычка къ правильному гигиеническому режиму и тогда не представляется и нужды каждую минуту думать о томъ, что для организма полезно, что вредно. Напротивъ, каждый, у которого гигиенический такой режимъ обратился въ инстинктивную привычку, выигрываетъ весьма много времени на полезныя и выгодныя занятія, какое у другого тратится

бессознательно и безцѣльно. Къ этому же, всякой и обязательный нашъ трудъ долженъ будеть выиграть отъ этого, такъ какъ при означенныхъ условіяхъ мы станемъ работать съ большимъ усердіемъ, вниманіемъ и спокойствіемъ, а не съ обычной нервной торопливостью и разсѣянностью.

Правильное пищевареніе безусловно необходимо для здоровья нервной системы. Самочувствіе наше, наше душевное настроеніе самымъ тѣснымъ образомъ связано съ этимъ факторомъ: плохое пищевареніе влѣтеть за собою угрюмое, тоскливо настроеніе, гнетущее расположение духа.

Немаловажную роль, какъ въ личной гигиѣ, такъ въ особенности въ дѣлѣ оздоровленія первовъ играетъ уходъ за кожей. Обмыванія, души, ванны, кроме того, что содѣствуютъ содержанию тѣла въ чистотѣ и опрятности, служить къ укрѣплению и закаливанію кожи и нервъ и необычайно освѣжаютъ и оздоровляютъ всю нервную систему. Сюда же относится и забота о подходящей одеждѣ и обуви.

Сонъ тоже составляетъ важное условіе въ гигиѣ нервной системы. Потерявъ на снѣ иѣсколько часовъ, приходится наверстывать эту потерю въ слѣдующій день. Треть сутокъ, а то и болѣе (часовъ 8—10) необходимо отдавать на сонъ. Спальная комната должна быть свѣтла, просторна, гарантирована отъ шума, ночью темна, такъ какъ и при закрытыхъ глазахъ свѣтъ мѣшаетъ достаточному ихъ отдыху. Во избѣженіе сновидѣй хорошо передъ засыпаніемъ обращать вниманіе на ритмъ своего дыханія, такъ какъ благодаря этому устраниется разбрасываемость мыслей, которая часто не даетъ заснуть даже при полномъ

утомлениі. Кстати, сонъ нарушается и при переполненіи пищею желудка.

При выборѣ отдыха должно отдать предпочтеніе пребыванію на чистомъ воздухѣ. Прогулки, экскурсіи, подвижные игры, спортъ всякаго рода, особенно городскимъ жителямъ, должны быть рекомендованы какъ лучшія средства для успокоенія нервной системы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ умственной и нравственной гигіенѣ. Во-первыхъ, обратимъ вниманіе на опасныя стороны медицинскаго полузнанія профановъ. Этимъ лицамъ безусловно было бы необходимознакомиться съ основными медицинскими свѣдѣніями, какъ-то со строеніемъ и отправленіями тѣла, равно съ личной гигіеною и уходомъ за больными, но отнюдь не съ лѣченіемъ болѣзней и примененіемъ лѣкарствъ и способовъ лѣченія. Въ настоящее время печать злоупотребляетъ сообщеніемъ профаниамъ специальнно-медицинскихъ свѣдѣній и чуть не отдаетъ имъ на оцѣнку дѣятельность врачей. Нѣть человѣка, который постыдился бы дать совѣтъ по лѣченію любого недуга; не мало же встрѣчается и такихъ субъектовъ, которые готовы критиковать рецепты и мѣропріятія врачей. Къ этому, фабриканты медицинскихъ препаратовъ и въ специальнѣй, и въ общей прессѣ рекламируютъ множество новоизобрѣтаемыхъ снадобій противъ всевозможныхъ болѣзней и стараются всячески распространить ихъ въ публикѣ не ради здравья больныхъ, а ради выгоды для собственного кармана. Зло такого положенія вещей рѣшительно возмутиительно. Этимъ, главнымъ образомъ, подрывается довѣріе въ публикѣ къ врачамъ, да и напослѣдокъ великой вредъ пациентамъ. Въ былое время врачъ

являлся другомъ и совѣтникомъ въ домѣ, теперь наровитъ его мѣсто занять невѣжественный захаръ. Въ особенности же важно довѣріе къ врачу больныхъ нервныхъ, для которыхъ нравственный уходъ часто составляетъ суть самаго лѣченія.

Наконецъ, помимо тѣлесной гигіены, для здравья нервной системы важно значеніе душевнаго настроенія и душевныхъ движений. Недовольство, страхъ, печаль, отчаяніе понижаютъ всѣ отправленія организма до полнаго ихъ парализованія. Они нарушаютъ аппетитъ и пищевареніе, задерживаютъ кровообразованіе и образованіе тепла. Они понижаютъ тѣлесную и душевную дѣятельность и выносливость. Наоборотъ, всѣ эти отправленія повышаются и поддерживаются подъ влияніемъ радостныхъ эмоцій, какъ-то: веселья, довольства, надежды и т. п. Вотъ почему каждому, особенно же нервному человѣку необходимо стараться поддерживать ровное, радостное душевное настроеніе и избѣгать всячески душевныхъ волненій гнетущаго характера. Конечно, все это не заставляетъ человѣка мириться съ существующими дурными сторонами жизни и не мѣшаетъ ему принимать живое участіе въ общественномъ, политическомъ и научномъ прогрессѣ человѣчества, но вынуждается только не заноситься черезчуръ въ своихъ требованіяхъ къ жизни, а держаться болѣе скромной роли въ отношеніяхъ къ окружающей средѣ и честно работать по мѣрѣ силъ своихъ и способностей на общую пользу, на пользу ближнихъ, общества, государства. Въ самихъ себѣ надо искать довольства и счастья, и помнить, что *est modus in rebus sunt certi denique fines.*

Д-ръ А. Виреніусъ.

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

Преобразование сиротскихъ судовъ. Школьная комиссія. Голодная и холодная дети. Дѣтская смертность. „Отапливаемая паромъ“ гимназія. Дѣло кончившаго курсъ гимназіи Якунича. Симбирскій семейно-педагогич. кружокъ и его дѣятельность).

На этотъ разъ прежде всего не лише будетъ отмѣтить отрадное извѣстіе, появившееся въ газетахъ, о преобразованіи такъ называемыхъ сиротскихъ судовъ. Этотъ важный вопросъ уже стоитъ на очереди въ высшихъ правящихъ сферахъ. Въ числѣ многихъ живущихъ институтовъ въ родѣ комерческихъ судовъ находится и дѣло леканія сиротъ. Сиротскіе капиталы сихъ порь въ некоторыхъ случаяхъ, далеко не единичныхъ, служили знакомымъ кускомъ для липъ, не имѣвшихъ ни чести, ни совѣсти. Въ настоящее время вопросъ проценченія надъ протами, какъ пишутъ, разработанъ широко и, что самое главное, въ основу его заложено начало общественнаго контроля. Такимъ образомъ, дѣянія попечителей, душеприказчиковъ и спекуновъ, нынѣ мало кому извѣстныя, будутъ подлежать огласкѣ и общественному надзору.

Отмѣтимъ здѣсь также тотъ фактъ, что въ настоящее, въ высшей степени трудное для русскихъ время, тамъ и сямъ получаются развитіе такъ называемая школьная комиссія. Тысячи, десятки тысячъ семействъ нуждаются теперь въ простомъ кускѣ хлѣба, уже не говоря объ одѣждѣ. Понятно, это убийственнымъ образомъ отражается на дѣтяхъ вообще и на школьникахъ въ частности. Послѣдніе перестаютъ учиться. Тутъ-то и могутъ, до извѣстной сте-

пени, помочь школьнія комиссіи. По словамъ „Одесскихъ Нов.“, въ Петровопавловскомъ санитарномъ попечительствѣ одно изъ засѣданій было посвящено вопросу объ упомянутыхъ комиссіяхъ. Выяснилось, что дети не ходятъ въ школу, потому что голодны и не имѣютъ платья и обуви. Попечительный комитетъ рѣшилъ притти на помощь. Онъ ассигновалъ на предстоящее полугодіе 150 р., городская управа прибавила къ этой суммѣ 300 р. и санитарное попечительство 25. Открыть сборъ пожертвованій. Обязанности попечителей и попечительницъ сложны. Кромѣ доставленія одежды и продитамія, они должны обращать вниманіе на физическое развитіе учащихся, на организацію повторительныхъ занятій, на устройство разумныхъ развлечений и библіотекъ, на дальнѣйшее образованіе учащихся по окончаніи начального училища. Комитетъ разсчитываетъ открыть въ будущемъ году дополнительные классы при школахъ; классы утверждаются городскимъ училищнымъ совѣтомъ.

Насколько вообще важно усиленіе общественного вниманія въ сторону вуждь бѣднѣйшаго класса и въ частности несчастныхъ дѣтей этого класса,—печальной иллюстраціей можетъ служить слѣдующее письмо или, вѣрѣвѣ, волѣ нѣкоего г. С., студента Новороссійскаго университета:

„М. г., г. редакторъ! Пишущій эти строки наткнулся на такую ужасную картину нищеты, холода и голода, что помочь обычнымъ сборомъ пожертвованій по знакомымъ рѣшительно невозможно, такъ какъ тутъ нужна серіозная помошь, которую въ ограниченномъ кругу знакомыхъ собрать нельзя: необходимо воззвание къ об-

ществу, къ людамъ, отзывчивыи на чужое горе.

„Представьте себѣ конурку безъ оконъ, съ маленькимъ просвѣтомъ въ дверяхъ,—впрочемъ, совершенно безъ полезнымъ, т. к. конурка спрятана отъ свѣта за окружающими ее стѣнами постройекъ.

„Здѣсь ютится больной рабочій (занимается вырѣзываніемъ пробокъ), жена и троє ребятишекъ малъ-мала менши.

„Въчный мракъ, ужасный холодъ, болѣзнь, вслѣдствіе голода и холода,— вотъ что царить въ этой конурѣ. Отсутствіе работы и болѣзнь были причиной этого ужаснаго положенія, въ которомъ очутился рабочій со своей семьей: не на что купити дровъ, керосину, пищи...

„Нѣть словъ для передачи того чувства, похожаго на кошмаръ, которое охватываетъ свѣжаго человѣка съ улицы при посѣщеніи этой конуры и ей обитателей. Тутъ необходима помощь добрыхъ людей и какъ можно скорѣе“.

А сколько такихъ „конуръ“, сколько такихъ голодныхъ и холодныхъ дѣтей, сколько больныхъ и безработныхъ? А вѣдь все это наши братья.

Изъ мѣстечка Манзыря, Бендерск. уѣзда, пишутъ: уже въ половинѣ декабря здѣсь было нѣсколько семействъ, въ которыхъ по цѣлымъ днямъ ревѣли голодныя дѣти. Было собрано 76 руб. Ожили десятки малютокъ и „недѣлю-другую фли“. Но пособіе „можно было раздать не вѣсьмъ“... Манзырцы однако надѣются, что вотъ пріѣдетъ управляющій манзырскимъ имѣніемъ (12 тыс. десятинъ) и поможетъ имъ. „Да и какъ не помочь, думаютъ они, вѣдь мы еще съ крѣпостныхъ временъ обслуживали имѣніе!“

Имя такимъ мѣстечкамъ—легіонъ.

Вотъ что пишетъ о дѣтской смертности въ деревняхъ г. Будищевъ („Русь“):

„Загляните въ любую деревню на шу, обойдите ее внимательно, изъ двора во дворъ, и поразспросите сами этихъ матерей крестьянскихъ.

Вы услышите:

— Было десять осталось въ живыхъ три.

— Родилось двѣнадцать, умерло семь!

— Богъ приbralъ!

И вездѣ вы услышите все ту же ужасную пѣсенку, пѣсню смерти. Вездѣ вы наткнетесь, какъ на стѣну, на такія сверхъестественные цифры:

— Родилось двѣнадцать, умерло семь.

Что такое передъ цифрами этими отчетъ хотя бы о страшномъ японскомъ бояѣ! Вотъ каковы статистическія данія о дѣтской смертности.

Ежегодно умираетъ въ Самарской губерніи изъ тысячи дѣтишекъ 57%. Въ Тульской изъ такого же количества 55%. Въ Московской—54%.

Не видно особенной заботливости и къ воспитанникамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведений. Правда, въ газетахъ появилось извѣстіе, что, напр., попечителемъ одесского учебнаго округа возбужденъ вопросъ объ отменѣ обращенія учителей къ учащимся среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній на „ты“. Вопросъ переданъ на обсужденіе педагогическихъ совѣтовъ, при чемъ попечитель выразилъ желаніе, чтобы обращеніе на „вы“ было введено по возможности безотлагательно. Это, конечно, недурно; но, къ сожалѣнію, подобная сообщенія тонуть въ морѣ сообщеній самаго удручающаго свойства.

Въ Елисаветградской женской гимназіи, „отапливаемой паромъ“, въ классахъ „такъ холодно“, что „изо рта

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

паръ валитъ и у дѣтишекъ зубъ на зубъ не попадаетъ". Что отошло въ этомъ учебномъ заведеніи поставлено скверно, говорили, какъ пишутъ „Елизаветгр. Нов.“, очень давно, но „отъ слова перешли къ дѣлу только теперь, когда начали свидѣствовать морозы“. А „переходъ къ дѣлу“ выразился въ слѣдующемъ: „пошли осмотры комиссии, экспертовъ, техниковъ и т. д.“. Есть въ Елизаветградѣ люди, которые теперь говорятъ: „въ настоящее время, благодаря ударившимъ морозамъ, такой осмотръ является весьма своеобразнымъ“.

Въ Кишиневѣ, въ камерѣ мирового судьи, разбиралось слѣдующее небывалое въ судебнѣй практикѣ дѣло:

„Окончившій въ минувшемъ учебномъ году курсъ 2-й гимназіи Витольдъ Якубовичъ обвинялъ преподавателя той же гимназіи Григорія Козленко въ оскорблениі на письмѣ и въ клеветѣ (131 и 136 ст. уст. о нак.). 6-го іюня прошлаго года, послѣ раздачи аттестатовъ зрѣлости, Якубовичъ, въ отвѣтъ на прощальную рѣчь начальства, между прочимъ, сказалъ:

— Не всегда отъ гимназіи мы получали то, что должны бы были получать... Но теперь, въ виду торжественности минуты, мы забываемъ все это и желаемъ вамъ всего лучшаго...

Вечеромъ того же дня преподаватель той же гимназіи, надв. сов. Г. Козленко, черезъ кого-то подоспалъ въ буфетъ Канморе, въ городскомъ саду, гдѣ за столикомъ собирались кончившіе курсъ,—письмо съ энграфомъ:

Вотъ на! А мнѣ чего рѣбѣть?
И я его лягнуль.
Пускай ослиныя копыта знаютъ!

Педагогъ, обращаясь ко всей компаніи, въ письмѣ своемъ заявляетъ:

„Однимъ изъ вашихъ соучастниковъ, отъ имени вѣсѣй совершивъ низкій поступокъ: оскорблены всѣ учившіе и воспитавшіе вѣсѣ, оскорблено все учебное заведеніе. Вы всѣ знаете прекрасно, что при строгости, судя по вашимъ экзаменамъ, могли не получить аттестата шесть человѣкъ. Неужели эти шесть человѣкъ не чувствуютъ никакой благодарности? Даже тотъ, который собирался покончить съ собой при неудачѣ!.. Нанесено оскорблениѣ въ минуту радости. Какъ долженъ быть низокъ человѣкъ, который въ такой моментъ держалъ въ душѣ зло!.. Убѣжденъ, что говоря отъ имени всѣхъ вѣсѣ, онъ не спросилъ позволенія у всѣхъ нанести это оскорблениѣ всему учебному заведенію. А это не только подлость, но и нахальство!“ и т. д.

Въ заключеніе педагогъ требуетъ: „Лицамъ, которыхъ не солидарны съ мнѣніемъ Якубовича, совѣтовать бы я послать отъ своего имени депутатію къ директору гимназіи съ таковымъ заявлениемъ. Не будьте стадомъ, которое идетъ безсознательно за баракомъ!..“

Г. Якубовичъ, усматривая въ этомъ воззваніи, по его выраженію, публичное оскорблениѣ и клевету, просилъ подвергнуть бывшаго своего воспитателя наказанію, опредѣленному въ 131 и 136 ст. уст. о нак., и непремѣнно возвратить ему письмо Козленко... на память.

Г. Козленко, признавъ подлинность письма, пытался только доказать взаимность обиды. Судья приговорилъ Козленко къ 10-рублевому штрафу съ замѣной (въ случаѣ несостоятельности) двухдневнымъ арестомъ при арестномъ домѣ“.

Однако, этими, какъ оказывается, дѣло для бывшаго гимназиста не кончилось. На этихъ дняхъ въ „Бесс. Ж.“ появилась такая замѣтка:

„Окончивший 2-ой кишиневскую гимназию В. В. Якубовичъ, оскорбленаій, какъ извѣстно, учителемъ 2-ой гимназии г. Козленко, обречены на безграницы мытарства, вслѣдствіе того, что педагогическій совѣтъ 2-ой гимназии „позаботился“ своевременно внести „извѣстный инцидентъ“ на публичномъ актѣ въ кондуктъ г. Якубовича, почему ему было отказано въ текущемъ году въ пріемѣ въ Новороссійскій университетъ. Г. Якубовичъ принесъ жалобу г. министру народного просвѣщенія на дѣйствія педагогическаго совѣта кишиневской 2-й гимназии, и министръ предписалъ, кому слѣдуетъ, вычеркнуть изъ кондукта г. Якубовича дискредитирующую послѣдняго запись“.

Пусть гг. Козленки запомнятъ это предписаніе высшей инстанціи!.. Давно пора смотрѣть на учениковъ, какъ на людей.

Остановимся теперь на отчетѣ симбирскаго семейно-педагогическаго кружка за 1903 г.—первый годъ его существованія. Это, такъ сказать, еще новорожденное дѣтище, и тѣмъ, конечно, любопытнѣе ознакомиться съ исторіей его появленія и съ результатами его начальной дѣятельности. Въ началѣ 1902 г. въ мѣстныхъ „Губернск. Вѣдомостяхъ“ появилась обстоятельная статья г. Витевскаго „Обѣ открытии въ Симбирской педагогическаго общества и клуба“. „Поставить правильно дѣло воспитанія и образованія подрастающихъ поколѣній, писалъ между прочимъ г. Витевскій,—дѣло очень трудное“... „Въ массѣ даже образованной публики нѣтъ совсѣмъ никакой педагогики. При всей

продолжительности курсовъ нашего ученья, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ педагогикѣ отводится самое скромное мѣсто; въ нѣкоторыхъ же учебныхъ заведеніяхъ о ней даже не упоминается ни единаго слова“... „Конечно, теперь гуманитаріи больше, воспитаніе культурнѣе, но все это болѣе или менѣе случайно“. Даѣше авторъ, предвидя обычное у насъ возраженіе всѣмъ, кто намѣщаетъ какія-либо мѣропріятія,—что не хватить на дѣло средствъ,—пишетъ: „Возраженіе это неосновательно. Прежде всего необходимъ сознательный трудъ общества; при наличности этого условія, съ самыми небольшими средствами можно сдѣлать многое. Нерѣдко можно видѣть, какую массу денегъ тратятъ на воспитаніе и обученіе, но результаты получаются далеко ниже ожидаемыхъ,—потому что воспитаніе какъ разъ такой предметъ, который менѣе всего можетъ быть получено за деньги, безъ собственного при этомъ труда со стороны семьи и общества“.

Какъ и слѣдовало ожидать, на статью г. Витевскаго тотчасъ же откликнулись статьями въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“. Такъ, г-жа Кудрявцева между прочимъ писала: 1) Нѣтъ у насъ дѣтского сада, где бы дѣти дошкольного возраста могли бы полезно проводить время.; 2) нѣтъ „площадки“ для дѣтскихъ игръ лѣтомъ, нѣтъ общественныхъ для дѣтей катковъ и горъ зимою; 3) нѣтъ дѣтской библиотеки, и нашимъ дѣтямъ негдѣ брать книгъ для чтенія, а родителямъ негдѣ брать руководства и учебники для занятій съ дѣтьми; 4) нѣтъ музея пособій по естествознанію, физическихъ приборовъ, картинъ, чучель, коллекцій и т. п., столь необходимыхъ каждому ро-

дителю при дошкольномъ обученіи и воспитаніи ребенка; 5) неѣть правильныхъ сношеній съ учащимъ персоналомъ, и лишь когда съ ребенкомъ произойдетъ „инцидентъ“, родители идутъ или жаловаться, или защищать его предъ учащими. Какой всегда субъективный характеръ носятъ эти тяжелыя объясненія и для родителей, и для учащихъ... Между тѣмъ, по очень многимъ вопросамъ можно было бы прійти къ соглашенію на объективной почвѣ докладовъ и взаимного обмена мыслей въ клубѣ. А гигієническо-санитарный надзоръ! Гдѣ мы сможемъ обсуждать эти вопросы, какъ не въ соединенномъ собраніи педагоговъ, врачей и родителей?

Мы нарочно привели этотъ поистинѣ „плачъ Рахили о детяхъ своихъ“, такъ какъ подъ приведенными скорбными „неѣть“ можетъ расписаться подавляющее большинство городовъ русскихъ; съ другой же стороны вся цитата можетъ служить прекраснымъ отвѣтомъ на вопросъ: что должно быть.

Въ продолженіе февраля и марта появился еще рядъ статей. 18 апреля 28 человѣкъ собралось на первое учредительное собраніе. Была избрана комиссія для редакціи проекта устава семейство-педагогического кружка. 25-го проектъ былъ готовъ. 4 мая въ „Вѣдомостяхъ“ было помѣщено объявление: всѣхъ лицъ, сочувствующихъ учрежденію кружка, просить пожаловать 5 мая на общее собраніе въ залѣ городского общественнаго управления. 6 ноября проектъ устава былъ возвращенъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ учредителямъ для намѣненій. Министерствомъ измѣненій. Министерство, между прочимъ, примѣчаніемъ къ § 3 устава воспретило женщинамъ зани-

мать какія бы то ни было должностіи въ семейство-педагогическомъ кружкѣ. На собраніи 10 ноября это запрещеніе вызвало замѣчанія, что „женщины въ дѣлѣ семейство воспитанія имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ мужчины, и совершенное устраненіе ихъ отъ должностей по кружку можетъ повлечь за собою отсутствіе жизненности въ кружкѣ, при чѣмъ самое существованіе кружка явилось бы безцѣльнымъ“. Другимъ примѣчаніемъ Министерства члены-сотрудники (вносящіе до рубля въ годъ) лишались права голоса въ собраніи и права занимать должностіи по кружку. Было послано мотивированное ходатайство о снятіи этихъ ограниченій устава. Наконецъ-то, 12 декабря уставъ былъ утвержденъ за министра товарищемъ министра Дурново, при чѣмъ права женщинъ стѣсненію не подверглись; но оставлено было въ силѣ ограниченіе правъ членовъ-сотрудниковъ.

Теперь въ краткихъ словахъ очертимъ дѣятельность кружка за первый годъ его существованія. Надо замѣтить, что для болѣе успѣшнаго достижения своихъ цѣлей общее собраніе кружка въ помощь совѣту учредило комиссіи: 1) докладовъ, 2) библіотечную, 3) детскихъ игръ и развлечений и 4) музейную. За отчетный периодъ были прочитаны четыре весьма солидныхъ доклада по такимъ животрепещущимъ вопросамъ, какъ—роли семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія („воспитаніе не можетъ направлять къ счастію въ будущемъ, оно должно содѣйствовать счастью детей въ ихъ настоящемъ“... „выбираемая школа должна отвѣтить индивидуальности ученика“... „арезультатами узко-utiлитарныхъ воззрѣній общества на школу являются: формали-

ное отношение послѣдней къ учащимся, преувеличенное значение балловъ въ жизни учениковъ и ранняя утрата многими изъ нихъ идеальныхъ возвращений на науку..."), о дѣтской лжи („склонность ко лжи самыхъ маленькихъ дѣтей является результатомъ наследственности, умственной неустойчивости и подражательности"... „главное средство борьбы съ ложью состоитъ въ пробужденіи и развитіи интереса къ истинѣ, любви къ правдѣ и справедливости, критического отношенія къ окружающему и въ широкомъ и правильномъ ознакомленіи питомцевъ съ государственными, общественными и правовыми условіями жизни (по образцу англійского воспитанія)..." „наказанія—главная и непосредственная причина лживости... дисциплина и нормальный ходъ уч.-б.-восп. дѣла вполнѣ возможны безъ нихъ"), о правильномъ развитіи воли („воля людей, не сумѣвшихъ поставить себя въ правильныя отношенія къ окружающимъ условіямъ, лишена выдержки и твердости"... „современная школа часто обезволяетъ питомца; надъ учениками тяготѣеть власть дисциплины"... „главная часть работы воспитателя—помощь воспитаннику въ выработкѣ широкаго общечеловѣческаго идеала и возбужденія въ немъ желания къ неуклонному осуществленію его на практикѣ...", о внушеніи и подражаніи въ дѣлѣ воспитанія).

Библіотечная комиссія также сдѣЛАЛА не мало; къ 1 января 1904 г. въ библіотекѣ состояло 1314 названій, 1268 томовъ книгъ. Большую часть книгъ похертовали разныя лица и учрежденія.

Дѣятельность комиссіи дѣтскихъ игръ и развлечений проявилась въ устройствѣ: 1) площадки для дѣтскихъ игръ, 2) катка и 3) дѣтскихъ утѣш и за-

городныхъ прогулокъ. 13 мая комиссія приспособила и открыла для игръ дѣтей городской, поросшій бурьяномъ и изрытымъ ямами, садъ, отведенный кружку думой. Мѣсто для катка предоставилъ г. Плющевскій-Плющікъ; воду бесплатно отпустила дума; даже фонари были предоставлены въ бесплатное пользованіе г. Волковымъ. Организованы также были дѣтскія утра и прогулки за городъ.

Музейная комиссія проявила себя слабѣ, но это произошло исключительно потому, что кружокъ не имѣть подходящаго для своей цѣли помѣщенія. Все же она получила цѣнныя похертованія.

Судя по всѣмъ даннымъ отчета, кружокъ носить въ себѣ всѣ главные элементы успешного развитія—„духъ бодръ и душу живу“, словомъ то, что обыкновенно называется интеллигентностью въ истинномъ и высокомъ значеніи этого слова.

B. Измайлова.

Извлеченіе изъ отчета о международномъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ.

Въ юнѣ 1904 г. германскія женщины созвали въ Берлинѣ 3-й международный женскій конгрессъ. 19 цивилизованныхъ странъ прислали на него своихъ офиціальныхъ делегатокъ. Референтокъ было приглашено 235. Посѣтило конгрессъ за недѣлю съ 13-го по 18-е юня 12.000 мужчинъ и женщинъ. Вопросы, касающіеся женскаго движенія и женской дѣятельности, разбирались въ четырехъ секціяхъ: 1-я—образованіе женщины; 2-я—женскій заработокъ; 3-я—соціаль-

Извлечение изъ отчета о международномъ женскомъ конгрессѣ.

ныя учреждениія и стремлениія; 4-я—правовое положеніе женщины. Изъ всѣхъ затронутыхъ вопросовъ ближе всего касаются настъ, читателей „Воспитанія и Обученія“, доклады первой секціи: „Подготовка женщины къ материинству“, „Домашнее воспитаніе“, „Дѣтскій Садъ“ и др.

Въ томъ, что я имѣю сказать вамъ, нѣтъ ничего лично моего. Я составила отчетъ на основаніи печатныхъ данныхъ, которыя выдавались послѣ каждого засѣданія всѣмъ намъ, представителямъ прессы.

Открытие конгресса состоялось именемъ въ первой секціи, 13-го іюня, въ 10 час. утра. Предсѣдательница германского женского союза, Марія Штрітъ, въ привѣтственной рѣчи изложила планъ конгресса, который былъ уже намѣченъ на послѣдніемъ лондонскомъ конгрессѣ въ 1899 году. Разработкѣ намѣченныхъ проблемъ способствовали два условія: сильно развившееся женское движение въ Германии (она имѣетъ 170 женскихъ обществъ) и сотрудничество иностраннѣхъ дѣятельницъ. По ея словамъ, секціи поставили себѣ задачей выяснить положеніе женщины какъ носительницы культуры, освѣтить ея роль въ борьбѣ за существованіе, ея соціальное положеніе и, наконецъ, стремленіе къ расширенію ея гражданскихъ правъ. Рѣчь свою Марія Штрітъ заключила словами: „Не къ уравненію своихъ правъ съ мужчинами стремится женщина, а къ выработкѣ самостоятельной личности, такъ какъ она чувствуетъ въ себѣ достаточно силы сдѣлаться свободной, сильной, способной къ материинству женщины будущаго“.

Затѣмъ приступлено было къ намѣченнымъ на этотъ день докладамъ.

Предсѣдательствовала Елена Ланге (выдающаяся дѣятельница въ области женского движения, издательница ежемѣсячного журнала „Die Frau“). Женское образование подлежитъ вѣдѣнію первой секціи, потому что виѣшняя свобода не такъ цѣна, какъ внутренняя, которая достигается только воспитаніемъ. Изъ послѣдующихъ рефератовъ выяснилось: иные полагаютъ, что инстинктъ материинства, врожденный каждой женщинѣ, помогаетъ ей воспитывать дѣтей. Нѣтъ, въ наше время жизнь предъявляетъ такія сложные требованія, что одного инстинкта недостаточно. Материинству должна предшествовать серіозная подготовка, иначе отъ матери ускользнетъ авторитетъ надъ дѣтьми. Она должна разумно управлять своей дѣтской, и тогда можно будетъ надѣяться, что изъ обновленной дѣтской выйдетъ новое поколѣніе. Съ самаго ранняго дѣтства нужно развивать духъ общественности въ дѣтяхъ. Чтобы достигнуть этого, мать сама прежде всего должна знать весь строй соціальной жизни. Прежняя добрая хозяйка не должна быть замѣнена или устранена, она должна подняться на высшую ступень. Быть матерью трудно: она все—благородуміе, любовь, помощница мужа, она постоянная руководительница взросльыхъ дочерей и сыновей. Дѣти, выросшія подъ благословеннымъ семейнымъ кровомъ, внесутъ въ жизнь гармонію и жизнерадостность.

Важна справедливость въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ, абсолютное равенство между мальчиками и девочками. Впослѣдствіи смѣшанная школа утвердить въ нихъ идеи равенства, взаимопомощи, разрушить старые предразсудки. Мать должна во-

оружиться мудростью и любовью, такъ какъ мудрость наивѣрнѣйшее оружіе на жизненномъ пути, а выше любви нѣтъ въ мірѣ ничего. (Изъ реферата Лэди Эбердинъ,ице-предсѣдательницы всемірнаго женскаго союза).

Материнство характерная черта женщины. У выдающихся личностей, въ родѣ Жоржъ Зандъ, Жоржъ Элліотъ, г-жи Сталь врожденное чувство материнской любви переходитъ въ любовь къ человѣчеству. Иныя тяготятся материнствомъ благодаря своей неподготовленности. Явился на свѣтъ ребенокъ, мать чувствуетъ себя потерянной, и чудная перспектива обращается въ муку. Но вотъ оборотная сторона материнства. Жить лично для себя пріятно, мы должны заняться своимъ развитіемъ, мы не можемъ оставаться бездѣятельными, такъ наши бабушки, мы вступаемъ въ жизнь не съ пустыми руками, мы далеко ушли отъ старого поколѣнія. Но женщины, ставшей въ новые условия, развиившей свою личность, предстоитъ въ жизни новые, тяжелыя столкновенія. Какъ быть, чтобы, занимаясь собою, не нанести ущерба ребенку—вотъ борьба,—но одержанная побѣда послужитъ ребенку на пользу, въ этой борьбѣ, въ этихъ конфликтахъ въ насть вырабатывается „крупкая мудрость“ (*eine milde Weisheit*. Изъ рѣчи Адели Гергардъ, немецкой писательницы).

Въ семье вырабатывается национальный характеръ. Гений дается природой, характеру нужно помочь выльиться въ извѣстную форму. Но однихъ словъ недостаточно: важны наши поступки, а не слова. Для достижения гармоніи въ дѣлѣ воспитанія нужно единеніе между родителями и воспитателями. Сліянію двухъ элементовъ

могутъ способствовать родительскіе кружки. Въ Англіи существуетъ национальный воспитательный союзъ, въ который входятъ родители, врачи, духовныя лица, воспитатели. Ставятся на обсужденіе философскіе вопросы о воспитаніи, о родительской власти, объ индивидуализаціи и пр. Въ одномъ изъ положеній союза говорится: ребенокъ—личность съ самого рожденія; онъ не рождается хорошимъ или худымъ, но одаренъ способностью быть тѣмъ или другимъ. Въ рукахъ у насть три воспитательныхъ средства: *атмосфера*, въ которой растетъ ребенокъ, *укорененіе идей* и *привитіе привычекъ*. Упоминая объ атмосферѣ, мы не хотимъ сказать, что ребенка нужно изолировать, окружить его специальной дѣтской атмосферой, приспособленной и подготовленной для него, мы хотимъ сказать, что намъ слѣдуетъ считаться съ воспитательнымъ значеніемъ естественной, домашней обстановки по отношенію къ лицамъ и предметамъ, а затѣмъ оставить его жить въ его собственныхъ условіяхъ. Низводя нашъ міръ на уровень міра дитати, мы задерживаемъ развитіе молодого существа. Воспитывать—значить дать жить свободно, разумно, открыть ребенку двери въ настоящую жизнь, развить въ немъ эстетическое чувство, познакомить его съ музыкой, съ искусствами—все это задачи семьи. Пусть изъ ребенка выработается не безпринципный рабъ, а существо съ развитой волей. Такое воспитаніе можетъ дать только любящая, терпѣливая мать. (Изъ сообщенія мистрисъ Фрэнклинъ).

Трогательны были слова Генріэтты Гольдшмидтъ, второй предсѣдательницы германскаго союза. „Дорогие мои, начала она, 40 лѣтъ тому назадъ

Фребель пустилъ глубокіе корни въ сердцѣ матери. „Родители, уважайте вашихъ дѣтей, говорилъ онъ, ищите человѣка въ ребенкѣ“. Въ университетѣ слѣдуетъ знакомить съ идеями Фребеля. Ученые, спуститесь въ дѣтскую! Не забудьте воспитать женщину, будущую мать“. Въ Фребелѣ мы видимъ великаго ученаго, интернационального реформатора.

Когда рѣчь зашла о дѣтскихъ садахъ, было высказано пожеланіе, чтобы они обратились въ народныя воспитательныя заведенія, чѣмъ достигалось бы сближеніе общественныхъ слоевъ. Къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ ни подготовленныхъ работниковъ, ни средствъ для осуществленія этой задачи.

Оживленный пренія вызвалъ вопросъ, сдѣлаетъ ли дѣтской садъ правительственныймъ учрежденіемъ, не можетъ ли эта зависимость слишкомъ регламентировать живое дѣло. Клара Рихтеръ, стоящая во главѣ народнаго дѣтскаго сада въ Берлинѣ, находитъ, что правительство затормозило бы развитіе учрежденій, въ которыхъ чувствуется настоящая нужда. Слѣдуетъ поощрять частную инициативу¹⁾.

Австрійская писательница Марія Лангъ говорила на тему: „Даровая работа хозяйки дома“.

И по сей часъ преобладаетъ мнѣніе, что мѣсто женщины у домашняго очага, что въ этой должности никто ея не можетъ замѣнить. Какъ общество вознаграждаетъ эту работу? За-

¹⁾ Я не останавливаюсь на принципахъ, проводимыхъ въ берлинскихъ дѣтскихъ садахъ (а они только и прислали своихъ представительницъ), такъ какъ обѣихъ мню данъ подробный отчетъ въ 6-й книжкѣ „Восп. и Обуч.“ за 1903 г.

конь обѣй умалчиваетъ. Несправедливо было бы думать, что доставляемое ей мужемъ содержаніе служить эквивалентомъ ея работѣ; бракъ самъ по себѣ налагаетъ на мужа обязанность содержать жену, одолженіе тутъ обоюдное. Между тѣмъ жена работаетъ, отъ нея зависитъ благосостояніе семьи. И что же? Такъ какъ разрѣшеніе этой проблемы закономъ не предусмотрено, то за смертью мужа, вдова остается зачастую безъ куска хлѣба, несмотря на то, что она всю жизнь работала. Такъ какъ ея трудъ даровой, то его презираютъ, и она сама его ни въ грошъ не ставить, а подчасть и не старается выполнить работу добросовѣстно. Со вступленіемъ въ бракъ женщина теряетъ свои права, отчего въ некоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Америкѣ, женщины избѣгаютъ замужества. Законъ долженъ признать и оцѣнить работу хозяйки дома, онъ долженъ признать, что она помощница мужа и что она сама себя содержать. О зависимости отъ мужа тутъ не должно быть и рѣчи, на хозяйство нужно смотрѣть, какъ на ассоціацію; при чемъ первое условіе—это точно выработанный бюджетъ. При такой постановкѣ дѣла исчезнетъ затаенная злоба хозяйки дома къ женщинѣ, занятой общественной дѣятельностью, и она будетъ избавлена отъ подавляющей суетливой работы „доброй хозяйки“, о которой Шиллеръ говорить: „она никогда не отдыхаетъ“. Прошло то время, когда жена одной рукой штопала мужинныя носки, а другой играла на фортепьяно, боясь потерять время. Она заявляетъ свои права на осмысленное существованіе. Работа супруговъ совмѣстная; мужъ — капиталъ, жена — инженеръ,

распоряжающейся этимъ капиталомъ. Трудъ ихъ ровноцѣненъ. Семья отъ этого уравненія будетъ въ выигрышѣ.

Извѣстная американская ораторша мистрисъ Жильменъ-Стетсонъ, авторъ обстоятельного труда „Женщины и ихъ экономическое положеніе“, разобрала вопросъ, имѣть ли право на заработокъ состоятельная женщина. Никто никогда не противился тому, чтобы женщина трудилась, порицаютъ только оплаченный женскій трудъ. Въ особенности не одобряютъ, если женщина состоятельная зарабатываетъ. Если мужчина находится въ такихъ же условіяхъ, это считаются вполнѣ естественнымъ. Почему? Его трудомъ держится міръ. Но жизнь наша была бы лучше, если бы и женщина работала. Въ первый періодъ истории человѣчества вся продуктивная работа лежала на женщинѣ и считалась „женской работой“. Въ наши дни она неприлична женщинѣ съ тѣхъ поръ, какъ мужчина ею завладѣлъ.

Современная женщина стремится вернуть себѣ половину міровой работы и хочетъ также имѣть половину заработной платы. Но не эта плата служить, конечно, цѣлью нашей работы. Трудъ есть органическій жизненный процессъ соціального строя. Но не отнимаетъ ли зарабатывающая состоятельная женщина хлѣбъ у несостоятельной? Это мнѣніе неосновательно. Работа принадлежитъ способному ее выполнить. Работа исполняется не для того, чтобы прокормить работника, а для того, что она нужна міру. И каждый индивидуумъ долженъ нести міру свою лучшую работу. Тотъ, кто способенъ трудиться и не трудится, грѣшилъ противъ общественности. Трудовая нива достаточно обширна для

обоихъ половъ. Пока есть нуждающійся индивидуумъ, работа для него готова, ея хватить на тысячу лѣтъ, пока весь міръ не удовлетворить своихъ нуждъ. Тогда настанетъ пора для истинно прекрасной работы, которая послужитъ къ усовершенствованію человѣка. Слѣдовательно, трудъ и право на него принадлежать обоимъ поламъ.

Ясно изложенные доводы ораторши вызвали бурю аплодисментовъ.

При закрытіи конгресса, 18-го іюня, говорила также мистрисъ Стетсонъ. Она изложила теорію женскаго вопроса. Во время оно мужчина и женщина составляли одно существо. Изъ этого двойного существа произошла женщина. Она способна дѣлать все, что дѣлаетъ мужчина.. Нѣтъ мужскаго дѣла, есть общечеловѣческое. Человѣчество не имѣть пола. Въ религії, въ наукѣ есть одно—человѣческое. Различіе между полами только физическое. Женщина предназначена къ материнству. Что можетъ быть выше его? Мать даетъ ребенку что у нея есть лучшаго и сама совершенствуется. Материнство священно. Мать никогда не даетъ слишкомъ много своему ребенку. Міръ будетъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлаетъ его женщина.

Россія не имѣла своихъ представительницъ на конгрессѣ, но она тоже должна внести долю своего труда въ колоссальную международную работу. Слѣдующій конгрессъ будетъ въ Канадѣ въ 1909 году, а до того времени будутъ ежегодно подготовительныя конференціи въ разныхъ городахъ. Русскимъ женщинамъ слѣдуетъ сплотиться, принять участіе въ подготовительной работе, образовать свой национальный союзъ и къ 1909 году вступить въ число культурныхъ странъ и въ этой области. *Н. Кошкина.*

БІБЛІОГРАФІЯ.

8. Приключения крестьянского мальчика. Сергія Хатунського. Ізд. таорг. дома „С. Курнінъ и К°“. М. 1904.

9. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Перев. съ фр. К. Б. Ізд. таорг. дома „С. Курнінъ и К°“. М. 1904.

10. Малютка. Пов. А. Додэ. Перев. съ фр. Д. К. Тихомирова. Ізд. К. Тихомирова. М. 1904.

Въ разсказѣ г. Сергія Хатунського—деревенскій 5-лѣтній мальчикъ Вася, проснувшись раннимъ утромъ одинокимъ (мать ушла на работу въ поле, а отецъ добывалъ деньги въ Москвѣ на фабрикѣ) было похныкалъ сначала, а затѣмъ отправился на улицу. Подзадоренный примѣромъ сотоварищѣй, постарше, и онъ задумалъ въ игрушечномъ кувшинѣ „снести воды“ матери—и заблудился. Его захватилъ къ себѣ мальчуганъ же—вожатый слѣпого. Далѣе... мать искаиваетъ „святаго мѣста“, разыскивая сына, а Вася странствуетъ по лѣсамъ и неприхотливымъ ночлежкамъ. Однажды пьяница-слѣпой избилъ своего вороватаго Петьку-проводника. И безъ того уже озлобленный тяжелой жизнью, мальчикъ рѣшился отомстить нищему. А пока они съ Васей бѣгутъ отъ слѣпого. Благодаря счастливой случайности, Вася попадаетъ въ объятія матери; „а Петька присталь къ партії слѣпыхъ“. Разная печальная правда и проза жизни въ очеркѣ проведена съ объективизмомъ—(въ краскахъ нѣть подавляющей мрачности) и не безъ литературнаго мастерства временами. Среди беллетристического балласта—разсказъ обращаеть на себя вниманіе.

Въ переводѣ г. К. Б. странствуетъ уже дѣвочка—круглая сирота 7—8 л. Маня. Она бѣжитъ сама, потому что боится попасть изъ школы въ пріютъ. Съ нею только собака и кошка въ тачкѣ. Планъ Мани найти гдѣ-то далеко, въ Парижѣ, тетку Алису. На пути Милордъ (собака) защищаетъ Маню отъ бульдога. Далѣе — попадается добрая

фермерша. Манѣ оказывають всяческія услуги и гостепріимство, наводятъ даже справки въ Парижѣ; но тщетно. Въ перспективѣ возвращеніе къ учительницѣ. Маня рѣшается на новое бѣгство—самой попытать счастья въ Парижѣ. Туда она и добралась таки. И новая удача: она у господина Жана Леру. „Онъ былъ очень талантливый художникъ; имѣя доходъ съ большого состоянія, онъ зарабатывалъ еще своими картинами и слылъ среди сосѣдей великодушнѣшимъ человѣкомъ... Доброта Леру сдѣлала для Мани больше, чѣмъ могли бы сдѣлать уроки учителей, и опытность, приобрѣтенная благодаря дорожнымъ приключеніямъ, помогла ей подчиниться его благоразумному решенію относительно ея судьбы. И она спокойно думала о томъ, какъ она будетъ жить въ школѣ“. Скитальцы нынѣ какъ будто въ модѣ, да. Но другого повода къ переводу такой повѣстушки — мы не уловляемъ.

„Малютка“—это тоже исторія одного ребенка, которая въ приложеніи къ „Дѣтскому Отдыху“ названа „Малышемъ“. Отзывъ о ней см. „Восп. и Обуч.“ 1904 г., № 2.

А. Нагимова.

11. Грачи прилетѣли. Три корзиночки земляники. Сказка о двухъ хлѣбныхъ зернышкахъ. Воришка. Клавдій Лукашевичъ.

Чистенькия, иллюстрированныя дешевые книжечки. Напечатаны четкимъ крупнымъ шрифтомъ и, видимо, предназначены для самого младшаго возраста. Привычнымъ, не лишеннымъ литературной гладкости перомъ, авторъ выдерживаетъ простоту изложенія. Морализмъ г.-жи Лукашевичъ, давно работающей въ дѣтской беллетристикѣ, также уже нѣчто вполнѣ опредѣлившееся, обычное, не требующее никакихъ новыхъ оцѣнокъ. Какой-нибудь гипнозъ яркихъ образовъ ей не по силамъ; она труженикъ поучающаго сочинительства. Но мы, по крайней мѣрѣ, ощущали на себѣ въ ея піесахъ тамъ и сямъ подлинно теплые нотки любви къ дѣтскому миру. Въ названныхъ выше

рассказикахъ: „Грачи прилетѣли“ передаетъ впечатлѣнія дѣтей, заинтересованныхъ птицами, которыхъ напрасно считываютъ „глупыми, надоѣдливыми и бесполезными“; въ „Сказкѣ о двухъ хлѣбныхъ зернышкахъ“, одно растительное поколѣніе не пожелало служить на пользу ближняго, попало въ барскій букетъ, а затѣмъ и въ помойное ведро. Зато другіе ростки, не отказывавшіеся нести общественную службу, порадовали, въ концѣ концовъ, голодающихъ крестьянъ; „Тремя корзиночками земляники“ мальчикъ Степа, задумавшій торговать на помощь матери и больной сестрѣ, оказалъ много услугъ незадачной семье своей, благодаря разнымъ встрѣчнымъ господамъ. Къ слову—въ разсказѣ вышла какая-то ошибка съ картинкой. На стр. 14, деревенскій Степа представленъ барчукомъ. На долю очерка „Воришка“ выпало, само собою разумѣется, уже гораздо побольше мрачныхъ красокъ. Сироту Федыку обучаетъ всякому злу какая-то компанія пьяныхъ оборванцевъ. Онъ воруетъ въ огородахъ, „не вѣдая, что творить“. Федѣ подчасть жестоко попадало. Но однажды его поразилъ своимъ человѣчнымъ отношеніемъ къ безпризорному воришкѣ—сторожъ, отставной солдатъ. И мальчикъ исправляется.

A. Налимовъ.

12. Милосердный Орель (Крымская легенда) и другія легенды и сказки для дѣтского чтенія. Вл. А. Попова. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904.

13. Старая трубка. Разсказъ изъ военного быта. М. Медведьева. Изд. ред. журн. „Дѣтск. Чтеніе“ и „Пед. Листокъ“. М. 1904.

Мы не разъ уже старались обосновать тѣ соображенія, что сказки ничуть не какое-нибудь извѣчное и прирожденное дѣтское чтеніе. Дѣти не „народъ“. Да и народъ и дѣти переживаютъ свои ступени видоизмѣнений въ исторіи человѣчества. Особливо же шекотливое и деликатное дѣло—разныя

передѣлки и перелицовки легендъ и сказокъ. Каждое поэтическое произвѣденіе, конечно, прежде всего—нѣкоторый символъ, нѣкоторая условная творческая форма для воздействиія на слушателя, на читателя. Но бываютъ пѣсы—символичныя, аллегоричныя, нарочито-фантастичныя. По преимуществу г. Поповъ не колеблется предложить дѣтямъ свои попытки въ такомъ родѣ. Совершенно напрасно, по нашему мнѣнію. Раздумью передъ сложными и болѣе или менѣе двусмысленными образами—приспѣвать своя пора въ жизни юнцовъ. Тогда они сами разсудятъ, насколько дались автору такія построенія. Только „гордый орель“ помогъ голодному и одинокому человѣку, ибо у названной хищной птицы—нѣтъ „кучи мірскихъ заботъ“. Вѣтеръ привѣтствуетъ въ заглохшій садъ, „лахнуль чѣмъ-то свѣжимъ и ласковымъ“ на фіалку, но „больной цвѣтокъ“ оттолкнулъ привѣтливаго свободолюбца—и только потомъ пожалѣлъ о своемъ поступкѣ. Вѣтерокъ-таки унесъ фіалочку, но она „сама ослабла, захотѣла на землю—на покой“. Раковины „оттого шумятъ“, чтобы служить всѣмъ тѣмъ, которые живутъ „вдали отъ моря, на суши, воспоминаніемъ о царствѣ великаго Нептуна“.

Несравненно проще и реалистичнѣе разсказъ г. Медвѣдева. Отставной капитанъ Басовъ живеть съ своимъ воспитанникомъ—инженеромъ и хранить въ своемъ письменномъ столѣ „потертый кожаный кисетъ“ и простую трубку. Инженеръ сынъ солдата, которому когда-то принадлежали эти вещи. Онъ, рядовой Фроловъ, состоялъ денщикомъ при Басовѣ, безъ позволенія офицера онъ вышелъ на поле битвы и спасъ жизнь своему „господину“, получивъ при этомъ смертельную рану. Ужасы войны и подвигъ деревенскаго „увальня“—Фролова, совершенно перерождаются Басова. Сухой, эгоистичный холостякъ дѣлается любящимъ человѣкомъ.

A. Налимовъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Апрѣль — № 4.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 4.

1. Кто виноватъ? *Н. М. Радецкая* . . . 129
2. Годъ въ школѣ. *С. Каракеевич* (Прод.). 136
3. Нужна ли система въ восп.? *Н. Чехова* 148
4. Возраженія автора бесѣдъ на письмо
и. Чехова 151
5. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по
даннымъ текущей печати. *В. Измайлова*. 154

Кто виноватъ?

Недавно въ Одессѣ разыгралась кровавая драма: ученикъ 6 класса Ри-шельевской гимназіи П—кій, 18 лѣтъ, застрѣлилъ изъ револьвера ученицу 7-го класса Марійской гимназіи, тутъ же на площадкѣ, неподалѣку отъ своей жертвы, покончилъ съ собой. Мѣстные уличныя газеты подробно описали этотъ „кровавый романъ“. Изъ описаній видно, что гимназистъ П—кій нѣсколько лѣтъ „былъ влюбленъ въ дѣвочку“, всегда преслѣдовалъ ее своими любовными приставаніями, и когда несчастная пожаловалась родителямъ своего назойливаго ухаживателя, прося ихъ образумить сына, и окончательно заявила юношѣ, что она его не любить, что ей и ему нужно учиться, что она не можетъ принадлежать ему, а принадлежитъ своимъ родителямъ, страш-

нымъ гнѣвомъ и убилъ „любимую“ дѣвушку... забыть Бога, родителей, полагавшихъ на сына свои надежды, забыть отечество и все человѣчество...

Говорять, дѣвушка пользовалась общими симпатіями, а отецъ ея съ горя лишился ума. „Героя“ хоронили торжественно: на похороны, благодаря газетамъ, собралась масса публики, на гробъ были возложены вѣнки... Въ толпѣ называли покойнаго „героемъ“, сравнивали съ „Ромео“ и даже восхищались „силой любви“ и „силой воли“... А на слѣдующій день изъ другой больницы хоронили безвинную „Джульетту“, которая умоляла „Ромео“ оставить ее въ покое и пала жертвой „сильной воли“...

Мнѣжалъ молодыя погибшія силы, хотя въ „Ромео“ я нахожу всѣ признаки вырожденія, но я не могу не возмущаться тѣмъ, что толпа считаетъ эти убийства и самоубийства „геройствомъ“ и даже высоко-ко-самоотверженными поступками, достойными подражанія... Толпа не хочетъ знать, что отнимать жизнь у кого бы то ни было, а тѣмъ больше у „любимаго существа“, это не только безнравственно, но и просто безумно: такое убийство и самоубийство заслуживаетъ всяческаго порицанія.

Я присутствовалъ на похоронахъ, прислушивался къ сужденіямъ молодежи и взрослыхъ, и мнѣ грустно было все это слышать и видѣть. Многимъ

Воспитание и Обучение 1905 г.

казалось, что подобный драмы вполнѣ естественны и иначе быть не можетъ:

— Если сильная любовь не встрѣтила взаимности, желанія не удовлетворены, то и незачѣмъ жить, нѣтъ никакого смысла... доказывалъ студентъ своимъ товарищамъ. И съ нимъ соглашались... Не встрѣтилъ взаимности—и балъ пулю въ лобъ „любимому существу“ и самому себѣ,—вотъ „сильная воля“ многихъ молодыхъ людей настоящаго вѣка... но съ этимъ не мирится ни разумъ, ни здоровое чувство.

А гдѣ же причины и кто виноватъ?

Въ Николаевѣ ученикъ 3-го класса гимназии, 13 лѣтъ, бросился въ рѣку на глазахъ публики и утонулъ... Въ карманѣ его была найдена записка, въ которой было написано: „Прощу никого не винить въ моей смерти, жизнь надоѣла. Я любилъ С—у, но она меня не любила“... Этотъ 13-ти лѣтній „Ромео“ также пыталъ „горячей любовью“ къ 12-ти - лѣтней дѣвочкѣ, но, не встрѣтивъ взаимности, также рѣшилъ оставить неблагодарный міръ, въ которомъ за любовь отвѣчаютъ холоднымъ отказомъ неблагодарные „Джульетты“...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ той же Одессѣ, 12-ти - лѣтній гимназистъ отравился изъ-за любви къ 17-ти лѣтней дѣвушкѣ. Онъ также написалъ родителямъ записку, въ которой просилъ никого не винить въ его смерти: „Дорогіе папаша и мамаша, я умираю потому, что жизнь миѣ надоѣла. Меня никто не любитъ“... писалъ несчастный за два часа до смерти. Записка лежала на фотографической карточкѣ любимой дѣвушки.

А вотъ 17-ти - лѣтняя дѣвушка, только что окончившая гимназию. Не

встрѣтивъ взаимности, она приняла ядъ и также въ запискѣ просить „никого не винить въ ея смерти“... Можна бы привести еще множество подобныхъ фактовъ самоубийства дѣтей, по кончившихъ свое существованіе вслѣдствіе „неудовлетворенной любви“, которые заявляли въ своихъ запискахъ, чтобы никого не винили въ ихъ смерти, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы задать вопросъ: „да кто же виноватъ? Гдѣ кроется причина этого печальнаго и ненормальнааго явленія и можно ли согласиться съ заявленіями самоубійцъ, что такъ-таки дѣйствительно „никто не виноватъ“.

Съ точки зрењія видовой, можетъ быть, оно и лучше, что слабые, негодные къ борьбѣ за существование организмы уходятъ съ арены сами и расчищаются поле браны для болѣе сильныхъ и здоровыхъ, но съ нравственной и общественной стороны это явленіе требуетъ всесторонняго выясненія. Гдѣ же кроется дѣйствительная причина этихъ эпидемическихъ самоубийствъ, этого самоистребленія молодыхъ жизней? Нѣтъ, во всемъ виноваты наши ненормальные условія воспитанія, наша ненормальная и даже во многомъ безобразная общественность, полное игнорированіе указаний и требованій педагогики и гигіеи, не безъ вины въ этомъ отношеніи и наша литература. Въ многихъ современныхъ произведеніяхъ, написанныхъ „талантливо“ и „художественно“, въ такихъ заманчивыхъ краскахъ изображаютъ сильную эгоистическую желанія и страсти, такъ высоко идеализируютъ „сильную волю“ „сверхъ-человѣковъ“, для которыхъ все возможно и которые не должны признавать ни чьей по-

сторонней воли, что остается удивляться, какъ у насъ еще мало „сверхъ-человѣковъ“, убийцъ и самоубийцъ...

Вотъ, между прочимъ, образчикъ мышленія современаго „сверхъ-человѣка“ Фалька въ романѣ Ст. Пшибы-шевскаго „Гомо Сапиенсъ“. „Да, конечно... разрушение необходимо... раздумывалъ Фалькъ. — Маритъ... да... разрушена... Да почему же и нѣтъ? Я вѣдь природа, я разрушаю и даю жизнь!.. Я шагаю черезъ тысячи труповъ, потому что я долженъ!.. И я зарождаю жизнь черезъ жизнь, потому что я долженъ!.. Да, дальше онъ продолжаетъ: „Я совсѣмъ не человѣкъ. Я—„сверхъ-человѣкъ“: безсовѣстный, жестокій, прекрасный и добрый, я природа: у меня нѣтъ совѣсти, у нея тоже нѣтъ ея... у меня нѣтъ жалости,—у нея тоже нѣтъ ея... Да, я человѣкъ необыкновенный, я „сверхъ-человѣкъ“!.. Стоитъ ли изъ-за этого мучиться? (Фалькъ совершилъ гнусный поступокъ въ отношеніи Маритъ). — Смѣши!.. Знаеть молниѧ, почему она убиваетъ? Есть у нея разумъ, можетъ она управлять своими силами, своимъ огнемъ? Нѣтъ, она можетъ только констатировать, что тутъ и тамъ она убила“..

И представьте же себѣ, что масса современной молодежи зачитывается подобными произведеніями и съ увлечениемъ черпаетъ изъ нихъ „духовную пищу“. Разумѣется, что при такомъ настроеніи въ такъ называемой „философіи индивидуализма“ (въ сущности—просто животнаго, дикаго эгоизма, который не признаетъ никакихъ нравственныхъ законовъ), не можетъ быть уваженія къ чужой волѣ и личности, разъ она не поддается волѣ эгоиста, „сверхъ-человѣка“... Если же

препятствія непреодолимы, то не стоптъ и обуздывать собственную волю, а потому—револьверъ въ руки и пулю въ лобъ...

На-дняхъ покончилъ съ собой въ Тирасполѣ молодой человѣкъ, который былъ влюбленъ въ очень красивую девушку, которая отвѣтила ему отказаніемъ... Онъ выстрѣлилъ въ себя изъ револьвера на извозчикѣ на глазахъ прохожихъ... Въ Харьковѣ сынъ директора гимназіи С., проѣзжая на извозчикѣ по городу, застрѣлился... Причина—тоже отвергнутая любовь... Вотъ еще телеграмма послѣднихъ дней: „Сегодня на квартиру учителя Александровскаго коммерческаго училища Макѣ-Липланда пришелъ воспитанникъ училища Сизовъ и просилъ исправить двойку. Учитель отказалъ. Сизовъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ учителю въ голову, а себѣ въ сердце. Сизовъ упалъ мертвый. Учитель скончался по доставленіи въ больницу“.

Всѣ эти эпидемическія „самоубийства и убийства, всѣ эти самосуды и решения „собственной воли“ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ дѣлѣ нашего школьнаго и семейнаго воспитанія существуютъ глубокіе дефекты: мы положительно забрасываемъ нравственный міръ нашихъ дѣтей, отдаемъ ихъ на отраву „случайностей“, и эта ядовитая змѣя, порожденная хаосомъ безвѣрья и распущенности, дѣлаетъ то, что можетъ дѣлать. Мы сами сознательно и бессознательно губимъ нашихъ дѣтей и всячески коверкаемъ ихъ нашимъ безразличіемъ и крайнимъ индиферентизмомъ. Мы коверкаемъ наше юное цоколѣніе патологической беллетристикой, разнуданнымъ театромъ, гдѣ также изобража-

ются „сверхъ-человѣки“, непризнающіе никакихъ нравственныхъ законовъ, никакой чужой воли, кромѣ своей; разстраиваемъ первы безмысленной учебой, высасываемъ всѣ жизненные соки, обезличиваемъ, не даемъ никакихъ идеаловъ человѣчности и любви къ истинѣ, развиваемъ одинъ только эгоизмъ, дѣлаемъ молодежь пессимистичной, окунаемъ ее съ первыхъ дней жизни въ болото развратной и гнилой дѣйствительности, мотивируя это тѣмъ, что молодежь должна знать все... и она познаетъ все, *познаетъ многое*, но часто не знаетъ самаго главного: что жизнь не шутка, что личный эгоизмъ, развитой до крайности, толкаетъ въ пропасть, превращаетъ человѣка въ звѣря... „Ахъ, какая сильная воля!“... „Ахъ, какая сильная любовь!“... истерически восхищается психопатическая толпа. Сѣмѧ падаетъ на благодарную почву, и плодъ вырастаетъ обильный: самоубийства прогрессируютъ, страсти разгораются, „кровавыя драмы“ разыгрываются, и вырождающееся общество смотрить на всѣ эти явленія, какъ на вполнѣ естественные, неизбѣжныя...

Кто же, спрашивается, возстанетъ противъ этихъ общественныхъ золъ и кто возьмется за дѣло оздоровленія семьи и школы? Вопросъ крайне сложный. За эту трудную работу должно взяться само общество и поставить на видъ государству, что на ряду съ другими дѣлами, воспитаніе подрастающихъ поколѣній также не менѣе важное государственное дѣло. Вотъ почему необходимъ всероссійскій союзъ охраны подрастающихъ поколѣній, необходимъ всероссійскій съездъ представителей различныхъ общественныхъ группъ по вопросамъ семейного и

школьного воспитанія и образования, нужна дружная работа общества и государства. Всѣ эти общества содѣйствія воспитанію дѣтей, существующія уже во многихъ городахъ Россіи, сами по себѣ бессильны сдѣлать что-либо крупное, — нужна общая программа плодотворной дѣятельности, а для этого необходимы широкія коренные реформы въ общемъ строѣ нашей общественной и государственной жизни. Семью и школу необходимо оживить, освѣжить, необходимо влить новую струю въ дѣло воспитанія, — нужны идеалы, безъ которыхъ воспитаніе невозможно, нужень свѣтъ вѣры и науки.

И. М. Радецкій.

Годъ въ школѣ.

(Продолженіе ¹⁾)

III.

На другой день меня ждала первая неудача: тѣ ученицы, которыхъ были чисто и нарядно одѣты, явились въ классъ еще наряднѣе; а тѣ, что ходили нечесанные и немытыя,—такими же и остались. Кое-кто изъ нихъ спелъ косу, примочивши квасомъ или намазавши лампаднымъ и коровьимъ масломъ; но толстый слой грязи на шѣ и рукахъ такъ и остался нетронутымъ. На большой перемѣнѣ въ школу заѣхала управляющая.

— Ну, что? Какъ нашъ университетъ?

— Понемножку знакомимся.

— А я къ вамъ по дѣлу... Школа наша называется ремесленной, а ремесла въ ней никакого не налаживается. Бѣдилъ я въ городъ за новой молотилкой, такъ хотѣлъ за одно и

¹⁾ См. „Восп. и Обуч.“ № 3, ст. 81.

учительнице рукодѣлья привезти, да ничего подходящаго не подвертывается. Нашлась, было, одна—изъ монашенокъ. Да какъ разговорились, оказывается, что она только и умѣеть, что иконы фольгой обкладывать да манатейныя рясы шить. Господь съ тобою, думаю, матушка! А пока мы какую-нибудь учительницу найдемъ, возьмите на себя и рукодѣлье: авось хоть иголку держать научите.

— Развѣ только иголку держать... Кроить не умѣю, чулки вязать не люблю, а вязанье крючкомъ—моя любимая работа, да пользы отъ нея, какъ отъ манатейныхъ рясъ.

— Ну, нѣты! Наши дѣвочки почти все изъ тѣхъ семей, гдѣ барышня подъ окошечкомъ сидить и тамбурное кружецо вяжетъ. Вотъ вы. этому ее и научите, а главное—хотя какое-нибудь шитье. Кстати дайте мнѣ и списочекъ: что на первыхъ порахъ для мастерской нужно.

Списочекъ у меня вышелъ внушительный: и столы съ обшитыми сукномъ краями, и швейная машина, и руководство для кройки, и запасы материала. Получила я одни только столы: въ людской застольной столы погнили и ихъ замѣнили новыми, а старые постругали рубанкомъ да обили по краю солдатскимъ сукномъ и принесли памъ. На иголки и нитки опредѣли 20 рублей въ годъ, а вмѣсто материала принесли два огромныхъ узла: въ одномъ оказалось рваное столовое бѣлье, а въ другомъ—толстая куличная ряднинка. Бѣлье надо было чинить и штопать, а изъ ряднини шить мѣшки. Чинить бѣлье было очень трудно: оно было тонкое, камчатное, и такое рваное, что отъ иной скатерти или салфетки уцѣлѣлъ одинъ княжеский гербъ. Сдава-

лось оно въ школу дюжинами и дюжинами же я должна была возвращать дворецкому. На мой удивленный вопросъ: „какъ это сдѣлать?“ Рутковскій отвѣтилъ:

— Очень просто: изъ большихъ скатертей надѣлайте маленькихъ, а изъ столовыхъ салфетокъ накроите чайныхъ.

Работа была огромная. Только Логачева да Рутковская могли мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, требовавшемъ большой аккуратности и терпѣнія. Всѣмъ же другимъ я раздала тряпки отъ обрѣзковъ и стала ихъ учить рубцу и запошивкѣ. Съ мѣшками было еще хуже: толстая ряднинка до крови натирала слабыя дѣтскія руки, и послѣ первого же десятка мѣшковъ я решительно отказалась ихъ шить. Скоро дѣвочки одна за другою стали просить у меня позволенія приходить въ классъ со своею работой. Этимъ дѣло сразу облегчалось: однѣ приносили вязанье, другія—чулокъ, третіи куски ситца и холстины, изъ которыхъ я, какъ умѣла, накроила кофточекъ и рубахъ. Это навело меня на мысль нѣсколько облагообразить мой классъ.

Я сказала дѣтямъ, что если кому-нибудь изъ нихъ будуть шить новое платье—пусть купятъ холстинковое или коленкоровое—коричневое; а сожмемъ мы его въ классѣ. Предложеніе мое понравилось, и мѣсяца черезъ три весь классъ былъ одѣтъ въ одинаковый коричневый цвѣтъ. Правда, у одной былъ кашмиръ, у другой коленкоръ, у третьей—холстинка. Былъ даже черный ситецъ съ красными полосками и глазками; но и онъ подошелъ къ общему темнокоричневому тону. Къ этому времени окончательно исчезли безобразные платки и полушапки. Но не легко

досталась ми́р эта победа: первыя двѣ недѣли я приходила въ классъ съ двумя полотенцами, кускомъ мыла и гребешкомъ и собственноручно причесывала и умывала всѣхъ, кто былъ погрязнѣе.

Постепенно налаживались и классныя занятія, изъ которыхъ всего труднѣе давалась привычка вести урокъ сразу съ тремя группами. Обыкновенно почти все время поглощала старшая группа; звуковики занимались со мною 15—20 минутъ; а средняя группа, которой предстояло въ этомъ году наибольшій трудъ, работала со мною только урывками. Почти все время въ этой группѣ велись классныя письменныя работы, и я не знаю, какъ она справилась бы съ программой, если бы намъ на помощь не пришли уроки рукодѣлья.

На рукодѣлье полагалось каждый день два часа: отъ $12\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$. Дѣти, освѣженныя большой перемѣной, закусившія, набѣгавшіяся, веселой гурьбой вваливались въ длинную комнату, посреди которой стояли стулья и столикъ (въ будущемъ машинный). Противъ маленькаго столика— большой для кройки. За этимъ столомъ работали старшеклассницы. Направо—столъ для средней группы, напротиво—маленькая. Онѣ всегда шалятъ: толкаются, хихикаютъ, дожевываютъ свои краюшки и пироги. Имъ однимъ скучно за рукодѣльемъ.

— Тише вы, тише, маленькая! Если будете хорошо работать, я вамъ книжечку почитаю. Маленькая получаютъ изъ моихъ рукъ лоскутики съ рубцами и запошивками и притаиваются за высокимъ краемъ стола, изъ-за которого видныются только ихъ наклоненные головки съ блѣленъкимъ проборомъ по срединѣ. Противъ меня за большимъ столомъ работаютъ Гусева и Гришина,

и на тубахъ у обѣихъ готовы безконечные вопросы: „А кто царствовалъ до Петра Великаго“? спрашиваетъ Гусева.— „А просо за Москвою растетъ“? интересуется Гришина. Оба вопроса имѣютъ прямую связь съ тѣмъ, что было прочтено сегодня за урокомъ, и сразу вводятъ меня въ кругъ намѣченныхъ разсказовъ:— и мы говоримъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и мужественной, смѣлой царевнѣ Софѣѣ; о скудныхъ тверскихъ пивахъ, покрытыхъ мелкимъ булыжникомъ; о крошечныхъ банькахъ, которые лѣнятся въ томъ краю по берегамъ быстрыхъ рѣченокъ и рѣкъ; объ апостолѣ Андрѣѣ Первозванномъ и горахъ кievскихъ, на которыхъ онъ водрузилъ св. крестъ.

— А я уже рубецъ сдѣлала... А я запошивку кончила... Вы намъ сказочку обѣщали! слышится за столомъ у маленькихъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Вотъ только повторимте, дѣтки, какое предложеніе называется придаточнымъ. И наскоро повторивъ сегодняшній урокъ съ обѣими старшими группами, я посыпаю Гришину достать изъ шкафа книжку для чтенія. Она приноситъ „Кавказскаго Плѣнника“ Толстого. Услышавши заглавіе, дѣти огорченно вздыхаютъ:

— Это уже было, это читали.

— Нѣть, успокаиваетъ Гусева,— это совсѣмъ другое... То у Пушкина читали про плѣннаго офицера, про горцевъ и про татарку, а это хотя похоже, но совсѣмъ по другому.

И дѣти, столпившись къ маленькому столику, забывъ про работу, напряженно и жадно слушаютъ, пока въ классѣ гулко бѣть полчаса.

— Еще минуточку, еще капельку!

Если остается 5—6 страницъ,— я дочитываю; если больше,— книжка пря-

чется въ столь и мы толпою идемъ одѣваться. Почти до самаго дома я иду въ толпѣ дѣтей. По дорогѣ къ каждому дому и въ каждый проулочекъ отъ нашей толпы отходять группики по двое-трое. Веселая ватажка таеть, и до плотины доходимъ только вчетверомъ: Дьякова, Гусева, Балабанова и я. Гусева ласково и выжидательно заглядываетъ мнѣ въ глаза.

— А помните, Антонина Антоновна, какъ мы въ классѣ „Щуку“ читали? — „Щука вся закована въ панцырь, какъ средневѣковой рыцарь“. Вотъ мы спросили, что такое „панцырь“, да что такое „рыцарь“, да что такое „средневѣковой“; а никто и не зналъ. Вы тогда и бросили эту статью читать.. А я теперь знаю, что такое рыцари,— въ исторіи прочитала.

— А вы приходите сегодня вечеромъ ко мнѣ, вотъ мы еще насчетъ рыцарей потолкуемъ.

— И мнѣ тоже можно? робко спрашивается Балабанова. Это безталантлившее и симпатичнѣшее существо въ мірѣ. Сбитая съ толку тремя методами, по которымъ ее учили читать, она такъ обрадовалась, когда наконецъ овладѣла этимъ искусствомъ, что не разставалась съ книжкой. Но память у нея была совсѣмъ не развита, и, помню, чтобы выучить маленькое стихотвореніе „Сельскій вечеръ“ я ее заставила повторить его 70 разъ. Зато радость Балабановой, когда ей удавалось что-нибудь узнать, была такъ велика и ея добрые каріе глаза свѣтились такимъ торжествомъ, что мнѣ не было жаль на нее затраченаго труда. Маню Гусеву я полюбила почти какъ равную. Въ разумѣ этой двѣнадцатилѣтней дѣвочки была поразительная устойчивость и рѣдкая самостоятельность мышленія.

Она схватывала не сразу, но что разъ поняла и усвоила, то навсегда становилось ея достояніемъ, и изъ случайно достававшихся ей отрывочныхъ сеѢдѣній она умѣла подобрать именно то, что прямо относилось къ тому, что ее интересовало. Выражала она свои мысли скжато, образно и понятно; и случалось, когда я чувствовала, что мое объясненіе не совсѣмъ понято классомъ, я заставляла Гусеву повторить, и она находила обороты и фразы, которыя приближали мое объясненіе къ дѣтскому пониманію. Къ тому же, выросши въ нуждѣ и одиночество, дѣвочка уже въ двѣнадцать лѣтъ была не ребенкомъ, а взрослымъ, много го-ревавшимъ человѣкомъ, который сознательно относится къ прошлому и серіозно думаетъ о будущемъ.

IV.

Въ октябрѣ пошли дожди. Первые холода и вѣтры натоняли тоску, а въ школѣ всѣ печи оказались угарными и классъ съ утра сидѣлъ съ несвѣжими головами. Разъ какъ-то, войдя въ классъ, я замѣтила маленькую черноглазую новую дѣвочку: она сидѣла на первой скамейкѣ, у звуковиковъ, съ такимъ видомъ, будто давнимъ-давно привыкла и къ своему мѣсту, и къ классу.

— Ты чья? кто тебя привелъ?

— Съ Марфушкой пришла... Возьми меня въ классъ: занятно тутъ у тебя.

— Да чья же ты?

— Гришиныхъ вотъ, Марфушкина. Я посмотрѣла на Гришину.

— Простите, ради Бога, заговорила Марфуша сконфуженно.—Это ужъ такая она у насъ упрямая: заладила себѣ одно да одно: пойду въ школу,—хоть ты ее рѣжь.

— А сколько же ей лѣтъ?

— Восемь.

— Маловата ростомъ. Да и прошли уже звуковики много.

— И я читать могу,—мнѣ Марфушка показывала.

Читала маленькая Гришина порядочно, вѣрно называла звуки въ разсыпной азбукѣ, и только на *е* сказала „гусь“. Классъ такъ и покатился со смѣху.

— Что же это вы, Гришина, ее такъ научили?

— Да чтобъ ей легче заучить было, я ей говорю: „ну-ка, засычи, какъ нашъ гусакъ счищъ“... она и засычила. Съ того и пошло. Вы ей велите прочитать. Читаетъ она какъ слѣдуетъ; а какъ отдельно показать,—такъ опять „гусь“.

Я рѣшила принять Маврушу въ школу, и классъ ее тутъ же прозвалъ „гусемъ“.

И это былъ презабавный и препонятливый гусекъ. Дѣвочка обладала замѣчательнымъ комическимъ талантомъ, и родись она въ другой средѣ, изъ нея могла выработаться настоящая артистка. Она отнюдь не походила на тѣхъ школьнныхъ потѣшниковъ, которые непремѣнно имѣются въ каждомъ классѣ: кривляются, жуютъ бумагу, пьють чернила и исполняютъ роль шутовъ и дураковъ. Маврушинъ юморъ сказывался словами да неуловимой игрой ея подвижного острѣньяго личика.

Нашего главноуправляющаго, изъ поляковъ, она охарактеризовала такъ: „показался одинъ усь, показался другой усь,—входить самъ баринъ“. И нельзя было лучше нарисовать хитрую и пронырливую манеру, съ какою „самъ баринъ“ заглядывалъ въ классъ. Иногда комическая импровизація Мавруши достигала почти лиризма. Разъ, помню,

я наказала ее за излишнюю болтливость и оставила на большой перемѣнѣ сидѣть на стулѣ возлѣ себя. Дѣвочка долго молча вертѣлась, потомъ завѣдала и зашептала:

— Охъ, бѣдная я, бѣдная! И дома меня бываютъ, и въ школѣ меня бываютъ. Били меня въ Туретчинѣ, били меня въ Нѣметчинѣ. И на печкѣ били, и подъ печкой били, и обѣ печку били... Видно, душу убили: сидѣть одно мертвое тѣло.

Я раскохоталась и отпустила бѣдовое „мертвое тѣло“ бѣгать по первой порошѣ.

Черезъ недѣлю послѣ поступленія въ школу маленькой Гришиной, звуковики кончили азбуку. Послѣдніе звуки я показывала по два за разъ, и въ этотъ день дѣвочки подошли къ моему учительскому столу, прося на разные лады: „дѣвь буковки! Пожалуйста, сегодня дѣвь буковки“!

— Негдѣ взять, дѣтки, одна осталась.

— А что жъ мы теперь читать будемъ?

— Теперь-то мы и прочтемъ каждую книжку.

— И Марфушкину? спросила маленькая Гришина.

— И Марфушкину.

— Ой, смотри, Антоновна, ты насъ не обманывай!

И теперь передо мною живо встаетъ эта смуглая рожица съ выраженіемъ лукавства и недовѣрія въ быстрыхъ глазкахъ, съ поднятымъ кверху грозящимъ пальчикомъ.

Изъ шкапа я принесла нѣсколько книгъ и оказалось, что все они,—большія и маленькая, толстые и тонкія, съ картинками и безъ картинокъ,—написаны тѣми самыми 35-ю буквами, которыя мы выучили.

Но перейти къ сознательному чтенію оказалось очень трудно. Только двѣ дѣвочки изъ всей группы понимали прочитанное и имъ возможно было задавать чтеніе на домъ. Остальные не улавливали смысла не только въ цѣломъ отрывкѣ, но и въ каждомъ отдельномъ словѣ.

Дѣвочка читаетъ: „Дѣти съѣли сметану“. Когда я заставляю повторить прочтенное, она отвѣтываетъ „е-е-е-е-е“. Другая прочитала „толокно“. Что это значитъ?—„Толокъ“ да еще „окно“. Такъ какъ занятія съ двумя старшими группами у меня отнимали все время, то у меня оставалось только одно средство:—я раздала звуковиковъ старшей группѣ для того, чтобы онѣ читали съ ними въ классѣ передъ урокомъ, а если кто живеть по сосѣдству, то и дома. Черезъ мѣсяцъ все читали безъ ошибокъ и понимали прочитанное.

Разъ, прия въ школу, я увидѣла, что мои дѣвочки противъ обыкновенія не играли на дворѣ; а столпились въ мастерской и о чемъ-то озабоченно и тревожно шептались. У двухъ-трехъ были красные, заплаканные лица.

— Что съ вами, дѣтки? Что-нибудь непріятное случилось?

— Да ужь мы сколько дней хотимъ сказать, да все не смѣемъ.

— Что же у васъ такое?

— Мальчишки больно дерутся: просто въ классъ нельзя пройти.

— За что?

— Да все за „почетную стражу“.

Оказалось, что Иванъ Родіоновичъ въ наказаніе за шалости высылалъ мальчиковъ въ мою „учительскую“ съ тѣмъ, чтобы они становились по обѣ стороны моего стола. Это и называлось „почетною стражей“. Тутъ только я вспомнила, что почти всегда

на большой перемѣнѣ у моего стола толкались 5—6 мальчиковъ, и все больше изъ разряда безнадежныхъ шалуновъ: Иванъ Петровъ, Демка Трофимовъ, Яковъ Разинъкинъ... Я обыкновенно говорила: „Зачѣмъ вы, мальчики, здѣсь? Идите на свою половину“. Мальчики исчезали задверью, а черезъ минуту опять были тутъ. Теперь жалоба моихъ ученицъ поставила меня въ затруднительное положеніе: Иванъ Родіоновичъ, въ сущности, былъ моимъ начальникомъ. Кромѣ того, онъ учителствовалъ давно и не мнѣ было дѣлать ему указанія. Однако, я рѣшила поговорить съ нимъ и пошла къ нему въ учительскую.

— А я къ вамъ, Иванъ Родіоновичъ, съ большою просьбой.

— Что нужно?

— Не велите своимъ мальчикамъ ходить въ мою комнату на перемѣнахъ. Они мнѣ мѣшаютъ; стоять у моего стола, вытянувшись, точно солдаты, и при нихъ я не могу ни позавтракать, ни позаняться чѣмъ-нибудь.

— А вѣдь я ихъ туда нарочно посылаю,—въ наказаніе.

— Охъ, нельзя ли меня вмѣстѣ съ ними не наказывать?

Иванъ Родіоновичъ засмѣялся.

— Можно-то, можно! Надо что-нибудь другое придумать.

И онъ придумалъ:—виноватый становился между скамейками, бралъ въ руку книгу (потяжелѣе или полегче—соответственно винѣ) и вытягивалъ руку вверхъ. Рука скоро иѣмѣла, затекала, начинала ломить, и даже у самыхъ терпѣливыхъ мальчиковъ отъ боли на глазахъ выступали слезы. Въ моемъ классѣ единственное наказаніе состояло въ томъ, что виноватыя не выходили гулять во дворъ на большой перемѣнѣ.

Эта перемѣна была превеселое время. Въ нашемъ распоряженіи былъ большой, широкій дворъ, на которомъ до конца октября зеленѣла травка, а на Варваринъ день уже легла чистая, ровная, пуховая пороша. Здѣсь было просторно играть въ „горѣлки“, въ „капустку“, въ „ворона“, и, случалось, устраивая игры, я сама становилась „горѣлкой“ или копала ямку, изображая „ворона“. Въ играхъ и веселой вознѣ незамѣтно проходили полчаса, и, когда дребезжащий звонокъ Мирона звалъ насъ въ классъ, мнѣ всегда было немножко неловко итти мимо двухъ-трехъ узницъ, которыхъ одиноко сидѣли на стульяхъ въ учительской. Да и преступки ихъ были не такъ ужъ велики: почти исключительно Ѷда за урокомъ. Привычка къ жеванью была у иныхъ до того развита, что переходила почти въ страсть.

— Мальчугина, не ѿшь!

— Больше не буду.

Черезъ минуту опять:

— Мальчугина, перестань жевать, а то останешься доѣдать свой завтракъ на большой перемѣнѣ.

Иногда въ классѣ появлялись подсолнечные или тыквенные сѣмачки; и тогда изловить виноватую было очень трудно: щелкнетъ въ одномъ углу, потомъ—въ другомъ и гдѣ-то близко-близко,—должно-быть, на первой скамейкѣ кто-то осторожно лущить сѣмачко руками. Приходилось или наказывать весь классъ или дѣлать видъ, что я не замѣчаю беспорядка.

Скоро я и мой классъ привыкли другъ къ другу и мнѣ стало легко заниматься съ тридцатью двумя дѣвочками, размѣщеными въ три группы. Обыкновенно, во время объясненій, я избирала одно лицо,—въ старшей группѣ—

Маши Гусевой, въ средней—смыщенное лицо батюшкиной Любочки, въ младшей—Маврушу Гришину,—и начинала объясненіе, глядя на нихъ. Скоро въ глазахъ дѣвочки зажигался огонекъ пониманія, она начинала улыбаться и утвердительно качала головой. Потомъ я повторяла объясненіе, глядя въ лицо самой малоспособной ученицы, а когда и она начинала улыбаться, я оглядывала всю группу: на меня смотрѣли ясные дѣтскіе глазки, озаренные внутреннимъ свѣтомъ самосознанія—и мой урокъ былъ окончен.

Труднѣе всего давалась диктовка. Дѣвъ старшія группы, научившіяся писать до меня, писали удивительно грамотно, а мои звуковики пропускали буквы и пѣлые слоги даже въ простыхъ, сравнительно, словахъ. И такъ какъ у меня не было времени упражняться съ лини въ диктанты, то оставалось только одно,—возможно большие списывать съ книги.

C. Караскевичъ.

(До сълд. №).

Нужна ли система въ воспитаніи?

(Письмо по поводу бесѣды В. С. Лихачова).

Въ № 1 „Воспитанія и Обученія“ г. В. С. Лихачовъ въ статьѣ „Бесѣды о воспитаніи“ высказываетъ нѣкоторыя соображенія, которыя, несмотря на всю ихъ недоказанность, не должны оставаться безъ отвѣта. Г. Лихачовъ отвергаетъ: 1) необходимость какой бы то ни было системы въ воспитаніи.—„Очевидно, въ нихъ и нѣтъ надобности... говорить авторъ; 2) всякое значеніе подготовки воспитателей: „для достиженія этой цѣли, (т.-е. воспитанія), достаточно личнаго опыта каждого отца... и 3) всякаго прогресса въ дѣлѣ улучшенія воспитанія: „помнить же они (родители), какъ воспитывали ихъ самихъ“.

И ко всемъ этимъ выводамъ авторъ приходитъ на протяженіи двухъ страницъ. Мы не станемъ долго останавливаться на двухъ послѣднихъ пунктахъ, скажемъ только, что всякое дѣло требуетъ подготовки и дѣлается тѣмъ лучше, чѣмъ полноѣ была эта подготовка. Чтобы учить дѣтей чему бы то ни было, надо къ этому готовиться, надо знать не только то, что необходимо сообщать дѣтямъ, но и какъ это сдѣлать. Ну, а воспитаніе дѣло гораздо болѣе трудное и сложное, чѣмъ обученіе, а слѣдовательно и подготовка къ нему должна быть болѣе серіозная и обстоятельная. Даже въ прямомъ и узкомъ смыслѣ слова, если понять слово воспитаніе, какъ питаніе, несомнѣнно дѣло это пойдетъ лучше у того, кто, напримѣръ, знакомъ съ физіологіею питания, чѣмъ у того, кто такой подготовки не получилъ.

Еще очевиднѣе ошибка третьяго вывода, которая осуждаетъ всѣхъ молодыхъ родителей, особенно тѣхъ, которые имѣли несчастіе быть старшими дѣтьми, на повтореніе всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ родителями при ихъ воспитаніи, а кто ихъ не дѣлаетъ? Если бы всѣ родители слѣдовали совету г. Лихачова, т.-е. воспитывали дѣтей такъ, какъ воспитывали ихъ самихъ, то мы бы видѣли существующими и своры мамокъ и нянекъ, которые ходили за дѣтьми до 7—8 лѣтъ, и необразованныхъ дядекъ при мальчикахъ послѣ этого возраста, и порку, и пинки, и колотушки, и вообще всѣ прелести, среди которыхъ имѣли удовольствіе воспитываться наши дѣдушки.

Гораздо серіознѣе мысль первого изъ приведенныхъ нами выводовъ, о вредѣ всякой системы въ воспитаніи, которая всѣ, по мнѣнію г. Лихачова, стѣсняютъ свободу ребенка. Но автору, повидимому, и въ голову не приходитъ, что можетъ существовать система предоставленія дѣтямъ возможно большей свободы, система индивидуализаціи воспитанія. А между тѣмъ, такая система существуетъ и, какъ это ни странно можетъ показаться автору, она представ-

ляеть изъ себя дальнѣйшее развитіе той самой Песталоцци-Фребелевской системы, которую авторъ называетъ „воплющимъ шутовствомъ“. Автору, повидимому, представляется, что системы—это книжки, стоящія на полкахъ, и что можно взять любую изъ нихъ съ полки, прочесть и затѣмъ примѣнить къ жизни. А разнообразіе дѣтскихъ характеровъ будто бы требуетъ такого же разнообразія системъ, что, очевидно, невыполнимо. Это большое заблужденіе. Разнообразіе именно и требуетъ системы потому, что иначе въ немъ можно растеряться. Миръ животныхъ и растеній безконечно разнообразнѣе индивидуальныхъ особенностей человѣка, но это не препятствіе къ тому, чтобы при изученіи этого мира пользовались какой-нибудь системою, наоборотъ—она тѣмъ нужнѣе. Система не въ примѣненіи къ дѣтямъ тѣхъ или другихъ премовъ, (если ребенокъ капризничаетъ—накажи его по старому, или лѣчи его—по новому), а въ основаніяхъ всѣхъ поступковъ воспитателя въ его обращеніи съ дѣтьми. Для мыслящаго воспитателя не можетъ быть вопроса: „какую выбрать систему, чтобы сразу же не сдѣлать промаха!“ Если онъ такъ думаетъ, онъ не воспитатель, а ремесленникъ. Система для каждого воспитателя можетъ быть только одна: та, до которой онъ додумался, которую онъ знаетъ и въ которую онъ вѣритъ. И онъ не можетъ вести воспитаніе своихъ дѣтей не по этой системѣ или безъ нея, потому что это есть система его поступковъ, его поведенія по отношенію къ дѣтямъ. Такая система всегда существовала у воспитателей, и г. Лихачовъ, рекомендуя родителямъ воспитывать дѣтей такъ, какъ воспитывали ихъ самихъ, тѣмъ самымъ рекомендуетъ имъ принять известную систему воспитанія.

Системы воспитанія Фребеля или кого бы то ни было не существуетъ, потому что ни одна не охватываетъ всѣхъ сторонъ отношенія воспитателей къ воспитанникамъ. А существуетъ очень полезная система постепенныхъ и разумныхъ занятій съ дѣтьми младшаго возраста.

Система эта по своему основателю называется Фребелевской, но съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Фребель, она не стояла на мѣстѣ, а непрерывно развивалась и усовершенствовалась. Разумное ея примѣненіе доставляетъ дѣтямъ огромное удовольствіе, которое я могу засвидѣтельствовать и личнымъ опытомъ своего дѣтства, и опытомъ съ своимъ дѣтьми, и наблюденіемъ надъ разумными дѣтскими садомъ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло въ теченіе двухъ лѣтъ.

Если говорить о какихъ-нибудь системахъ и давать имъ какія-нибудь имена, то это могутъ быть самыя общія названія, указывающія на принципъ, положенный въ основу каждой изъ нихъ: можетъ быть система свободного и принудительного (въ разныхъ степеняхъ) воспитанія; система домашняго-семейнаго и общественнаго воспитанія; кроме того могутъ быть выдѣлены нѣкоторые типы системъ воспитанія: англійская, американская, нѣмецкая, французская, новое воспитаніе (такъ называемое Демоленовское). Русской системы воспитанія не существуетъ, но несомнѣнно, что при дальнѣйшемъ развитіи нашей культуры типъ нашего національнаго воспитанія долженъ обособиться и получить определенные, ему только присущія черты.

Н. Чеховъ.

Возраженія автора „Бесѣдъ“ на замѣчанія г. Н. Чехова.

Возражаю по пунктамъ.

1) Г. Чеховъ находитъ, что я отвергаю необходимость какой бы то ни было системы въ воспитаніи.

Я спрашиваю: какую систему воспитанія выбрать и примѣнить, чтобы сразу же не сдѣлать промаха и впослѣдствіи не раскаиваться?—и отвѣщаю: никакую, если подъ системой разумѣть ненарушенную совокупность однородныхъ воспитательныхъ приемовъ. А дальше говорю: воспитать ре-

бенка значить подготовить его къ жизни, создать изъ него такое существо и т. д. Подготовить, создать безъ всякаго руководящаго начала, какъ Богъ на душу положить,—нельзя: тутъ нужны послѣдовательныя, объединеныя основной идеей, дѣйствія, нуженъ методъ, нужна систематичность, если хотите, но не система, не педагогический регламентъ, не общая, исключающая всякую личность, указка. Отвергая въ объясненномъ смыслѣ систему, я не только не отвергаю метода, но прямо съ него и начинаю; иначе о чёмъ бы я вѣль свои бесѣды? Ясно, что два разныхъ понятія (система и методъ) г. Чеховъ слиль въ одно.

2) Г. Чеховъ находитъ, что я отвергаю всякое значеніе подготовки воспитателей.

Воспитатели бываютъ природные (родители, опекуны и т. п.) и профессиональные (бонны, гувернантки и т. п.). Для того, чтобы успѣвать въ какой бы то ни было профессіи, нужна, конечно, профессиональная подготовка. Но о какой профессиональной подготовкѣ можетъ быть рѣчь при воспитаніи нами своихъ же дѣтей или дѣтей, вѣренныхъ нашей опекѣ? Любовь къ дѣтямъ съ одной стороны, личный опытъ съ другой,—вотъ и все; остальное, если окажется достаточно охоты и выдержки, само собой приложится. Да еще вопросъ, какія бонны и гувернантки лучше: начиненные всякой педагогической премудростью и взирающія на дѣтей, какъ на воскъ, изъ которого можно вылѣпить ту либо иную (по той либо иной системѣ) фігурку,—или, хотя и въ ограниченной мѣрѣ умудренныя, но проникнутыя жизнью, безхитростною любовью къ дѣтямъ вообще, чьи бы они ни были.

3) Г. Чеховъ находитъ, что я отвергаю необходимость „всякаго прогресса въ дѣль улучшениія (?) воспитанія“.

Тутъ ужъ явное недоразумѣніе. Г. Чеховъ основываетъ свое замѣченіе на моихъ словахъ: „помнить же они (родители), какъ воспитывали ихъ самихъ“. По его мнѣнію, это значитъ: родители должны воспитывать своихъ дѣтей такъ, какъ ихъ самихъ воспитывали. Между тѣмъ, черезъ иѣсколько строкъ у меня сказано: „имѣя уже своихъ дѣтей и переходя отъ воспитанія старшихъ къ воспитанію младшихъ, принимаютъ же они въ соображеніе *раньше или сдѣланныя и замѣченныя ошибки*“. Не ясно ли, что для родителей воспоминаніе о томъ, какъ воспитывали ихъ самихъ, должно служить показателемъ не только правильныхъ, достойныхъ подражанія, но и ошибочныхъ, подлежащихъ устранинію, воспитательныхъ пріемовъ? „Прогрессъ“ въ дѣль улучшениія“ чего бы то ни было немыслимъ безъ оглядки на прошлое, т.-е. безъ справки съ *нажитымъ опытомъ*, и руководствоваться послѣднимъ вовсе не значить слѣдовать по его указкѣ.

Въ общемъ г. Чеховъ признаетъ мои „соображенія“ не доказанными.

Я съ своей стороны не могу не признать выводъ г. Чехова преждевременнымъ и... неубѣдительнымъ. Во-первыхъ, онъ дѣлаетъ этотъ выводъ слишкомъ поспѣшно, едва давъ мнѣ раскрыть ротъ и вымолвить иѣсколько словъ. Во-вторыхъ, я не ученый трактать ишу, а просто бесѣдую, дѣлюсь съ читателями „Восп. и Обуч.“ своими мыслями, ни мало не претендую на непогрѣшимость таковыхъ. Въ-третьихъ, какихъ вообще доказательствъ домо-

гаєтся г. Чеховъ? Можно доказывать геометрическую теорему, можно доказывать на судѣ свое alibi, но нельзя доказывать правильность того или иного пріема въ воспитаніи дѣтей, ибо никто такому доказательству не повѣритъ; здѣсь можно только бесѣдовать и совѣтовать.

В. С. Лихачовъ.

Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати.

(Педагоги—съятели братоубийственной розни. Педагоги—патріоты. Жертвы современной школьной жестокости. Невозможность единенія семьи и школы при данныхъ условіяхъ положенія въ школѣ дѣтей. Младенцы—политические преступники. Потрясающія события въ г. Курсѣ. Общество пособія дѣтамъ при училищѣ. Пріютъ—корабль. Пріютъ—ясли во Владимірской усадѣ.

Очень много говорилось о необходимости единенія семьи и школы. Эту необходимость неоднократно подчеркивалъ и министръ народнаго просвѣщенія. Такъ, въ своей рѣчи директо-ромъ правительственныхъ и частныхъ гимназій Петербурга и другихъ учебн. заведеній, еще 19 сентября прошлаго года, онъ между прочимъ сказалъ: „...вотъ эту-то рознь между семьей и школой нужно постараться прекратить“. Вопіющее зло разъединенія, такимъ образомъ, созналось и въ высшей инстанціи народнаго просвѣщенія. Однако, повидимому, слова—словами, а жизнь, нормальное теченіе которой всеподъло зависить отъ общихъ коренныхъ условій, — жизнью. Хроника школьнай жизни по обыкновенію пестрить фактами, ничего общаго съ единенiemъ не имѣющими; совершенно напротивъ даже: случаи эти какъ бы

углубляютъ пропасть разъединенія. Въ нѣкоторыхъ представителяхъ педагогического персонала нѣть ни такта, ни вообще любви „къ малымъ симъ“. Въ г. Бобрицѣ, по словамъ „Елисаветгр. Новостей“, уже нѣсколько лѣтъ существуетъ женская прогимназія. Такъ какъ прогимназія содержитъ исключительно почти на средства города, въ ней по отношенію къ дѣтямъ евреевъ не существуетъ процентной нормы. Къ несчастію для города, въ прогимназію опредѣлили учительницу Михневичъ. На урокахъ географіи эта учительница, говоря, напр., о Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ, прибавляется: „Штаты эти переполнены жидовскими преступниками и дезертирами“. При этомъ она читаетъ ученицамъ-еврейкамъ такія нотаціи: „Какъ вамъ не стыдно, ваши отцы и братья въ такую тяжелую годину для Россіи не идутъ проливать свою кровь наравнѣ съ русскими, а дезертируютъ въ Америку“.

Неужели г-жа Михневичъ не читала, что и евреи, и всякия другія національности наравнѣ съ русскими геройски отстаиваютъ теперь каждую пядь земли на театрѣ военныхъ дѣйствій? Развѣ „отцы и братья“ сидящихъ предъ нею дѣвочекъ „дезертировали“? А затѣмъ хотя бы и то: городскіе обыватели, въ томъ числѣ и евреи, почти исключительно содержать между прочимъ и вѣстъ, г-жа Михневичъ. Не находите ли вы, что ужасно непрѣятно получать содержаніе изъ еврейскихъ рукъ?

А вотъ еще потрясающій до глубины души фактъ.

Въ „Пятигорскомъ Листкѣ“ сообщается о печальномъ исчезновеніи воспитанницы мѣстной гимназіи. Этотъ случай произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ злополучный

день вѣмъ ученицамъ отдавали дневники, но г-жа Н. отказалась выдать дневникъ Олѣ Чижовой, говоря, что ей поставили четверку по поведенію и что нужно поговорить съ ея матерью; дѣвочка, рыдая, стояла все время у дверей учительской; наконецъ, она спросила г-жу Н.: „Значить, меня выключать изъ гимназіи?“ и г-жа Н. отвѣтила: „Да, вѣсь выключать изъ списковъ“. Отвѣтъ ясеный. Кое-какъ успокоившись, Оля Чижова вмѣстѣ съ Буяновой вышли изъ гимназіи, чтобы вернуться домой, но несчастная дѣвочка все время говорила своей подругѣ, что она боится огорчить свою мать, такъ какъ она навѣрное будетъ плакать, и что ей остается лишь одно— покончить съ собою. Буянова ее успокаивала и, наконецъ, дойдя до улицы, на бульварѣ одѣ разстались, при чемъ Буянова видѣла, какъ ея подруга возвращалась по бульвару домой. Съ тѣхъ поръ дѣвочки больше никто не видѣлъ.

Пока въ нашей школѣ будуть подобные случаи возможны, объ единеніи ея съ семьей, какъ намъ кажется, трудно и думать. Намъ припоминается отзывъ одного педагога о воспитаніи дѣтей у англичанъ, помѣщенный, если не ошибаемся, въ „Русской Школѣ“. Повидимому, все дѣло воспитанія основано въ Англіи на томъ, чтобы уважать дѣтей и довѣрять имъ. Даже самыя младшія могутъ имѣть свое собственное „я“. Ихъ воспитываютъ главнымъ образомъ добрымъ примѣромъ и рано пробужденіемъ чувствомъ нравственной самостоятельности и ответственности. Въ обращеніи съ маленькими, англичанами принимаютъ еще болѣе нѣжный и добрый тонъ, чѣмъ этого требуютъ вѣжливость въ обращеніи со взрослыми.

„Мягкій, вѣжный, добрый тонъ“... „Нов. Днія“ сообщаютъ: На-дняхъ въ Умани заподозрѣны были въ распространеніи „прокламацій“ подростокъ лѣтъ 12 и... ребенокъ 6 лѣтъ. Дѣло было такъ. Шелъ подростокъ по улицѣ и съ большимъ любопытствомъ разсмотривалъ синія буквы на найденномъ полулисткѣ бумаги. Встрѣтилъ его полицейскій чинъ. „Преступникъ“ съ полиціальнымъ быть задержанъ. Мальчикъ плакать. А его все дощтыаютъ. Наконецъ, „преступникъ“ заявляетъ, что „бумагу“ эту ему далъ Іоня. „А кто таконъ этотъ Іоня?“ спрашиваютъ у него. „Это сынъ тѣхъ господъ, у которыхъ моя мать кухаркой служить“, сквозь слезы слышень отвѣтъ. Отправились за Іонею. Онъ сидѣлъ на полу и игралъ своими игрушками. При видѣ „полиції“ ребенокъ испугался, поблѣднѣлъ. Но это только не въ его пользу говорило. Іоню потребовали къ допросу и вмѣстѣ съ нимъ родителей. Это мѣстные купцы Г—ны. На допросѣ съ Іонеемъ случился обморочный пріпадокъ, родители плакали. Къ счастью, „дѣло“ кончилось благополучно и всѣхъ отпустили съ миромъ.

„Мягкій, вѣжный, добрый тонъ“... Въ Курскѣ, по словамъ корреспондента „Руси“, въ полдень 12 февраля ученики мужской гимназіи попарношли отъ гимназіи къ главной Московской улицѣ. Полицейскіе наряды, пѣши, конные и стражники, въ усиленномъ составѣ расхаживающіе по улицамъ, сѣдили за мирнымъ шествіемъ гимназистовъ. Вдругъ возлѣ женской Маріинской гимназіи совершенно неожиданно, безъ малѣйшаго повода, стражники бросились на гимназистовъ съ нагайками. Началось звѣрское избиеніе беззащитныхъ дѣтей.

Избиеніе дѣтей произвело въ городѣ цанику. Родители были въ отчаяніи. За подписью множества лицъ министру внутреннихъ дѣлъ была послана слѣдующая телеграмма.

События 12 февраля ускорили совѣщанія во всѣхъ курскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ родителей, учащихся и педагоговъ. Здѣсь родители и педагоги согласились въ слѣдующемъ: уничтожить взѣкласный надзоръ, предоставить учащимся право выписывать и имѣть всѣ дозволенные общею пензурою газеты, журналы и книги, право посѣщенія общественныхъ мѣстъ и собраній(бібліотекъ,читаленъ,земскихъ собраній и проч.), и право родителей принимать участіе въ педагогическомъ совѣтѣ съ рѣшающимъ голосомъ; отмена обязательного посѣщенія богослуженія и общей молитвы, такъ какъ посѣщеніе и не посѣщеніе ихъ есть дѣло совѣсти и убѣжденій каждого, устройство бібліотеки, для которой періодическая изданія выписывались бы по желанію учащихся, и чтобы бібліотекой завѣдѣвалъ преподаватель, избранный самими учащимися, и въ помощь ему даются двое учащихся. Единогласно родители выразились за уничтоженіе существующей системы наказаній (оставленіе безъ обѣда, стояніе на колѣнахъ и т. п.) и замѣну ихъ нравственными воздействиіями, за неприкословенность учащихся, уничтоженіе какихъ бы то ни было принудительныхъ сборовъ, уничтоженіе системы оправдательныхъ записокъ въ случаѣ непосѣщенія учащимися учебнаго заведенія; гуманное обращеніе съ учащимися со стороны педагоговъ.

Къ фактамъ, иллюстрирующимъ заботливое отношеніе къ дѣтямъ, слѣдуетъ отнести нижеизложенное.

Въ Одессѣ явилась оригинальная мысль устроить пріютъ-корабль. Въ послѣднемъ засѣданіи одесского городскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, состоявшемся 3-го февраля подъ предсѣдательствомъ одесского градоначальника Д. Б. Нейдгарта, обсуждался вопросъ объ устройствѣ въ портѣ пріюта-корабля, въ которомъ безпріютные мальчики-подростки пріучались бы къ морской службѣ. Попечительство дѣтскихъ пріютовъ въ виду полной цѣлесообразности и несомнѣнной пользы учрежденія въ Одессѣ подобнаго пріюта (на кораблѣ), постановило, по словамъ „Вѣд. Од. Град.“, обсудить подробно этотъ вопросъ въ ближайшемъ засѣданіи, пригласивъ начальника одесского торговаго порта В. П. Перелешина, и затѣмъ просить главнаго команда черноморскаго флота и портовъ—не будетъ ли признано, въ виду благодѣтельной цѣли учрежденія пріюта, возможнымъ исходатайствовать безвозмездный отпускъ (по примѣру Англии) морскимъ министерствомъ одного изъ старыхъ судовъ для означенной надобности.

Необходимо отмѣтить сообщеніе врача г. Тирютина, напечатанное въ „Вѣстн. Владимір. земства“, о ясляхъ-пріютѣ въ селѣ Черкутинѣ Владимірскаго уѣзда. Владимірскимъ уѣзднымъ земствомъ уже третій годъ отпускается на устройство въ уѣздѣ яслей-пріютъ 250 руб., по расчету на 5 пріютовъ по 50 руб. Если въ г. Черкутинѣ дѣтомъ прошлаго года были открыты въ первый разъ. Трудъ устройства и завѣдыванія принялъ на себя жена врача г-жа Тирютина. Дѣятельной помощницей ей была дочь мѣстнаго кре-

стьянинъ А. Я. Ловачова. Большинство состоятельныхъ обывателей откликнулось. Оправдалась пословица: „сытый голоднаго не разумѣть“. За то весьма сочувственно отнеслись къ яслямъ крестьянки. Свое сочувствіе они выражали словомъ и дѣломъ. Многія изъ нихъ, несмотря на свою бѣдность, ежедневно доставляли по 1—2 криники молока, благодаря чему существенно сократились расходы на продовольствіе дѣтей. За $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца до открытия яслей, было устроено чтеніе брошюры д-ра Шингарева „Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры“, сопровождавшееся свѣтовыми картинами. Дѣло въ томъ, въ Черкутинѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, распространялись ложные слухи о ясляхъ, какъ о новомъ видѣ земскихъ налоговъ. Приходилось разубѣждать крестьянъ въ этомъ. Ясли помѣщались въ нижнемъ этажѣ мѣстнаго училища. Приносили дѣтей, начиная съ 4 часовъ утра, а уносили между 8 и 9 вечера. Общее число посѣщеній было 526. Израсходовано 43 р. 16 к. Умѣренный расходъ объясняется: даровыми помѣщеніемъ, даровыми дровами—изъ земской больницы, тѣмъ, что была бесплатная заѣдующая и, наконецъ, кратковременностью существования яслей, вызванною тѣмъ, что въ данномъ году полевые работы затянулись, благодаря нечастнымъ днямъ; если функционировали лишь во время уборки озимыхъ; а яровое стали убирать въ сентябрѣ, когда въ училищѣ уже начались занятія. Желаемъ дѣятелямъ успеха и на будущее время.

B. Измайлова.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Май — № 5.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 5.

1. Какія краски умѣстныѣ въ дѣтской литературѣ? <i>А. Налимова</i>	161
2. Бесѣды о воспитаніи. <i>В. С. Лихачова</i>	166
3. Годъ въ школѣ. <i>С. Каракевичъ</i> . (Прод.).	168
4. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. <i>В. Измайлова</i> . 182	
5. Отчетъ о 3-мъ засѣданіи Родительского кружка 27 ноября 1904 года. <i>Н. Кошкиной</i>	189

Какія краски умѣстныѣ въ дѣтской литературѣ?

Преобладаютъ ли свѣтъ или тѣни на основномъ фонѣ произведеній, предназначеныхъ для дѣтскаго чтенія? Каковы здѣсь, въ этой литературѣ, высшія нормы, желательныя стремленія, достижимыя цѣли? Подобные вопросы нельзя выдѣлить въ какую-нибудь изолированную сферу особыго, частнаго искусства или техники. Въ свою мѣру дѣти, конечно, живутъ отдельнымъ міркомъ, которому чужды тѣ или другіе интересы и ощущенія взрослыхъ, который отличается собственными органическими примѣтами. Но и онъ—юный народъ—пребываетъ въ общей атмосфѣрѣ своихъ родителей и сбратерьствъ, и на немъ въ извѣстной степени сказываются вліянія даннаго момента и среды. А книги пишутъ для дѣтей и военпремѣнно—совершеннолѣтніе люди. Т.-е. люди, такъ или иначе, соприкоснувшись,

напр., съ текущей беллетристикой. Нынѣ же усиленно занимаются въ ней трагизмомъ жизни. Въ сущности, испоконъ вѣковъ весь родъ людской старателльно пересчитывалъ разнообразныя тяготы и черноты житейскаго океана. Возьмите однѣ пословицы и поговорки—плоды сѣйдѣй премудрости нашихъ предковъ—онъ ли не даютъ полновѣсныхъ характеристикъ обыденнаго зла и горя?

Въ этомъ случаѣ, пожалуй, нѣть и не было ничего новаго въ нашемъ подлунномъ мірѣ. Есть стороны въ человѣческомъ естествѣ, для прогресирования которыхъ нужно необозримое время. Но наши дни отличаются по преимуществу необычайнымъ ростомъ, подъемомъ сознанія, утонченнаго, изощреннаго сознанія. Повидимому, теперь только возможны такія жертвы, такіе прямо мученики сознанія, каковъ, напр., Ницше. Для трагизма жизни—а онъ, словно, и постоянно такъ или по другому сопутствовалъ человѣческой исторіи—настали времена чрезмѣрной рефлексіи. Но останавливаться исключительно на сейчасъ неразрѣшимомъ, таинственномъ трагизме—всегда односторонность ума и сердца. Нашъ свѣтъ вѣдь богатъ всяческими тайнами. А и наши радости—фактъ. Фактъ—наше развитіе, наши нравственные устои. Неуничтожима цѣлокупность жизни, не-

уничтожима наша вѣра въ добро, не-
уничтожимы наши лучшіе и высшіе
идеалы. Сознаніе въ людяхъ увеличи-
лось — да. Можетъ-быть, вмѣстѣ съ
этимъ пріумножились и поводы къ
пессимизму: человѣческая дѣйствитель-
ность осложнилась, закрѣпились не-
слыханные прежде культурныя по-
требности, развѣтились взаимныя об-
щенія людей. Но попрежнему немно-
гие въ силахъ сказать тутъ свое сло-
во — продуманное, значительное, по-
истинѣ самобытное.

И рядомъ съ ними опять и опять
набивается иѣкоторая группа болѣе
или менѣе слабыхъ подражателей,
ловцовъ модныхъ словечекъ, прихвост-
ней текущихъ новинокъ... Въ данную
минуту эти перепѣватели главнымъ
образомъ наряжаются въ пессимизмъ.
И у дѣтей психика — точнѣе, кажется,
тутъ выражается: психофизіология — са-
модѣйствующая. Сознаніе ихъ реаги-
руетъ, быть-можетъ, не по примѣру
прошлыхъ поколѣй. Здѣсь, согла-
симся, мы не въ состояніи предписы-
вать ни законовъ, ни правилъ. И обя-
заны только берегать ихъ здоровье и
созрѣваніе личности. Но, смыть дум-
ать, отъ насы зависить удалять дѣ-
тей отъ чужеядного пессимизма, легко-
вѣснаго и самомнѣщааго, играющаго во
фразы, по инерціи повторяющаго хо-
дячія обобщенія. Иные пессимисты
какъ будто доискиваются полнѣйшей
правды и устраниютъ малѣйшую ложь.
Отвѣтственнѣйшая роль! По плечу
она... рѣдко кому! И зачастую съ
увлеченіемъ, съ находчивостью, даже
съ настоящею жизнерадостностью об-
личаютъ во всѣ стороны именно тѣ,
кто — *безпринципенъ*, кто, какъ рыба
въ водѣ, въ бестолочи, въ пошлости,
въ низости.

Въ предыдущихъ строкахъ мы ого-
ворились, слѣдовательно, какія краски
признаемъ мы безусловно негерпимы-
ми въ дѣтской литературѣ. А тамъ и
самъ онѣ переносились въ нее. И ви-
димо безъ всякихъ особыхъ умысловъ:
просто перо понаторѣло въ извѣстныхъ
словосочетаніяхъ, сезонный колеръ
подвернулся и въ дѣтскую книжку.
По дидактической догматикѣ краски
при сочинительствѣ для дѣтей распре-
дѣляются, какъ извѣстно, такимъ об-
разомъ: одни лица выписываются съ
наневозможной чернотой, другія — для
контрата посвѣтоноснѣе, въ эпилогѣ —
полнѣйшее оправданіе подобранной
морали. Хотя и не хитрый, но очень
удобный рецептъ, и мы возставали
противу него постоянно. Но и излиш-
ней мрачности въ дѣтскихъ книжкахъ
мы не сочувствуемъ. Въ ииыя глуби
и закулисныя иѣдра огромнаго и слож-
наго житѣялага моря юнцамъ прямо
еще рано заглядывать. Излишняя
книжная предупредительность вообще
мѣшаетъ здоровому духовному росту.
Пусть главнѣйше не книжнымъ воз-
бужденіемъ фантазіи и настроенности,
а самою реальною дѣйствительностю
выправляютъ дѣти свои первые шаги.
Наибольшая мрачность образовъ мо-
жетъ находить себѣ противовѣсь въ
ясности и высотѣ авторскаго общаго
міросозерцанія; но для дѣтей слишкомъ
многое еще *непрозрачно*.

Не должно и для дѣтей представ-
лять жизнь безоблачной Аркадіей, об-
манывать ихъ слашивыми „красными
вымыслами“! Но и не поставить же
юнца въ книжныхъ образахъ прямо
передъ ужасами, въ которыхъ онѣ ни
мало не въ силахъ разобраться и опо-
знаться! И взрослый теряется передъ
разнымъ зломъ и бѣдами дѣйствитель-

ности. Но иными цѣльными художественными огоньками—пускай въ нихъ и мало розовыхъ оттѣнковъ—педагогу необходимо пользоваться. Если дѣтская литература и вправду добивается образныхъ вѣществъ, поэтическихъ поучений, а не отбываетъ какую-то дидактическую повинность,—грѣхъ не пускать въ дѣло подобного материала. У большого художника въ мрачномъ рисункѣ всегда заключены и высшая красота и высшая этика. Но мы здѣсь ведемъ рѣчь даже не о юношахъ, а о дѣтяхъ. И таковыи еще недоступна вся литература цѣликомъ. Выходить, если хотите, что мы и допускаемъ и не допускаемъ—мрачное въ дѣтскомъ чтеніи. Слѣдуетъ осторегаться — не переутомить, не надорвать душевной энергіи ребенка, не навязать ему нервничанья.

Скрывать отъ юнцовъ зло правиль но постольку лишь, поскольку пугающія явленія стануть только бесплодно томить и поражать еще не полномочное, незрѣлое сознаніе. Но въ иномъ страшномъ и въ натурѣ и у людей дѣти сами разберутся, и пусть знаютъ правду. Какъ бы въ противовѣсь прежнему сплошному и откровенному дидактизму позднѣйшиѳ дѣтскіе беллетристы пускаютъ въ ходъ своего рода фотографированіе. Краски здѣсь, моль, не черныя, не радужныя, а болѣе или менѣе природныя, реальныя. И подчасъ такія попытки удаются, освѣжая дѣтскую литературу, вливая въ нее нѣкоторую жизненность. Удаются, конечно, при искренней любви автора къ дѣтскому мірку, при подлинномъ интересѣ къ тому, что копируется. Но, въ общемъ, эти фотографіи также нѣчто именно безцѣльное, скучноватое и малосодержательное. Очевидно, во вся-

кой литературѣ натураленъ только одинъ видъ красокъ и цветовъ—художественное слово. И остаетсяожидать—и надѣяться, что—ну, хоть че резъ посредство поддержаныхъ обществомъ дѣтскихъ журналовъ—и въ эту литературу постепенно широко проникнетъ истое дѣйственное образное творчество. И тогда въ немъ краски будутъ самыми естественными во всякой желанной „изящной словесности“, т.-е. проходящими черезъ призму дарованія, многосторонняго мірапониманія и сочувствія къ „малымъ симъ“.

A. Налимовъ.

Бесѣды о воспитанії.

IV.

Возможная откровенность съ дѣтьми—это ужъ легче. Для полной искренности зачастую требуется отъ воспитателей коренная ломка всего ихъ душевнаго строя. Для возможной откровенности такой ломки не нужно: достаточно слѣдить за проявленіемъ излишней скрытности какъ со своей стороны, такъ и со стороны дѣтей, и всѣ такія проявленія тщательно искоренять.

Изъ сказанного выходить, какъ будто я, требуя отъ дѣтей возможной откровенности, этимъ самымъ допускаю въ нихъ возможную скрытность. По отношенію къ родителямъ и вообще воспитателямъ, съ обиходной точки зрѣнія, такой выводъ понятенъ: не все же выкладывать передъ дѣтьми и не во все ихъ посвящать. Но они-то, наши дѣти, развѣ не обязаны быть съ нами вполнѣ, безъ малѣйшихъ изъятій и уклоненій, откровенными?

Въ томъ-то и дѣло, что не обязаны. И здѣсь кроется одна изъ важнѣйшихъ погрѣшностей воспитанія, ибо

ю нарушается одно изъ важнейшихъ же воспитательныхъ правилъ: не требовать отъ дѣтей исполненія того, чего мы сами исполнить не можемъ. Пора намъ навсегда и безповоротно признать и запомнить, что живой примѣръ въ воспитаніи—все, а отвлеченное поученіе—ничто. Пока это не станетъ для насъ такой же аксиомой, какъ дважды два четыре,—нечего и толковать о тѣхъ либо иныхъ воспитательныхъ приемахъ. На невозможность полной откровенности съ дѣтьми со стороны родителей я уже указывалъ, да это и само собой ясно. Въ такой же мѣрѣ должно быть ясно и обратное положеніе: невозможность полной откровенности съ нами со стороны дѣтей. Тутъ не одна теоретическая справедливость; тутъ и практическая польза. Чѣмъ меньше будемъ мы придираться къ дѣтямъ насчетъ откровенности, т.-е. чѣмъ меньше будемъ мы выказывать имъ по этой части недовѣрія,—тѣмъ свободнѣе по отношенію къ намъ они будутъ себя чувствовать, т.-е. тѣмъ откровеннѣе будутъ съ нами. И установится взаимное довѣріе, котораго такъ часто между родителями и дѣтьми, къ прискорбію для первыхъ и къ ущербу для вторыхъ, не хватаетъ.

Теперь отъ общихъ разсужденій я долженъ быть бы перейти къ частнымъ поясненіямъ; иначе говоря, долженъ быть бы разсмотрѣть нѣсколько отдельныхъ случаевъ, относящихся къ только что сказанному, какъ иллюстраціи относятся къ тексту. Но этотъ переходъ настолько расширилъ бы настоящую бесѣду, что лучше отложить его до слѣдующей.

В. С. Лихачовъ.

Годъ въ школѣ.

(Продолженіе ¹⁾)

V.

Такъ прошла зима почти до Рождества. Недѣли за двѣ до праздника Нюся Логачева принесла въ классъ подарокъ, полученный ею изъ Петербурга, отъ крестной матери. Это былъ прехорошенький рабочий ящичекъ, обитый сверху зеленымъ плюшемъ, а внутри — розовымъ атласомъ. Такой роскоши не только никто изъ ученицъ, но и я сама никогда не видѣла, и ящичекъ переходилъ изъ рукъ въ руки, вызывая восторгъ и удивленіе всего класса: Всего больше понравился вѣмъ костяной тамбурный крючекъ. Въ рукоятку его была вставлена панорамка: Триумфальная арка въ Парижѣ, а по концамъ винтичкались крючечки. Кромѣ того, ручку можно было перегнуть вдвое—и тогда получалась игла для продѣванія лентъ и тесемокъ.

Послѣ урока, когда дѣвочки собирали свои вещи, Логачева вдругъ хватилась, что въ ея ящицѣ не достаетъ этого крючка. Бросились искать на столяхъ, въ ящикахъ, на полу,—но крючка нигдѣ не было. А между тѣмъ Логачева, испуганная и огорченная пропажей,—не хотѣла уходить домой, требуя, чтобы ей возвратили ея вещь.

— Я все равно не пойду. Маменька говорила мнѣ: не таскай въ классъ, тамъ сейчасъ пропадешь. А я не послушалась,—понесла. Пожалуйста, Антоница Антоновна, голубушка, позовите мнѣ у нихъ въ сумкахъ посмотреть и пусть карманы покажутъ.

— Что вы, Логачева? И вамъ не стыдно будетъ обыскивать товарицей изъ-за костяного крючка?

1) См. „Восп. и Обуч.“ № 4, ст. 136.

— Да кабы онъ было одинъ, отдельный! А то весь нессесеръ пропадаетъ.

Логачева, огорченная моимъ отказомъ обыскать весь классъ, уже плакала наизрѣдь и умоляла всѣхъ дѣвочекъ вмѣстѣ и каждую поодиночкѣ вернуть ей крючекъ. Дѣвочки пришли въ страшную тревогу: однѣ боялись, что не брали и въ глаза не видали, хотя за часъ передъ тѣмъ онъ побывалъ у всѣхъ въ рукахъ; другія требовали, чтобы ихъ сю же минуту обыскивали; третьи, наконецъ, сами выворачивали карманы и оттуда сыпались кусочки сахара, булки, пестрые лоскута, восковые огарки и паперетки. Я совсѣмъ растерялась. Мнѣ не хотѣлось доводить дѣло до свѣдѣнія князя; а между тѣмъ крючекъ былъ несомнѣнно украденъ, потому что изъ мастерской его никуда не выносилі.

— Вотъ что, дѣти, рѣшила я наконецъ.—Мнѣ стыдно подумать, что я стану васъ обыскивать. Но крючекъ кѣмъ-то изъ васъ взять. Мнѣ хочется вѣрить, что виноватая не захочетъ, чтобы весь классъ наказывали за нее. Даю вамъ два дня сроку: пусть та, у кого этотъ несчастный крючекъ, принесетъ его мнѣ или положить въ столикъ въ классной. Всѣ мы будемъ видѣть, что былъ дурной поступокъ и что онъ заглаженъ,—и забудемъ о немъ.

Потомъ я уговорила Логачеву ничего пока не говорить дома о пропажѣ,—и мы разошлись.

Въ тотъ вечеръ я долго не ложилась: все мнѣ чудилось, что кто-то воходитъ по лѣстницѣ или возится на крыльцѣ у моей двери. Но никто не пришелъ; и на другое утро, когда я вошла въ классъ, на меня глянули угрюмыя, суровыя лица. На третій день я сказала:

— Я вижу, дѣти, что моя любовь не заслужила вашей любви и довѣрія. Мнѣ это такъ тяжело, что теперь, когда я пойду гостить домой на праздники, я постараюсь устроиться въ другой школѣ и къ вамъ не вернуться.

Говоря это, я была неспокойна: мнѣ некуда было перейти изъ этой школы и я прибѣгла къ такой угрозѣ, какъ къ послѣднему средству добиться признания. Вернувшись домой, я принялась укладывать вещи, которыхъ надо было взять съ собой. Уже стемнѣло, когда у моей двери послышался сперва шорохъ, потомъ легкій стукъ и бабка Настя, вышедшая отворить, вернулась съ извѣстіемъ, что приходила школьнница—принесла тетрадку поправить. Я быстро выхватила изъ рукъ бабки маленький свертокъ и раскрыла его: въ немъ оказалась новая тетрадка, изъ которой выскоцилъ пропавшій крючекъ. Я рѣшила, придя въ классъ, молча отдать Логачевой ея пропажу и не позволять никакихъ разговоровъ объ этомъ случайнѣ. Но уже на крыльцѣ меня встрѣтила Мареа Гришина.

— Я къ вамъ отъ всего класса поѣду.

— Что такое?

— Да все насчетъ крючка. Гаврищукова говорила, что видѣла его у Кадниковой.

— Полно вамъ толковать объ этомъ. Пойдемъ въ классъ.

Классъ разбился на двѣ группы: въ одной,—большой центръ занимала Логачева, оживленно о чёмъ-то шептавшаяся съ подругами-старшими классницами. Къ ихъ шопоту прислушивались маленькие, любопытно вытянувъ шейки: стараясь уловить, о чёмъ онѣ шепчутся. Вторая группа состояла всего изъ двухъ дѣвочекъ: Кадниковой, смо-

трёхшерстяную книгу, не открывая глазъ, и ея задушевной подруги, Осташовой, которая смотрѣла на толицу дѣвочечку, нахмуривъ брови и сердито закусивъ нижнюю губу.

— Ну, Логачева, вашъ крючекъ нашелся, сказала я, входя въ классъ.—И я такъ этимъ счастлива, что даже не жалѣю о случившемся. Конечно, было бы очень хорошо, если бы люди другъ другу никогда не завидовали, и ничего другъ у друга не отнимали ни хитростью, ни силой. Но люди—не святые, и исправить дурной поступокъ гораздо труднѣе, чѣмъ воздержаться отъ него, пока онъ еще не сдѣланъ. О дурномъ надо совсѣмъ и павсегда забыть... А вамъ, Логачева, впередъ наука: не надо хвастаться передъ подругами такими вещами, какихъ у нихъ нѣтъ и никогда не будетъ. Вамъ станутъ завидовать, а кому завидуютъ, того никогда не любятъ. Будьте здѣсь всѣ равны, будьте здѣсь всѣ одинаковы,—и тогда всѣ вы будете одинаково любимы и мною и товарищами.

VI.

— А ну-ка, учительница-госпожа! Объясните намъ свое объясненіе.

Съ этими словами вошелъ ко мнѣ о. Петръ утромъ 2-го февраля. Съ нимъ была Любушка, принесшая тетрадку и задачникъ Евтушевскаго. Я очень любила нашего батюшку. Любила его серіозные, грустные разсказы о деревенской жизни и деревенской нуждѣ и полные юмора анекдоты о деревенскихъ священникахъ.

Къ моему учительскому пылу о. Петръ относился нѣсколько насыщенно, и въ тѣ дни, когда не могъ явиться къ уроку, писалъ кратко: „На-

слаждайтесь“—разумѣлось, занятіями съ классомъ и по Закону Божию.

Въ общемъ—онъ былъ работящій хозяинъ и добрый священникъ, добывавшій кусокъ хлѣба обработкою церковной земли, а не доходами съ прихожанъ.

— Или моя Любуша поглупѣла въ одночасье или вы что-то нескладно рассказывали, продолжалъ батюшка, усаживаясь возлѣ моей постели. Мне не здоровилось съ утра. Да и всѣ послѣдніе дни я перемогалась черезъ силу. Въ этотъ день я попробовала, было, встать; но бабка Настя заявила решительно, что сейчасъ будетъ меня поить малиною съ медомъ, и я лежала, одѣтая, кутаясь въ пледъ и вздрагивая отъ внутренняго озноба.

— Да что вы, доченька, нездоровы, что ли? Вонъ рука какая горячая.

— Нѣтъ, это такъ... пройдетъ. Я Любушкѣ о дѣлѣніи сейчасъ разскажу...

И я начала объяснять дѣлѣніе многозначныхъ чиселъ. Но по мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо о. Петра становилось все тревожнѣе.

Потомъ онъ взялъ изъ моихъ рукъ задачникъ и тетрадку и вмѣстѣ съ Любушкой ушелъ. Скоро онъ вернулся, а за нимъ стали входить и выходить разные люди: былъ фельдшеръ, былъ земской докторъ. Потомъ длинной веерницей потянулись мужики, одѣтые въ сѣрую серымягу. Это оттого, должно быть, что послѣднюю недѣлю мнѣ пришлось много возиться съ двумя больными мужиками. Они были привезены изъ Владимірской губерніи въ качествѣ огородниковъ. Но едва успѣли устроиться на нарахъ въ общей казармѣ, какъ свалились больные. Ихъ хватили только тогда, когда солнышко повернуло на весну: какъ только потянуло

съ юга первымъ тепломъ, главный садоводъ—немецъ послалъ за огородниками—готовить парники. А они лежали рядышкомъ на нарахъ и говорили не складицу о податяхъ и пшеницкой кашѣ. Кромѣ нихъ въ казармѣ оказалось еще трое-четверо больныхъ. Всѣхъ ихъ отправили въ Больничный хуторъ и послали за земскимъ врачомъ, такъ какъ своего на сахарномъ заводѣ въ ту пору не случилось. Докторъ сказалъ, что у мужиковъ сыпной тифъ и велѣлъ строжайше отѣлить ихъ. Больныхъ снесли въ самую дальнюю больничную комнату и оставили тамъ лежать. Черезъ день къ нимъ прїѣзжалъ докторъ. Утромъ и вечеромъ приходилъ фельдшеръ. Все это мнѣ разсказала бабка Настя и, движимая сердечною жалостью, то и дѣло бѣгала къ больнымъ: носила имъ чай и воду, „промочить душеньку“. За бабкой въ тифозную палату стала ходить и я, а двѣ послѣднія ночи мы съ ней чередовались: одинъ изъ мужиковъ тяжело умиралъ и утромъ, когда я ушла въ школу, онъ умеръ.

Теперь, въ моемъ горячечномъ бреду, мнѣ чудились сѣрые сермяжные мужики. Потомъ все смѣшилось, спуталось, и въ этомъ туманѣ потонула весь міръ и я сама, пока въ немъ не мелькнуло скорбное, святое лицо моей матери.

Сознаніе вернулось ко мнѣ въ ясное, яркое утро ранней весны. На столикѣ у моей кровати лежало десять просвиръ. Мнѣ захотѣлось съѣсть одну. Я протянула руку; но рука безсильно упала вдоль длиннаго, похудѣвшаго, сухого тѣла и я заплакала отъ голода и досады.

Потомъ, когда сознаніе окрѣпло, я узнала отъ матери, что каждый празд-

никъ мои дѣвочки приносили по просфорѣ: онѣ молились о моемъ выздоровленіи, а изъ церкви двое-трое изъ нихъ проходили къ Больничному хутору и терпѣливо ждали у крыльца, пока кто-нибудь приносилъ имъ вѣсти о моемъ здоровьѣ. Другія пять просвирокъ принесъ о. Петръ, одинъ не покидавшій мою мать въ ея горѣ.

Дѣвочекъ моихъ пустили ко мнѣ гораздо позже, когда я уже встала съ постели. Въ первый разъ пришли Кадникова и старшая Гришина. У меня въ это время былъ нашъ деревенскій цирульникъ, пришедшій остричь мнѣ волосы, которые послѣ болѣзни стали сильно падать. А когда дѣло было конченко, я потребовала зеркало: на меня оттуда смотрѣло странное, мальчишечье лицо съ острымъ подбородкомъ и ввалившимися глазами. Я заплакала: мнѣ стало жаль моей длинной, темной косы, словно съ него отъ меня отпало все мое прошлое—мои дѣтскія грэзы, моя юность. И дѣвочки робко и беззвучно плакали со мною...

Зато весело и счастливо прошло время моего выздоровленія. Едва я стала бродить по комнатѣ, какъ меня уже потянуло въ школу. Мысленно я учитывала всѣ недочеты и упущенія, какіе могли произойти въ мое отсутствіе, и мучилась опасеніями, что программа не будетъ пройдена и старшая группа не приготовится къ экзамену. Изъ школы приходили неутѣшительныя вѣсти: Ивану Родіоновичу трудно заниматься съ обоими отѣлѣніями; и тѣмъ труднѣе, что мальчики, недовольные тѣмъ, что дѣвочки по ариѳметикѣ и грамматикѣ знаютъ больше ихъ, поѣщются каждый разъ, когда которой-нибудь изъ нихъ случится невпопадъ отвѣтить. Скоро по вечерамъ стала ко

мы сходились старшая группа въ полномъ составѣ и мы старались наверстать потерянное время. Да и было пора:—первый разъ я пришла въ классъ въ концѣ марта, проболѣвъ семь недѣль. Благодаря ли послѣднимъ недѣлямъ, когда я дома все-таки занималась съ дѣвочками, или вслѣдствіе особенной старательности моихъ ученицъ, но меня не поразила разница въ ихъ прежнихъ и теперешнихъ знаніяхъ. Старшія ничего не забыли и только звуковики, научившіеся отлично писать за время моей болѣзни, почти разучились читать, такъ что пришлось съ ними начинать опять съ „плаксы Луки“.

Послѣ болѣзни между мною и классомъ установились какія-то особенные, теплые, любовныя отношенія. Должно быть, моя стриженная голова и болѣзненный видъ внушали имъ жалость, потому что до конца года ни одна не огорчила меня ни малѣйшею шалостью. Даже бѣдовый „Гусекъ“ присмирѣлъ и переставалъ проказить по первому моему слову. Встрѣчали меня шумною радостью: еще у крыльца брали изъ рукъ книгу, поправленная тетрадки, рабочую корзинку. Самы снимали съ меня пальто и шляпу, усаживали отдыхать и, стоптившись стайкой, любовно и тревожно смотрѣли на меня:—точно боялись, что вотъ-вотъ я на ихъ глазахъ разсыплюсь.

VII.

Восьмого мая, прия въ классъ, я застала тамъ большую суetu и тревогу. Было получено предписаніе собрать въ нашу школу учениковъ изъ Лозавенской земской школы и изъ Цѣпляевской, находившейся въ пяти верстахъ,—такъ какъ въ 12 часовъ пріѣдутъ экза-

менаторы: штатный смотритель уѣзднаго училища и членъ земской управы. Въ Цѣпляеву послали нарочного верхомъ, а учитель земской школы былъ уже тутъ со своими четырьмя мальчиками, которыхъ онъ представилъ къ экзамену. Онъ жался къ сторонкѣ, первно потиралъ руки, хрустѣлъ пальцами, и щуриль глаза. Со мною и Иваномъ Родіоновичемъ ему было неловко: задавленный нуждой, немножко пьющій и многосемейный—онъ видѣлъ въ насъ учителей-аристократовъ, учителей-бѣлоручекъ, потому что работаль онъ за насъ двоихъ, а получаль вдвое меныше меня и втрое—противъ Ивана Родіоновича. Къ тому же онъ подавалъ прошеніе о перевѣдѣ въ нашу школу передъ моимъ поступленіемъ и ему было отказано только потому, что, представляясь князю, онъ надѣлъ заплатанные, ржавіе сапоги.

„Жалкій ужъ очень“, рѣшилъ князь и на прошеніи написалъ: „отклонить за неимѣніемъ мѣста“. Теперь на учителѣ были тѣ же ржавіе сапоги съ заплатами и старый вытертый сюртукъ, покрытый не то крупно пылью, не то мелкимъ пухомъ.

Ученики его тоже смотрѣли волчатаами и косились исподлобья на шестерыхъ старшеклассниковъ нашей школы, между которыми былъ племянникъ управляющаго, готовившійся поступить въ гимназію. Я представила къ экзамену всѣхъ пятерыхъ своихъ старшихъ. За Гусеву и Гришину я не боялась, потому что онѣ знали все по программѣ отлично. Оставленіе на второй годъ Логачевой и Рутковской повело бы за собою объясненіе съ главноуправляющимъ, а можетъ-быть, и съ княземъ. Оставалась одна Кадникова; но при первомъ намекѣ на то, что я хочу ее

оставить еще на годъ, она такъ горько заплакала, что я рѣшила представить выборъ достойнѣйшихъ судьбъ и экзаменаторамъ.

Теперь я тревожно посматривала на моихъ дѣвочекъ и думала: „охъ, забыла Кадникова залоги и наклоненія, а Логачева навѣрное запутается въ дѣлѣніи“. Но мои дѣвочки, одѣтые въ коричневыя холстинковыя платья и лустриновые черные цередники, гладко причесанныя, съ темными ленточками въ косахъ, выглядѣли бодро и самоуверенно, и каждый разъ, когда я обворачивалась въ ихъ сторону, они мнѣ ласково и радостно улыбались.

Изъ „двора“ пришли сказать, что князь приказалъ немедленно извѣстить его, когда пріѣдутъ экзаменаторы. Пробило часъ, но ни экзаменаторовъ, ни нашего законоучителя не было: о. Петръ поѣхалъ въ поле смотрѣть овсы и нашъ посланный нигдѣ не могъ его разыскать. Быть хотѣлось страшно. Изъ дѣтей, кто позапаслившѣ, жевали копочки и краюшки; „дворскіе“ послали сторожа домой попросить завтракать. Имъ принесли десятокъ свертковъ, отъ которыхъ пахло такъ вкусно, что у меня во рту стало сухо и горько. Наконецъ, Миронъ сжалился надъ „учительскимъ персоналомъ“: сѣгалъ во „дворъ“, раздобылъ самоваръ, досталъ гдѣ-то кувшинъ молока и лепешку, на мазанную сверху толченымъ кононляннымъ сѣменемъ, и мы устроились въ его длинной узкой кухнѣ, на размалеванной розанами и травами укладкѣ. И только что проглотили по первому стакану чаю, какъ со двора раздалось неистовое „ѣдуть!“ „ѣдуть!“ Мы бросились на крыльцо: близко звякаль колокольчикъ, и парень, поставленный на сторожѣ, несся во весь духъ къ

усадьбѣ,—извѣстить князя. Съ другой стороны, чуть не бѣгомъ, подходилъ о. Петръ, запахивая на ходу болтавшіяся пелы парадной шелковой рясы и поправляя на груди кресть, данный ему въ награду за долголѣтнее законоучительство.

И вотъ—экзаменъ. На креслѣ за столомъ сидѣтъ князь. Направо—штатный смотритель, налево,—членъ земской управы. По краямъ—я, и напротивъ—оба учителя. Передъ нами Надя Рутковская съ ея прелестнымъ розовымъ личикомъ, лазурными глазами и моремъ кудрей, въ которыхъ солнце переливается золотыми волнами.

Надя прочитала символъ вѣры, рассказала о Моисѣѣ и о Воскресеніи Господнемъ, читала, разбирала этимологически и синтаксически, узнавала, сколько прибыли нажилъ купецъ на 45 бочкахъ разбавленнаго вина... говорила басню Крылова... разыскала на картаѣ Астрахань и Архангельскъ... Отвѣтчила она на всѣ вопросы дѣльно, толково, не торопясь. Отвѣтила на все, что у нея спрашивали, а ее все не отпускаютъ. А не отпускаютъ оттого, что всѣмъ еще хочется смотрѣть на это милое, чистое, дѣтское лицо, едва тронутое первою сознательною мыслью. И у каждого тамъ гдѣ-то далеко, въ забытомъ милемъ прошломъ есть такое же юное, такое же милое лицо, которое мучительно хочется вспомнить... И только учитель земской школы смотрѣтъ безнадежно на свои рыжіе сапоги и думаетъ съ мучительной злобой: „и чего, дуракъ, сунулся! Ужъ коли у нихъ дѣвченки такъ отвѣчаютъ, стало-быть, моихъ уродовъ — всѣхъ четверыхъ колѣнкомъ въ задъ“.

У меня, какъ и надо было ждать, лучше всѣхъ отвѣтчила Маша Гусева.

— Вы не сестра ли того Гусева, что въ Майданѣ учительствуетъ? спросилъ членъ земской управы.

— Да, это мой братъ, сказала дѣвочка, вся зардѣвшись отъ удовольствія.

— Старайся, старайся... твой братъ хороший, трудящійся учитель, подхватилъ другой экзаменаторъ.

Въ груди у меня захолонуло: давно уже я рѣшила поговорить съ княземъ объ участіи моей любимицы и теперь слова смотрителя давали мнѣ удобный поводъ.

— Ваше сіятельство, заговорила я, задыхаясь отъ волненія,— эта дѣвочка такъ способна и такъ старательна, что жаль оставить ее въ ея теперешней долѣ.

— Почему жаль? И въ крестьянствѣ люди живутъ.

— Въ крестьянствѣ—да! Но вѣдь они—бобыли полуиніціе. Земли у нихъ нѣть, а крошечный огородъ семью не прокормитъ.

— А!.. Въ такомъ случаѣ... что же можно сдѣлать?

— Если бы дать ей средства окончить педагогической классъ при нашей губернскій гимназіи. Онъ даетъ права сельской учительницы... Подготовиться она можетъ у брата.

— Возможно... возможно...

— Я могу, значитъ, обратиться къ господину главноуправляющему?..

И дѣло было сдѣлано.

Всѣ мои дѣвочки по экзамену удостоились свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ.

Съ мальчиками Ивана Родионовича на первыхъ порахъ вышла заминка.

Ванькѣ Петрову пришлось отвѣтить о Вознесеніи.

— Въ сороковой день по своемъ

Рождествѣ, Христосъ взялъ двѣнадцать учениковъ и пошелъ съ ними на гору... бойко началъ мальчишъ.

— Повтори сначала, сказалъ батюшка.

— Въ сороковой день по Рождествѣ Христовѣ...

— Да ты подумай: сорокодневный младенецъ взойдетъ ли на гору?

Но въ сознаніи Петрова такъ плотно смыкалось „Рождество“ съ „Пасхой“, что онъ не понялъ батюшкинаго вопроса и смотрѣлъ на всѣхъ виновато и растерянно. Надо было вывести его изъ этого самовнущенія.

— За сколько дней передъ Вознесеніемъ Христосъ Спаситель воскресъ?

— За сорокъ.

— А за сколько лѣтъ передъ тѣмъ Христосъ родился?

— За тридцать три.

— Хорошо, похвалилъ смотритель.

Свидѣтельство Вани Петрова было спасено; но батюшка былъ нѣсколько смущенъ. И когда Петрова заставили прочитать молитву „передъ ученіемъ“, о. Петръ укоризненно покачалъ головой и сказалъ: „Угодья-то сколько: и Господу славу, и родителямъ утѣшеніе, и церкви—отечеству польза,—выгадай-ка все это изъ тебя одного... этакого“.

Въ остальномъ экзаменъ прошелъ гладко и только одинъ ученикъ земской школы не получилъ свидѣтельства. Мнѣ это казалось несправедливымъ. Мальчикъ зналъ, какъ всѣ, и только отвѣчалъ вяло и неувѣренно. Но и мы сами устали за долгій тревожный день, торопили его отвѣты и раздражались, когда они были неудачны.

Изъ школы всѣхъ насть князь пригласилъ откупшать.

Послѣ обѣда князь благодарили насть,

а главноуправляющій подалъ мнѣ и Ивану Родионовичу бѣлые конвертики „съ наградными“.

Была благоуханная, тихая, лунная ночь, когда мы вышли на широкій подъездъ княжескаго дворца провожать нашихъ экзаменаторовъ. Лошади, запряженныя въ блестящее ландо, били копытами землю и у нижней ступеньки рядомъ съ величественнымъ княжескимъ лакеемъ тоштался на мѣстѣ какой-то человѣкъ безъ шапки. Въ рукахъ онъ мѣль картузикъ,—шелковый, кѣтчатый, какіе носятъ спортсмены. Увидя штатнаго смотрителя, онъ рванулся навстрѣчу.

— Господинъ смотритель... Я изъ Цѣпляевой... вы можете подумать... но право же у меня шесть учениковъ приготовлены. Однако, теперь зашло рабочее время и я сегодня цѣлый день изъ двора въ дворъ бѣгалъ... что же я могу сдѣлать... вотъ пѣшкомъ...

Онъ беспомощно опустилъ руки, и вся его тонкая и тощая фигура, освѣщенная мѣсяцемъ, была жалка и несчастна. Шель онъ лугомъ, по росѣ и его сѣреныя лѣтніе брюки намокли по колѣнъ и болтались тряпками.

— Что же я могу для васъ сдѣлать? дѣловито спросилъ смотритель.

— Другой разъ экзаменъ назначить... чтобы извѣстить хоть за день или за два, заблаговременно...

— Специально для одной вашей школы...

— Нѣть, нѣть, какъ можно для одной моей школы... гдѣ-нибудь, хоть подальше... умоляюще говорить учитель... — Войдите въ мое положеніе: прошлый годъ выпускъ не было и если въ этомъ году тоже...

— Ладно ужъ! проэкзаменуемъ, вмѣшался членъ земской управы. Онъ

много вышилъ и въ головѣ его начинало шумѣть.

— Гдѣ же прикажете? въ какую школу?

— Да какъ-нибудь.

— А осмѣлюсь спросить, — когда именно?

— Да какъ-нибудь... Заблаговременно...

Лошади тронули... Иванъ Родионовичъ покровительственно положилъ руку на плечо цѣпляевскаго учителя и повелъ его къ себѣ. А я и о. Петръ шагали уже по полю, на которомъ сеярбился подъ косою густой, какъ щетка, овесь, и батюшка, веселый и немножко захмелѣвшій, пѣлъ на мотивъ троаря: „За-бла-го-времено“!

C. Карасевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати.

(Мѣры противъ „черной сотни“. Новая безчинства хулигановъ. Съ драколѣемъ противъ малышей. Покушеніе на самоубийство трехъ ученицъ. Забастовка малышей. Похищенія дѣвочекъ. Покушеніе на самоубийство изъ-за боязни родительского гнѣва. Трагедія на почвѣ современного нервнаго недуга).

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи замѣчалось за это время единичное и даже массовое избиеніе учащейся молодежи: гимназистовъ, реалистовъ и т. д. Образовались особья шайки, охотившіяся на юнцовъ. Естественно, что общество возмутилось до глубины души. Отцы и матери заволновались, заговорили, потребовали гарантій, охраняющихъ здоровье и жизнь человѣка отъ участившихся насилий со стороны хулигановъ. Не особенно давно „Рус. Вѣд.“ оповѣстили, что редакція зава-

ливаются письмами, въ которыхъ высказываются опасения за безопасность учащейся молодежи, могущей подвергнуться насилию со стороны отдельныхъ хулигановъ и представителей черной сотни. По этому поводу редакція обратилась къ московскому градоначальнику, который категорически заявилъ, что „если бы и были сдѣланы попытки къ избиению учащихся, то немедленно будутъ приняты къ ихъ подавлению самые энергичные мѣры“.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ также озабочены принятіемъ этихъ мѣръ. Въ концѣ февраля, въ помѣщеніи коммерческаго клуба состоялось весьма многочисленное собѣданіе администраціи учебныхъ заведеній и родителей по поводу тревожнаго настроенія учащихся. Предложено было организовать немедленно городскую стражу и охрану учащихся силами самого общества.

Въ настоящее время происходятъ прямо-таки фантастическія исторіи на почвѣ главнымъ образомъ бунтобоязни, если можно такъ выразиться. Вотъ что, напр., произошло по словамъ „Двин. Листка“, въ нѣкоемъ селѣ Малиновкѣ, находящемся въ 18 верстахъ отъ Двинска. Во второмъ городскомъ училищѣ было предположено устроить литературный вечеръ для учащихся. Инспекторъ училища предложилъ нѣкоторымъ ученикамъ заранѣе отправиться въ лѣсъ, чтобы нарѣзать елокъ для украшенія зала ко дню литературного вечера. Нѣсколько малышей (около 29 чел.) изъявили желаніе и отправились въ лѣсъ, захвативъ съ собою кто маленькую ручную пилу, кто ножикъ, кто топорикъ. На право срѣзыванія елочекъ у дѣтей былъ билетъ отъ казеннаго лѣсничаго. Дошли они, гуляя, почти до Малиновки. Тамъ ихъ въ лѣ-

су увидѣли крестьяне названнаго села и приняли за... бунтовщикovъ. „Смотри, братцы, и топоры въ рукахъ и бляхи на шапкахъ. Не иначе, какъ это студенты бунтовать пришли“, — рѣшили крестьяне, увидѣвшіи учениковъ, и послѣдніи сообщили односельчанамъ. Къ тому же они слышали, какъ ребята пѣли гимнъ и слова „царствуй на страхъ врагамъ“, не досыпавъ, приняли за „смерть врагамъ“. Ни малѣшаго сомнѣнія не оставалось, что это бунтовщики, какъ ученики ни старались увѣрить, что они изъ Двинска и проч.

По селу быстро разнесся слухъ о „разбойникахъ“...

Удалили въ набатъ... Мужики и бабы вооружились дреколіемъ. Мальчишки забѣжали въ церковно-приходскую школу подъ защиту учителя. Послѣдній уговаривалъ крестьянъ, но тѣ кричали: „ты за одно съ ними!“

Былъ вызванъ урядникъ, но... онъ оказался солидаренъ съ крестьянами. Тотчасъ же отправившись въ городъ, онъ далъ знать исправнику о появившихся въ селѣ Малиновкѣ бунтовщикахъ.

Изъ Двинска была послана рота солдатъ и экстренно выѣхалъ помощникъ исправника.

Конечно, въ концѣ концовъ выяснилось, что за „бунтовщики“ появились въ Малиновкѣ. Все-таки малышамъ пришлось пробыть въ осадномъ положеніи болѣе сутокъ.

По словамъ „Кiev. Газ.“, изъ Хорольской (Киевск. губ.) женской гимназіи исключили за „плохое“ поведеніе трехъ ученицъ. Всѣ они послѣ прихода изъ гимназіи отправились. Одна изъ нихъ, почувствовавъ, что ей плохо, рѣшила позвать помошь и на-

чала кричать: „доктора, дайте доктора! Я жить хочу!“ Ихъ удалось спасти.

Забастовки и беспорядки въ среднихъ учебн. заведеніяхъ, точно какаято заразительная болѣзнь, волной прошли по странѣ. Удивительно: бастуютъ даже малыши. Такъ, „Придн. Края“ сообщаетъ, что въ Кременчугѣ состоялась „небывалая забастовка“. Забастовали ученики частнаго начальнаго училища Н. Б. Гасиловскаго. Въ одно прекрасное утро вошедшему въ классную комнату педагогу бросился въ глаза приkleенный къ скамейкѣ исписанный листъ бумаги. Оказалось, что это „петиція“ на имя Гасиловскаго, въ которой малыши указываютъ, что такъ называемая „большая перемѣна“ въ 20 минутъ недостаточна для отдыха, и требуютъ увеличенія этой перемѣны до одного часа...

Газеты снова констатируютъ случаи похищенія дѣвочекъ. Очевидно, отвратительные продавцы людей дѣлаются все болѣе дерзкими. Въ Одессѣ похищена девятилѣтняя дочь г-жа Булгакъ — Нина. Въ Ригѣ въ концѣ января двумя по виду довольно приличными господами похищены двѣ дѣвочки: одна трехъ, а другая пяти лѣтъ. Поиски родителей похищенныхъ дѣтей до сихъ поръ остались безуспѣшными. Подобный же случай и тоже въ Ригѣ произошелъ черезъ 3 дня послѣ указанного выше похищенія. На этотъ разъ были похищены четыре дѣвочки 10, 11, 15 и 16 лѣтъ; они утромъ отправились въ школу, но домой не возвратились, ни послѣ обѣда, ни на слѣдующій день. Мать одной изъ похищенныхъ, идя по улицѣ, неожиданно встрѣтила двухъ старшихъ дѣвочекъ съ какимъ-то господиномъ. Она обратилась за содѣйствіемъ къ городовому,

который задержалъ дѣвочекъ; господину же удалось убѣжать. Двѣ другія дѣвочки также были найдены на станціи Рига 1, въ поѣздѣ, готовомъ къ отѣзду.

Удивительный случай безсердечнаго отношенія къ дѣвочкамъ передаютъ „Од. Нов.“. Въ г. Тирасполѣ была задержана дѣвочка, назвавшая себя въ участкѣ Циной Розенблумъ, — 12 лѣтъ. По ея словамъ, отецъ ея, вторично женившись, четыре года тому назадъ перѣѣхалъ въ Америку и поселился въ Нью-Йоркѣ. Три мѣсяца тому назадъ онъ умеръ, и дѣвочка осталась на попеченіе не любившей ее мачехи. Послѣдняя, распродавъ имущество, оставила Нью-Йоркъ и отправилась обратно въ Россію. Прибывъ въ Одессу, она цыталась здѣсь покинуть свою падчерицу, но дѣвочка побѣжала за нею. Когда онѣ ночью оставили станцію Тирасполь, то мачеха сонную выбросила ее изъ вагона на полотно желѣзной дороги. Въ Одессѣ у отца дѣвочки имѣются родственники, но кто они и гдѣ проживаютъ — она не знаетъ.

Характерный также случай, могущій служить иллюстраціей внутренніхъ семейныхъ отношеній, приводятъ тѣ же „Од. Нов.“. Четырнадцатилѣтняя дочь нѣкоего Фомина, Анастасія, пронинившись передъ родителями, устрошилась ихъ угрозъ и, дѣлясь своимъ опасеніями съ пришедшей къ ней по другой, Домникіей Новоселовой, 15 лѣтъ, заявила, что рѣшила покончить съ собой. Новоселова тщетно пыталась успокоить подругу. Тогда Новоселова поклялась, что не переживетъ разлуки съ ней и также покончить съ собой. Послѣ продолжительного совѣщенія онѣ рѣшили привести свою мысль немедленно въ исполненіе. Доставъ

нашатырный спиртъ и раздѣливъ его пополамъ, Анастасія первая залпомъ опорожнила стаканъ на глазахъ подруги. Новоселова, какъ только Фомина почувствовала сильные ожоги въ глоткѣ, уложила ее на кровать, а затѣмъ сама приняла отраву. На стоиѣ дѣвушекъ прибѣжали родители Фоминой. Вызванный врачъ „Скорой помощи“ нашелъ дѣвушекъ въ безсознательномъ состояніи. Послѣ первоначальной помощи подругъ доставили въ городскую больницу. Жизнь Новоселовой въ опасности, Фомина же подаетъ надежду на выздоровленіе.

Въ заключеніе приведемъ любопытную и, если хотите, поучительную исторію, имѣвшую мѣсто въ Москвѣ. На дворѣ дома Мартынова, часто можно было видѣть беззаботно игравшаго мальчика, лѣтъ 5, котораго знали всѣ жильцы дома. Борю,—такъ звали мальчика,—возила на саночкахъ его двоюродная сестра, курсистка; вокругъ рѣзвились собачки, любимцы мальчика. Боря хотѣтель отъ души, и чистая дѣтская радость заставляла останавливаться случайныхъ прохожихъ и любоваться ребенкомъ. Къ Борѣ привлекали всѣхъ не только его симпатичная виѣшность, но и то обстоятельство, что онъ былъ почти сирота. Мать оставила его уже около года, уѣхавъ отъ мужа въ Одессу, и Боря жилъ въ обществѣ отца, молодого ученаго филолога Николая Васильевича Теплова, кухарки да навѣщавшей его двоюродной сестры.

Н. В. Тепловъ — недолговѣчный человѣкъ, типичный представитель нашего перваго вѣка. Съ блестящими способностями, онъ въ то же время не обладалъ силою воли. Готовясь къ магистерскому диспуту, онъ часто го-

ворилъ, что ученая карьера не удовлетворитъ его, что передъ смертью, вѣчностью все — ничто. Горячо любя мальчика, балуя его игрушками, онъ часто останавливалъ свой больной взглядъ и на ребенка. Ему казалось, что мальчикъ уже носитъ слѣды наследственной неврастеніи. И вотъ заползла въ мозгъ и стала тамъ расти и крѣпнуть ужасная мысль—покончить съ собою, и съ больнымъ ребенкомъ...

Воскресеніе, 6-го февраля, когда такъ беззаботно игралъ ребенокъ, явилось роковымъ днемъ и для отца, и для ребенка.

Вечеромъ Н. В. Тепловъ почувствовалъ припадокъ удушья. Надо сказать, что вообще у Н. В. на нервной почвѣ развивались нерѣдко явленія истерического характера.

Онъ отправилъ племянницу и кухарку за врачомъ. Припадокъ прошелъ, но окончательно окрѣпла мысль, что такому больному человѣку, какъ онъ, жить не стоитъ, а безъ него нельзѧ жить и сыну. Набросавъ наскоро нѣсколько писемъ, онъ взялъ бритву и перерѣзалъ глубоко сонныя артеріи безмятежно спавшему въ кровати ребенку, а затѣмъ тою же бритвой покончилъ съ собою. Когда пришли докторъ, г-жа Дешина и кухарка — они застали ужасную картину...

Тѣла отца и ребенка отправлены въ анатомическій театръ для вскрытия. Перепуганная прислуга бросила квартиру и уѣхала на родину, рѣшивъ никогда больше не возвращаться въ Москву, где разыгравшаяся такая грандиозная трагедія.

Послѣ покойного осталось нѣсколько переводныхъ трудовъ.

В. Измайлова.

Отчетъ о 3-мъ засѣданіи Родительскаго Кружка 27 ноября 1904 года.

Докладъ Е. В. Баранцевича „Дѣти и дѣтскіе журналы“ привлекъ полный залъ. Въ оживленныхъ преніяхъ приняли участіе многіе литераторы и редакторы дѣтскихъ журналовъ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ кончили свое существованіе два дѣтскихъ журнала, издававшихся известной писательницей, дочерью декабриста Ишимовой, „Лучи“ и „Звѣздочка“. Немножко сентиментальные, въ духѣ Карамзинской „Бѣдной Лизы“, немножко скучные, журналы эти были безусловно литературные. Когда этихъ журналовъ не стало, потребность въ чтеніи взялись удовлетворять такъ называемыми дѣтскими книгами двѣ фирмы: Битепажъ и Вольфъ. Книжный рынокъ заваливался переводами съ нѣмецкаго, романами Купера, Майнъ-Рида, Эмара и Ж. Верна. Своимъ равнодушіемъ къ духовнымъ запросамъ дѣтей наши писатели дали возможность промышленности наводнить дѣтскую литературу такими произведеніями отечественнаго лубка, среди которыхъ даже передѣлки съ нѣмецкаго казались совершенствомъ. Наконецъ, наши „писатели для взрослыхъ“ взялись за дѣтскую литературу и, благодаря ихъ вмѣшательству, въ значительной степени уменьшилось количество лубочныхъ изданій и увеличилось число хорошихъ, вполнѣ литературныхъ дѣтскихъ книгъ и журналовъ. Настоящая дѣтская литература какъ будто вступила въ періодъ расцвѣта...

Къ сожалѣнію, быстрое возникновеніе дѣтскихъ журналовъ въ послѣднее время породило конкуренцію.

Вотъ какое явленіе приходится

наблюдать. Если одинъ журналъ даетъ своимъ маленькимъ подписчикамъ двѣнадцать премій, включая сюда „книжку экскурсанта и альбомъ портретовъ великихъ людей“, то другой сулитъ уже цѣлыхъ 24 преміи, напр.: „листъ для склеиванія“, подъ названіемъ „Крестьянское хозяйство“, или цѣлую оперу для исполненія ея дѣтьми въ возрастѣ отъ 5 до 9 л., а третій, кроме обычныхъ 24 премій, состоящихъ между прочимъ изъ „мельницы, работающей водой и пескомъ“, еще 54 преміи, какъ то: „снаряженіе яхтъ, лото, калейдоскопъ, стрѣльба въ цѣль и книги“, какія—неизвѣстно. Достаточно остановиться на такомъ странномъ сочетаніи литературы съ игрушечнымъ магазиномъ, чтобы убѣдиться, что вся задача издателей заключается въ томъ, чтобы бумажнымъ хламомъ заманить себѣ подписчиковъ. А другіе установили переписку между читателями и редакціей, въ родѣ: „благодарю за журналъ, подбиваю товарищей подписаться“, или: „Паночка уѣхала на войну, единственное утѣшеніе—вашъ журналъ“, и еще: „Милая, дорогая редакція, я первый годъ получаю вашъ журналъ и всѣмъ его рекомендую“.

Ребенку, кроме физического, нужно хлѣбъ духовный. При современномъ житейскомъ укладѣ трудящагося класса, родителямъ нѣть времени систематически заниматься съ дѣтьми. Остается единственный способъ духовного воздействиа на ребенка—это книга и журналъ.

Какого же духа и направленія слѣдуетъ держаться въ выборѣ материала для дѣтского журнала? Природа, всегда юная и свѣтлая, вотъ неизсякаемый источникъ, изъ которого намъ слѣдуетъ черпать. Задача журнала развить

характеръ, волю, вдохнуть въ ребенка идею братства безъ различія национальности, истинную любовь къ человѣчеству, сообщить полезныя свѣдѣнія объ интересующихъ его явленіяхъ природы, о любимыхъ друзьяхъ—животныхъ, но не оставлять въ сторонѣ и жизненныхъ современныхъ явленій; страдаютъ ли люди отъ войны, голода, землетрясенія—этого не скроешь отъ ребенка. Сообщеніе происшествій, волнующихъ общество, устанавливаетъ связь между юнымъ читателемъ и журналомъ, въ противномъ случаѣ это будетъ не журналъ, а сборникъ.

При дебатированіи вопроса о выборѣ подходящаго материала, было высказано пожеланіе видѣть въ дѣтскомъ журнальѣ, если можно такъ выразиться, и „забавный“ элементъ. Гдѣ искать причину того явленія, что дѣтямъ нравится нехудожественный „Степка-Расстрека“ или комическая похожденія героя Буша? Дѣти любятъ эпизоды изъ своей, изъ дѣтской жизни, дѣйствительность интересуетъ взрослыхъ, а если хочешь писать для дѣтей, то нужно стать на ихъ точку зрѣнія. Если бы редакторы справлялись съ мнѣніемъ своихъ молодыхъ подписчиковъ, то они узнали бы, что ихъ обстоятельныя статьи о кроликахъ, о курахъ, остаются неразрѣзанными. Точно такъ же и извѣстія о войнѣ или біографія великаго человѣка часто пропадаютъ для нихъ безслѣдно.

На это было замѣчено, что плохую книгу не слѣдуетъ давать ребенку, если бы даже она ему и нравилась. Мы должны направлять и развивать вкусъ ребенка. Интересъ же къ войнѣ мы заглушить не можемъ и должны обращать вниманіе на страданія близ-

яго и дать возможность притти ему на помощь.

Мнѣнія разошлись также, когда зашла рѣчь, поскольку слѣдуетъ вводить въ дѣтское чтеніе фантастический элементъ: былины, сказки, легенды. Вопросъ такъ обширенъ самъ по себѣ, что можетъ служить предметомъ отдельной бесѣды.

Л. И. Тихієва дала отчетъ о книгѣ Сергея Кулюкина „Первая книга для чтенія послѣ азбуки“. 156 стр. Ц. 25 к. Изд. Кушнерева. Москва. 1904 г. Обстоятельный разборъ показалъ, что книга Кулюкина не годится для класснаго чтенія. Авторъ, находя, что всѣ существующіе буквари и книжки для чтенія не только не пригодны, а вредны въ дѣлѣ обучения дѣтей, построилъ свой трудъ совершенно своеобразно. Онъ не ввелъ въ него ни одного литературнаго образца, замѣнивъ ихъ исключительно своими собственными оригинальными рассказами. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ статейкахъ, крайне элементарны и общепрѣдѣльны. Встрѣчаются неправильности въ употребленіи надежей: „я попросилъ карандаша, сталъ мальчикъ искать пальта, а оно подъ всѣми пальтами“ и др. Авторъ не допускаетъ въ своей книжкѣ ни сказки, ни поэзіи, ни картинки, считая ихъ вредными для ребенка. Онъ возмущается возможностью знакомить дѣтей съ такими небылицами, какъ Пушкинское „У лукоморья дубъ зеленый“. Если названная книга и можетъ имѣть значение, то какъ вс помогательная при домашнемъ обученіи и для дѣтей, умственно ограниченныхъ; этому способствуетъ легкость языка и содержанія и крупный шрифтъ.

Н. Кошкина.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Юнь — № 6.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 6.

1. Душа ребенка. Н. Лухмановой	193
2. Борьба съ дѣтской раздражительностью. Я. Папера	199
3. Годъ въ школѣ. С. Каракеевич. (Оконч.).	206
4. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. В. Измайлова.	213
5. Изъ хроники школьного дѣла.	219
6. Библиографія	220

Душа ребенка.

У меня во всѣ периоды моей жизни были друзья среди дѣтей, я умѣю съ ними сходиться и заслужить ихъ довѣріе.

Сколько интересныхъ тайнъ я узнала, сколько, довелось заѣчь больныхъ маленькихъ сердечекъ, часто страдавшихъ отъ того только, что ихъ не понимали, а сами они не умѣли высказаться! Бывало и то, что я съ горемъ, со стыдомъ узнавала, что бѣдныя дѣти знаютъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, посвящены въ такія семейныя тайны, которыхъ мучаются ихъ гнетомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Видѣла я дѣтей мечтателей, дѣтей поэтоў, философовъ, тирановъ, безсознательныхъ преступниковъ и такихъ же мучениковъ, дѣтей счастливыхъ, балованныхъ, прельщенныхъ, дѣтей покинутыхъ, несчастныхъ, голодныхъ, и въ каждомъ изъ нихъ, у одного яркимъ огнемъ, у другого еле теплящейся

искрой, свѣтилась дѣтская душа, иѣжная, чистая, невинная; стоило добраться до нея, выхватить ее, и передъ вами открывался точно душистый садъ, полный цвѣтовъ, окропленныхъ росой, залитыхъ солнцемъ.

Цвѣтами въ этомъ саду были мысли и чувства ребенка, солнечнымъ свѣтомъ—его беззаботный смѣхъ, а росою—горючія слезы.

Только дѣтей феноменоў я всегда боялась и недовѣряла имъ, потому что настоящихъ феноменоў отъ рожденія, дѣтей, одаренныхъ искрой таланта,— мало, остальные—или дѣти больныя, первыя, недолговѣчныя, или удивительные имитаторы, которые до того воспринимаютъ сильно все, что слышали и видѣли, что кажутся необыкновенно умы и разсудительны въ тѣхъ дѣлахъ, которыя совершенно не должны были бы ихъ касаться, и необыкновенно глупы и нерадивы въ своихъ настоящихъ дѣскихъ дѣлахъ. Родители приходятъ въ восторгъ отъ ихъ остроумныхъ выходокъ, отъ необыкновенной памяти—отъ умѣнья читать и декламировать въ 6 лѣтъ, а въ 10 изъ нихъ уже вырабатываются лѣитиа и невольные резонеры. Хуже всего были литераторы.

„Моя莉莉 пишетъ стихи“, говорила миѣ одна мать и съ гордостью показывала тетрадь написанныхъ дѣвочкою стихотвореній; большую частью это была рифмованная белиберда, всегда съ силь-

нымъ подражаниемъ тѣмъ стихотвореніямъ, которыя ее заставляли заучивать. „Моя Дуня написала сказки, объявляя мнѣ отецъ,— я хочу ихъ издать, конечно, я „немножко“ ихъ исправлю, но право очень мило.“ И я читала о томъ, какъ добрая Маша сняла съ себя кисейное платье и отдала его встрѣтившейся ницѣ, у которой не было даже платья для ребенка, и какъ папа и мама купили этой Машѣ шелковое платье за то, что она добрая девочка. Какъ злой Ваня мучилъ птичекъ, разоряя гнѣзда, и добрый (?) Боженька бросилъ его за это съ дерева и онъ остался хромой на всю жизнь.

Но среди подобныхъ „литературныхъ“ произведеній иногда попадались мнѣ замѣчательныя по простотѣ и сердечности дѣтскія письма или стихотворенія.

Такъ, недавно мнѣ попались стихи, писанные однимъ моимъ маленькимъ другомъ, Кирилломъ Т., которому было 7 лѣтъ, когда онъ писалъ ихъ (теперь ему 12). Родители его, люди съ хорошими средствами, могли дать ему, можетъ-быть, исключительное воспитаніе, хорошихъ учителей, гувернантокъ; часть года онъ проводилъ въ имѣніи или на дачѣ гдѣ-нибудь близъ моря, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ ребенкѣ такая врожденная любовь къ природѣ, такое своеобразное пониманіе жизни животныхъ и растеній, которое нельзя воспитать въ ребенкѣ, но можно только привѣтствовать, какъ рѣдкій даръ.

Къ деревьямъ, птицамъ, облакамъ, звѣздамъ Кириллъ обращается съ вопросами, какъ къ существамъ разумнымъ, ждетъ отъ нихъ отвѣта и иногда находитъ его въ собственныхъ думахъ.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ стихотвореній Кирилла:

Береза, что ты стоишь,
Что ты опустѣла,
Или тебя выюга побила;
Или завяла ты вѣтъ отчего,
Что черви тебя пѣдаются.
Зачѣмъ ты завяла?
Или ты слишкомъ стара
И придется тебя срубить,
Не понимаетъ никто.
Зачѣмъ, почему?
Твоихъ слезъ не слышно
И не видна твоя краса.

* * *

Море, что ты шумишь?
Что ты бушуешь?
Пора тебѣ успокоиться,
Твои волны выкидываютъ
И раковины, и камушки,
Говорятъ, и цѣлые корабли.
Пора успокоиться,
Море, уйми свои волны.

* * *

Соловейка мой, соловей,
Ты куда летиши,
Въ Африку или въ Америку,
И что ты тамъ увидиши?
Или ты кораллы увидиши,
Или ты раковину мнѣ въ клювѣ принесешь,
Или ты мнѣ пѣсню принесешь,
Которую ты тамъ услышиши,
И разскажешь, какія тамъ горы видаль,
Или вернешься и скажешь:
Я ничего не видаль,
Или улетишь ты въ жаркую страну
И не вѣрнешься назадъ.

* * *

Роза цвѣтетъ въ саду,
И вишня растетъ,
Рѣка струится кругомъ садика,
Глубокая, глубокая... Еесдѣлаль не человѣкъ,
И нѣтъ руки такой сильной, которая бы ее
сдѣлала.

Откуда же ты, рѣка?

* * *

Поле, что ты красуешься?
Вѣдь не долга твоя красота,
Жалко покинуть твою красоту,
А вѣдь покинешь, когда придетъ зима.

На первый взглядъ эти стихотворенія кажутся простымъ лепетомъ ре-

бенка. Въ нихъ нѣтъ ни размѣра, ни рифмы, и я называю ихъ стихотвореніями только потому, что, очевидно, ребенокъ этимъ способомъ писанія короткихъ строчекъ хотѣлъ выразить, что онъ пишетъ стихи. При этомъ онъ дѣлся всегда чрезвычайно серіозенъ, уходилъ въ свою комнату, звалъ туда свою любимую гувернантку и диего-валъ ей.

Она съ любовью, не исправляя, не подавая никакого своего мнѣнія, запи-сывала слово въ слово „стихи“ маль-чишко Кирилла. Мать его тогда была больна, лѣчила за границей, и маль-чику хотѣлось всѣ свои мысли передать ей, когда она вернется.

Вглядитесь въ первое стихотвореніе: любопытна эта пытливость узнать, по-чему встрѣченная имъ береза потеряла свою листву.. Онъ отыскиваетъ три причины: выгугу, червей или старость, значитъ, онъ уже ясно себѣ представ-ляетъ, что эти три названные имъ врага подтачиваютъ красоту дерева. Это доказываетъ анализъ и наблюда-тельность.

„Придется тебя срубить, говорить онъ,—и никто не знаетъ, зачѣмъ и по-чему (надо предполагать: ты страдаешь) и слезъ твоихъ не слышно“.

Ребенокъ, значитъ, полагаетъ, что береза страдаетъ и плачетъ, но только люди не слышатъ ея и помочь ей не могутъ.

Живя около моря, онъ, видимо, по-раженъ и испуганъ силой волнъ, вы-кидывающихъ камни, раковины и, какъ ему сказали, даже разбитые корабли. И онъ, какъ древній, наивный закли-натель, просить море унять свои волны.

Маленькая пѣсня къ соловью подна-нѣжной фантазіи; ему рассказали, что

соловьи улетаютъ въ теплые страны, онъ уже знаетъ, что существуютъ земли съ вѣчной весной, ему хотѣлось бы допытаться отъ птицы, вернется ли она, что она тамъ увидеть, въ его воображеніи мелькаетъ птичка, возвра-щающаяся домой съ коралломъ или разноцвѣтной раковиной въ клювѣ.

Рѣка поражаетъ его глубиной, бы-стротой теченія. Онъ понимаетъ, что самая сильная человѣческая рука не въ силахъ ее сдѣлать. Онъ пораженъ, онъ чувствуетъ въ этомъ присутствіе всемогущаго Творца и бессиліе человѣка, а въ стихотвореніи къ полю уже мелькаетъ неясное тревожное сознаніе недолговѣчности красоты и молодости. Ребенокъ уже чувствуетъ, что противъ извѣстныхъ законовъ судьбы человѣкъ не властенъ, что полю придется поте-рять свою пышную зеленую одежду.

И такъ цѣлая тетрадь наивныхъ стихотвореній ребенка и въ каждомъ выражается и его свѣтлая дѣтская душа и просыпающіеся запросы его ума. Это не феноменъ, это самый простой, обыкновенный ребенокъ, выросший въ хорошей, любящей его семье. Это тотъ самый Кириллъ, который впослѣдствії приносить матери свои сбереженія, съ ея дозвolenія покупаетъ на нихъ раз-ные подарки русскому солдату, ушед-шему на войну съ Китаемъ, и неустанно переписывается съ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ. И это была не праздная забава баловненнаго ребенка, это была инстинктивная потребность души сдѣлать кому-нибудь радость, потому что ему самому такъ часто бывало хорошо и весело. Утѣшить, приласкать, потому что его ласкали, его утѣшали во всѣхъ его маленькихъ житейскихъ горяхъ.

Вотъ за такими проявленіями души ребенка должны следить родители.

Вѣдь эти наивныя „стихотворенія“ могли бы пройти во многихъ семействахъ, мимо глазъ многихъ матерей, какъ простая мазия, какъ глупое превозведеніе времени, потому что вѣдь и похвастать тутъ нечѣмъ. Ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарования, литературной красоты.

Но и воспитательница, и мать Кирилла посмотрѣли на это иначе. Они не хвалили его, не восхищались, но читали вмѣстѣ съ нимъ, интересовались работой его мысли, говорили по поводу видѣннаго и прочувствованнаго имъ, и образы природы еще глубже западали въ его душу.

Кирилль развивается нормально. Въ немъ нѣтъ ничего блестящаго, но онъ поражаетъ каждого, кто ближе узнаетъ его, спокойствиемъ, ясностью и чистотой душевной. Это ребенокъ, въ которомъ незамѣтно, но прочно пускаеть корни вся красота природы, все хорошее и доброе въ ходѣ людской жизни.

Вотъ это я называю „уходомъ за душою ребенка“. Это одинъ изъ тысячи примѣровъ, одинъ маленький штрихъ изъ многомилліонныхъ случаевъ практики духовнаго воспитанія дѣтей, но я отмѣчаю его съ любовью и останавливаюсь на немъ, такъ какъ онъ можетъ быть одною изъ руководящихъ читет въ дѣлѣ распознаванія души ребенка.

Н. Лухманова.

Борьба съ дѣтской раздражительностью.

Высокую степень раздражительности дѣтей врачи называютъ „первыми признаками нервозности въ дѣтскомъ возрастѣ“. Берлинскій профессоръ, извѣстный врачъ по нервнымъ болѣзнямъ

Оппенгеймъ, приводить въ недавно выпущенной имъ книжѣ, между прочимъ, слѣдующіе примѣры этихъ признаковъ. Четырехъ - пятилѣтнія дѣвочка, вообще очень умнѣнья, причиняетъ окружающимъ великія муки тѣмъ, что не соглашается одѣваться или переодѣваться. При всякой попыткѣ перемѣнить на ней сорочку, юбку или платьице ребенокъ доходитъ до такого неистовства и раздраженія, такъ плачетъ, мечется и оретъ, что часто неизбѣжно бываетъ бросить процедуру одѣванія. Когда же дѣвочку заставляли все-таки исполнить требованіе, то приводили ее этимъ въ настоящее отчаяніе. Она старалась ручками держать возможно дальше отъ себя надѣтую рубашку, точно бы послѣдняя причиняла ей жестокую боль. Зато когда ей позволяли снять на время недавно одѣтое, она живо успокаивалась и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ другихъ проявленій нервности, продолжала держаться вообще вполнѣ нормально. Другіе примѣры. Въ теченіе цѣлаго года шестилѣтній мальчикъ подвергался наказаніямъ за то, что также не давалъ перемѣнить на себѣ платье, начиная съ сорочки; чѣмъ строже бывали наказанія по этому поводу, тѣмъ настойчивѣе были его желанія, не одѣться такъ, какъ отъ него требовали. Лѣтъ десяти дѣвочка, страдавшая уже съ ранняго дѣтства особой пугливостью, впадала въ настоящую дрожь, сопровождающуюся неистовыемъ плачомъ, каждый разъ, когда кто-нибудь изъ близкихъ, особенно мать или отецъ, долженъ былъ выходить изъ дома безъ нея. Неутѣшно рыдала, она становилась тогда у двери или у окна, и ее нельзя было сдвинуть съ места до той поры, пока ушедшій родной не возвратится. Съ теченіемъ времени

БОРЬВА СЪ ДѢТСКОЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬЮ.

этого рода настоящія усиливались, такъ что мать не могла удаляться на шагъ изъ дома, и въ то же время сама дѣвочка становилась только пугливѣ при постоянномъ подозрѣніи, что ее хотятъ оставить одну¹⁾.

Профессоръ Оппенгеймъ, какъ врачъ, называетъ эти проявленія дѣтскихъ желаній „симптомами прирожденной или пріобрѣтенной нервности“, а въ общежитіи эти проявленія именуются капризами „испорченныхъ ребятъ“ или „упрямствомъ избалованного дитяти“. Ученый требуетъ надлежащаго діагноза состоянія такого ребенка и указываетъ, что существуютъ вѣрные рациональные способы исцѣленія дѣтей отъ этихъ недостатковъ; въ общежитіи же рекомендуются въ этихъ случаяхъ или всевозможныя строгости по отношенію къ такому ребенку, или то, что называется „махнуть рукой“ на всѣ его требования и желанія. Врачъ поясняетъ, что желудочные или кишечные страданія, едва замѣтныя, но несомнѣнно существующія, какъ и различныя другія органическія разстройства, заключаются въ себѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ основныя причины такой раздражительности дѣтей; родители же и воспитатели часто видятъ эти причины въ простой склонности къ непослушанію со стороны дитяти, въ его „распущенности“.

Нѣть нужды, однако, въ особой прозорливости для того, чтобы уразумѣть, на чьей сторонѣ, врача или родителей, тутъ больше справедливости по отношенію къ раздражительному, себя самого и другихъ мучающему ребенку,

какъ нѣть нужды также въ особомъ пристрастіи къ научной медицинѣ или научной педагогіи для безошибочнаго, вѣроятно, предположенія, что обычными воспитательными мѣрами дѣтскіе недостатки этого рода могутъ лишь развиваться и укрѣпляться.

Въ области воспитанія, касающагося наиболѣе юнаго дѣтскаго возраста, могло бы быть великимъ пріобрѣтеніемъ человѣческаго ума уже одно лишь пустое усвоеніе сознанія со стороны родителей и воспитателей хотя того, что дѣтская природа ни мало не изучена еще до сей поры и что она представляеть собою непочатый уголь для вниманія и размышенія для каждого изъ родителей. Это было бы несомнѣнно крупнымъ умственнымъ пріобрѣтеніемъ уже въ томъ отношеніи, что вниманіе къ проявленіямъ дѣтской души и сколько-нибудь отчетливый анализъ ихъ мѣшали бы проведению прадѣдовскихъ мѣръ для исправленія дѣтей, мѣръ—да простить намъ старина!—то всецѣло нелѣпыхъ, то ошибочныхъ въ большей части ихъ содержанія. Когда задумывалась надъ тѣмъ, какая широкая и густая сѣть новыхъ способовъ къ познанію дѣтской природы возникла лишь въ самые послѣдніе годы, какъ многочисленны попытки уяснить себѣ хоть какую-нибудь частицу этой природы,—дѣло, которымъ занимаются цѣлые тысячи педагогическихъ обществъ и родительскихъ кружковъ на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра—нынѣшняя полная неосвѣдомленность родителей по части дѣтскихъ душевныхъ нуждъ выступаетъ только осознательнѣе, только, такъ сказать, выпускѣ и ярче. Современные родители находятся еще, увы! на самой низшей ступени въ этомъ познаніи; въ настоя-

1) Prof. H. Oppenheim. Die ersten Zeichen der Nervositat des Kindesalters. Berlin, 1904, стр. 17—23.

щее время едва намечаются только тѣ отдельные проявления дѣтской жизни и группы этихъ проявлений, которыхъ подлежать особому вниманію родителей, особо старателльному изученію ихъ со стороны всѣхъ, имѣющихъ отношеніе къ существованію ребенка; до сей поры сдѣланы лишь первоначальная попытки объяснить себѣ хотя общій характеръ дѣтскихъ душевныхъ проявлений и лишь въ самыхъ общихъ же чертахъ указаны тѣ воспитательные приемы, которые должны служить поддержкой, а не тормазомъ для развитія дѣтской души. Несмотря на это, нынѣ дѣтская жизнь всецѣло регулируется при посредствѣ воззрѣній и мѣръ, передѣшившихъ къ намъ, какъ наследственная болѣзнь, со временемъ „старины глубокой“.

Родители должны бы вообще, дабы они не дѣлали слишкомъ поспешныхъ заключеній насчетъ раздражительности дѣтей, принять во вниманіе хотя слѣдующее: свойство человѣческаго ума таково, что наиболѣе трудные и сложные вопросы онъ решаетъ раньше наиболѣе простыхъ. Еще въ то время, когда люди едва успѣли считать до пяти или шести, они находили самые опредѣленные точные отвѣты на вопросъ о происхожденіи всего міра; еще въ ту пору, когда астрономія не существовала, космическихъ загадокъ не существовало, и все было ясно, какъ счетъ до четырехъ, на все имѣлся готовый безапелляціонный точный отвѣтъ.

Проявленія человѣческой, а, слѣдовательно, и дѣтской души не менѣе сложны, чѣмъ ряды космическихъ явлений, и потому такъ мало затрудняются съ объясненіемъ ихъ; первыя еще, пожалуй, сложнѣе вторыхъ, и тѣмъ жи-

вѣ находятся въ человѣческомъ умѣ отвѣтъ на вопросъ обѣ ихъ значеніи и достоинствѣ. Живо готовъ и отвѣтъ, какъ поступать старшимъ при томъ или другомъ проявленіи дѣтскаго характера и дѣтской раздражительности. Во имя этихъ готовыхъ отвѣтовъ устанавливаются точно незыблемыя правила отношеній родителей и воспитателей къ „непослушанію, упрямству, капризамъ“ подростающаго человѣка. Этими правилами коверкаются тысячи дѣтскихъ жизней, и ими же часто отправляется существованіе родителей въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ. Эти правила—шаблонъ для дѣятельности, которая неизбѣжно становится зловредной наперекоръ желанію обратить ее въ полезную; въ нихъ—слова безъ содержанія, замѣна плодотворнаго желанія вредной реальностью, вредной до такой степени, что она является иногда роковой для дитяти.

Уразумѣніе первоисточниковъ дѣтской раздражительности въ безчисленныхъ ея формахъ не можетъ быть достигнуто шаблонными приговорами, мало отличающимися обыкновенно и у цивилизованныхъ людей отъ тѣхъ воззрѣній въ воспитательномъ дѣлѣ, которыя свойственны дикарямъ. Строгости и наказанія въ цѣляхъ прекращенія дѣтской раздражительности напоминаютъ первобытныя времена въ жизни человѣчества съ ихъ даже насильнымъ изгнаніемъ злыхъ силъ изъ живого организма.

Между тѣмъ разумное познаніе первоисточниковъ раздражительности дѣтей можетъ быть приобрѣтено лишь внимательнымъ, шагъ за шагомъ дѣлаемымъ наблюденіемъ надъ свойствами дитяти, физическими и нравственными. При этомъ не надо ни на одну ми-

БОРЬБА СЪ ДѢТСКОЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬЮ.

нуту и въ любомъ проявленіи дѣтскаго характера забывать о безпрестанномъ и тѣсномъ взаимодѣйствіи между физической и нравственной природою дитяти. Это взаимодѣйствіе не можетъ быть устранино никакими строгостями, никакими заклиналіями или наказаніями. Напрасный трудъ—гнать природу; такъ или иначе, она проявится вновь. Больной или слабый организмъ дитяти можно мало-по-малу исцѣлять, но и исцѣленіе это никогда не достигается прадѣдовскими пріемами, которые содержать краткія, правда, но не всегда осмысленныя рѣшенія сложнѣйшихъ задачъ, въ томъ числѣ и задачъ дѣтскаго воспитанія. Въ большинствѣ случаевъ даже наибольшей степени дѣтской раздражительности внимательные родители, любовно съѣдящіе за всѣми проявленіями дѣтскаго упорства, вспышчивости и душевнаго нерасположенія, могутъ обойтись и безъ врача и при посредствѣ разумнаго спокойствія и познанія причинъ дѣтскаго волненія приводить ребенка къ душевному равновѣсію. Въ томъ же случаѣ, когда это имъ послѣдовательно неудается, то лучшимъ исходомъ для нихъ будетъ обращеніе къ дѣтскому врачу, во только къ такому, конечно, который цѣнить диагнозъ въ не меньшей степени, по крайней мѣрѣ, чѣмъ самыя мѣры лѣченія. Тутъ диагнозъ часто сразу избавляетъ отъ всякаго лѣченія; онъ самъ указываетъ на тѣ естественные мѣры, которыми дѣтская раздражительность можетъ быть пре-кращена или хотя уменьшена. Но лишь въ крайности нуженъ врачъ: вообще же родители и воспитатели могутъ и сами съ успѣхомъ бороться съ дѣтской раздражительностью при посредствѣ внимательнаго и любовнаго отно-

шенія ко всѣмъ проявленіямъ дѣтскаго характера. Вниманіе открываетъ первоисточники раздраженія, любовь и разсудочность послѣдовательныхъ дѣйствій сумѣютъ мало-по-малу устранить первоначальная причины дѣтскаго беспокойства, выступающаго въ разныхъ степеняхъ раздражительности. Ходачую же мысль объ „испорченныхъ ребятахъ“ нужно совсѣмъ оставить позади себя, какъ относящуюся къ взглядамъ давно прошедшаго времени.

Я. Паперъ.

ГОДЪ ВЪ ШКОЛѢ.

(Окончаніе ¹⁾)

VIII.

Въ юломъ конвертиѣ я получила двухмѣсячное жалованье въ награду за успешно веденное преподаваніе. Но истинная моя награда ждала меня позже. Когда я была больна, мои дѣвочки обѣщались пойти на богослужбѣ въ Студенокъ. Тамъ была мѣстночтимая икона Божіей Матери Знаменіе и „святой“ колодецъ, отъ котораго и самое село получило свое название. Мы рѣшили итти въ Троицкій день, и, отстоявши долгую обѣдню въ своей церкви, разошлись по домамъ закусить и отдохнуть. Къ полудню всѣ собрались у Большичного хутора. Наша провизія, самоваръ, котелокъ, посуда—все увезла бабка Насти впередъ съ тѣмъ, чтобы подождать насъ на полдорогѣ въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсопильный заводъ при другомъ княжескомъ имѣніи. Всѣхъ насъ было двадцать человѣкъ и мы шли

1) См. „Восп. и Обуч.“ № 5, стр. 168.

очень медленно: каждый пригородъ, лѣсокъ и луговина настъ останавливали. Маленькия бѣгали далеко во всѣ стороны и возвращались съ цѣлыми спонами цвѣтовъ. И скоро у всѣхъ на головахъ запестрѣли вѣнки изъ синихъ колокольчиковъ и желтыхъ богородицыныхъ-башмачковъ. Встрѣчные мужики и бабы,ѣхавши изъ церкви домой на хутора, останавливались и долго смотрѣли намъ вслѣдъ, прикрывши глаза отъ яркаго солнца ладонью. Маленькия забѣгали далеко впередь, старшія не отходили отъ меня. Онѣ уже знали, что я не останусь съ ними и, казалось, хотѣли наговориться надолго, —на всю жизнь.

Почти всѣ тоже уходили изъ деревни, чтобы пожить болѣе чистою и веселую жизнью: Кадниковаѣхала въ городъ погостить у тетки, Логачеву и Рушковскую повезутъ въ Москву учиться въ профессиональной школѣ; Гусева у брата станетъ готовиться въ учительницы. Только Гришина оставалась дома и сразу становилась хозяйствомъ дома и въ полѣ. Ея отецъ, зажиточный крестьянинъ, промышлялъ хлѣбомъ, арендую хуторъ въ княжеской экономии. Кромѣ того онъ занимался скучкою хлѣба у мужиковъ и для этого дѣла держалъ двухъ „молодцовъ“. Самъ онъ былъ неграмотенъ и, когда умерла жена, онъ оставилъ Марфушу доучиваться въ школѣ только для того, чтобы было кому вести книги и счета.

Теперь Марфуша говорила.

— Вотъ схожу Богу помолиться, да и за дѣло: у печи съ ухватомъ стоять да въ амбарѣ на ссылкѣ мерзнуть.

Я мечтала вслухъ о томъ, какъ поѣду учиться, искать въ широкомъ мірѣ работы и счастья.

Не знаю, понимали ли меня мои

слушательницы, но онѣ мнѣ улыбались и говорили:

— А мы вѣсъ никогда не забудемъ. Совсѣмъ смерклось, когда мы дошли до большого лѣса, гдѣ ждала насъ бабка-Настя. Впереди, въ чащѣ что-то стучало и ухало, и маленькия уже не забѣгали впередь, а толпились ко мнѣ испуганной стайкой. Дорога становилась все уже и уже и на ней стояли колдобины, полныя жидкой грязи: здѣсь, въ вѣковой тѣни, и въ знойное лѣто земля не просыхала. Поворачивая то вправо, то влѣво, разъ мы вышли къ лѣсному озеру, другой—къ заброшенной погорѣлой избушкѣ,—и мнѣ самой становилось жутко. Вдругъ между стволами блеснула свѣтъ и, повернувшись еще разъ, мы вышли на широкую поляну, въ срединѣ которой въ каменно-лѣсопильномъ сараѣ горѣлъ яркій свѣтъ: краснымъ пламенемъ свѣтилось широкое жерло локомобиля и люди, движавшіеся въ этомъ красномъ свѣтѣ, казались черными, огромными и страшными.

Ближе къ дорогѣ, у самой опушки, горѣлъ костеръ, и около него сидѣла бабка-Настя и паслась бѣлесая лошадь, выпряженная изъ нашей телѣги. Чрезъ минуту мы разлеглись и разсыпались вокругъ огромнаго самовара и котла съ полевою кашей.

Работа въ заводѣ кончилась. Рабочіе подошли къ намъ и, столпившись полукругомъ, смотрѣли на насъ съ молчаливымъ любопытствомъ. Ихъ высокія, мускулистыя фигуры тонули въ надвигавшемся на насъ сумракѣ и только на лицахъ вдругъ вспыхивали и погасали красные отблески. Потомъ рабочіе разошлись. Въ лѣсу и за лѣсомъ стало сумрачно и тихо. Запахло цвѣтущею рожью и мятой, и наши ма-

ленькия, уложенные подъ тельгой и на тельгѣ, уже давно спали. Я лежала на коврѣ, сквозь который чувствовалась теплая и прѣлая лѣсная сырость, и смотрѣла на вѣковые дубы, протянувшіе на поляну свои широкія вѣтки. И чудилось мнѣ, что вѣтки эти—не вѣтки, а могучія, цѣнкія руки, что лѣсъ полонъ призраковъ и чудовищъ и изъ него вотъ теперь, вотъ сейчасъ на статномъ конѣ выѣдетъ прекрасный рыцарь. И въ ночной тишинѣ я рассказывала своимъ дѣвочкамъ чудную повѣсть Уидины,—покинутой, скорбной женѣ, получившей даръ бессмертной любви въ первую брачную ночь. Дѣвочки слушали, затаивъ дыханіе, и на глазахъ ихъ блестѣли слезы. Кругомъ было тихо. Бѣлая лошадь у костра кивала головою,—будто кланялась. Въ лѣсу что-то заплакало и застонало и оттуда потянуло туманомъ и страхомъ. Мы плотнѣе прижались другъ къ другу, покрылись одѣялами съ головой и неизмѣнно уснули.

Студенокъ—большое село. Оно расположено четырехугольникомъ вокругъ широкой площади, посреди которой выстроенъ каменный пятиглавый храмъ. Противъ паперти—два чистенькия домика подъ желѣзными крышами: въ одномъ живеть священникъ, въ другомъ—вдовая попадья, которая сдаѣть чистую половину дома, двѣ комнаты, подъ богомольцевъ. Но теперь богоомольцевъ было мало: главная волна склынула послѣ троицкой обѣди. Только мужикъ съ котомкой за плечами да двѣ одѣтые въ темный ситецъ старушки встрѣтились намъ въ сѣняхъ. Мы расположились во всей чистой половинѣ. Здѣсь, пока мы ходили ко всенощной, намъ приготовили спокойный ночлегъ, и мы, истомленныя

долгимъ путемъ и прошлую безсонную ночью,—валились на заманчивыя постели, пахнувшія камфорою и сѣномъ...

Черезъ недѣлю я уѣзжала изъ Лозовни. Князь, убѣжденный противникъ женскаго высшаго образованія, такъ разгнѣвался на мое решеніе, что даже лошадей экономическихъ мнѣ не дали: мнѣ пришлось ѿхать на мужицкой подводѣ, въ которой лежала моя корзинка съ платьемъ и ящикъ изъ-подъ чая съ книгами. Дѣвочки провожали меня до опушки лѣса. Мы шли тѣсной толпой и все хотѣли что-то сказать другъ другу; но словъ не было. Вотъ и опушка, вотъ и столбъ, отъ котораго поворотъ въ городъ.

— Прощайте, дѣтки! Прощайте, родныя!

И я прижимала къ себѣ по нѣсколько дѣтскихъ головокъ за-разъ, цѣловалъ ихъ и все о чёмъ-то просила. Потомъ сѣла въ тельгу и лошади тронули. Въ головѣ у меня, быстро какъ птицы, неслись мысли: „итакъ,—я достигла своей цѣли... собрала денегъ... єду учиться... туда, въ Петербургъ... Зачѣмъ такъ далеко? Куда ты єдешь? Можетъ-быть, тамъ тебя не нужно... Здѣсь тебя любятъ... Можетъ-быть, здѣсь, только здѣсь дѣло всей твоей жизни“.

Я оглянулась. Лошади давно свернули въ сторону и дѣвочекъ не было видно, только лѣсъ темнѣлъ густыми вершинами и оттуда съ лѣснымъ шумомъ доносились заглушенные дѣтскіе голоса: „прощайте, прощайте“!

Ни въ Лозовнѣ, ни съ нею поблизости долго мнѣ не случалось бывать.

Лѣтъ черезъ двѣнадцать мнѣ случайно пришлось долго ждать между двумя поѣздами въ городѣ, въ губерніи котораго была Лозовия. Чтобы скоротить время, я пошла гулять по городу и забрела въ булочную. Получивъ покупку и сдачу изъ рукъ булочницы, я пошла было къ двери, но меня остановило взволнованное воскликаніе:

— Антонина Антоновна! Не вы ли будете?

— Простите... что-то не упомню.

— А Лозовия... а школа... Гришину забыли!

— Господи! да и въ правду Гришина...

Я провела весь вечеръ у красавой булочницы, которая показала мнѣ троихъ своихъ дѣтокъ,—двухъ мальчиковъ и дѣвочку, — такихъ же свѣжихъ, розовыхъ, красивыхъ, какъ она сама.

— Значить, вы ужъ давно замужемъ?

— Давненько... Десятый годъ. Рано меня выдали.

— Что жъ такъ торопились? Видно, своею охотою.

— Не совсѣмъ-то своею... Но Каллистратъ Матвѣичъ былъ человѣкъ обстоятельный, торговый. Съ тятенькою всегда вель дѣла насчетъ забора муки, и къ тому же единственный сынъ. Такому жениху тятенька пожалѣли отказать: другой такой врядъ ли и сыщется. Тѣмъ больше въ деревнѣ, да еще при сиротствѣ, безъ матери... Ну и вышла.

— И что же, счастливы?

— Даже очень... У Каллистрата Матвѣича ко всему, за что ни возьмется, особая удача... Вѣдь мы другую булочную открыли, на Козихѣ подъ

богазомъ. Да еще колбасное заведеніе имѣеть на Почтовой улицѣ, противъ самого собора.

— Ну, а Мавруша ваша какъ?

— Все еще при тятенькѣ... Какая-то она у насъ странная уродилась. Замужъ ити не хочетъ, все женихами перебираєтъ. А ужъ пора бы: двадцать второй годъ пошель. И такая стала суровая да угрюмая... Не то, чтобы смѣху,—даже улыбки отъ нея не видимъ. Говорить,—какъ тятенька умрутъ (они третій годъ въ паралицѣ лежать), уйду въ монастырь,—въ Киевъ къ княгинѣ. И ужъ навѣрное уйдетъ,—какъ была озорная,—такъ и осталась.

— А другія... Гусева, Погачева, Кадникова?..

— Гусева въ нашей школѣ учительницей. Давно ужъ! Я какъ къ тятенькѣ бѣжу, всегда у нея бываю. Отличная барышня,—добрая и обходительная. И какъ мы съ ней сойдемся, сейчасъ вѣсъ вспоминаемъ: и какъ болѣли, и какъ въ Студенокъ Богу молитвами ходили и сказку про русалокъ рассказывали.

— А другія...

— Замужемъ все больше. У кого двое, у кого трое дѣтей. Вотъ только Надечка Рутковская... Помните?

— Ну, какъ не помнить! Красавица наша... Гдѣ она?

— Померла... Давно ужъ померла. Молоденькая совсѣмъ. Въ Петербургѣ, говорили, поступила она куда-то на театрѣ играть. А года черезъ два привезли ее къ намъ въ Лозовию едва живую. Бѣлая была, словно мѣломъ намазана, и глаза до того большие и жалостные, что смотрѣть было жутко... Я побывала у нея разъ.

Марфа перекрестилась полной бѣ-

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

лой рукой, на которой звякнула толстая цѣпочка-браслетъ.

— А вы какъ же... Замужемъ, должно быть?

— Нѣтъ, Марфа Семеновна, Богъ судьбы не послалъ.

— Ну что жъ, еще пошлетъ, покровительственно, какъ старшая, утѣшила меня Марфуша. И потомъ прибавила задумчиво и тихо:—Впрочемъ, въ семействѣ много тѣгостей.

Я ничего не отвѣтила... Передо мною носился прекрасный блѣдный призракъ Нади Рутковской. Дѣтка съ золотыми кудрями и лазурнымъ взглядомъ! Что смило твою молодую жизнь? Чья злая воля сгубила твою рѣдкую красу?.. Или никто передъ тобою не виноватъ и ты умерла только потому, что на землѣ нѣтъ мѣста всему совершенному, чистому и прекрасному...

С. Караскевичъ.

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

(Еще по вопросу о детской смертности. Ходатайство семинаристовъ. Комиссія родителей и воспитателей въ Ялтѣ. Родительское собрание въ Екатеринославѣ. Общество вспоможенія учащимся въ Болховѣ. Новая болѣзнь.)

Вопросъ о детской смертности въ Россіи не сходитъ со столбцовъ нашей специальнно-медицинской печати. Любопытныя сопоставленія въ данномъ отношеніи дѣлаетъ во „Врачебн. Газетѣ“ проф. Гундобинъ. Исторія вопроса, по словамъ проф. Гундобина, начинается еще съ 1805 года, когда впервые д-ръ Германъ вычислилъ на основаніи приказныхъ книгъ, что изъ 1,000 младенцевъ мужскаго пола умираетъ ежегодно 445 дѣтей, не достигнувъ 5-лѣтняго

возраста. Дальнѣйшія изслѣдованія извѣстныхъ ученыхъ: проф. Зернова, Экка, Бубнова и др., равно какъ и длинный рядъ работъ земскихъ врачей, не только подтверждаютъ статистику Германа, но и наглядно доказываютъ, что за истекшее 100-лѣтіе детская смертность въ наппемъ отечествѣ скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась. Согласно современнымъ официальнымъ даннымъ Статистического Комитета, въ Россіи умираетъ ежегодно 2,100,000 дѣтей, изъ нихъ 1,200,000, не достигнувъ возраста одного года. Эти ужасные цифры относятся только къ 50 губерніямъ Европейской Россіи и совсѣмъ не затрагиваютъ вопроса о детской смертности въ нашихъ глухихъ окраинахъ... На каждую тысячу родившихся доживаетъ до 5-лѣтняго возраста въ Швеціи 825, въ Англіи 760, во Франціи 740, а въ Россіи всего 560 дѣтей. Огромная детская смертность естественнымъ образомъ отзывается и на общемъ количествѣ населенія; она почти уничтожаетъ высокую рождаемость, которую отличаются славянскія племена, низводя общую прибыль въ нашемъ отечествѣ до 1%. Согласно расчету извѣстнаго статистика д-ра Гребенщикова, если сравнить смертность Россіи съ смертностью великихъ государствъ, оцѣнивая каждого личинаго умершаго всего въ 100 рублей, то окажется, что Россія терпитъ ежегодный убытокъ отъ 880 до 1,300 миллионовъ рублей.

Теперь интересно будетъ сопоставить эти общіе выводы съ цифрами частнаго характера. Прѣдъ нами любопытная статья врача М. Мизерова по вопросу о детской смертности въ одномъ изъ районовъ Пермской губерніи, напечатанная въ „Сборнике“

Пермск. земства" (№ 5—6). Въ концѣ минувшаго столѣтія умершихъ до 1 года было: въ Кунгурскомъ уѣзда — 69,8%, въ Ирбитскомъ — 64,7%, въ Пермскомъ — 64,4%, въ Камышловскомъ — 64,3%, Осинскомъ — 61,4%, и т. д. во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ — до 50,7%; ниже цифра смертности не спускается. Въ то же время аналогичныя изслѣдованія Пфейфера указываютъ, что изъ ста умершихъ дѣтей до 1 года умираетъ: въ Норвегіи — 19,5; въ Швеціи — 23,1; въ Даніи — 19,2; въ Англіи — 23,5; въ Бельгіи — 18,7; во Франціи — 17,7; въ Пруссіи — 26,3; въ Австріи — 27,3.

„Ясно, замѣчаетъ по этому поводу г. Мизеровъ,—что смертность у насъ по сравненію съ Европою ужасна“.

Перейдемъ къ нѣсколькимъ фактамъ нашей школьнай жизни. Какъ уже отмѣчалось въ предыдущихъ хроникахъ, нынѣшній учебный годъ вообще въ сильной степени чреватъ волненіями среди учащейся молодежи среднихъ и даже, правда, въ рѣдкихъ случаяхъ, низшихъ учебныхъ заведеній.

Корень возбужденія настроенія молодежи заключается отчасти въ нестроеніяхъ общаго свойства, нестроеніяхъ, волнующихъ русское культурное общество, при чмъ это волненіе заражаетъ собою и воспріимчивыя души дѣтей; отчасти же настроеніе молодежи слѣдуетъ отнести и къ внутреннимъ неурядицамъ школьнай организаціи.

Воспитанники духовныхъ семинарій всѣхъ южныхъ и многихъ внутреннихъ губерній хлопочутъ объ улучшениі вообще учебно-воспитательной части.

Прежде всего они просятъ о выдачѣ аттестатовъ зрѣлости съ преимуществами гимназическихъ аттестатовъ

всѣмъ окончившимъ 4 класса, съ тѣмъ, чтобы они имѣли право поступленія во всѣ университеты и на всѣ факультеты, кроме математического и историко-филологического, къ которымъ они не считаются себя подготовленными. Затѣмъ просятъ объ измѣненіи семинарской программы примѣнительно къ гимназической, объ исключеніи библейской исторіи, которая преподается еще въ духовномъ училищѣ (въ семинаріи же въ курсѣ Священнаго Писанія проходится вся Библія), сокращеніи церковной исторіи, необязательности изученія латинскаго и греческаго языковъ, введенія хорошаго русскаго перевода для изученія Библіи, замѣнѣ учебниковъ болѣе толковыми, обязательности изученія новыхъ языковъ и проч. По вопросамъ воспитательной части семинаристы ходатайствуютъ, главнымъ образомъ, объ уничтоженіи семинаріи, какъ закрытаго учебнаго заведенія, съ оставленіемъ общежитія для желающихъ, объ уничтоженіи надзора за чтеніемъ книгъ, о допущеніи всѣхъ цензированныхъ книгъ въ ученическія библиотеки, о введеніи читалень, о допущеніи въ семинарію литературныхъ, музикальныхъ, спортсменскихъ и др. кружковъ, публичныхъ чтений, изданіи ученическихъ журналовъ, уничтоженіи обысковъ и контроля надъ корреспонденціей и проч.

Ходатайство это, какъ передаютъ газеты, будетъ разматриваться въ подлежащихъ учрежденіяхъ.

По словамъ сотрудника „Од. Нов.“, въ Ялѣ комиссія родителей и воспитателей, избранная для обсужденія вопросовъ учебно-воспитательного характера, закончила свои занятія. По мнѣнію комиссіи, участіе родителей въ жизни школы желательно и необходимо

димо, однако, не въ формѣ непосредственного участія въ педагогическихъ совѣтахъ. Надзоръ за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся со стороны школьнаго начальства долженъ быть отмѣненъ. Школьныя занятія учащихся науками и спортомъ подъ руководствомъ избираемыхъ ими педагоговъ желательны; однако, свободныя собранія для обсужденія гимназическихъ нуждъ и волнующихъ молодежь вопросы нежелательны и даже „недопустимы“. Желательно устройство читальни для учащихся при гимназической библиотекѣ и необходимо расширение каталога допущенныхъ въ библиотекѣ книгъ.

Родительское собрание въ г. Екатеринославѣ выработало нѣсколько иныхъ положеній, и между прочимъ по его мнѣнію: 1) обществу должно быть предоставлено участіе въ веденіи дѣлъ въ школѣ (постоянное присутствіе избранныхъ родителями лицъ въ педагогическихъ совѣтахъ); 2) религіозное воспитаніе должно быть предоставлено исключительно родителямъ; 3) внѣшкольный надзоръ предоставленъ семье; 4) учащимся должно быть разрешено чтеніе всѣхъ книгъ, допущенныхъ общей цензурой, посѣщеніе общественныхъ библиотекъ и читаленъ, театровъ, общественныхъ засѣданій и лекцій, а равно устройство различныхъ ученическихъ организаций; 5) система наказаній должна быть отмѣнена.

Нельзя не отметить здѣсь также существованія въ г. Болховѣ очень симпатичнаго по существу общества вспомоществованія нуждающимся учащимся. Приходная сумма общества, субсидируемаго городской управой и земствомъ, доходитъ до 500 р. въ годъ. Правленіе общества помогаетъ большею

частью бѣднымъ ученикамъ городскаго училища и городскихъ мужскихъ и женскихъ приходскихъ школъ. Вносится плата за ученье, покупаются сапоги, пальто, ботинки, платья, учебные книги и пособія и письменныя принадлежности. Къ 1904 году общество нашло возможнымъ скопить капиталъ въ суммѣ 3,303 р. 9 к. Впрочемъ, сейчасъ необходимо оговориться, что мы лично рѣшительно противъ увлеченія „скопленіемъ“ со стороны подобнаго рода благотворительныхъ обществъ. Бѣдноты слишкомъ много и не надо забывать, что изъ-за какихъ-нибудь ботинокъ ребенокъ можетъ потерять годъ ученья.

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о „новой болѣзни“, поражающей, какъ говорить, главнымъ образомъ дѣтей. Въ послѣднее время въ заграничныхъ телеграммахъ не разъ попадались извѣстія о появлѣніи въ разныхъ мѣстахъ Европы и Америки новой болѣзни, которую называютъ контрактурой затылка. Не миновала эта болѣзнь и наск. „Кievская Газета“ опубликовала случай смерти въ Киевѣ одного гимназиста, погибшаго, по мнѣнію мѣстныхъ докторовъ, отъ той же болѣзни. Она продолжалась всего одни сутки. Мальчикъ заболѣлъ 1-го апрѣля рвотой и поносомъ, а 2-го апрѣля уже умеръ. Болѣзнь эта, состоящая въ воспаленіи оболочки спинного мозга, начинается внезапно ознобомъ, рвотой, болью въ головѣ. Появляется боль въ области шеи и позвоночнаго столба. Спинныя мышцы стягиваются, голову оттягиваютъ назадъ, отчего и болѣзнь называли контрактурой затылка (контрактура — стягиваніе). Рвота усиливается при движении. Наступаетъ жаръ, судороги и параличъ мышцъ. Свѣтъ становится

невыносимымъ. Слухъ и зрѣніе ослабѣваютъ. Болѣзнь продолжается отъ 2 до 5 дней, но бываютъ случаи молниеносной болѣзни, когда больной погибаетъ въ 2—3 часа. Болѣзнь поражаетъ главнѣйшимъ образомъ дѣтей и молодыхъ людей и чаще всего появляется въ душныхъ, дурныхъ помѣщеніяхъ, въ подвалахъ, въ скученныхъ квартирахъ и проч. Болѣзнь эта является уже не впервые. Такъ, она была уже въ Царствѣ Польскомъ въ 1866—1867 году. Въ настоящее время она распространялась въ Силезіи и Галиції, гдѣ изъ 169 случаевъ 163 приходятся на дѣтей въ возрастѣ до десяти лѣтъ. Смертность отъ болѣзни составляетъ отъ 20 до 70 процентовъ.

Въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ, по словамъ газетъ, въ мужской гимназіи внезапно началась эпидемія менингита. Заболѣло четыре мальчика. Педагоги переполошились и, послѣ совѣщанія съ врачами, распустили всѣхъ гимназистовъ на нѣкоторое время. Какимъ путемъ эпидемія вдругъ появилась, не могутъ объяснить и врачи.

B. Иэмайлловъ.

Изъ хроники школьнаго дѣла.

О подготовкѣ преподавателей средне-учебныхъ заведеній. Въ виду того, что лица, посвящавшія себя по окончанію историко-филологического факультета преподавательской дѣятельности, не имѣли до сихъ поръ специально-педагогической подготовки, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ ввести на историко-филологическихъ факультетахъ преподаваніе педагогики, въ качествѣ необязательнаго предмета, и подвергать

желающихъ изъ числа студентовъ испытаніемъ по этому предмету въ факультетскихъ комиссіяхъ съ выдачею выдержавшимъ это испытаніе особаго удостовѣренія.

Въ отмѣнѣ балльной системы. Въ министерство народнаго просвѣщенія поступило нѣсколько ходатайствъ о замѣнѣ существующей въ учебныхъ заведеніяхъ балльной системы. Въ ходатайствахъ указывается на то, что ученіе „для отмѣтокъ“, а не для приобрѣтенія знанія, — въ большинствѣ случаевъ, явленіе обычное и уже давно назрѣла потребность замѣнить эту вредную въ воспитательномъ значеніи систему — болѣе педагогической и соответствующей требованіямъ жизни.

Греческій языкъ. По словамъ „Руси“, ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія поручено разработать учебный планъ на будущій годъ для VII и VIII классовъ гимназіи въ виду предстоящаго съ будущаго учебнаго года уничтоженія преподаванія греческаго языка въ названныхъ классахъ.

Исключение греческаго языка. Московской восьмой гимназіи имени Медведниковыхъ разрѣшено совершенно исключить изъ программы греческій языкъ, замѣнивъ его англійскимъ. Это будетъ первая въ Россіи гимназія съ такой программой.

БИБЛІОГРАФІЯ.

14. Дождевая волшебница и другія сказки. Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. М. 1905 г. Съ рисунками.

Продолжая свою строго определенную моральную проповедь любви и трудовой, мирной и свободной жизни, „Библиотека“ г. Горбунова на этот разъ, въ переводной части сборника пользуется немецкой литературой. У совѣтъ уже старого писателя Штормаваять материалъ для первого рассказа „Дождевая волшебница“. Если это когда-нибудь и было, то было очень давно. Въ деревнѣ всѣ горевали отъ засухи. Только ловкій хозяинъ Христіанъ Ратнеръ радовался и подсчитывалъ свои будущіе необычайные доходы. Совѣтъ не такъ смотрѣла на окружающее его дочь-красавица Мара. На счастье ей повстрѣчалась „дурочка“ Ирина, которая и пояснила, что злой Огненный человѣкъ заставилъ заснуть „Дождевую волшебницу“—и разбудить ее только чистая дѣвушка. Скромная, нѣжная, но и великолѣпная Мара беретъ на себя подвигъ сыскать волшебницу. Послѣ тяжкихъ трудовъ она добивается своей цѣли; спасаетъ родину и приводитъ къ раскаянию отца. Въ концѣ сказки находимъ замѣтку — „по переводу Е. Б. переработала Е. Горбунова“. Такъ или иначе, растянутость вредить этому рассказу. „Сказка о двухъ розахъ“ позаимствована у Эриста Вильденбруха—извѣстнаго германскаго автора сравнительно позднѣйшаго времени. Отъ садовника двѣ роскошныя розы попали: желтая—къ богатымъ, капризнымъ, неблагодарнымъ людямъ; бѣлая—въ подвалъ къ бѣднымъ, добрымъ дѣтямъ сапожника и ихъ больной матери. Желтую розу забросили, и только случайно, передѣ смертью, она стокнулась съ подругой, которая отъ ухода и ласкъ расцвѣла и наружно и внутренно. Въ сборникѣ не подписаны „сказка“ „Бѣлая одежда“.

Царь, прозванный Побѣдителемъ, имѣлъ дочь, прославшую Печалью. Ничто ей у отца не нравилось. А онъ все покорялъ да покорялъ сосѣдей. Царство Сильныхъ взялъ онъ подкупомъ, царство Хитрыхъ перехитрилъ. Не подчинилось ему только царство Праведныхъ (трудолюбивыхъ, вольныхъ земледѣльцевъ)—онъ всѣхъ ихъ, кроме царевича, перевѣшалъ. А за царевича вступилась Печаль. Побѣдитель съ отчаянія закололся. И правленіемъ Печали всѣ остались довольны. Г. Брутъ повѣствуетъ въ сборникѣ о „Фарфоровой чашѣ“, которая нашла себѣ радости у бѣдной, больной дѣвочки, и о „Лѣсной помѣщицѣ“—кедровкѣ-птицѣ, погибающей отъ жадности среди лѣсного приволья. Какъ бы нѣкоторый раздѣлъ отъ довольно монотонной поучительности сборника даетъ стихотворная сказка г-жи Барыковой—„Три загадки“ о томъ, какъ посрамилъ боярина Киндея Вахрамеевича подпасокъ Макарка и своимъ умомъ и человѣчностью.

А. Налимовъ.

15. Бѣлый невольникъ. Разсказъ А. Хирьякова. Библиотека И. Горбунова-Посадова. М. 1905 г.

Сюжетомъ для своего рассказа г. Хирьяковъ береть, быть-можеть, непосредственно со всѣми подробностями взятый изъ жизни—во всякомъ разѣ очень вѣроятный случай. 4-хъ-лѣтній французъ, у котораго отецъ умеръ, а мать разбита параличомъ,—падаетъ въ Россію, на берегъ Балтийскаго моря, къ нѣкіимъ Шавринымъ обучать „разговору“ подростковъ—за 25 руб. въ мѣсяцъ. Семья Шавриныхъ, пожалуй, очень обыкновенные люди. Сытые, грубые, безактные, не пѣнящіе „наемника“. Маль-

чикъ Альфредъ—не безличность. Онъ очень хочетъ пособлать роднымъ. Но ему становится невмоготу терпѣть халатное „хозяйское“ обращеніе съ собою. Онъ пытается бѣжать — и неудачно. Рассказъ ведетъ 14-лѣтій Алеша. Онъ прѣѣхалъ на берегъ Балтийскаго моря съ дядей, который лѣчится. Шавринъ его товарищъ по гимназіи. Алеша сближается съ Альфредомъ, тотъ открываетъ свою душу, повѣствуетъ о несчастной поимкѣ его—неопытнаго, чужака. Но, несмотря на уговоры Алеши, Альфредъ обѣщаетъ и новое бѣгство. Алеша, только что передъ этимъ увлекался яркими картинами ужасныхъ страданій невольниковъ въ „Хижинѣ дяди Тома“ — и вдругъ тутъ, такъ близко около него, тоже невольникъ, только „блѣлый“. Альфредъ бѣжитъ-таки, уже на лодкѣ, и чуть нетонетъ, его спасаетъ пароходъ. На этотъ разъ ему везетъ. Шавринъ рѣшаетъ: „пуской себѣ уѣзжаетъ по добру по здорову. Я изъ-за него всю ночь не спалъ“. „На другой день „блѣлый“ невольникъ былъ свободенъ“. Рассказъ, если хотите, фотографиченъ подчарть, но живъ и литературенъ.

A. Налимовъ.

*

16. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія (въ возрастѣ 7—14 лѣтъ).
A. E. Флерова. М. Издание кн.маг. К. Н. Тихомирова. 1905 г.

Указатели книгъ для дѣтскаго чтенія, конечно, нужны, и за послѣднее время число ихъ замѣтно увеличивается. Неоспоримо и то, что съ разрастаніемъ дѣтской литературы—по-

добный изданія частями старѣютъ, взывая, такъ сказать, къ пересмотру и освѣженію. Выступая съ собственнымъ „Указателемъ“, г. Флеровъ ограничиваетъ свою задачу болѣе узкими сравнительно предѣлами. Онъ взялъ на себя порученіе одного педагогическаго „совѣщенія“—„составить для виѣкласнаго чтенія дѣтямъ списокъ книгъ и расположить эти книги въ извѣстной системѣ, въ данномъ случаѣ, концентрами, примѣнительно къ расположению учебнаго материала, проходимаго на урокахъ объяснительного чтенія, такъ, чтобы классное чтеніе дополнялось чтеніемъ книгъ, соответствующаго содержанію, изъ числа предназначенныхъ для виѣкласнаго чтенія“. Г. Флеровъ излишне подчеркиваетъ чисто техническую сторону своей работы, видя тутъ какую-то особливую новизну: „цѣль моя является первой попыткой связать виѣкласное чтеніе съ класснымъ и дать возможность индивидуализировать чтеніе“. Руководящую статью и каталогъ составитель непосредственно заимствуетъ у комиссіи „Родительскаго кружка“ при Педагогическомъ музѣѣ В. Уч. Зав. въ Спб. Въ Указателѣ г. Флерова №№. Отзывы о книгахъ взяты составителемъ изъ „Нар. литер.“, Кіев. общ. грам., „Указателя“ Москов. попечит. о нар. трезв., „Родительскаго кружка“—„Что читать народу“ и журналовъ: „Вѣстн. Восп.“, „Восп. и Обуч.“, „Образов.“, „Пед. Лист.“, „Путеводн. Огонекъ“. „Пед. Сборн.“, „Русск. Мысль“, „Русск. Нач. Учит.“ и „Русск. Школа“.

A. Налимовъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедиингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Іюль — № 7.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 7.

1. Типъ „капризного“ мальчика у Октава Мирбо. <i>А. Налимова.</i>	225
2. Какъ слѣдуетъ одѣвать дѣтей? Д-ра Григорія Гордона.	232
3. Дѣти симпатичныя и несимпатичныя. <i>П-ра.</i>	237
4. Заботы о дѣтяхъ и дѣтская жизнь по даннымъ текущей печати. <i>В. Измайлова.</i>	245
5. Библиографія.	250

Типъ „капризного“ мальчика у Октава Мирбо.

Даровитый французский писатель Октавъ Мирбо теперь и для большой читающей публики у насъ, на родинѣ, не является полнымъ чужакомъ. И мы, уже не стѣсняясь, пользуемся здѣсь однимъ его разсказомъ для нѣкоторыхъ соображеній по поводу вѣчнотекущаго вопроса о дѣтяхъ.

Мирбо привлекательнѣе не обаяніемъ могучей художественности и не какими-нибудь идеяными откровеніями. Можно сказать больше. Въ возрѣніяхъ Мирбо подчасъ замѣтенъ налетъ пессимизма, известной нервной нетерпимости, нравственной растерянности. И все же онъ зачастую такъ широкъ и тонокъ и остерь въ своихъ разнообразныхъ наблюденіяхъ, такъ живо соболѣзнуетъ читателю въ знакомыхъ думахъ, настроеніяхъ, колебаніяхъ. Допускаемъ,

что Мирбо разсердить васъ; но не охладить, ие наскучить.

Въ „Разсказахъ“ Мирбо, переведенныхъ г. О. Витмеромъ, находимъ небольшую пѣску „Встрѣча“. „Однажды я встрѣтилъ (въ Бретаніи) около іезуитскаго коллѣжа невысокаго господина лѣтъ 50. Онъ нѣжно вѣль за руку двѣнадцатилѣтнаго мальчика. По крайней мѣрѣ, я такъ опредѣлилъ ихъ возрастъ“. Лицо, ведущее повѣствованіе, слѣдить за познакомцами, заговариваетъ съ ними. Его догадки оправдываются: передъ нимъ отецъ—бдовыи—и сынъ отъ молодой, красивой женщины.

У мальчика „прекрасные“, но „злые“ глаза, „холодное“ лицо. Онъ рѣзко обращается съ отцомъ, прямо безпощадно обижаетъ его своимъ намѣреннымъ, упорнымъ непослушаніемъ. Преданная любовь отца не трогаетъ мальчика; имъ восприняты уже какіе-то недобрые инстинкты... Онъ постоянно *капризничаетъ*. Во „Встрѣчѣ“, если хотите, очень много лиризма. На основаніи его вы въ состояніи различно толковать взгляды и лица, описывающаго встрѣчу, и самого автора. Но всего дороже для насъ тутъ именно *образная ткань*, вырисовывающая *капризного мальчика*. Онъ, согласимся, капризенъ и отъ природы, поскольку унаследовалъ, что ли, раздражительность юной матери, до известной степени обременяемой любовью немоло-

дого супруга; онъ склоненъ импонировать своею „счастливою“ наружностью; быть-можеть, отъ красавицы перешли къ нему иѣкоторая умственная ограниченность, бѣдность воображения, такъ часто обусловливающія иную сварливость. Но на этотъ во всякомъ случаѣ сырватый духовный организмъ въ силахъ вѣдь воздѣствовать другая, установившаяся натура взрослаго, отца. Разумная и благородная борьба съ неокостенѣвшими еще задатками и зачатками—не безнадежна. Капризный ребенокъ—очевидно существо неуравновѣшанное, симптомы его—ненормальны, и маленький герой „Встрѣчи“ не выглядитъ совсѣмъ здоровымъ—и душой и тѣломъ. Онъ кашляетъ. Слuchaется, дѣти и очень неумѣренно всыхиваютъ отъ усердныхъ заботъ о нихъ. Но юнецъ Мирбо поступаетъ слишкомъ не побреѧчи съ лѣкарствомъ. Молодой народъ достаточно эгоистиченъ насчетъ собственныхъ недуговъ и къ медицинѣ относится временами съ немалою и почтительностью и — трусливостью. Бываютъ минуты, дѣти гиѣваются на всякия возраженія, но передъ фактами наичаще преклоняются. А „фактъ“ для нихъ подчасъ одно уже утвержденіе взрослаго. Они и не лгутъ иной разъ только потому, что фактъ для нихъ иѣчто внушительное, болѣе внушительное, чѣмъ и моральная санкція. Дѣти еще только вырабатываютъ себѣ логику всего созерцаемаго. Въ этомъ смыслѣ они гораздо умственнѣе взрослыхъ: они добиваются голой истины, слабо интересуясь справедливостью, моральной, а не чисто интеллектуальной правдой. А у Мирбо читаемъ слѣдующее:

„Скажите, — куры! замѣтилъ маль-

чикъ, слѣдя въ пѣбѣ за полетомъ стаи воронъ.—Это не куры,—объяснилъ старичекъ,—это вороны.—А я хочу, чтобы это были куры, вотъ! Оставь меня въ нокѣ, сухо отвѣтилъ мальчикъ“.

Ужъ сколько разъ, конечно, твердили миру, что дѣти любопытны. Любопытствуютъ они иногда крайне мимолетно, поверхности, довольствуясь и весьма несложными связываніями нового со старымъ. Но зато и чужое любопытство смущаетъ ихъ мало: постоянно запасаясь обозрѣвательными впечатлѣніями всякаго рода, дѣти вѣ удивляются подобнымъ же стремленіямъ своего близкаго. Дабы не нарушить приличий, взрослые осматриваютъ другъ друга тайкомъ,—совсѣмъ по другому постунаютъ дѣти. Но не капризный мальчикъ Мирбо: тотъ постоянно вражески возбуждается. Разсказчикъ усиленно вглядывался въ старшаго незнакомца, все время ему сочувствуя. А „мальчикъ“ нервно двигался и бросалъ на меня косые взгляды“. Капризный дѣти нерѣдко смѣлы, главнымъ образомъ со своими ежедневными жертвами. И мальчикъ у Мирбо только ворчилъ, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны рассказчика. Словомъ, юный герой „Встрѣчи“—подлинный, живой „капризникъ“. Въ немъ таится какал-то скроенѣсть и злости, и недовѣрія, и холодности.

Сама по себѣ юная злость, недовѣріе, холодность отнюдь еще не пріемы рѣшительной умственной и нравственной бездарности. Подчасъ и совсѣмъ напротивъ. Но свойства эти, несомнѣнно,—извращенія. Ибо все, мѣшающее вполнѣ жизни,—уклоняется отъ нормы, отъ естественного роста, подъема человѣка. И у Мирбо очень трогательно и поучительно, по на-

Типъ „капризного“ мальчика у Октава Мирбо.

шему мнѣнію,—это противоставленіе капризному мальчику нѣжнаго, любвеобильнаго отца. Настоящій трагизмъ положенія въ томъ, что 50-лѣтій отецъ 12-лѣтнаго сына и мужъ 20-лѣтней жены, вѣроятно, и сейчасъ и прежде одинаково—и любилъ и страдалъ безпроеvѣtно. Страданія и любовь его безцлодны для міра, для жизни. Жена его не оцѣнила. Сынъ мучаетъ своими капризами. Капризный мальчикъ самъ хорошенько не понимаетъ, чего онъ хочетъ. Измѣнчивость его желаній переходитъ границу обычновенной дѣтской эмоціальной неустойчивости. А кроткій отецъ у Мирбо умѣть только угождать, соглашаться, устраниТЬ малійшия непріятности. Или „любовь все побѣждаетъ“? Да, если она изливается, хотя бы и беспорядочнымъ потокомъ, на болѣе или менѣе опредѣлившееся, созрѣлое сознаніе. Взрослый и „страшный злодѣй“, можетъ-быть, не откажется отъ своихъ привычекъ, неудобныхъ для ближняго, но всегда оцѣнить сочувствіе.

Но мальчикъ во „Встрѣчѣ“—капризенъ. Слѣдовательно, впечатлительность его уже нѣсколько повреждена. А опять слишкомъ малъ, наблюдалъность загораживается чрезмѣрнымъ баловствомъ отца. Въ чужую психику нашъ юнецъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вовсе и не заглядываетъ. Отецъ его „сгорбленъ, разбитъ, очень худъ и грустенъ“. Но это слишкомъ обычное положеніе дѣль въ глазахъ мальчика. Еще и въ ту пору, когда была жива мать,—отецъ не смотрѣлъ, пожалуй, краше. Однако, она приказывала, ворчала, распоряжалась—и послѣдствія получились совершенно тѣ же, какъ и въ данную минуту. Отецъ покорно повиновался, радовался, выполняя тре-

буемое, оставался все время ласковымъ... Корни разныхъ чувствъ и отзывчивости еще не срѣзаны въ мальчикѣ; то сознаніе его въ иныхъ стороны во все не накрениется, дремлетъ или притупляется. Воля капризника, конечно, законъ. Но, наткнувшись на преграду, онъ нестанетъ бороться. Такой практики у него нѣть. Онъ просто поскорѣе уйдетъ. Куда? Пока къ отцу, тамъ, подъ кровомъ смиренной любви,—тепло и спокойно... А съ годами, при случаѣ заговорить въ капризникѣ вѣроятные инстинкты—онъ и съ ними не вступитъ въ бой, они имъ завладѣютъ. У отца „умоляющіе глаза“ измученное лицо, впалыя щеки, глубокія морщины. Онъ любить. Но любовь отразится аломъ на мальчикѣ.

Какъ всѣ истинныя дарованія, Мирбо, такъ сказать, не мѣшаетъ читателю отдаваться собственнымъ мыслямъ и переживаніямъ на тему рѣющихъ образовъ. Но изъ построеній автора выдѣляется типъ „капризника“—весьма жалкій и печальный. Мы можемъ свободно упекать отца, зачѣмъ онъ, любя сына, не выполнилъ всѣхъ правильныхъ рационального физического воспитанія, зачѣмъ не предупреждалъ капризы, посовѣтовавшись тутъ, что ли, съ врачомъ-гигиенистомъ, тамъ психіатромъ, зачѣмъ не освѣжали юнца систематическими здравыми умственными упражненіями, зачѣмъ не будилъ въ немъ духа общественности и морали—играми, испытаніями, природой, вѣяніями жизни. Но мальчикъ предъ нами все же съ рѣзкими рельефами. У него уже оттѣнилась „графіозная, сомнительная привлекательность куртизанки“. Рассказчикъ признается, что „было что-то глубокое и въ то же время острое въ томъ чувствѣ, которое перевернуло мнѣ

душу при виде старичка съ мальчикомъ. Это чувство было реальное страданіе, или, вѣрнѣе сказать, мгновенное соединеніе электрическимъ токомъ его страданія и моей жалости" Пожалуй и отецъ вѣдь слыхивалъ о наставленихъ разумнѣйшей педагогіи; но на него уже не сегодня налетѣла роковая дѣйствительность. Онъ любить, онъ не можетъ не любить, онъ продолжаетъ любить жену въ сынѣ. Но онъ усиленно страдаетъ, потому что вполнѣ убѣдился въ своей беспомощности. Его малый капризникъ—увы! надломленная натура. Онъ уже характеръ, онъ повторилъ мать! Не усталому, 50-лѣтнему человѣку передѣлывать столь красочный портретъ. Тѣлесно мальчикъ рѣшиительно здоровъ настолько, чтобы сдѣлаться далѣе... порядочнымъ взрослымъ негодяемъ. Его какъ бы первозная неровность исчезнетъ, когда въ совершенныхъ годахъ въ теперешнемъ мальчикѣ развернется цѣльная... скорѣе животинность, чѣмъ человѣчность. Онъ холodenъ, потому что въ возрастѣ любознательности—она спить въ немъ. Онъ золь, ибо и не дорастетъ вовсе до любви.

Итакъ — мальчика во „Встрѣчѣ“ можно причислять и къ наследственнымъ капризникамъ прямо низшаго сорта. Тутъ оказались характерныя для Мирбо пессимистическая тенденція. Воспитательная вліянія, конечно, не стихійная сила. Но вѣнецъ задачъ и тутъ не исключительное приспособленіе къ природѣ, а и пѣкоторое одолѣніе ея, приспособленіе ея человѣкомъ, разъ мы пѣнимъ значеніе науки, всяческаго прогрессирующаго сознанія. И траурного лиризма Мирбо мы въ правѣ не раздѣлять. Но волнующій и волнующійся вдохновенною настроенностью очеркъ Мирбо хорошо натал-

киваетъ на серьезныя мысленія о дѣятяхъ, обѣ отцовской любви, о 12-ти-лѣтнихъ юнцахъ, существующихъ безотмѣнною ужасающей стезею (увы! и это— случается вѣдь на дѣлѣ!).

A. Налимовъ.

Какъ слѣдуетъ одѣвать дѣтей?

Вопросъ обѣ одѣждѣ — одинъ изъ самыхъ серьезнѣйшихъ въ гигіенѣ, особенно дѣтской. Одѣжда является могущественнымъ факторомъ, вліяющимъ на заболѣваемость, значеніе котораго тѣмъ больше, чѣмъ рѣзче и непосогоянѣе климатъ данной местности. Конечно, въ теплыхъ южныхъ странахъ, гдѣ постоянное солнце и гдѣ весна круглый годъ, обѣ одѣждѣ не приходится столько думать и заботиться, какъ у насъ на сѣверѣ, гдѣ 9 мѣсяцевъ въ теченіе года холодно и сырь и гдѣ солнце является только рѣдкимъ и случайнымъ гостемъ.

Одѣжда имѣетъ особенное значеніе для дѣтей, организмъ которыхъ болѣе нѣженъ и чувствителенъ ко всяkimъ температурнымъ колебаніямъ, чѣмъ организмъ взрослыхъ. Спрашивается, какъ же мы должны одѣвать нашихъ дѣтей, чтобы по возможности лучше оградить ихъ отъ опасностей нашего суроваго, непостоянаго сѣвернаго климата? Какія особенности должны быть соблюдены въ ихъ одѣждѣ, для того, чтобы слабый дѣтскій организмъ могъ лучше противостоять холоду, вѣтрамъ и сырости?

Прежде всего, какъ общее правило замѣтимъ, что ребенка никогда не слѣдуетъ одѣвать такъ, чтобы онъ потѣлъ. Ребенокъ вообще предрасположенъ къ чрезмѣрной потливости,

Какъ слѣдуетъ одѣвать дѣтей?

что отчасти зависитъ отъ несовершенства теплорегулирующаго аппарата его организма. Имѣя это въ виду, а также то, что дѣти вообще очень подвижны, мы никогда не должны слишкомъ кутать ихъ изъ боязни простудить ихъ; слѣдуетъ помнить, что легче всего простудиться именно во время потѣнія.

Далѣе, спрашивается, во что одѣвать ребенка? Мы начнемъ наше описание съ самой существенной части дѣтской одежды, именно съ бѣлья, которое важно ужъ потому, что оно одѣвается прямо на тѣло и непосредственно можетъ вліять на кожу. Изъ чего, изъ какого материала слѣдуетъ шить дѣтское бѣлье? Люди богатые одѣваютъ своихъ дѣтей въ шелкъ, средней классъ—въ полотно, а бѣдняки—въ бумажную ткань. Кто же поступаетъ въ этомъ отношеніи гигиеничнѣй? Какъ это ни невѣроятно, но въ самое здоровое и гигиеничное бѣлье одѣваютъ своихъ дѣтей... бѣдняки. Мы сейчасъ объяснимъ—почему.

Шелкъ обладаетъ прекрасными гигроскопическими свойствами и потому былъ бы особенно цѣленъ у часто и много потѣющихъ дѣтей, если бы не имѣть одного крупнаго недостатка: пропитавшись выдѣленіями кожи, онъ становится до извѣстной степени непроницаемымъ для воздуха и потому мѣшаеть кожному газообмену и еще болѣе поддерживаетъ потѣніе. При этомъ слой воздуха между тѣломъ и шелкомъ слишкомъ нагревается и при самыхъ незначительныхъ обнаженіяхъ тѣла, что у дѣтей бываетъ сплошь и рядомъ, всегда возможны простуды.

Что касается полотна, то оно не имѣть послѣдняго недостатка, но за-то совершенно не всасываетъ кожныхъ

выдѣленій и потому очень негигиенично. Выдѣленія эти, продолжая оставаться на кожѣ, раздражаютъ ее и являются частой причиной всевозможныхъ заболѣваній.

Бумажная ткань соединяетъ въ себѣ до извѣстной степени достоинства и преимущества шелка и полотна и въ то же время лишена ихъ недостатковъ. Бумага, правда, не такъ хорошо всасываетъ выдѣленія, какъ шелкъ, но зато не становится непроницаемой, не мѣшаеть кожному газообмену и не поддерживаетъ потѣнія. Недостаткомъ бумаги является то, что въ ней легко заводятся паразиты, чего совсѣмъ нельзя сказать о шелкѣ, но съ этимъ недостаткомъ легко бороться.

Итакъ, мы видимъ, что наиболѣе рациональнымъ бѣльемъ для дѣтей является бумажное, которое къ тому же отличается еще дешевизной. Помимо перечисленныхъ тканей, то-есть шелка, полотна и бумаги, другія матеріи для дѣтей употреблять въ качествѣ бѣлья нельзя: шерстяные ткани, бумага и фланель на голое тѣло одѣвать имъ никогда не слѣдуетъ, такъ какъ ткани эти очень раздражаютъ кожу, вызываютъ въ ней постоянный приливъ крови и тѣмъ создаютъ условия, весьма благопріятныя, какъ для ея заболѣванія, такъ и для заболѣванія всего организма. Заканчивая свои замѣчанія о дѣтскомъ бѣльѣ, мы должны напомнить общее правило, что бѣлье это, изъ какого бы материала оно ни было сдѣлано, должно быть всегда обязательно бѣлаго цвѣта: окрашенные ткани нерѣдко вызываютъ зудъ и сыпи на кожѣ, которые очень трудно поддаются лѣченію.

Теперь займемся *верхней одеждой*

дѣтей. Верхняя одежда дѣтей можетъ быть сшита изъ любой ткани, только она не должна быть слишкомъ тяжелой и теплой, такъ какъ она будетъ стѣснять ребенка въ его движеніяхъ и усиливать его и безъ того большую наклонность къ потѣнію. Чрезмѣрно кутать дѣтей, надѣвать на нихъ по нѣсколько верхнихъ рубашекъ или курточекъ, а сверхъ того еще пальто, въ чемъ такъ часто грѣшатъ слишкомъ чадолюбивыя мамаши, отнюдь не слѣдуетъ. Мы уже говорили и теперь повторяемъ, что при излишнемъ укутываніи легче всего простудить ребенка. Одѣвать дѣтей въ холодное время года слѣдуетъ, конечно, тепло, но отнюдь не кутать. При этомъ нужно стараться, чтобы вся поверхность тѣла была одѣта приблизительно одинаково. Въ публикѣ почему-то распространено мнѣніе, что у дѣтей слѣдуетъ хорошо прикрывать только грудь и спину, остальная же части тѣла могутъ быть защищены кое-какъ или даже вовсе оставлены безъ прикрытия, какъ мы это видимъ у англичанъ, оставляющихъ голыми ножки (начиная отъ нижней трети бедра до стопы) и ручки (все предплечье, а иногда и часть плеча) своихъ дѣтей не только въ теченіе всего лѣта, но даже и осенью, когда попадаются уже довольно свѣжіе дни. Мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ подобного закаливанія дѣтей, такъ какъ считаемъ его довольно вреднымъ. Мы полагаемъ, что охлажденіе одной какой-нибудь части тѣла должно быть вреднымъ для организма уже потому, что при этомъ вызывается въ немъ неправильное кровообращеніе, такъ какъ кровь отъ обнаженной части тѣла устремляется къ внутреннимъ органамъ и вызываетъ искусственное кро-

вонаполненіе ихъ, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ холоднѣе окружающей воздухъ и чѣмъ, стало-быть, интенсивнѣе мѣстное охлажденіе тѣла. Въ тепломъ климатѣ, на югѣ, такое закаливаніе имѣть еще смыслъ постольку, по скольку оно безопасно, но у насъ, на сѣверѣ, при нашей непостоянной капризной погодѣ, при нашихъ рѣзкихъ переходахъ отъ тепла къ холоду и обратно, оно положительно никакого смысла не имѣть и заслуживаетъ полнаго осужденія. Для верхней теплой одежды лучше всего употреблять шерстянную ткань, известную подъ именемъ „вигонъ“, такъ какъ эта ткань отличается особенной мягкостью и легкостью и можетъ хорошо защищать не только отъ мороза, но и отъ сырости.

Что касается обуви, то для дѣтей нужно употреблять легкую прочную обувь, которая достаточно защищала бы ноги отъ промоканія. Охлажденіе ногъ, что бываетъ чаще всего при ихъ промоканіи, считается въ народѣ не безъ основанія опаснымъ въ смыслѣ заболѣваемости. Народная мудрость гласитъ: „держи ноги въ теплѣ, брюхо въ голодѣ, а голову въ холодѣ“. Слѣдуетъ этотъ имѣть практическое значеніе, ибо при охлажденіи ногъ имѣть мѣсто неправильное кровообращеніе въ организмѣ, а мы уже раньше указывали на то, насколько это опасно для здоровья. У дѣтей сильное охлажденіе ногъ можетъ вызвать значительный приливъ крови къ мозгу и его оболочкамъ, послѣдствиемъ чего могутъ быть судороги и даже воспаленіе мозга. Такіе приливы крови къ мозгу въ зависимости отъ охлажденія ногъ наблюдаются, впрочемъ, не только у дѣтей, но и у взрослыхъ. Достаточно

вспомнить, что Шиллеръ, когда утомлялся во время работы и желалъ, чтобы голова его лучше работала, ставилъ всегда голыя ноги на холодную желѣзную плиту. Что обувь должна быть достаточно просторна, не должна жать, не имѣть слишкомъ узкихъ носковъ или черезчуръ высокихъ каблучковъ—объ этомъ распространяться не приходится, потому что все это слишкомъ хорошо известныя вещи.

Голосы никогда кутать не слѣдуетъ и народъ выражаетъ это словами: „держи голову въ холода“. Всякіе шарфы, слишкомъ теплый ватный шапочки, закрывающія не только голову, но и шею, башлыки и т. п. вредны, потому что они излишне нагрѣваютъ кожу и тѣмъ способствуютъ чрезмѣрнымъ приливамъ крови къ ней. Послѣдствіемъ такихъ приливовъ бываютъ ревматическія заболѣванія нервовъ, которыхъ столь часто наблюдаются у дѣтей.

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ основанія, которыхъ слѣдуетъ придерживаться въ гигіенѣ дѣтской одежды. Современемъ мы еще не разъ будемъ возвращаться къ этому важному и интересному вопросу, а пока повторимъ еще разъ, что одѣвать дѣтей нужно тепло, равномѣрно и одинаково покрывать все тѣло ихъ, но при этомъ отнюдь не кутать... не кутать!

Д-ръ Григорій Гордонъ.

патичностю или несимпатичностю. Никто вполнѣ не свободенъ отъ этого вліянія, и въ немъ должны признаться, положа руку на сердце, даже отцы, даже матери дѣтей, какъ и всѣ другие близкіе къ нимъ люди. Самая глубокая любовь къ ребенку не избавляетъ насъ отъ нѣкоторой доли пристрастія, диктуемаго ощущеніями, которыя дитя намъ внушаетъ. Такъ, дѣтская привѣтливость или душевная бодрость дитяти при всякихъ другихъ качествахъ его характера вызываютъ доброе расположение къ нему, и всякая наша отношенія къ нему же совсѣмъ иная, чѣмъ тогда, когда дитя отличается противоположными душевными качествами. Въ первомъ случаѣ мы бываемъ то менѣе строги, когда строгость вообще требуется, охотнѣе удовлетворяемъ желаніямъ ребенка, поскорѣе прощаемъ ему какой нибудь проступокъ или деликатнѣе взыскиваемъ за него и проч. и проч. Другія же отношенія у насъ къ ребенку, чуждому привѣтливости или не отличающемуся живыми способностями соображенія мысли и дѣятельности, т.-е. тѣмъ, что называются душевной бодростью. Мы склонны тогда въ большей или меньшей степени раздражаться съ нимъ, не особенно спѣшимы удовлетворять какимъ либо его желаніямъ и еще менѣе капризны и почти всегда бываемъ съ нимъ то сравнительно строги, то просто неуступчивы. Тогда какъ первый, симпатичный, ребенокъ вызываетъ у насъ доброе чувство, второй, несимпатичный, шевелить у насъ какъ разъ обратное чувство; первого мы встрѣчаемъ съ благословленными ощущеніями, второго—съ готовыми уже непріязненными или почти непріязненными.

Такимъ образомъ часто субъективные обстоятельства опредѣляютъ уже наше

Дѣти симпатичныя и несимпатичныя.

(Замѣтка по практической педагогіи).

Каждое или почти каждое наше дѣйствіе по отношенію къ ребенку такъ или иначе хранить на себѣ слѣды вліянія, обусловленнаго дѣтской сим-

пристрастіе, а также нѣкоторую степень уклоненія отъ правильъ воспитанія въ ихъ болѣе точномъ видѣ. Родители и воспитатели не должны забывать эти обстоятельства, а помнить, напротивъ, что такое субъективное пристрастіе легко и иногда незамѣтно наталкивает на дѣйствія, вредныя воспитываемому ребенку.

Начнемъ съ дѣйствій, которыми характеризуется наша благосклонность къ симпатичному ребенку. Правда, рациональная педагогія николо не страшится собственно тѣхъ дѣйствій со стороны воспитателей, которая называются „баловствомъ“ по отношению къ воспитываемому: она считаетъ, что извѣстная степень того угощенія ребенка, которое называется обыкновенно баловствомъ, можетъ ити рука обь руку съ самыми строгими воспитательными требованіями и не нарушать послѣднія. Весь вопросъ только въ томъ, какъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ осуществляются дѣйствія, балующія дѣтей. Тѣмъ, напримѣръ, что симпатичное дитя вызываетъ у насъ временами болѣе теплыхъ ласки, чѣмъ несимпатичный малышъ, его родственникъ или сверстникъ, мы совсѣмъ еще не портимъ и не „балуемъ“ такое дитя, такъ какъ оно получаетъ отъ насъ только должное, обусловленное его же душевными качествами. Но если мы будемъ дѣлать это съ такимъ видомъ, при которомъ явно или недостаточно скрыто выражаются преимущества этого дитяти надъ другими, родственными ему или неродственными, дѣтьми, то вносимъ такимъ избранничествомъ довольно нелѣпое представление въ его душу обь его же качествѣ, кромѣ того, что прямо унижаляемъ или оскорбляемъ дѣтей, со-

вмѣстно съ нимъ находящихся. Если же предпочтеніе симпатичному ребенку простирается, независимо отъ ласки, на другія прямые дѣйствія по отношенію къ нему, какъ напримѣръ, случающіяся въ семьяхъ преимущества въ подаркахъ дѣтямъ, одеждѣ и даже вниманію къ ихъ благополучію, то такое предпочтеніе несомнѣнно уродуетъ воспитываемаго и вполнѣ недостойно, какъ воспитательное средство. Большой же частью еще такъ бываетъ къ несчастью, что какъ бы неожиданныя и времененные преимущества, предоставляемыя дѣтямъ за ихъ особую симпатичность, обращаются мало по малу въ систематическую, постоянную, т.-е. такія, которая настоятельно требуются дѣтьми и которымъ воспитатели не могутъ уже не удовлетворять. Вотъ тогда-то душевные качества симпатичнаго ребенка являются уже настоящимъ его врагомъ, и то самое, что должно бы служить ему на пользу, служитъ ему на самомъ дѣлѣ во вредъ. Но только тогда же пристрастіе воспитателей обращается въ то дѣйствительное „баловство“ для дѣтей, которое одинаково осуждается какъ рациональной педагогіей, такъ здравымъ смысломъ многихъ родителей.—

Впрочемъ, есть еще и второстепенные обстоятельства, наносящія нѣкоторую долю вреда именно дѣтямъ, отличающимся явной симпатичностью. Окружающіе ихъ люди сосредоточиваются на нихъ вниманіе съ такимъ видомъ и съ такой нерѣдко назойливостью, что сами дѣти нравственно какъ бы отрѣшаются отъ себя и неизвѣсно переносятъ на заботящихся о нихъ даже всякие помыслы и не только дѣйствія, которые имъ же самимъ нужны. Особую такую заботливость

мы сейчасъ назвали второстепеннымъ обстоятельствомъ, служащимъ къ порчу симпатичныхъ дѣтей, но если хорощенько вдуматься въ то, какъ часто встрѣчается въ семьяхъ такое несурзное явленіе и какъ живо оно преображаетъ дѣтскій характеръ, даже наиболѣе милый,—ему прійдется отвести первостепенное значеніе въ нынѣшнемъ уродованіи дѣтей. Это несомнѣнно лучшій способъ обратить самаго симпатичнаго мальчика въ самаго несимпатичнаго, а иногда просто невыносимаго. Нужно еще принять во вниманіе, что та особая внимательность, которая освобождаетъ самихъ дѣтей отъ заботъ о себѣ и заставляетъ ихъ возлагать на близкихъ людей даже самое стремление угодить имъ, очень часто достается на долю не только мальшай, внушающихъ окружающимъ сильныя симпатіи, но и дѣтей противоположныхъ качествъ въ глазахъ тѣхъ же окружающихъ людей. Тогда это дѣлается прежде всего, конечно, потому, что этотъ малышъ, моль, нашъ, а не чужой, а затѣмъ потому, что такими заботами хотятъ улучшить его характеръ и всякия душевныя качества, сдѣлать ихъ болѣе совершенными, болѣе симпатичными. Но результаты на самомъ дѣлѣ могутъ получаться только обратные ожидаемымъ, и нерѣдко воспитатели крайне огорчены, видя, какъ бесполезно затрачиваются ихъ безграницная нѣжность и—несомнѣнно вредная—излишняя заботливость. Умѣренность въ степени этой послѣдней, умѣренность, основанная хоть на томъ, что никогда не слѣдуетъ ставить преграды самодѣятельности дитяти тамъ, где она можетъ принести ему пользу и безъ посторонней помощи,—это такое разумное требование практическаго вос-

питанія, нарушение котораго всегда и при всѣхъ условіяхъ способно повести только къ вреду дитяти. Каковы бы ни были его качества въ нашихъ глазахъ, они всегда получать нежеланное преображеніе вслѣдствіе недостатка личной душевной дѣятельности ребенка, такъ что излишество заботъ, выступающихъ нерѣдко безъ перерыва и потому уже назойливыхъ,—столько же безусловный, сколько и частый, къ несчастью, вредъ въ воспитательномъ дѣлѣ. Какъ нельзя болѣе кстати поэтому, хоть съ десяти или одиннадцати-лѣтняго возраста многія дѣти освобождаются, наконецъ, отъ безпрерывной нѣжности къnimъ со стороны старшихъ и начинаютъ настойчиво проявлять, какъ собственный желанія, такъ и личную дѣятельность, но во что часто обходится душевному строю дѣтей запоздавшая самостоятельность, какъ отзыается она на немъ!

Въ важномъ для дѣтскаго воспитанія вопросѣ о симпатичности и несимпатичности дѣтей, тѣсно связаннымъ притомъ съ степенью и усердiemъ воспитательскихъ заботъ, особое значеніе долженъ имѣть, наконецъ, критерій, позволяющій намъ признавать тѣ или другія пріятныя или непріятныя намъ качества у дитяти. Едва ли много справедливости и въ особенности разума въ различії нашихъ отношеній къ дѣтямъ различнаго душевнаго склада. Существенной серединѣ нѣтъ въ представлениихъ о справедливости и разумѣ: приходится быть справедливымъ или несправедливымъ и разумнымъ или неразумнымъ. Можно руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ разсудкомъ и справедливымъ чувствомъ, или не руководиться ими. Ребенокъ нимало

не виноватъ существенно, что у него такой, а не иной характеръ, и что у него такія-то, а не какія либо другія склонности. За что же, спрашивается, взрослые люди, и изъ нихъ даже самые близкіе къ ребенку, не одинаково относятся къ двумъ различнымъ дѣтскими характерамъ, и тогда какъ одному изъ нихъ они дарятъ свое расположение, другого, напротивъ, встречаются съ инымъ чувствомъ, болѣе или менѣе скрываемымъ? Гдѣ нѣть вины, тамъ не должно быть ответственности, а между тѣмъ это совсѣмъ не такъ въ практическомъ воспитаніи въ тысячахъ ежедневныхъ случаевъ. Но противоположность нашихъ ощущеній — скажутъ — вложена въ человѣческую душу самой ея природой и противостоять имъ далеко не въ нашей силѣ: всегда будутъ дѣлаться различія между симпатичными и несимпатичными дѣтьми, и всегда этими различіями будетъ опредѣляться неодинаковость отношений къ дѣтямъ со стороны старшихъ. Общая эта мысль, вообще вѣрная, не можетъ не уравновѣшиваться, однако, въ пользу дѣтей тѣмъ живымъ чувствомъ любви и привязанности, которое такъ свойственно родителямъ и которое должно главенствовать во всѣхъ приемахъ дѣтского воспитанія, — къ чему бы ни обязывали родителей эти приемы. Дѣтское воспитаніе требуетъ отъ воспитателей въ одинаковой степени разсудительности и сердечности, настолько одинаковой, что ни въ теоріи, ни въ практикѣ воспитанія съ ея многообразными и безчисленными проявленіями нельзѧ существенно давать верхъ какому-нибудь изъ этихъ двухъ началь человѣческой души. Въ каждомъ воспитательномъ актѣ ради его пѣлесообразности въ лучшемъ смыслѣ должны участво-

вать разумъ по отношенію къ ребенку и любовь къ нему же; въ противномъ случаѣ это будетъ не воспитательный актъ, а одно изъ проявлений самодурства, такъ часто еще встрѣчающагося, къ несчастью, и нельзя не пожалѣть также, что именно самодурство больше всего другого является опредѣлителемъ симпатичности или несимпатичности дѣтского характера. Сколько споровъ возбуждаются въ семьяхъ несправедливые приговоры насчетъ душевыхъ качествъ дѣтей, и какъ часто эти приговоры отравляютъ существование родителямъ, особенно матерямъ!

Такимъ образомъ, при господствующихъ приемахъ дѣтского воспитанія, симпатичность дитяти рѣдко приносить ему существенную пользу, а зато наносить ему, какъ мы видѣли выше, очень часто значительный вредъ. Положеніе же въ семье несимпатичныхъ дѣтей вообще не лучше, конечно, но бываетъ и хуже еще, чѣмъ первыхъ. Дѣло въ томъ, что внимательный взглядъ на практику современного воспитанія указываетъ на безчисленные проблемы въ усвоеніи самыхъ элементарныхъ воспитательныхъ правилъ. Эта практика кишитъ пристрастіемъ, простымъ воспитательнымъ неумѣньемъ и, чуть ли не прежде всего, самодурствомъ, которое одинаково калѣчитъ дѣтей, какъ тогда, когда по-своему ласкаетъ ихъ, такъ и тогда, когда преслѣдуетъ ихъ, думая тѣмъ исправлять недостатки, которыхъ у дѣтей, какъ это нерѣдко случается, совсѣмъ и не бывало.

П—ро.

— * —

Заботы о детяхъ и детская жизнь по даннымъ текущей печати.

(Самоубийства и сумасшествія въ средѣ учащейся молодежи. Хулиганы продолжаютъ нападать на детей. Открытие приюта въ г. Орлѣ. Записка родителей учащихся Виленской и Коненской губерній. Педагогическая комиссія въ г. Тифлісѣ).

Какъ передаютъ газеты, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы собрать статистическія данныя относительно первыхъ заболѣваній среди воспитанниковъ среднихъ школъ. Давно пора. Вопросъ слишкомъ назрѣлъ и сдѣлался жгучимъ. Что же касается собственно данного момента, когда напряжены всѣ общественные силы, когда повышенная пульсациѣ жизни несомнѣнно оказываетъ весьма сильное вліяніе на духовную структуру детей,—то указанный вопросъ требуетъ немедленнаго послѣднаго разрѣшенія. Печать констатируетъ учащенность самоубийствъ въ средѣ взволнованной событиями послѣднаго времени учащейся молодежи. Такъ, недавно въ Баку, напр., Маринская женская гимназія была сильно потрясена самоубийствомъ ученицы 5-го класса Маріи Лихучинской; молодая девушка выстрѣлила въ себя изъ револьвера во время перемѣны. Это была богато одаренная, впечатлительная личность. Особенно ужасное впечатлѣніе произвела на нее известная бакинская резня. Послѣ ужасовъ этихъ дней она стала задумываться, сдѣлалась нервной и говорила, что ей надоѣла жизнь, что она покончить съ собой. Аналогичный случай произошелъ также въ Киевской духовной семинаріи, воспитанникъ которой Иванъ Родзевскій покончилъ жизнь, принявъ большую дозу карболовой кислоты. „Смерть товарища и

обстоятельства, ее сопровождавшія, глохнуть говорить корресп. „Од. Нов.“, замѣтно взволновали товарищъ покойного.“

Хулиганы продолжаютъ нападать и на детей. Въ Псковѣ, 2-го мая, въ 4 часа дня, на набережной реки Великой, въ мѣстѣ довольно многолюдномъ, случайно проходили три девочки-гимназистки. Неожиданно напали на нихъ щедшіе навстрѣчу двое подвыпившихъ хулигановъ и начали сталкивать ихъ въ воду съ довольно высокаго и крутого берега. Девочки въ испугѣ стали вырываться. Одной изъ нихъ, хотѣвшей убѣжать, хулиганъ подставилъ ногу, и бѣдная девочка свалилась и такъ ударилась грудью о мостовую, что еле могла подняться на ноги. Случайно подошедшіе къ берегу реки семинаристы закричали на хулигановъ. Послѣдніе оставили преслѣдоватъ девочекъ и стали вызывать „на бой“ семинаристовъ. Семинаристы не рѣшились принять этотъ вызовъ, и негодяи ушли безнаказанно. Съ 1-го мая по городу ходятъ усиленные патрули солдатъ мѣстнаго гарнизона.

Переходя къ фактамъ, иллюстрирующимъ заботы о детяхъ, прежде всего слѣдуетъ отметить открытие въ г. Орлѣ нового детского приюта. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, важнѣе всего то, что было, повидимому, сдѣлано съ большою любовью къ потребностямъ „малыхъ сихъ“. Пока принято 23 чел. детей бѣднѣшихъ родителей и сиротъ. Помѣщеніе производить, по словамъ „Од. В.“, прекрасное впечатлѣніе. Флигель съ верандой выходитъ въ садъ, где дети могутъ играть. Комнаты, числомъ 5, 6-я кухня, свѣтлая и довольно большая. Поступили обильныя пожертвованія деньгами, вещами и сѣйствными припасами. Между прочимъ были по-

жертвованія холстомъ, трико, пирожками, кружками, чаемъ и сахаромъ, рубашками, мочеными яблоками, шерстяной матеріей, капустой, коленкоромъ и т. д. Докторъ Рабиновичъ выразилъ согласіе быть бесплатнымъ врачемъ. Ежедневно въ пріютѣ будуть присутствовать почетительницы, распределившія между собою дежурство. Пожелаемъ, чтобы пожертвованія не оскудѣвали. А главное, побольше истинно христіанской любви къ дѣтямъ, побольше доброты и ласки, и умной заботливости о нихъ!

Въ „Виленск. Вѣстн.“ приводится записка, поданная министру нар. просвѣщенія родителями учащихся Виленской и Ковенской губерній. Въ запискѣ подписавшія ее 400 лицъ между прочимъ указываютъ, что въ основу воспитанія дѣтей должна быть положена правдивость и искренность отношений между воспитателями и воспитанниками; между тѣмъ,—заявляютъ авторы записки,—въ нашихъ школахъ введенъ принципъ недовѣрія и вражды, система выслѣживанія, шпионства за дѣтьми не только въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, но и внѣ ихъ, при помощи какъ надзирателей и низшихъ служащихъ, такъ и учениковъ-товарищей.

Эта система дѣйствуетъ развращающе на душу ребенка, развивая въ немъ недовѣріе, ложь, притворство и иная отрицательная стороны характера и, такимъ образомъ, воспитываетъ вредныхъ членовъ общества.

Всѣдѣствіе же дурныхъ гигіническихъ условій въ нашихъ школахъ, учащіеся оставляютъ ихъ съ ослабленіемъ способностью къ производительному труду.

Благодаря введенію въ школу политики, преслѣдующей пѣли, не имѣющей

ничего общаго съ обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей, учебный персональ нашихъ школъ, состоящей исключительно изъ русскихъ и православныхъ, позволяетъ себѣ несправедливо и пренебрежительно относиться къ своимъ ученикамъ, въ большинствѣ полякамъ и католикамъ, постоянно оскорбляя ихъ религіозныя и национальныя чувства.

Въ этихъ же видахъ преподаваніе ведется по учебникамъ, въ особенности исторіи, прямо искажающимъ истину, а это подрываетъ вѣру въ авторитетъ учителей и преподаваемую науку.

Сообразно съ этими указаніями, далѣе выставляются требования объ искорененіи системы выслѣживанія въ среднихъ школахъ, объ отмѣнѣ воспрещенія родителямъ свободного выбора квартиръ для своихъ дѣтей, объ уменьшеніи платы за обученіе, объ отмѣнѣ сословныхъ и имущественныхъ ограничений при приемѣ, объ обращеніи большаго вниманія на школьнную гигіену, и т. д.

Заключимъ настоящую статью сообщеніемъ о весьма солидной работе, которую предстоитъ выполнить комиссія изъ выборныхъ представителей отъ педагогическихъ совѣтовъ средне-учебн. заведеній г. Тифліса. Проектируется созывъ общаго собранія тифлісскихъ преподавателей; задачей собранія будетъ—принять или отвергнуть резолюціи указанной комиссіи. Въ засѣданіяхъ комиссіи 15, 19 и 20 Апрѣля, по словамъ „Кавказск. Края“, были намѣчены слѣдующіе пункты, подлежащіе детальной разработкѣ:

I. Общество и школа: 1) право общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ открытия явочнымъ порядкомъ всевозможного вида и типовъ учебныхъ заведеній; 2) единеніе семьи и обще-

БИБЛІОГРАФІЯ.

ства со школой на началахъ прочной и постоянной организациі; 3) свобода печати по всемъ вопросамъ школьной жизни. II. Учитель: 1) обеспеченіе правового положенія лицъ учебно-воспитательного персонала; 2) автономія педагогического совѣта; 3) организація корпорацій педагоговъ; 4) съезды педагоговъ; 5) учрежденіе всероссійскаго союза педагоговъ. III. Учебно-воспитательная часть: 1) установлениe премъстивенной связи между низшимъ, среднимъ и высшимъ образованіемъ; 2) выдѣленіе прогимназическихъ классовъ изъ современной средней школы въ самостоятельный учебный заведенія; 3) задачи средней общеобразовательной школы безъ различія пола, сословій, національностей и вѣроисповѣданій; 4) права оканчивающихъ курсъ среднеучебныхъ заведеній; 5) гигіена школьнай жизни; 6) переполненность среднеучебныхъ заведеній и установлениe максимальной нормы числа учащихся въ отдельныхъ классахъ; 7) пансионы при средне-учебныхъ заведеніяхъ; 8) продолжительность курса средней школы; 9) измѣненіе состава предметовъ учебнаго курса и ихъ программъ; 10) организація внѣклассныхъ занятій учащихся; 11) привлечение женщинъ къ широкому участію въ учебно-воспитательной дѣятельности въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ; 12) организація болѣе тщательной, общей и специально-педагогической подготовки для лицъ, готовящихся къ преподавательской дѣятельности; 13) религіозно-нравственное воспитаніе учащихся; 14) школьнай дисциплина; 15) коренное измѣненіе существующей системы оценки успѣховъ и нравственности учащихся; 16) освобожденіе учебно-воспитательного персонала отъ внѣшкольного надзора

за поведеніемъ учащихся; 17) реорганизація института классныхъ наставниковъ; 18) урегулированіе труда лицъ педагогического персонала; 19) воспитаніе общественно-правового сознанія въ учащихся: а) школьнай права учащихся; б) ученические кружки для пѣлей самообразованія; в) товарищескій судъ чести.

Уже изъ одного простого перечня намѣченныхъ вопросовъ можно видѣть, насколько основательно, продуманно взялись тифлісскіе педагоги за родное, близкое имъ сердцу дѣло воспитанія юношества на новыхъ рациональныхъ основаніяхъ.

В. Измайлова.

БИБЛІОГРАФІЯ.

17. Мой цвѣтникъ. Е. Ельмановой. Изд. Горбунова-Посадова. 67 стр. 30 рис. Цѣна 25 коп.

Толково составленная и прилично изданная книжка обнаруживаетъ авторъ теоретическія познанія и личный опытъ. Видно, что г-жа Ельманова сама все дѣлала и потому съ полнымъ правомъ говорить: „Мой цвѣтникъ“, это чувствуется въ каждой строчкѣ ея произведенія. Читая книгу, вы видите, что авторъ не съ высоты учености говорить вамъ общія мѣста, а разсказываетъ, какъ онъ самъ съялъ сѣмена, какъ самъ приготовлялъ для сѣянья „торфичную“ землю, перебирая руками черноземъ, самъ поливалъ и наблюдалъ за стеклами: отпогнали они или нѣтъ. У такого опытнаго любителя пріятно поучиться разсадкѣ и посадкѣ растеній, выбору земли для лѣтнихъ цвѣтковъ, устройству клумбъ, высадкѣ и поливкѣ растеній. Изъ книжки мы узнаемъ также, какія однолѣтнія, двулѣтнія и многолѣтнія растенія могутъ украшать цвѣтникъ, какъ получить сѣмена ихъ, какъ устроить

дерновую лужайку и т. д. Для полноты книги, авторъ приводить краткое описание наиболѣе частыхъ и опасныхъ враговъ цвѣтника. Здѣсь онъ ограничивается, конечно, самыми скромными предѣлами, ибо на эту тему написаны цѣльные тома, такъ что вдаваться въ подробности прямо невозможно. Есть здѣсь также краткое указаніе и на полезныхъ животныхъ цвѣтника. Вообще книга безусловно полезная, написана хорошо и интересно и чрезвычайно дешева. Думаемъ, что она найдеть себѣ читателей не только среди дѣтей-любителей, но и взрослыхъ, не преслѣдующихъ слишкомъ широкихъ цѣлей.

К. Я.

18. Наши комнатныя растенія. Е. Ельмановой. Изд. Горбунова-Посадова. 40 стр. 10 рис. Цѣна 10 коп.

Въ этой небольшой и дешевой, но чистенькой книжечкѣ, читатель найдеть много полезныхъ свѣдѣній объ уходѣ за комнатными растеніями. Изложеніе этихъ свѣдѣній авторъ начинаетъ прямо съ азбуки: какъ приготовить землю для комнатаго цвѣтка, какъ подготовить растеніе къ пересадкѣ и какъ сдѣлать саму пересадку. Далѣе описывается способъ поливки, обрѣзки произведенія растеній. Этимъ заканчивается первая глава. Во второй главѣ мы знакомимся съ болѣзнями комнатныхъ растеній: блѣдностьканей, желтуха, гніеніе ствola, и съ различными внѣшними причинами, вредящими растенію или приносящему ему пользу. Третья глава излагаетъ уходъ за комнатными цвѣтами лѣтомъ. Здѣсь описывается устройство грядки для нихъ въ саду и способъ посадки ихъ въ землю, устройство паровой грядки или парника. За неимѣніемъ сада можно устроить цвѣтникъ и за окномъ, но при этомъ надо приложить нѣсколько большую заботу о растеніяхъ, чтобы предохранить высыханіе корней и порчу растеній отъ накаливанія лучами солнца глиняныхъ горшковъ. Для этого авторъ рекомендуетъ закопать горшки въ опилки или торфъ, насыпанные въ деревянный

ящикъ. Въ заключеніе авторъ даетъ подробныя указанія о качествѣ земли и пригодности ея для растеній. Здѣсь, какъ и въ книгѣ „Мой цвѣтникъ“, авторъ показалъ себя опытнымъ любителемъ и умѣлымъ популяризаторомъ. Изложеніе его кратко, но понятно и литературно. Эта книжечка безусловно поддерживаетъ общій ансамблъ изданію Горбунова-Посадова и заслуживаетъ вниманія.

К. Я.

19. Любимые друзья. Клавдіи Лукашевичъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. З.е. И. Д. Сытина. Цѣна?

Имя Клавдіи Лукашевичъ достаточно уже извѣстно маленькимъ читателямъ, даи разсказы, составляющіе настоящую книгу, не впервые видять свѣтъ. Г-жа Лукашевичъ прекрасно владѣетъ первомъ и дѣтской психологіей, а это, при мягкой манерѣ писать, дѣлаетъ ее любимымъ авторомъ дѣтей. Ея задушевная повѣсть „Няня“, трогательно-наивный разсказъ „Макаръ“, юмористическая сказка „Болтливая рѣдька“, на ряду съ такими уютными воспоминаніями дѣтства, какъ „Мишка“, „Журко“, „Странное гнѣздышко“ и др. доставятъ дѣтямъ несомнѣнное удовольствіе. Многіе изъ разсказовъ въ качествѣ популяризации естествознанія принесутъ даже извѣстную пользу. Прекрасно, изданная книга, въ красивомъ переплѣтѣ съ рисунками и винѣткой (въ краскахъ) Бэмъ, имѣть подкупающій видъ. Книга снабжена массой хорошихъ рисунковъ.

К. Яцута.

20. Дешевая научная библіотека. Исторія первобытнаго человѣка. Э. Клодда. Пер. съ англійскаго. Спб. 1904.

Исторія первобытнаго человѣка является наиболѣе юною областью исторической науки. Еще не такъ давно историческія изслѣдованія рѣдко касались тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, относительно которыхъ не сохранилось письмен-

ныхъ источниковъ, а если и касались, то дѣло ограничивались почти исключительно передачей миѳовъ и легендъ. Новые методы, примѣненные за послѣднія 50—60 лѣтъ къ исторической наукѣ, въ связи съ открытиемъ множества остатковъ древнѣйшей исторіи человѣка, пролили свѣтъ на древнѣйшую исторію человѣчества и пробудили къ ней особый интересъ среди ученаго міра. Слѣдствіемъ этого явился рядъ капитальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области исторической науки. Трудъ Э. Клодда имѣеть цѣлью изложить въ популярной формѣ результаты этихъ работъ.

Нельзя сказать, чтобы авторъ одинаково удачно справился съ этой задачей во всѣхъ частяхъ своей книги. Въ этомъ отношеніи книги Клодда рѣзко дѣлится на двѣ части, слишкомъ различающіяся по своему достоинству.

Съ трудомъ читаются и усвояются первыя главы книги, въ которыхъ авторъ стремится „опредѣлить мѣсто человѣка въ исторіи жизни на землѣ и въ исторіи вѣковъ“. Стремленіе въ маломъ сказать многое, въ популярной формѣ кратко изложить важнѣйшія теоріи по данному вопросу, разобраться среди нихъ, обиліе терминовъ, оставленныхъ безъ объясненія, отсутствіе ясно и точно опредѣленныхъ взглядовъ у автора,—все это требуетъ отъ читателя такихъ научныхъ знаній въ данной области, обладаніе которыми дѣлается для него чтеніе книги Клодда напрасной тратой времени.

Совершено иной характеръ принимаетъ изложеніе книги, начиная съ третьей главы. Свои мысли и взгляды авторъ здесь могъ обосновать на очевидно болѣе знакомомъ ему матеріалѣ болѣе позднихъ историческихъ памятниковъ. Въ доступной формѣ, живо, просто и обстоятельно излагаются свѣдѣнія о вѣкѣ палеолитическомъ и неолитическомъ и вѣкѣ металловъ. Обстановка жизни, бытъ и вѣрованія древняго человѣка и постепенный медленный ходъ развитія человѣка хорошо изображаются авторомъ, а постоянная сближенія явлений глубокой древности съ явленіями эпохъ позднѣйшихъ, до современной включительно, сообщаютъ широту разработкѣ вопроса,

придаютъ книгѣ особый интересъ и дѣлаютъ ее особенно понятной и близкой для современного читателя.

Н. Ч.

21. Дидактика, какъ теорія образования, въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образования. Отто Вильмана. Т. I. Перев. проф. Казанской Духовной Академіи священника А. Дружинина. Москва 1904.

Въ наше время пробужденія живого интереса къ вопросамъ воспитанія и обученія появленіе въ русскомъ перевода первого тома труда Вильмана является особенно желательнымъ. Его сочиненіе, имѣющее цѣлью „привести въ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе работы по теоріи обученія, результаты изслѣдованій по исторіи воспитанія и образованія и начатки ученія объ образовательныхъ учрежденіяхъ, къ которымъ привела соціология нашего времени“, много поможетъ разобраться среди тѣхъ смутныхъ, неопределенныхъ въ области педагогіи, которая являются государствующими въ современномъ обществѣ.

Въ первомъ томѣ своего труда Вильманъ касается методологическихъ изслѣдованій и затѣмъ съ особеною подробностью останавливается на изображеніи историческихъ типовъ образования. Предъ умственнымъ взоромъ читателя проходять въ своей исторической преемственности системы образования на Востокѣ, въ Греціи, Римѣ, христіанско просвѣщеніе на римской почвѣ, образованіе средневѣковое и въ вѣкѣ возрожденія и просвѣщенія. Особенный интересъ для современного читателя представляется послѣдняя глава, посвященная современному образованію. Основныя руководящія идеи современного образования, мѣсто въ системѣ современного образования богословія, философіи, древнихъ и новыхъ языковъ, географіи, математики, историческихъ и естественныхъ наукъ, типы современныхъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ у разныхъ народовъ,—все это крупно, но ярко и выпукло изображается въ книгѣ Вильмана. Въ за-

ключений авторъ высказываетъ свои мысли о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ современного образованія. Широко и многосторонне современное преподаваніе, неустанной напряженной работой созидаются великое стройное зданіе знанія. Но въ стремлениі къ законченности и величію современной системы образованія много отброшено хорошаго стараго, не подошедшаго къ плану новаго зданія. Современные школы нормального типа погубили разнообразіе отдѣльныхъ школъ, приспособлявшихся къ индивидуальнымъ нуждамъ различныхъ мѣстностей и лишили домашнее обученіе его прежняго самостоятельнаго значенія, семья сдѣлалась неспособной не только замѣнить школьнное преподаваніе, но даже переработать его сообразно съ своей индивидуальностью. Современная школа богатствомъ своего учебнаго матеріала подавляетъ самопроизвольныя индивидуальныя образовательныя стремленія и больше приспособлена къ асимиляціи умовъ, чѣмъ къ выработкѣ своеобразной развитой личности.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги Вильмана. Ея переводъ съ нѣмецкаго выполненъ вполнѣ удовлетворительно, чего нельзя сказать о переводахъ встрѣчающихся отрывковъ на латинскомъ языке, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. стр. 207, прим.) переведены прямо куріозно. *Н. Ч.*

22. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтений для учениковъ старшихъ классовъ гимназий и реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Ф. Быстровъ*. Издание *А. К. Пурышева*. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

23. Учебная хрестоматія къ курсу новѣйшей русской литературы. Курсъ старшихъ классовъ гимназий и реальныхъ училищъ. Составилъ *М. Быстровъ*. Издание *А. К. Пурышева*. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Это—новшество, которое нельзя не отмѣтить съ сочувствіемъ. Наконецъ

ученикамъ въ школѣ доступны не только Ломоносовъ, Державинъ, Кантемиръ, становящіеся мало-по-малу уже мертвыми писателями,—наконецъ ученики имѣютъ возможность подъ руководствомъ своихъ преподавателей разбирать въ классѣ и новѣйшихъ писателей периода послѣднихъ десятилѣтій нашей литературы. Наконецъ это позволено официально, и появились уже учебникъ и хрестоматія къ нему, дающіе множество образцовъ изъ новѣйшей литературы и болѣе или менѣе подробный разборъ писателей этого периода. Привѣтствуемъ труда г. Быстрова и желаемъ ему отъ души самого широкаго распространенія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и въ семьяхъ.

Такія книги въ нашей педагогической литературѣ начали было когда-то появляться. Такъ, извѣстенъ трехъ-томный труда покойнаго Ореста Миллера „Русские писатели послѣ Гоголя“; извѣстна и хорошая хрестоматія покойнаго Виктора Острогорскаго „Родные поэты“, а также хрестоматія Геракова „Образцы новѣйшей литературы“. Но труда О. Ф. Миллера охватываетъ далеко не всѣхъ писателей позднѣйшаго периода нашей литературы, а хрестоматія Острогорскаго и Геракова включаютъ въ себѣ только поэтовъ. Г-нъ Быстровъ пошелъ дальше: онъ даль поэтовъ и прозаиковъ минувшаго вѣка, начиная съ Жуковскаго и Пушкина и кончая Фетомъ и Островскимъ.

Правда, есть въ его книгѣ непріятные, досадные пробѣлы, которые можно поставить ему въ упрекъ: у него отсутствуетъ, напр., гр. Левъ Толстой. Нѣть тутъ и Достоевскаго... Почему? За что такое гоненіе на великихъ? Тутъ, положительно, какое-то недоразумѣніе, которое г. Быстрову необходимо уладить ко второму изданію. А второго изданія нельзя не пожелать ему въ наискорѣйшемъ времени.

Н. Позняковъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Алъмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ и ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Августъ — № 8.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 8.

1. Тщетность родительскихъ собраний. А. В.	257
2. Нравственная возбуждаемость дѣтей. Я.
Папера	272
3. Дѣтская жизнь и заботы о дѣтяхъ. В.
Измайлова	280
4. Библиография	288

Тщетность родительскихъ собраний.

Судя по тому, что творится у насъ по части организаций такъ называемыхъ родительскихъ собраний, по части про- веденія въ жизнь идеи необходимости единенія семьи со школой, родителей съ педагогами, дѣло это отнюдь не предсталяетъся особенно утѣшительнымъ, чреватымъ благими послѣдователь- ми. Педагоги недовольны родителями, родители педагогами. И тѣ и другіе ведутъ свою линію, не высказываются открыто, чего-то не договариваются, точно „въ мутной водѣ ловятъ рыбу“.

Оно и понятно. Педагоги не признаютъ за родителями ни знаній, ни опыта касательно рационального воспитанія дѣтей; родители же не довѣряютъ толковому, внимательному, любовному отношенію къ дѣтямъ со стороны педагоговъ. Страстное, эгоистичное отношеніе къ дѣтямъ родителей препятствуетъ имъ правильно оцѣнивать по- веденіе дѣтей, заставляетъ ихъ смотрѣть на послѣднихъ пристрастно, оп- тимистически, заставляетъ входить съ

дѣтьми въ тайный союзъ, въ заговоръ противъ педагоговъ и изыскивать мѣры и средства къ хое-какимъ компромиссамъ съ педагогами. Да, родители часто бываютъ виновны въ пристрастіи, въ излишней любви, въ мироло- гіи дѣтямъ, хотя въ этомъ значительную долю виновны и педагоги.

Педагогъ, несмотря на все желаніе быть сираведливымъ, корректнымъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ обязан- ностяхъ, невольно погрѣшаетъ благо- даря многимъ причинамъ. Начальство налагаетъ на него обязанность учить и дѣйствовать по строго опредѣленному плану и программѣ, часто противорѣ- чащимъ его пониманію и убѣждѣ- ніямъ. Начальство переполняетъ клас- сы учениками и лишаетъ учителя воз- можности вести правильнѣо самый про- цессъ преподаванія. Благодаря плохому вознагражденію за трудъ, педагогъ вынужденъ разрываться, бѣгая по уро- камъ, сидя часами надъ исправленіемъ работы учениковъ или томясь на засѣ- даніяхъ педагогического комитета. Онъ долженъ находиться въ постоянномъ напряженіи при управлении толпою пылкихъ сорванцовъ, большую частію ему враждебныхъ, ежеминутно готов- выхъ на нарушение его спокойствія, его работы. Не менѣе тягостны отно- шенія педагога къ начальству и роди- телямъ учащихся. Обыкновенно онъ не встрѣчаетъ съ ихъ стороны ни довѣ-

рія, ни даже поддержки, и является какимъ-то козломъ отпущенія за всѣ недочеты въ дѣлѣ нравственной и умственной жизни учащихся. Всѣ эти условия крайне утомляютъ педагога, нарушаютъ душевное его настроеніе, разстраиваютъ его организмъ, дѣлаютъ его нервнымъ, нейрастеникомъ. Къ этому, вся тѣлесная обстановка педагога въ большинствѣ случаевъ крайне неудовлетворительна. Ему приходится отравляться испорченнымъ воздухомъ класса, рисковать разстройствомъ зѣнія и слуха, страдать болѣзнями зѣва и гортани, если не легкихъ, плохого пищеваренія, и къ 50 годамъ становиться инвалидомъ, если не гибнуть отъ какого-либо органическаго порока внутреннихъ органовъ. Наилучшимъ средствомъ спастись отъ всѣхъ этихъ золъ оказывается наивозможнѣе болѣе автоматическое, чиновное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, т.-е. то отношеніе, при которомъ работаетъ не голова, а спинной мозгъ, не центральная, а периферическая первая система. Словомъ, при современныхъ условіяхъ школьнаго дѣла, педагогъ можетъ быть только чиновникомъ, бездушнымъ, инерционнымъ исполнителемъ требованій начальства. Гдѣ же ожидать любви, уваженія, даже простого довѣрія къ нему со стороны родителей!

Но, кромѣ оправдательныхъ данныхъ, имются противъ педагоговъ и данные обвинительного характера.

Считается цѣлесообразнымъ, чтобы преподаватель всякаго учебнаго предмета былъ одновременно преподавателемъ и роднаго языка, такъ какъ логически мыслить, усвоивать и излагать любой предметъ каждому слѣдуетъ на наиболѣе хорошо ему знакомомъ, своемъ, родномъ языке. Если же тре-

бовать отъ каждого педагога знанія роднаго языка, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ требовать отъ него знанія обучаемаго, воспитываемаго имъ ребенка. Нужно умѣть подойти къ ребенку, понять его природу, и тогда только можно разсчитывать обогатить его желаемыми свѣдѣніями. Надо узнать почву, на которой сѣять; культивируя растеніе, необходимо культивировать и землю, которая будетъ питать его. Такъ точно, воспитывая ребенка, надо знать его природу и среду, въ которой растетъ онъ и развивается, т.-е. знать интимныя отношенія между индивидуумомъ и средою. Отношенія эти суть анатомическая, физиологическая и психологическая. Только хорошо зная тѣлесную и духовную основы организаціи ребенка, мы имѣемъ право устанавливать уходъ и воспитывать ребенка: гигиена и педагогія обязательны для образованнаго, истиннаго педагога. Анатомическая, физиологическая и психологическая особенности индивидуума выражаются въ тѣлосложеніи, темпераментѣ и характерѣ ребенка, поэтому три основы его организаціи должны быть хорошо извѣстны педагогу. Педагогъ долженъ изслѣдоватъ, изучать эти основы, и тогда только имѣть право вести обученіе и воспитаніе дѣтей. Когда педагогъ подготовленъ къ этому, тогда только онъ въ состояніи опредѣлять и утилизировать и, важные для дѣла обученія, умственные силы и способности ребенка: способность памяти, способность интересоваться, сосредоточиваться на предметѣ занятій, способность пониманія, усвоенія предмета. А какой преподаватель можетъ похвастаться знаніемъ анатоміи, физиологии, психологіи и гигиены настолько, насколько это необходимо, чтобы учить

Тщетность родительскихъ собраний.

и воспитывать ребенка? Всѣ учителя, какъ известно, проходятъ тотъ или другой факультетъ университета, специализируются въ одномъ какомъ-либо предметѣ и являются въ учебное заведеніе съ цѣлью обучать тому или другому учебному предмету. Они не педагоги, а *Fachlehrer*'ы, какъ говорятъ немцы. Конечно, и *Fachlehrer*, вращаясь постоянно среди дѣтей, знакомится эмпирически съ ними, съ ихъ тѣлеснымъ и душевнымъ складомъ, научается кое-какъ вести съ ними дѣло. Но это недостаточно для воспитанія со строго методической, научной точки зрѣнія. Такой учитель не педагогъ, а простой техникъ по части учебы. Онъ сумѣеть только сообщить ученику извѣстныя срѣднія и выслушать отъ него заданный урокъ, но онъ не сумѣеть опредѣлить, насколько срѣднія эти отвѣчаютъ природѣ ученика, силамъ его и способностямъ, и насколько въ состояніи ученикъ использовать ихъ для умственного своего совершенствованія.

Несовершенная педагогическая подготовка учителей ведетъ къ тому, что они не въ состояніи бываютъ сдѣлать оценку ученику, не въ состояніи индивидуализировать дѣло воспитанія, а могутъ только выработать схему, планъ послѣдняго и подгонять все учение на потребы схематического „средняго ученика“. Понятно, что при бесѣдѣ такихъ учителей съ родителями оказывается обыкновенно полное взаимное непониманіе насчетъ ребенка. Родители, какіе бы ни были, знаютъ, если не научно, то путемъ ежедневнаго наблюденія, тѣлосложеніе, темпераментъ и характеръ своего ребенка, педагогъ же большую частью не знаетъ этого и не заботится объ этомъ.

И вотъ на дѣлѣ мы и видимъ, что родители, приходя къ педагогу за советомъ, встречаются съ его стороны часто полное непониманіе ребенка и уходить разочарованными, недовольными, враждебными къ педагогу.

Педагоги, считая себя специалистами и во всякомъ случаѣ болѣе родителей знающими дѣло ученія и воспитанія и желая сохранить за собою это званіе специалистовъ, не могутъ переносить со стороны родителей недовѣріе къ себѣ, неуваженіе, но ждутъ только полнаго вниманія, послушанія, если не преклоненія, и потому весьма легко раздражаются, сердятся, неистовствуютъ при малѣйшемъ сомнѣніи, замѣчаніи, недовѣрчивой минѣ. Столкновеніямъ, пререканіямъ между родителями и педагогами не предвидится и конца, особенно если тѣ или другіе изъ нихъ хромаютъ въ научномъ знакомствѣ съ педагогіей.

Наконецъ, педагоги, какъ бы ни были культурны, все-таки суть члены особой касты, чиновники отъ просвѣщенія, педантичные исполнители определенныхъ постановленій учебного вѣдомства, обязанные двигаться и дѣйствовать по извѣстному шаблону, по традиціи, такъ что не могутъ большую частью и снискать къ запросамъ и требованіямъ постороннихъ къ учебному дѣлу лицъ, профановъ, слѣдовательно и родителей. Педагоги, если и видятъ тѣ или другія слабости и прегрѣшенія своихъ коллегъ, по долгу службы и присяги выгораживаютъ ихъ, защищаютъ, хвалятъ, т.-е. оказываются пристрастными судьями въ случаяхъ столкновеній ихъ съ родителями учащихся.

Обратимся къ родителямъ.

Родители главнымъ образомъ винов-

ны въ томъ, что обыкновенно слишкомъ любить, слишкомъ баловать дѣтей, слишкомъ пристрастны въ ихъ оцѣнкѣ, слишкомъ субъективны. Всякий поступокъ, всякий недостатокъ или порокъ сына или дочери представляется имъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ педагогамъ или вообще людямъ постороннимъ. Родителю надо имѣть много ума, знанія и опыта, много самообладанія, чтобы справедливо оцѣнить достоинства и недостатки своего ребенка и спокойно выслушивать сужденія о немъ посторонняго человѣка, слѣдовательно и педагога.

Какъ педагоги относятся къ дѣтямъ слишкомъ интеллектуально и активно, такъ родители слишкомъ эмоционально. Подобная отношенія сохраняются въ теченіе школьнаго периода жизни учащихся, слѣдовательно рѣшительно противорѣчать природѣ послѣднихъ и требованіямъ педагогіи. Родители и педагоги, часто не отдавая сами себѣ яснаго отчета въ дѣлѣ воспитанія, не понимаютъ и другъ друга. Какое же можетъ быть, при такихъ условіяхъ, сближеніе ихъ, согласованіе во взглядахъ, дружественная работа на пользу учащихся? Это просто двѣ враждебныя партіи, дѣйствующія вопреки указаніямъ науки и жизни и преслѣдующія одну цѣль: итти совершенно различными путями, сторониться другъ друга, мѣшать другъ другу, вредить тому дѣлу, которому призваны и обязаны служить.

Главная вина родителей заключается въ томъ, что, разсчитывая на педагоговъ или вообще на постороннихъ людей, сами они не желаютъ и даже не думаютъ принимать мѣръ къ рациональной гигіенѣ и воспитанію дѣтей. Чтобы сдѣлать ребенка способнымъ при-

способляться къ тѣлесной, нравственной и умственной его обстановкѣ въ школѣ и могущимъ противодѣйствовать всѣмъ вреднымъ ея вліяніямъ, необходимо озабочиться о здоровьѣ ребенка, объ укрѣпленіи и закаливаніи его тѣла. Зачатіе ребенка должно происходить при самой благопріятной обстановкѣ родителей и въ состояніи полнаго ихъ здоровья. Родители, не достигшие 25-ти лѣтнаго возраста или перешедшіе за возрастъ 40-лѣтній, родители слабые, болѣзnenные не производятъ нормальнаго потомства; а между тѣмъ бракомъ сочетаются, не обращая никакого вниманія на эти условія. Мужчины культурныхъ классовъ обыкновенно нервны, переутомлены, пристрастны къ потребленію вкусовыхъ веществъ, поклонники всякихъ соблазновъ; женщины большею частію малокровны, истеричны. Всѣ гигіеническія условія жизни интеллигентныхъ людей ненормальны; понятія о половой жизни у нихъ самыя извращенныя и вообще зарожденіе ребенка совершается обыкновенно съ нарушеніемъ всѣхъ законныхъ указаний природы. Дѣтство юныхъ существуетъ протекаетъ въѣ воспитательнаго вліянія родителей или при самомъ неумѣломъ таковомъ вліяніи; о подготовленіи ребенка въ школѣ никогда и не думаютъ; къ дисциплинѣ, къ корректности въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ его не пріучаютъ. Такимъ образомъ ребенокъ является въ школу безпомощный, неразвитый, почти дикий и принужденъ приспособляться къ самымъ элементарнымъ условіямъ новой общественной среды.

Ученника-новичка надо культивировать, приручать, очеловѣчивать, между тѣмъ какъ педагоги ставятъ къ нему сразу требования, доступныя лишь хо-

рошо подготовленному, дисциплинированному, достаточно развитому субъекту, привученному къ умственной работе и выдержанному во всѣхъ отношенияхъ. Ни о чёмъ подобномъ родители не хотятъ знать, а педагоги не идутъ ни на какія уступки, ни на какие компромиссы. Понятно, что пререканія между родителями и педагогами не предвидится конца, и на единеніе, согласование въ ихъ взглядахъ на воспитаніе едва ли можетъ быть и надежда.

Принимая все вышеизложенное въ соображеніе, невольно приходишь къ убѣждению въ необходимости установления постоянного, строгаго, надлежащаго контроля надъ поведеніемъ и мѣропріятіями родителей и педагоговъ. Необходимъ контроль, конечно, не формальный, не бюрократический, а методическій, научный, основанный на данныхъ антропологии, психологии и гигіиенѣ, контроль безпредвзятый, чуждый личныхъ интересовъ родителей и педагоговъ, но близкій интересамъ дѣтей, учащихся. Судьмы въ дѣлѣ воспитанія могли бы быть лица интеллигентныя, знакомыя съ психологіею и педагогіею, не имѣющія прямого отношенія ни къ родителямъ, ни къ педагогамъ, ни къ самимъ учащимся, но способныя беспредвзятно, строго объективно войти въ интересъ дѣтей. Въ собраніяхъ родителей и педагоговъ такія лица могли бы играть роль умиротворителей, защитниковъ дѣтей отъ неразумныхъ воспитательныхъ приемовъ родителей и отъ несправедливыхъ посягательствъ педагоговъ. Предоставлять главенство на такихъ собраніяхъ ни педагогамъ ни родителямъ никоимъ образомъ не следовало бы: и тѣ и другие оказы-

ваются большою частію грубо пристрастными и упорствующими въ своихъ мнѣніяхъ. Можно бываетъ напередъ сказать, какъ относится къ дѣлу педагогъ, когда въ дурномъ поведеніи или плохихъ успѣхахъ учащагося заѣдомъ окажется виновнымъ учитель, или какъ относится родитель, когда попадается въ провинности единственный его сынъ, любимчикъ семьи, мальчишникъ сыночъ. Выходить изъ подобнаго щекотливаго положенія можетъ быть правильнымъ только одинъ: тщательное выясненіе отношеній учителя къ ученику, точное опредѣленіе индивидуальности ученика, да, пожалуй, и самого учителя, т.-е. строго объективное, беспристрастное разслѣдованіе факта;—если не формальное судебнное слѣдствіе.

Всѣ только что высказанныя пожеланія можно назвать прямо *pia desideria*.

До сихъ поръ всѣ попытки сближенія педагоговъ съ родителями не приводили ни къ какимъ серіознымъ результатамъ. Педагоги пробовали только эксплоатировать родителей на потребы материальной обстановки училища и на тѣлесное воспитаніе учащихся (на устройство гимнастики, игръ, экскурсій, на снабженіе бѣдныхъ учениковъ пищей, одеждой, обувью и пр.), что же касается заботы по части умственного и нравственного воспитанія дѣтей, то норовили всѣ ихъ провинности и неуспѣхи ставить прямо въ вину родителямъ. Родителей главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ объ облегченіи дѣтей отъ бремени уроковъ и чтенія; во всѣхъ неудачахъ и бѣдахъ учащихся они стараются выгораживать послѣднихъ и обвинять учителей. Педагоги думаютъ не столько объ облегченіи

учениковъ, сколько обѣ увеличеній ихъ занятій, настаивая на томъ, что ученики рискуютъ только баловаться и праздношатайничать; родители же мечтаютъ, какъ бы дѣткамъ отдохнуть, забыться отъ школы, повеселиться. Для родителей желательно, насколько возможно, удлинить каникулы и дать побольше свободы дѣтямъ, а для педагоговъ поменьше каникулъ и побольше учебы, дисциплины, подтягивания.

Къ этому, постановка родительскихъ собраний въ школахъ такова, что педагоги являются тамъ полными хозяевами, а родители гостями, какъ бы изъ милости долущенными къ бесѣдѣ. Педагоги оказываются неравноправными съ родителями членами; они командаются, высказываются смѣло и уверенно, родители же или молчатъ или робко дерзаютъ говорить, опасаясь, что всякое, не только рѣзкое, но даже осторожно высказанное слово въ пользу учащагося тяжко отзовется, выместится на немъ тѣмъ или другимъ способомъ. Да иной порядокъ при бюрократическомъ строѣ нашей школы и нашего общества вообще едва ли и возможенъ. А если нѣть полноценностіи членовъ, нѣть свободы выраженія мысли, дебатированіе какихъ бы ни было вопросовъ едва ли будетъ плодотворнымъ.

Педагогамъ, какъ и всякимъ вообще специалистамъ, конечно не можетъ нравиться вмѣшательство въ ихъ дѣло постороннихъ людей; педагогамъ же казенныхъ учебныхъ заведеній, какъ-то особенно чувствительнымъ и нервнымъ, всѣ постороннія лица кажутся прямо враждебными, ненавистными.

Въ особенности ненавистны педагогамъ врачи, врачи школьные. Эти господа, по мнѣнію педагоговъ, только и думаютъ о переутомленіи учащихся,

о нравственномъ гнетѣ школы, о недостаточности движенія, игръ и тѣлесныхъ упражненій дѣтей. Но нѣмъ хоть совсѣмъ не учить дѣтей и то было бы въ пору. Врачъ и педагогъ—исконные и кровные враги, и спѣться едва ли могутъ въ вопросахъ воспитанія. Правда, враждебность эта чаще зависитъ отъ взаимнаго непониманія, отъ научнаго невѣжества тѣхъ и другихъ специалистовъ, но дѣло въ томъ, что и образованные врачи и педагоги обыкновенно расходятся во взглядахъ на дѣтей, потому что врачъ, большую частью, не знаетъ психологіи и педагогіи, а педагогъ физіологіи, патологіи и гигієни: и тотъ и другой всегда почти узкіе специалисты, люди двухъ особыхъ міровъ, чужды другъ другу. Конечно, если бы всѣ педагоги были бы такие свѣдущіе и опытные, какъ покойный Германъ Шиллеръ (въ Гиссенѣ), врачи, какъ проф. Моссо (въ Турии) или Грибахъ (въ Мюльгаузенѣ), а родители, какъ психологъ Бэнъ или Джемсъ, тогда, пожалуй, можно было бы спокойно и дѣльно, *sine ira et studio*, бесѣдоватъ педагогамъ и врачамъ съ родителями о близкихъ имъ дѣтихъ, но, къ сожалѣнію, родители совсѣмъ почти не знакомы съ педагогіею, а обыкновенные педагоги и врачи не только плохо подготовляются къ дѣлу воспитанія, но даже не имѣютъ возможности къ нему подготовляться за некімъ-нибудь подходящихъ специально-педагогическихъ институтовъ или семинарій (за весьма рѣдкими исключеніями), поэтому въ настоящее время нельзя ожидать, чтобы вышло что-либо цѣлесообразное изъ союза педагоговъ и родителей.

Несмотря, однако, на оказывающееся разочарование въ такъ называемыхъ

союзахъ или собранияхъ родителей и педагоговъ, нельзя не признать необходимости тѣснаго между ними единенія. Какими бы педагоги ни были знатоками своего дѣла, родители имѣютъ право и возможность наблюдать и изучать дѣтей не хуже педагоговъ. Участіе въ воспитаніи дѣтей принадлежитъ одинаково и педагогамъ и родителямъ, и самое воспитаніе можетъ быть ведено рационально только при взаимной ихъ работе.

Если не удается поставить описываемые союзы или собрания на чисто практическую почву, какъ это мы и видимъ, не слѣдуетъ, однако, отказываться отъ разработки вопросовъ воспитанія съ точки зрѣнія теоретической и этимъ путемъ содѣйствовать правильному ихъ решенію. Теоретическимъ выясненіемъ педагогическихъ вопросовъ несомнѣнно можно пособить практикѣ школьнаго дѣла и улучшению положенія учащихся. Такіе, преслѣдующіе теоретическія задачи союзы или собрания были бы полезны и тѣмъ, что на нихъ могли бы являться членами не только педагоги одного какого-либо учебного заведенія и родители учащихся этого же заведенія, но и лица постороннія, интересующіяся педагогіей вообще, следовательно болѣе или менѣе безпристрастныя, мущія строгого объективно относиться къ дѣлу, а не преслѣдующія личные, шкурные интересы, какъ это дѣлаютъ обыкновенные педагоги и родители.

Выясняется такимъ образомъ важная цѣль образования не такъ называемыхъ родительскихъ собраний, а простыхъ родительскихъ кружковъ, въ которыхъ, на помощь родителямъ, привлекались бы педагоги, врачи и иные, интересующіяся вопросами воспитанія лица, т.-е.

всѣ лица, желающія внести посильную лепту на пользу воспитанія юнаго поколѣнія. Каждый взрослый человѣкъ долженъ быть готовъ на служеніе дѣтямъ, и потому каждый взрослый имѣть право и принимать участіе въ разработкѣ вопросовъ воспитательного свойства. Разумѣется въ родительскихъ кружкахъ педагоги могли бы играть главенствующую роль, могли бы начинать темы докладовъ и программу занятій, равно и руководить препіеми, но, съ другой стороны, было бы желательно, чтобы въ работахъ собраний дѣятельную роль играли и родители, врачи и даже любыя интеллигентныя лица, серіозно интересующіяся вопросами воспитанія.

То небрежное, халатное отношеніе, какое замѣчается къ воспитанію дѣтей, не оправдывается яничъ. Тѣлесное здоровье учащихся видимо падаетъ, ухудшается; нравственный режимъ и нравственное воспитаніе не выдерживаются никакой критики, да и умственный режимъ и умственное воспитаніе юнаго поколѣнія во всѣхъ культурныхъ странахъ встрѣчаются порицаніе со стороны лучшихъ специалистовъ по педагогіи и гигиенѣ, и настоятельно требуютъ реформъ и обновленія. Для семьи, для общества, для государства нужны здоровые, крѣпкие, нравственные и просвѣщенные граждане, а между тѣмъ семья и школа готовятъ въ жизнь людей болѣзнистыхъ, слабыхъ, нравственно неуравновѣшеныхъ и умственно плохо подготовленныхъ. Надо же наконецъ одуматься и взяться за дѣло обновленія юношества и начать борьбу и противъ грозящаго вырожденія. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Родители, педагоги и врачи должны приняться за рациональное воспитаніе дѣтей: со-

временная наука и практика новѣйшихъ общеобразовательныхъ школъ (Абботсгольмской, Демолэнновской, Лица и т. п.) даютъ уже достаточно указаний къ болѣе или менѣе правильной постановкѣ тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія и гигиены. Остается только добросовѣтно и энергично повести дѣло, средствомъ же лучшимъ къ тому и могутъ служить родительскіе союзы, кружки, общества и т. п.

Правда, заботиться о будущемъ, забывая настоящее, казалось бы допустимымъ, если бы настоящее было удовлетворительно, но дѣло въ томъ, что настоящее-то наше становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, настоящее указываетъ на печальное, безнадежное положеніе дѣтей и настоятельно требуетъ отъ насъ мѣръ къ ихъ спасенію. Если мы будемъ держаться современного правила „apr{\`e}s nous le d{\`e}luge“, то d{\`e}luge можетъ оказаться не apr{\`e}s, а avec nous, и намъ самимъ собственною нашей плотью и кровью придется отвѣтить за наше пренебреженіе, за нашъ индиферентизмъ къ юному, учащемуся поколѣнію. Не изъ-за дѣтей, а изъ-за самихъ себя намъ слѣдуетъ подумать и позаботиться о цѣлесообразныхъ реформахъ воспитанія, чтобы не страдать отъ того, что на нашихъ глазахъ гибнетъ юное поколѣніе, а гг. педагоги и родители, вместо единенія и дружной работы, враждуютъ между собою и преслѣдуютъ узкие, личные интересы, забывая долгъ свой предъ семьей, обществомъ и государствомъ.

A. B.

Нравственная возбуждаемость дѣтей.

Напомнимъ прежде всего, что воспитательная работа вообще не для озлобленныхъ людей и что при руководствѣ она никогда не даетъ желанныхъ плодовъ. Способные, не долго думая, какъ это часто встречается, на рѣзкое слово по отношенію къ дитяти, не умѣющіе воздержаться отъ быстрой укоризны или даже браны по отношенію къ нему и не обладающіе склонностью къ неизмѣнному спокойствію во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, касающихся дѣтей, пусть не думаютъ, что они занимаются дѣтскимъ воспитаніемъ; ихъ дѣло заключается въ простой дрессировкѣ, которая приводить къ соответственнымъ ей результатамъ, — къ сложной портѣ общей и индивидуальной дѣтской природы. Со злостью не воспитываютъ дѣтей, а уродуютъ часто въ очень высокой степени и всегда въ большей или меньшей. Когда же дѣло идетъ о нравственной возбуждаемости дѣтей, какъ это обозначено въ заголовокѣ, т.-е. о живой воспріимчивости дѣтей по самой ихъ природѣ ко всему тому, что считается среди людей нравственнымъ, чистымъ, благороднымъ и высокимъ, то малѣйшая прямѣсь къ спокойному руководству дитяти, какъ вѣрнѣйшей основѣ воспитанія, чуждаго ей элемента навоздержанности или даже злобы сразу дѣлаетъ вполнѣ безсильной воспитательную работу. Никогда и никому возбужденіе дѣтей въ этомъ направленіи не удавалось, разъ оно сопряжено было какъ-нибудь съ рѣзкостью или строгой укоризной по отношенію къ дитяти.

Мало того: возбуждаемость дѣтей въ нравственномъ направленіи больше,

НРАВСТВЕННАЯ ВОЗБУЖДАЕМОСТЬ ДѢТЕЙ.

чѣмъ все другое въ воспитаніи, требуется постоянной благосклонности воспитателя по отношенію къ дитяти; онъ обязанъ не только къ спокойствію во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ, но къ ласковости и доброжелательности къ нему.

Впрочемъ, это не должно выражаться въ прямыхъ нравоученіяхъ, къ которымъ такъ падки многіе воспитатели. Обыкновенно, какъ только ребенокъ начинаетъ кое-что понимать, — говорить одинъ изъ самыхъ выдающихся основателей психологической педагогики, — къ нему начинаютъ безпрестанно обращаться съ нравоученіями, увѣщающими и упреками. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе этого образа дѣйствія. Нравственные правила суть отвлеченные представленія о нравственныхъ отношеніяхъ, отвлеченные выводы изъ послѣднихъ; какъ таковые, они рѣзко оказываютъ должное дѣйствіе даже на взрослого человѣка, такъ какъ они не въ состояніи внушить людямъ или не-посредственно усовершенствовать уже находящіяся въ нихъ нравственные чувства. Они способны только воспроизвести эти чувства въ сознаніи, не оказывая никакого влиянія на ихъ свойства въ отношеніи ихъ силы или слабости, жизненности, возбудимости или вялости и т. п., сами же по себѣ эти правила не имѣютъ никакой самостоятельной творческой силы; ихъ значеніе для человѣка опредѣляется единственno предшествовавшимъ нравственнымъ его развитіемъ. На ребенка эти правила не оказываютъ почти никакого дѣйствія. Ребенокъ въ теченіе долгаго времени не способенъ даже къ воспріятіямъ нравственныхъ отношеній; еще менѣе онъ въ состояніи понимать отвлеченные нравственные правила.

Послѣднія являются для него, такимъ образомъ, безполезнымъ балластомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова (Dr. Fr. Ed. Beneke. Psychologische Skizzen., а также Grundlinien der Sittenlehre).

Между тѣмъ такимъ балластомъ ежедневно наполняются умъ и сердце дѣтей, начиная чуть не съ трехлѣтняго возраста и кончая нерѣдко уже въ очень поздній періодъ. Не будучи еще въ состояніи ни обдумывать, ни прочувствовать ихъ, ребенокъ воспринимаетъ лишь мертвые слова, обременяющія только его память, а такъ какъ эти слова вкладываются въ него насилино и отъ него требуютъ, чтобы онъ сообразовалъ съ ними свои дѣйствія, то они возбуждаютъ въ ребенкѣ неудовольствіе и неохоту по отношенію къ важнѣйшему элементу воспитанія, къ нравственности. Въ нравоученія многіе воспитатели крѣпко вѣрють и пользуются ими при всякомъ удобномъ, какъ они полагаютъ, и неудобномъ случаѣ. Даже то обстоятельство, что къ такому же способу внушенія дѣтамъ нравственныхъ правилъ охотно прибегаютъ самые некомпетентные суды въ дѣлѣ воспитанія, напримѣръ, самыя неразвитыя нянки съ деспотическими склонностями, не заставляетъ многихъ отцовъ и матерей наотрѣзъ отказаться отъ этого нелѣпаго метода. Существуетъ преданіе, что дѣтамъ нужны нравоученія, но они, очевидно, сильнѣе здраваго смысла, который сотни разъ каждому и каждой чуть не ежедневно доказываетъ ихъ полнѣйшую безполезность.

Но вернемся къ занимающему насъ вопросу о дѣйствительной, а не кажущейся, нравственной возбуждаемости дѣтей. Даже очень маленькая дѣти,

когда они въ состояніи сдѣлать что-нибудь, нерѣдко говорять: „и я это могу“. Уже въ этихъ словахъ выражается та или другая дѣтская склонность и на ней-то преимущественно нужно основывать всю работу относительно возбуждаемости въ желанномъ направлениі. Въ раннемъ возрастѣ, особенно въ первые годы, дѣти не оцѣниваютъ еще естественно собственныхъ склонностей, и еще менѣе они способны бывать правильно оцѣнить дѣйствія, требуемыя отъ нихъ старшими. То, что окружающіе ребенка находятъ въ немъ хорошимъ, то стоитъ наиболѣе высоко и въ его собственныхъ глазахъ. Онъ не сознаетъ еще своихъ склонностей и знаетъ только то, что нравится въ немъ другимъ. Слѣдовательно, не строгостью, а лаской, признаніемъ, что онъ дѣлаетъ то или другое прекрасно, какъ слѣдуетъ умному и хорошему дитяти, можно навести его на желаніе продолжать въ томъ же родѣ и укрѣпить въ немъ данную склонность. Только этимъ же путемъ можно добиться отъ него, чтобы онъ реагировалъ на желанныя нами дѣйствія и мысли съ его стороны. Въ данномъ движеніи дѣтской души, поступкѣ или словахъ дитяти выступаютъ его качества и на обязанности воспитателей лежитъ то, чтобы и отличать все достойное въ нихъ въ нравственномъ отношеніи и поддерживать его дальнѣйше всеми доступными имъ способами. Склонность, дѣйствительно нравственно достойная, бережно охраняется тутъ, а склонность нежеланная постепенно устраивается тѣмъ, что первой даютъ въ глазахъ самого дитяти всякия преимущества. Человѣческая природа такъ богата, такъ разнообразна, что вмѣщаетъ въ себѣ часто самыя

противоположные склонности у дитяти и посредствомъ вниманія, спокойствія въ отношеніяхъ къ нимъ, и ласкою съ дитятей можно упрочать и развивать одинъ и совершенно или хоть частью уничтожать другія. Дѣтская возбуждаемость велика во всѣхъ отношеніяхъ; на высокое же, благородное и чистое въ человѣческой природѣ она живѣе и какъ бы охотнѣе проявлять свою силу, чѣмъ на противоположное.

Нужно тутъ остерегаться, однако, самообольщенія. Это послѣднее развивается особенно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитатели переносятъ на ребенка продукты собственнаго воображенія или ожидаютъ отъ него уже въ данное время того, что можетъ развиться въ немъ лишь впослѣдствіи. Ребенокъ дѣйствительно начинаетъ вѣрить, что онъ обладаетъ извѣстными качествами, или переносить на себя смутное представление совершенствъ того существа, которое лишь со временемъ въ немъ выразится. Воспитатель долженъ крайне остерегаться подобной ложности дѣтскихъ представлений, хотя нѣтъ существенной надобности, чтобы онъ занялся просто разочаровываніемъ на этотъ счетъ своего воспитанника. Лучше всего поставить ребенка въ такія условія, чтобы онъ на опытѣ убѣдился въ своихъ несовершенствахъ и недостаткахъ, и повторять такой опытъ до тѣхъ поръ, пока исчезнетъ въ ребенкѣ туманъ нежеланного самообольщенія. Въ то же время воспитатель долженъ воздерживаться отъ всякаго излишняго порицанія, какъ и отъ всякаго, не оправдываемаго крайнею степенью необходимости, принужденія питомца; къ какому бы рѣшительному выраженію ни былъ онъ вынужденъ въ томъ или другомъ слу-

ИРАВСТВЕННАЯ ВОЗБУЖДАЕМОСТЬ ДѢТЕЙ.

чай, онъ все же обязанъ внушать ребенку, что признаеть въ немъ также хорошія стороны и питаетъ надежду на то, что онъ со временемъ будетъ доставлять воспитателю радость, одну только радость. Никогда не слѣдуетъ относиться съ насмѣшкою или раздражительностью къ попыткамъ ребенка заслужить одобрение. Даже если эти попытки и не имѣютъ никакого основанія, къ нимъ нужно относиться единодушно, особенно же при постороннихъ и вообще другихъ лицахъ. Ребенка никогда не слѣдуетъ рѣзко останавливать въ выраженномъ имъ желаніи: этимъ способомъ только оттолкнешь его отъ себя, а на собственномъ желаніи онъ будетъ настаивать; отвѣтъ ему нужно, какъ на вопросы, такъ и затѣи, въ спокойныхъ всегда и разсудительныхъ выраженіяхъ.

Истинно благодѣтельно сознаніе питомца, что воспитатель относится съ одобрениемъ къ хорошимъ его качествамъ, и несомнѣннымъ злому отзываются на воспитаніи постоянное или очень частое выраженіе недовольства поведеніемъ дитяти. Лучше иногда скрывать это недовольство и даже замѣнить его иѣкоторой похвалою, вообще мало заслуженною, можетъ-быть, чѣмъ быть постояннымъ выразителемъ такого недовольства. Послѣднее рветъ связи между воспитываемымъ и воспитателемъ и создаетъ мало-по-малу настоящую пропасть между ними. Между тѣмъ временное довольство, минутная ласка служить какъ бы мостомъ, который позволяетъ переходить черезъ уготовленную недовольствомъ пропасть; при этихъ условіяхъ возможно еще примиреніе, возможно возобновленіе полезного воздействиа воспитателя на питомца, а въ противномъ случаѣ —

дѣло воспитанія дитяти обречено на застой, сводится на нѣть.

Такимъ образомъ вызовъ нравственнаго чувства въ смыслѣ руководящей душевной работы происходитъ лишь при условіи расположения къ дитяти со стороны воспитателя; возбужденіе нравственнаго чувства тѣсно связано у дитяти съ ощущеніемъ довольства собою, какъ слѣдствиемъ удовлетворенія требованіямъ старшихъ. Дѣти, какъ и многіе взрослые люди, слушаютъ порицанія только того человѣка, о которомъ они знаютъ, что онъ иногда и хвалитъ ихъ. Зато онъ держитъ въ своихъ рукахъ и способы нравственного возбужденія дѣтей. Выказывая дѣтямъ и любовь и готовность содѣйствовать ихъ желаніямъ, возбужденіе нравственнаго чувства становится легко доступнымъ дѣломъ. Ничто не привлекаетъ дѣтей болѣе, какъ доброжелательное участіе въ ихъ дѣлахъ — предпріятіяхъ, фантазіяхъ и планахъ. При уваженіи къ личнымъ особенностямъ ребенка и не навязываніи ему желаній воспитателя, такого рода участіе послѣдняго въ дѣлахъ питомца даетъ ключъ къ воздействию на него; тогда-то ребенокъ и становится, какъ говорять, мягче воска, а на его отзывчивой душѣ можно рисовать желанные любые узоры, создавать на ней любую ткань.

Въ дѣлѣ воспитанія имѣются двѣ стороны: положительная, т.-е. то, что воспитатель долженъ дѣлать, и отрицательная, — чего не долженъ дѣлать. Трудно сказать, какой изъ нихъ принадлежитъ преимущество въ этомъ дѣлѣ, но есть много основаній для мнѣнія, что отрицательной сторонѣ должна принадлежать главная, первенствующая роль. Нравственная возбуж-

даемость дѣтей—это основное средство дѣтского воспитанія — больше всего другого требуетъ, кажется, отъ воспитателя не формировать по-своему природу будущаго взрослаго человѣка, не ограничивать развитія, не стѣснять ее послѣдовательными и особенно не-послѣдовательными указаніями и, наконецъ, не стремиться водить ее на помочахъ, а требуетъ, напротивъ, въ извѣстныхъ, сравнительно немногихъ, случаяхъ, познавъ желанія и склонности дитяти, оказать имъ надлежащую поддержку. Въ ней, въ этой поддержкѣ, нравственная возбуждаемость дитяти найдеть, правда, почти всегда широкое поле для примѣненія дѣтскихъ свойствъ, желаній, склонностей, но только при условіи, чтобы это поле не было засорено раньше запрещеніями: такъ вить нельзя поступать, такъ нельзя вести себя, того не дѣлай, другого не дѣлай. Дѣтская нравственная возбуждаемость—это безчисленныя тонкіядушевныя нити, вполнѣ реальная величина, и въ этомъ качествѣ она заключаетъ въ себѣ положительные начала, поддающіяся многообразному безконечному развитію, а бокъ-о-бокъ съ нею находящіяся запрещенія, порицанія, упреки и рѣзкости старшихъ по отношенію къ дѣтямъ—это всегда и во всемъ лишь задерживающія, преграждающія силы, отрицательная въ настоящемъ смыслѣ, изъ нихъ ничего не выкроишь, ничего не сдѣлаешь. Совершенно естественно, что воспитатель, помня свое призваніе, долженъ считаться съ первыми, какъ плодотворными, и возможно избѣгать вторыхъ, какъ бесполезныя или вредныя. Нравственная возбуждаемость дѣтей—животворящая сила для воспитателя, его запрещенія, укоры и порицанія по отношенію къ дѣтямъ—при всѣхъ

условіяхъ лишь отрицательное мертвящее начало.

Я. Наперъ.

Дѣтская жизнь и заботы о дѣтяхъ.

(Реалисты въ роли бродячихъ музыкантовъ.—Жестокій отецъ.—Самоубийство 15-ти лѣтней дѣвушки.—Самоубийство реалиста.—Человѣкъ-звѣрь.—Равнодушіе къ сиротской долѣ.—„Свобододѣйствующія“ дѣти.—Московское общество попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ).

Въ Саратовской губерніи есть городъ Аткарскъ. Не особенно давно обыватели этого тихаго городка были очень удивлены происшествіемъ, иѣсколько оразнообразившимъ ихъ монотонное существование; въ одинъ прекрасный день городъ неожиданно огласился звуками духовой музыки. Сначала подумали, что прислали солдатъ, которые и стали наигрывать на своихъ трубахъ. Но потомъ оказалось, что играетъ оркестръ, организованный изъ учениковъ мѣстнаго реального училища. По словамъ „Саратовск. Листка“, сначала оркестръ игралъ у себя на дворѣ, а затѣмъ его стали выводить на площадь, а потому уже и водить по улицамъ; остановивъ предъ частными домами, заставляли исполнять разныя пьесы. Этотъ оркестръ сопровождали и реалистики низшихъ классовъ, держа передъ музыкантами ноты, изображая изъ себя, такимъ образомъ, пюпитры. Около музыкантовъ, конечно, толпами собирался народъ и вмѣстѣ съ ними перекочевывалъ отъ дома къ дому, изъ улицы въ улицу... Воспитанникамъ старшаго класса не по вкусу пришла эта специальность „бродячаго оркестра“ и они пробовали протестовать противъ этого своеобраз-

наго путешествия по улицамъ, съ цѣлью увеселенія гражданъ, но простѣть ихъ ни къ чему не привель, и дѣти до сихъ порь продолжаютъ, въ свободное отъ занятій время, перекочевывать изъ дома въ домъ, со двора во дворъ, наподобіе того слона, котораго „водили на показъ“...

Интересно было бы знать, кому именно принадлежитъ честь этого оригинального и своеобразнаго изображенія?..

Въ Одессѣ, пишутъ „Од. Нов.“, вѣкто Крендель, желая наказать сына, швырнула въ него подсвѣчникомъ. Мальчикъ успѣлъ во-время нагнуться и подсвѣчникъ попалъ въ голову его малолѣтней сестрицѣ, которая впала въ безсознательное состояніе. Прибывшій врачъ констатировалъ переломъ лобной кости и сотрясеніе мозга.

„А вотъ и еще простая исторія, имѣвшая мѣсто тоже въ Одессѣ.

Дочь домовладѣльца Топуза, 15-ти лѣтняя Фея, дѣвушка начитанная, стремилась попасть на курсы. Стремленіе это встрѣтило суровый отпоръ со стороны родителей. Однажды она ушла изъ дома, а черезъ часъ родители узнали, что дочь ихъ найдена отравившейся въ подъѣздѣ одного дома. Топузъ отравилась нашатырнымъ спиртомъ.

Въ Таганрогѣ, на дачѣ, въ обрывѣ, былъ поднятъ безъ признаковъ жизни бывшій ученикъ одесского реального училища Сергѣй Воевудскій. Смерть юноши послѣдовала отъ отравленія ціанистымъ кали. Сергѣй Воевудскій, благодаря неудачному экзамену, принужденъ былъ оставить училище, что въ послѣднее время тяжело отразилось на его психическомъ состояніи; юноша уже пытался разъ покончить

съ собой, но неудачно. Отправившись на дачу, совмѣстно съ матерью и сестрой, Воевудскій ускользнулъ отъ надзора и успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Не особенно давно ужасное событіе взволновало и потрясло Елисаветградъ. На краю города, въ такъ называемой „Балкѣ“, находится пороховой по-гребъ 136-го пѣхотнаго таганрогскаго полка, охраняемый часовыми. Наканунѣ Троицы двѣ маленькия дѣвочки рвали возлѣ мѣсторасположенія погреба къ празднику траву... Незамѣтно они приблизились къ завѣтной чертѣ... Здѣсь произошло что-то дикое, леденящее кровь по своему безпримѣрному звѣрству! Часовой подбѣжалъ къ старшей изъ дѣвочекъ, 11-ти лѣтней Коноваленко, и пронзилъ ее штыкомъ; вторая дѣвочка спаслась бѣгствомъ. Покойная—дочь рабочаго. Горе родителей не поддается описанію. Часовой, армянинъ Акоповъ, былъ извѣстенъ за тупоумнаго, безграмотнаго и плохо владѣющаго русскою рѣчью солдата и все-таки онъ былъ допущенъ къ постовой службѣ. Часовой арестованъ; онъ совершенно спокоенъ и твердитъ, что исполнилъ свой долгъ.

Очень поучительна слѣдующая исторія:

Какъ передаютъ московскія газеты, на одномъ изъ приемовъ у московскаго градоначальника, общее вниманіе обратила на себя бѣдно одѣтая старушка съ двумя крошечными дѣтьми. Малютки, робко прижавшись къ бабушкѣ, тоскливо обводили присутствовавшихъ своими грустными глазками. Отецъ ихъ служилъ мастеромъ въ Портъ-Артурѣ, где у него былъ собственный домъ. Когда частные лица были удалены изъ крѣпости, то оттуда

уехала и семья Вѣтровыхъ, оставивъ тамъ все имущество. Въ Москвѣ самъ Вѣтровъ вскорѣ умеръ, и жена его, желая чѣмъ-нибудь помочь семье, отправилась на Дальний Востокъ и нашла тамъ мѣсто въ Харбинѣ. Сначала она высыпала старухѣ съ дѣтьми посильную помощь, но потомъ вдругъ прекратила свои посылки и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ старуха, такимъ образомъ, прожила совсѣмъ. Всѣ вещи были проданы и дѣти стали голодать. Сострадательная содержательница номеровъ предоставила въ ихъ распоряженіе безвозмездно маленькую комнатку. И вотъ несчастная старушка привела дѣтей къ градоначальнику, прося спасти ихъ отъ голодной смерти...

Градоначальникъ направилъ ихъ въ городское попечительство о бѣдныхъ...

Городское попечительство также не дало имъ ни копейки. По уставу нельзя помогать иногороднимъ Но оно посовѣтовало сиротамъ отправиться къ княгинѣ Щербатовой и къ генеральши Стессель.

У княгини Щербатовой и у генеральши Стессель голоднымъ малюткамъ сказали, что „вопросъ объ оказаніи имъ помощи“ можетъ выясниться въ іюль. Въ іюль только еще выяснится вопросъ объ оказаніи помощи! А отъ мая до іюля малютки безъ хлѣба могутъ умереть съ голоду...

Хочется думать, что имъ все же дали кусокъ хлѣба,—не княгиня Щербатова и не генеральша Стессель, конечно,—а тѣ бѣдняки, которые лично испытали, что такое голодъ, и знакомы съ его мученіями.

На уличныхъ дѣтей, оказывается, дѣйствуютъ заразительно „подвиги“ „черной сотни“, набрасывающейся съ драколемъ на интеллигенцію. Въ

„Одесск. Нов.“ читаемъ слѣдующее письмо въ редакцію нѣкоего Д. Фишера:

„М. г., г. редакторъ! Между Александровскимъ паркомъ и циклодромомъ находится площадь. Въ воскресенье 12 іюня въ 7 часовъ вечера я проходилъ по этой площади и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя замѣтилъ дѣлую ораву мальчишекъ (человѣкъ 30) въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ. Подростки раздѣлились на двѣ правильно выстроенные партіи, при чемъ все были вооружены палками и камнями. Предполагая, что идетъ игра въ „войну“, я спокойно подвигался впередъ. Вдругъ эта орава съ крикомъ: „бей жида!“ набрасывалась на меня со всѣхъ сторонъ и закидывала дождемъ камней. На меня посыпался градъ палочныхъ ударовъ. Защищаться одинъ я не могъ, ибо у меня въ рукахъ не было даже палки. Въ концѣ концовъ я долженъ былъ обратиться въ бѣгство, въ достаточной мѣрѣ избитый и окровавленный. Надѣюсь получить по этому поводу разъясненія“.

Спрашивается: гдѣ была полиція? Или, быть можетъ, это дѣйствительно была сознательно дѣйствующая, подученная „черная сотня“ подростковъ? Или они въ школѣ прониклись принципами человѣконенавистничества?

Заканчивая этимъ случаемъ рядъ фактовъ печального свойства, остановимся въ заключеніе на сообщеніи о симпатичномъ обществѣ попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ въ Москвѣ. Общество имѣть целью попеченіе о воспитаніи и образованіи дѣтей учащихъ начальныхъ народныхъ училищъ, при чемъ прежде другихъ преимущество отдается круглымъ сиротамъ, а затѣмъ и дѣтямъ,

дишившимся хормильца семьи. Дѣти, имѣющія родителей изъ наиболѣе нуждающихся учителей и учительницъ принимаются на попеченіе общества въ зависимости отъ средствъ послѣдняго, или же при условіи обезспеченія таковыхъ специальными пожертвованіями благотворителей. Въ видахъ увеличенія средствъ, общество можетъ принимать на попеченіе и не учительскихъ дѣтей, при условіи учрежденія для таковыхъ, на вѣчныя времена, кѣмъ-либо изъ благотворителей, установленной обществомъ стипендій, которая и поступаетъ въ полное распоряженіе общества по окончанію воспитанія первого стипендіата. Общество имѣетъ право: 1) устраивать и содержать въ Москвѣ пріюты для дѣтей отъ 2 до 8 лѣтъ; 2) принимать на себя попеченіе объ опредѣленіи дѣтей свыше 8 лѣтъ приходящими и живущими въ различныя учебныя и ремесленныя заведенія; 3) устраивать и содержать въ Москвѣ убѣжища-квартиры для дѣтей, которыя учатся приходящими въ учебныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ; 4) устраивать и содержать въ Москвѣ общеобразовательныя и ремесленныя школы; 5) устраивать и содержать для дѣтей дошкольного возраста, особенно же для слабыхъ и больныхъ дѣтей, временныя (въ лѣтніе мѣсяцы) и постоянныя, въ Москвѣ, санаторіи; и 6) выдавать нуждающимся родителямъ единовременные и постоянные (до окончанія воспитанія ребенка) денежныя или иныя пособія. Членами общества могутъ быть лица обоего пола, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій. Ежегодный взносъ на званіе дѣятельного члена опредѣленъ \min въ 3 рубля, единовременный \min въ 700 руб.

Члены-сотрудники платить ежегодно не менѣе 1 руб. Правление общества—въ Москвѣ (Б. Молчановка, д. № 24). Хотя общество существуетъ всего лишь третій годъ, но уже имѣть свой пріютъ въ Алупкѣ, на берегу моря, въ Крыму. Въ 1904 г. на пріютѣ было затрачено 1.158 р. 4 к.—на содержаніе 11 дѣтей и ихъ экипировку; въ томъ же году на содержаніе дѣтей въ пріюте израсходовано 260 р. 40 к., на обученіе дѣтей 541 р., выдано единовременное пособіе студенту К. въ 100 р., родителямъ—130 руб.

Общество обладаетъ неприкосновеннымъ капиталомъ въ 22,000 р. Всѣхъ членовъ въ обществѣ, дѣятельныхъ, почетныхъ и сотрудниковъ, въ 1904 году было 516, изъ нихъ 109 новыхъ. Въ числѣ членовъ былъ, между прочимъ, покойный А. П. Чеховъ. Переживаемое此刻 тяжелое время печально отразилось на денежныхъ ресурсахъ общества. На общемъ собраниіи членовъ 20 марта текущаго года предсѣдательница правленія, между прочимъ, сказала: „Всѣ какъ будто забыли, что существуютъ сироты мирныхъ гражданъ, которыя вопіютъ о помощи. Просьбы о помощи поступало въ общество больше, чѣмъ прежде, а удовлетворить ихъ было нечѣмъ: пожертвованій поступало немногого, и некоторые старые члены, ссылаясь на то, что они жертвуютъ на войну, не внесли своихъ членскихъ взносовъ, новыхъ членовъ вступило немногого. Для иллюстраціи положенія учащихъ беру выдержки изъ писемъ въ общество: учитель Стро—новъ пишетъ: „быть у меня товарищъ—учитель, у которого было 7 человѣкъ дѣтей. Одѣть дѣтей и везти ихъ въ учебное заве-

деніе, по окончаніи своей школы, было не на что. Онъ рѣшилъ самъ готовить дѣтей по гимназической программѣ. Послѣ обѣда до вечера занимается со своими дѣтьми; уложивши дѣтей спать, садится за переплетный станокъ, чтобы что-нибудь приработать, и работаетъ до 3—4 час. ночи; спитъ часа 3—5; днемъ занимается въ школѣ,—и такъ изо дня въ день. Къ сожалѣнію, человѣкъ не изъ желѣза... Его не надолго хватило... Вдова съ дѣтьми наняла развалившуюся избу за 30 коп. въ мѣсяцъ... Тутъ дифтеритъ,—этотъ благодѣтель страждущихъ дѣтей,—докончилъ оставшее; онъ скалился надъ сиротами и прекратилъ длительную голодную агонію”; вдова — учительница Кельцова пишетъ: „только теперь (въ декабрѣ), благодаря присланнѣмъ деньгамъ, я купила сыну теплую шинель на ватѣ, а то онъ до сихъ порь ходилъ въ лѣтней, купила нужные книги, внесла въ общежитіе за 3 мѣсяца, а главное—имѣю возможность покупать для моей больной дочери каждый день по бутылкѣ молока, а то приходилось отказывать ей въ этомъ, такъ какъ бутылка стоитъ 8 коп.“.

Бѣдныя дѣти бѣдныхъ тружениковъ на инвѣ народнаго просвѣщенія!.. Кажется, нѣтъ на человѣческомъ языке словъ, которыми можно было бы выразить всю бездну горя большинства нашихъ дѣтей, повинного лишь въ томъ, что явилось на свѣтѣ Божій...

B. Изамайловъ.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

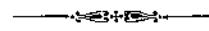
24. „Колумбово яйцо“. Физика въ опытахъ. П. Игнатіева. Стр. 198, рис. 138. Цѣна 1 р. Издание журнала „Всходы“.

Несмотря на то, что предлагаемый сборникъ опытовъ является не единственной книгой въ области физики, онъ, тѣмъ не менѣе, благодаря обширному, хорошо скомбинированному материалу, легкости и послѣдовательности изложенія заслуживаетъ полнаго вниманія читателей. Въ большинствѣ подобныхъ сборниковъ замѣчается недостаточность предварительныхъ замѣчаній, разныхъ мелкихъ, но необходимыхъ подробнѣстей, безъ которыхъ часто самый простой опытъ не удается,—поэтому авторъ вполнѣ умѣстно позаботился какъ можно точнѣе объяснить постановку опыта.

Весь материалъ распределенъ по главамъ, изъ которыхъ каждая посвящена отдельному физическому закону и содержитъ по нѣсколько относящихся сюда опытовъ. Такимъ образомъ, соблюдается строгая послѣдовательность, что даетъ возможность занимающемуся легко и точно уяснить себѣ каждый физический законъ. Къ тому же авторъ не довольствуется общими замѣчаніями въ началѣ каждой главы, но почти всегда даетъ еще объясненія и отдельныхъ опытовъ. Это дѣлаетъ книгу не только интересной, но и полезной. Всѣ необходимые приборы настолько просты, что изготовить ихъ можетъ каждый: большей частью приходится пользоваться тѣмъ, что всегда есть налицо въ домашнемъ обиходѣ.

Книга издана чисто, со многими рисунками, и по цѣнѣ, принимая въ расчетъ ея объемъ, весьма доступна.

K. Я.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Сентябрь — № 9.

1905.

Содержание № 9.

1. Религія дѣтей. <i>П. Каптерева</i>	289
2. Библиографія.	320

Религія дѣтей.

(Докладъ, прочитанный въ СПБ. Родительскомъ кружкѣ 30 апрѣля 1905 г.).

Въ давно прошедшія времена религія совмѣщала въ себѣ почти все человѣческое знаніе. Про философию нѣкогда говорили, что она есть знаніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ; съ гораздо большимъ правомъ то же самое можно сказать про религію, которая возникла и существовала гораздо раннѣе философи; религія дѣйствительно совмѣщала въ себѣ и собственно религію, и философию, и эстетику, и право съ законодательствомъ уголовнымъ и гражданскимъ и даже гигіену (припомнимъ, напримѣръ, законодательство Моисея). И по настоящее время для громадного большинства человѣчества религія служить чуть ли не единственнымъ источникомъ идеальности, утѣшения, воплощеніемъ всего мудраго и справедливаго. Поэтому изысканіямъ о происхожденіи и развитіи религіознаго сознанія, психологія должна отвести весьма видное мѣсто.

Для ознакомленія съ первоначальными формами религіознаго сознанія,

полезно наблюдать самыхъ грубыхъ дикарей, стоящихъ на низшей ступени развитія. Но гдѣ ихъ искать? Обыкновенно данное состояніе самого дикаго племени предполагаетъ позади себя длинную исторію, большое историческое прошлое. Притомъ очевидно, что подобныя изысканія возможны для ничтожнаго меньшинства людей, а произведенія наблюденія, вслѣдствіе трудности ихъ, часто отличаются очень большою субъективностью и взаимными противорѣчіями. Историко-психологическая и филологическая изслѣдованія первоначальныхъ формъ религіознаго сознанія весьма важны, но орудія для производства такихъ изысканій весьма трудны и мало доступны, а результаты, къ которымъ они приводятъ, все же оставляютъ желать весьма многаго, далеки отъ полноты и безспорной твердости. Между тѣмъ, у всѣхъ подъ рукой есть вполнѣ доступный способъ наблюденія надъ возникающей и развивающейся религіей—это дѣти, измѣненія ихъ религіознаго сознанія. Къ всестороннему использованію указаннаго средства и нужно прежде всего обратиться всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ простѣйшими формами религіознаго сознанія.

Обращаясь къ серіозному изученію религіи дѣтей, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ въ предѣлахъ и трудностяхъ предстоящаго изслѣдованія.

При изучении религии детей, нужно постоянно помнить, что их религиозное сознание не начинается с нуля, с самого начала, а иметь уже подготовленную почву в религии взрослых. Религия проникла во всю жизнь взрослых и пропитала ее: языкъ, мировоззрение и мышление, практика жизни, нравственность, законодательство, искусство и вообще эстетика — все носить в томъ или другомъ отношении больше или менѣе глубокую печать религии. Въ языкѣ мы имѣемъ слова Богъ, духъ, Творецъ, Иисусъ, Троица, таинство, грѣхъ, Спаситель, Богочеловѣкъ, воплощеніе и т. п. Все наше мышление проникнуто духомъ религиозного міросозерцанія: наши понятія о происхожденіи мира и человѣка, обь отношеніи Бога къ миру и человѣчеству, о судьбѣ мира носять печать религиозности, такъ какъ для обыкновенного мышленія подобныя идеи нераздѣльны съ идеей Бога. У насъ есть даже шутливыя мысли, суждения и поговорки, вошедшия въ ежедневный нашъ обиходъ и имѣющія религиозное происхожденіе. Таковы: это было еще до потопа, отъ сотворенія мира и до настоящаго времени, дѣло это будетъ тянуться до второго пришествія; бранные выраженія: золь какъ чертъ, сатана, анафема, Гуда, антихристъ и т. п. Нравственные требования мы часто основываемъ на религії, говоримъ, что Богъ требуетъ добродѣтели, что за дурные поступки Онъ наказываетъ, а за хорошие награждаетъ, что мы должны бояться прогнѣвить Бога своими нехорошими дѣйствіями. Въ практикѣ жизни всюду встрѣчаются слѣды и выраженія религиозности: храмы, богослуженія, процесіи, молитвы, духовенство и всяческая религиозная об-

рядность. Законы особенно строги къ преступленіямъ религиозного характера. Религиозные сюжеты часто служатъ содержаніемъ беллетристическихъ и нерѣдко специально для детей назначеннѣй произведеній, темами картинъ, оперъ, трагедій. Религія проникла всюду, просочилась во всѣ стороны жизни и творчества, ея слѣды встрѣчаются на каждомъ шагу. Каждый, кто говорить, очень часто поминаетъ либо Бога, либо черта, смотря по вкусу. Жить въ обществѣ и не проникаться религіей невозможно, дитя всасываетъ религію съ молокомъ матери. Дѣти не начинаютъ и не могутъ начать свое религиозное развитіе съ самого начала, съ нуля, они почерпаютъ основные элементы религії у взрослыхъ готовыми, религія дѣтей не есть результатъ ихъ творчества, ихъ самобытная дѣятельность, а заимствованіе у взрослыхъ и подражаніе имъ.

Можетъ-быть, некоторые скажутъ, что заимствованіе и подражаніе въ дѣлѣ религії являются у дѣтей только вѣнчаними дѣйствіями, что человѣку религиозное чувство врождено, у всѣхъ есть религиозный инстинктъ, а потому дѣти сами по себѣ, вѣнч всякихъ заимствованій и подражаній взрослымъ, могутъ составить религію. Неккерь де Соссюръ утверждаетъ, что душа наша, по своей природѣ, религиозна. Религія спитъ въ груди младенца, нужно только разбудить ее, вызвать на свѣтъ. Дитя охотнѣе взрослыхъ вѣрить тому, чего не видѣть, любить то, чего не понимаетъ. Языкъ его есть почти всегда языкъ молитвы; дѣтская любовь горячѣе нашей, потребность въ помощи, сознаніе слабости у дитяти сильнѣе. Словомъ, у дѣтей всѣ данные для

самостоятельного создания религии¹⁾. А одинъ отець церкви даже сказалъ, что человѣческая душа по природѣ своей христіанка.

Нѣтъ необходимости при объясненіи происхожденія религиознаго чувства дѣтей прибѣгать къ подобнымъ, не допускающимъ пропѣрки, предположеніямъ. Чтобы решить поставленный вопросъ, слѣдовало бы поступить такъ же, какъ поступилъ, по преданію, одинъ монгольскій князь: онъ хотѣлъ знать, каковъ врожденный, естественный языкъ человѣка. Съ цѣлью удовлетворенія своей любознательности, онъ отдѣлилъ отъ человѣческаго общества нѣсколькихъ новорожденныхъ младенцевъ и выростилъ ихъ въ всѣхъ сношеній съ людьми до шести-семи лѣтъ. Нѣчто подобное нужно бы сдѣлать и въ данномъ случаѣ, чтобы видѣть, будуть ли въ состояніи дѣти сами создать себѣ религию безъ помощи взрослыхъ и если будутъ, то какую. Но найти въ настоящее время такого монгольскаго князя, который могъ бы произвести указываемый опытъ, довольно трудно. Ограничиваюсь же возможными и доступными наблюденіями, мы должны признать, что дѣтская религія создается на почвѣ религіи взрослыхъ и развивается согласно общимъ условіямъ душевной эволюціи человѣка. Въ предположеніяхъ, что душа человѣческая по природѣ своей христіанка и т. п., нѣтъ никакой нужды.

Идея о Богѣ и вѣра въ Него для дѣтского ума вполнѣ естественны и нормальны, вполнѣ отвѣчаютъ общему дѣтскому міровоззрѣнію, правиламъ и

условіямъ дѣтскаго мышленія. Почва для создания и воспріятія идеи о Богѣ подготовляется антропомореизмомъ дѣтского ума, т. - е. необходимостью для дитяти до извѣстнаго возраста всѣ явленія понимать человѣкообразно. Антропомореизмъ не есть дѣтская выдумка, а есть совершенно неизбѣжная на извѣстной ступени развитія форма мышленія. На первыхъ порахъ мы не знаемъ ничего бездушнаго, мертваго, мы все понимаемъ по аналогіи самими собой, мы всюду видимъ нѣчто подобное людской жизни и человѣческой дѣятельности. Особенно гдѣ есть движеніе, тамъ, по убѣждѣнію дѣтей, есть непремѣнно и человѣко-подобная жизнь. Въ одномъ англійскомъ приютѣ дѣти на вопросъ, что находится въ комнатѣ живого, отвѣчали: „вода и огонь“. Г-жа Ломброзо разсказываетъ, что ея сынъ въ два съ половиной года признавалъ поѣздъ желѣзной дороги, называвшійся имъ „фи“, живымъ существомъ, которое бѣгаеть, есть, говорить, слушаетъ. Когда мальчикъ слышалъ проходящій поѣздъ около полудня, онъ говорилъ: „фи идетъ дѣлать хамъ“ (ѣсть); про вечерній поѣздъ онъ говорилъ: „фи идетъ дѣлать пана“ (спать); мальчикъ былъ убѣждѣнъ, что „фи“ радуется, когда онъ ему кричалъ: „фи, Тити былъ хорошій мальчикъ“, и что „фи“ огорчается, когда Тити хныкаетъ.— Пятилѣтня дѣвочка вдругъ останавливаетъ свой обручъ и говоритъ матери: „О, мама, мой обручъ навѣрно живой; онъ такой умный,— идетъ, куда я хочу“¹⁾.

Было бы бесполезно увеличивать

¹⁾ Постепенное воспитаніе. Пер. съ франц. М. 1865 г. Стр. 306.

¹⁾ П. Ломброзо, Жизнь ребенка. Перев. съ итальянскаго Жихаревой. СПБ. 1905 г. Стр. 65.

число подобныхъ фактовъ, смысль ихъ одинъ и тотъ же—дитя понимаетъ все антропомореически. Поэтому дитя такъ близокъ, дорогъ и интересенъ міръ сказокъ, басенъ, всевозможныхъ чудесъ и необыкновенныхъ приключений, въ которомъ все живеть, все любить и ненавидить, есть и пьеть, веселится и горюетъ. Расскажите дитяти о бабѣ-ягѣ, колдунѣ, милой феѣ, о добромъ рождественскомъ дѣдушкѣ, наполняющемъ дѣтскіе чулочки подарками,—дитя все это пойметъ и всему повѣритъ. Расскажите о Богѣ, обѣ ангелахъ, о злыхъ духахъ—дитя также все по-своему пойметъ и всему повѣритъ. Это входить въ кругъ его антропомореического мышленія и пониманія, это ему родное, близкое, понятное, ничего удивительного и невѣроятнаго въ вашемъ сообщеніи дитя не найдетъ. Каждый антропомореически настроенный умъ по самому существу склоненъ вѣрить во всевозможныхъ фей, волшебниковъ добрыхъ и злыхъ, въ ангеловъ и Бога, въ антропомореизмѣ корень суевѣрія и вѣры.

Но если дѣти вполнѣ охотно и съ сердечной искренностью отдаются внушенію о Богѣ, ангелахъ, демонахъ, то на нихъ не слѣдуетъ претендовать, что о всѣхъ сообщаемыхъ существахъ они будутъ думать по-своему, согласно состоянію своего ума и способу мышленія, т.-е. вполнѣ антропомореически и материально. Дѣти на первыхъ порахъ не могутъ представить себѣ Бога иначе, какъ въ видѣ могучаго и большого ростомъ человѣка, живущаго во всѣхъ отношеніяхъ по-человѣчески. Согласно наблюденіямъ Стэнли Голля, одинъ ребенокъ представлялъ себѣ Бога, какъ необыкновенно большого человѣка синяго цвѣта, другой—какъ

огромное существо, члены котораго покрываютъ все небо; третій ребенокъ считалъ Бога такимъ невѣроятно высокимъ, что Онъ можетъ стоять одной ногой на землѣ и въ то же время касаться облаковъ. При этомъ Онъ силенъ, какъ гигантъ. Богъ живеть на небѣ—на звѣздахъ, на лунѣ, въ облачахъ, въ прекрасномъ дворцѣ, окруженному большимъ паркомъ или садомъ. Вмѣстѣ съ Богомъ живутъ дѣти, птицы и св. Николай. Божескій дворецъ устроенъ подобно человѣческому дому, въ немъ могутъ быть сквозняки. Одна семилѣтняя дѣвочка, у которой недавно умеръ дѣдушка, молилась Богу: „Прощу Тебя, Боже, дѣдушка ушелъ къ Тебѣ. Прощу Тебя, смотри хорошенъко за нимъ. Прощу Тебя, всегда помни, чтобы дверь была закрыта, потому что онъ не можетъ переносить сквозняка“. Нечего удивляться также, если дѣти иногда спрашиваютъ, какъ одна четырехлѣтняя дѣвочка: „А есть ли у Бога жена?“ Исходя изъ такого представленія о Богѣ, американскія дѣти объясняютъ громъ стонами Бога или Его тяжелыми шагами по полу неба, или стукомъ Его молотка, или тѣмъ, что Онъ ссыпаетъ уголь. Молния приписывается тому, что Богъ быстро зажигаетъ газъ или множество спичекъ, а дождь Богъпускаетъ изъ колодца, крана или проpusкаетъ его сквозь сито или сквозь ковшъ съ дырочками. Подобнымъ же образомъ одна дѣвочка пяти съ половиною лѣтъ, чтобы объяснить сильный вѣтеръ, говорила, что сегодня, въ день своего рождения, Богъ получилъ въ подарокъ трубу и дуетъ въ нее ¹⁾.

¹⁾ Сѣлли. Очерки по психологіи дѣтства. Пер. съ англ. М. 1901 г. Стр. 120, 148.

Представляя Бога чисто по-человѣчески, материально, дѣти, естественно, совсѣмъ не могутъ понять иѣкоторыхъ его свойствъ, сообщаемыхъ имъ взрослыми. Нечего говорить, что дѣти ничего не понимаютъ въ словѣ „духъ“ или „духовность“. Слово они запомнить могутъ, могутъ его повторять, но не въ состояніи связать съ нимъ надлежащаго понятія. Точно также дѣти совсѣмъ не понимаютъ вѣчности Божіей. Нужно вообще замѣтить, что безко-
нечность божественныхъ свойствъ дѣтямъ мало доступна, такъ какъ ихъ творчество весьма ограничено, а они въ своемъ мышленіи держатся реальныхъ элементовъ. Представленіе о времени у дѣтей бываетъ весьма слабымъ, они не могутъ представить себѣ года, а въ первые годы жизни—мѣсяца, недѣли. Такимъ-то дѣтямъ говорить о вѣчности Бога, что Онъ всегда былъ, есть и будетъ. Дитя ничего въ этомъ не понимаетъ. Дитя 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, котораго наблюдалъ Егеръ¹⁾, однажды спросило у матери: „Что было раньше міра?“—„Богъ, Который сооздалъ міръ“, отвѣчали ему.—„А до Бога?“—„Ничего“.—„Нѣть, должно было существовать мѣсто, где находится Богъ“.—Точно также недоступно дѣтямъ вездѣсущіе Бога. Какъ бы великъ Богъ ни былъ, но все же Онъ живеть въ определенномъ мѣстѣ и не можетъ быть вездѣ, напримѣръ въ погребѣ, гдѣ лежитъ масса картофеля. Поэтому дѣти нерѣдко отвѣ чаютъ рѣшительнымъ отрицаніемъ на вопросы о вездѣсущіи Бога, а одинъ пятилѣтний мальчикъ американецъ,

услыхавъ, что Богъ находится вездѣ, въ частности въ комнѣ, и можетъ все видѣть даже при закрытыхъ ставняхъ, заявилъ: „Я знаю, это какой-нибудь фокусъ“¹⁾. Если же дѣтскій умъ мирится съ вездѣприсутствіемъ Бога, то опять съ помощью какого-либо дѣтскаго пріема, напр. Богъ представляется тогда такимъ маленькимъ, что можетъ легко пройти въ щель или замочную скважину и наблюдать, что дѣлается.

Другія свойства Божія болѣе соподобны съ характеромъ дѣтскаго мышленія и болѣе соответствуютъ состоянію представлений дѣтей, поэтому легче и охотнѣе усвояются дѣтьми. Такъ, дѣти понимаютъ, хотя и по-своему, дѣятельную, творческую сторону существа Бога и считаютъ Его великимъ работникомъ, постоянно занятымъ какими-либо дѣлами на пользу людямъ. Богъ сдѣлалъ землю, звѣзды, воду, деревья, Онъ находится въ непрерывномъ труде, Онъ творецъ, работникъ, кузнецъ, механикъ, Онъ не только создалъ міръ, но и теперь постоянно занимается его благоустройствомъ. Особенно на мальчиковъ дѣятельная сторона Бога производить сильное впечатлѣніе. По словамъ бостонскихъ дѣтей, Богъ производить всевозможныя вещи, начиная съ младенцевъ и кончая деньгами, а ангелы помогаютъ Ему. Но зато это Божіе свойство служить поводомъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Мальчикъ 3-хъ лѣтъ и 10-ти мѣсяцевъ разъ сильно поразилъ свою мать, спросивъ у нея при видѣ иѣсколькихъ рабочихъ, возвращавшихся съ работы: „Мама, это боги?“—„Боги?“ переспросила мать, „почему?“—

1) Egger. *Observations et r  flexions sur le d  veloppement de l'intelligence et du language chez les enfants*. Paris, 1879. p. 65.

1) Сѣлли, ibidem, 152.

„Потому что они дѣлаютъ дома и церкви, точь-въ-точъ, какъ Богъ дѣлаетъ солнце, людей и маленькихъ собачекъ“.— Другой ребенокъ, видя, какъ рабочій исправляетъ телеграфную проволоку, прикрепленную къ большому шесту на крыше высокаго дома, спросилъ, не Богъ ли это? ¹⁾.

Такъ какъ дѣти представляютъ Бога сообразно съ своими личными свойствами и даже иногда надѣляютъ Его послѣдними, то, какъ существуютъ лѣнивые дѣти, точно также есть и дѣтскія божества, которыхъ, подобно изиѣжденнымъ людямъ, по цѣлымъ днямъ сидятъ въ удобномъ креслѣ, и вся работа которыхъ въ лучшемъ случаѣ заключается въ томъ, что они ночью выставляютъ на небѣ луну и звѣзды.

Изъ другихъ божескихъ свойствъ дѣти хорошо понимаютъ могущество Бога, хотя и не могутъ усвоить себѣ понятіе о всемогуществѣ, обширныя знанія Бога, граничащія со всевѣдѣніемъ, такъ какъ и своихъ родителей дѣти представляютъ первоначально почти всевѣдущими, и, наконецъ, любовь Бога, вспоминая при этомъ о любви родителей; конечно, послѣднее свойство понимается весьма эгоистически въ томъ смыслѣ, что Богъ всегда готовъ дѣлать дѣтямъ прекрасные подарки, начиная съ яснаго дня и кончая игрушечнымъ ружьемъ, и вообще доставлять всякое удовольствіе. Одинъ мальчикъ, около четырехъ лѣтъ возрастомъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ создалъ „море, ямы, где живутъ раки, деревья, поля и цветы“, и очень жалѣлъ, что Богъ не пошелъ еще дальше и тѣхъ животныхъ, которыхъ мы ёдимъ, не сдѣлалъ вареными ²⁾.

1) Сѣлли, *ibidem*, стр. 149—150.

2) Сѣлли, *ibidem*, 153.

При изслѣдованіи дѣтской религіи, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя стороны. Нерѣдко высказывается въ науку о человѣкѣ мысль, что развитіе человѣка представляется сокращенное повтореніе цѣлаго рода живыхъ существъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Такъ, тѣлесное развитіе человѣка въ періодъ до рожденія повторяетъ самыя главныя ступени въ развитіи животнаго міра; духовное развитіе человѣка въ періодъ дѣтства и отрочества есть сокращенное воспроизведеніе исторіи человѣческаго рода. Нѣкоторые нѣмецкіе педагоги воспользовались этой послѣднею мыслью для построенія своеобразныхъ плановъ умственнаго воспитанія и школьнаго образования дѣтей. Намъ нѣтъ нужды входить въ критическую одѣйку указываемой мысли и ея педагогическихъ примѣненій, но при изслѣдованіи религіознаго сознанія дѣтей не мѣшаетъ задаться вопросомъ, не проходитъ ли она тѣ же фазы развитія, какъ и религіозное сознаніе всего человѣчества. Нѣкоторые подтвержденія этой мысли имѣются.

Не представляютъ ли иногда дѣти Бога злымъ и жестокимъ существомъ? Несомнѣнно, такія представленія встрѣчаются. Гёте, въ своемъ сочиненіи „Изъ моей жизни. Правда и поэзія“ ¹⁾, разсказываетъ о своемъ дѣствѣ, что оно было потрясено ужаснымъ міровымъ событиемъ — лиссабонскимъ землетрясеніемъ 1 ноября 1755 года. Гёте шелъ въ то время седьмой годъ. Страшное бѣдствіе поразило всѣхъ, долго весь міръ занимался толками объ этомъ событии. Страхъ, внушенный чужимъ

1) Собрание сочиненій Гёте въ переводе русскихъ писателей подъ редакціей Вейнберга. Т. VIII. Книга первая.

несчастьемъ, заставляя всякаго задуматься о безопасности себя самого и своихъ близкихъ, и это чувство усиливалось все болѣе по мѣрѣ того, какъ приходили быстро распространявшияся по всему миру подробныя свѣдѣнія о разразившейся катастрофѣ. Можетъ быть, никогда до тѣхъ поръ демонъ ужаса не охватывалъ всю землю такъ быстро и такъ могущественно. Ребенокъ, которому пришлось выслушать столько рассказовъ объ этомъ предметѣ, былъ, конечно, сильно пораженъ: Богъ, творецъ и хранитель неба и земли, изображавшійся такимъ мудрымъ и милостивымъ въ первоначальныхъ ученіяхъ вѣры, поступилъ въ этомъ случаѣ вовсе не по-отечески, поразивъ одинаково гибельно и добрыхъ и злыхъ. Напрасно пыталось молодое воображеніе бороться съ этой мыслью, и это ему было тѣмъ труднѣе, что даже мудрецы и книжники не могли сойтись въ объясненіяхъ, какъ слѣдовало смотрѣть на это событие.

„Слѣдующимъ лѣтомъ, продолжаетъ Гѣте, новый случай поставилъ мои мысли вновь лицомъ къ лицу съ этимъ гнѣвнымъ Богомъ, о которомъ такъ много говорить Ветхій Завѣтъ. Внезапно налетѣвшая буря съ градомъ произвела страшныя опустошенія въ нашемъ новомъ, только что отстроенному, домѣ. Дѣтямъ катастрофа эта показалась тѣмъ страшнѣе, что во время грозы вся домашнія виѣ себѣ кое-какъ укрылись въ темномъ коридорѣ, стараясь смягчить разгнѣваннаго Бога громкимъ плачемъ и молитвами.“

Подобные случаи не рѣдкость и въ нѣжную, впечатлительную душу дитяти они неизбѣжно зароняютъ сѣмена сомнѣнія въ благости Божіей, Богъ естественно представляется, хотя бы на

время, злымъ и жестокимъ существомъ. Между тѣмъ, есть масса заброшенныхъ, безпризорныхъ, несчастныхъ дѣтей, жизнь которыхъ одно сплошное страданіе, страданіе совершено несправедливое, такъ какъ страдаютъ вполнѣ невинныхъ существа. Какъ они, вѣчно голодныя и холодныя, не имѣющія обеспеченнаго куска хлѣба и угла, думаютъ, если только думаютъ, о Богѣ, допускающемъ такія страданія? Едва ли Онъ можетъ представляться имъ съ свойствомъ благости, милосердія, любви и даже простой справедливости. Правда, и такимъ дѣтямъ благочестивые люди стремятся внушать христіанскія религіозныя начала, но и изъ этого не рѣдко выходитъ только то, что такія дѣти религию и церковь превращаютъ въ промыселъ для получения денегъ. Въ Италии въ каждомъ приходѣ есть множество часовенъ, религіозныхъ учрежденій, школъ, въ которыхъ преподается законъ Божій и въ которыхъ каждый посѣтитель получаетъ талонъ, и, смотря по большему или меньшему количеству этихъ талоновъ, представляемыхъ дѣтьми въ концѣ сезона, они получаютъ платье, пару сапогъ, денежное пособіе и т. п. Одинъ мальчикъ разсказывалъ г-жѣ Ломброзо, что въ одно воскресеніе онъ былъ на двухъ обѣдняхъ, въ пять и девять часовъ утра, на одномъ катехизисѣ, одномъ благословеніи и двухъ проповѣдяхъ. Каждая изъ этихъ службъ представляла маленькое вознагражденіе деньгами или натурой: приходъ св. Ании даетъ, напримѣръ, каждому изъ маленькихъ богомольцевъ пару сапогъ при первомъ причастії; часовня дона Баско даетъ, смотря по частотѣ посѣщеній, платье или шапку; англійская община, где объясняютъ катехизисъ, раздаетъ ре-

комендаций и квитанций на благотворительные конгрегации и пр.¹⁾.

Точно также интересно наблюсти, не встречается ли въ религиозныхъ представленихъ дѣтей слѣдовъ многообожія. Дѣло въ томъ, что твердая идея о единомъ Богѣ предполагаетъ пониманіе цѣльности вселенной и неизмѣнности законовъ, въ ней дѣйствующихъ. Въ историческомъ развитіи религиознаго сознанія въ человѣчествѣ, именно въ возникновеніи и укрѣплении идеи о единомъ Богѣ, мысль о цѣльности вселенной и неизмѣнности ея законовъ имѣла весьма большое значеніе. Ничего подобного указываемой мысли у дѣтей нѣть, а потому и ихъ вѣра въ единаго Бога едва ли можетъ быть твердой и серіозной. Внѣшняя же природа ихъ чувствамъ и уму является столь разнообразной, измѣнчивой, такъ наполненной борьбой и столкновеніями, что мысль о многихъ богахъ очень близка сердцу и уму дѣтей, допущеніе многихъ боговъ вполнѣ сообразно съ характеромъ дѣтскаго мышленія и способомъ ихъ представлений Божества. Недаромъ одинъ мальчикъ, при видѣ рабочихъ, спросилъ: „не боги ли это?“ Новозеландскій вождь говорилъ одному европейцу: „неужели у европейцевъ существуетъ только Одинъ, Который производить всѣ вещи? Но вѣдь существуетъ же одинъ, который есть плотникъ, и другой—кузнецъ, и третій, который есть корабельщикъ. И такъ было съ самаго начала. Одинъ породилъ это, другой—то. Таке породилъ деревья, Ру—горы, Тангороа—рыбъ, и т. д.“²⁾. Подобнымъ же образомъ

разсуждаютъ и дѣти. Притомъ дѣтямъ говорятъ о троичности лицъ Божества, о Богочеловѣкѣ, о Божьей Матери, а все это можетъ путать дѣтскую религиозную мысль. По крайней мѣрѣ, одинъ взрослый сообщалъ, что въ дѣтствѣ онъ очень сильно смущался ученіемъ о троичности лицъ Божества. Такъ какъ онъ былъ у своихъ родителей единственнымъ ребенкомъ, то для истолкованія себѣ этого ученія онъ приравнивалъ его къ представлению о своей семье, причемъ отецъ изображалъ Бога Отца, самъ мальчикъ былъ Богъ Сынъ, а роль Духа Св. выпала на долю матери¹⁾.

Наконецъ, интересно наблюсти, не переживаетъ ли дитя въ развитіи своего религиознаго сознанія такихъ состояній, которая до известной степени можно бы уподобить низшимъ формамъ религиознаго сознанія человѣчества, какъ-то обоготворенію неба, солнца, луны, звѣздъ, животныхъ, растеній? Не переживаетъ ли дитя чего-либо подобного фетишизму? Ихъ отношеніе къ иконамъ не есть ли своеобразный фетишизмъ? Ихъ поклоны и молитвы не суть ли механическія средства для склоненія Божества на милость, съ необходимостью воздѣйствующія на послѣднаго? При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что антропомореизмъ, составляющій неизбѣжную форму мышленія, имѣть несколько степеней, дающихъ возможность возникновенію и фетишизма и другихъ низшихъ формъ религиознаго сознанія у дѣтей. Самая низшая форма антропомореизма есть анимизмъ, признающій все живымъ, безъ ближайшихъ опредѣленій свойствъ этого живого. Эта форма мышленія свойственна фетишистамъ и у дѣтей

¹⁾ П. Ломброзо. Жизнь ребенка. Стр. 171—2.

²⁾ Геффингъ. Философія религіи. Пер. съ немецк. Спб. Стр. 140.

¹⁾ Сѣпли. Очерки по психологіи дѣтства. Стр. 154.

выражается признанием живыми огня, воды, ветра и т. п. За анимизмом слѣдует собственно антропомореизмъ, когда существующими предметами приписываются свойства человѣка и они до некоторой степени персонифицируются. Процессъ заканчивается индивидуализацией одушевленного, что со-впадаетъ съ высшимъ развитиемъ миѳологического творчества. Всѣ эти ступени антропомореизма дитя переживаетъ и слѣдовательно у него есть полная психологическая возможность появления всѣхъ низшихъ формъ религіознаго сознанія человѣчества.

Религія есть не только представление о Божествѣ, но и способъ чувствованія и дѣйствованія, сообразный съ представлениемъ о Богѣ, и выраженіе вовѣй религіознаго настроенія, т.-е. культа. Поэтому весьма важно наблюсти, какія чувствованія пробуждаются въ дѣтяхъ ихъ религіозными представлениями? Эти чувствованія могутъ быть двухъ различныхъ порядковъ: непосредственно вызываемыя представлениемъ о Божествѣ, касающіяся Бога и отраженные чувствованія къ людямъ. Къ первому ряду чувствованій принадлежать страхъ предъ Божествомъ, чувствованіе личной слабости и даже безсилія, самоуничиженіе, эгоистическая надежда на божественную помощь, чувство благодарности, благоговѣнія, покорности, любви, грѣховности. По своему качеству перечисленные чувствованія весьма различны: начинаясь грубо эгоистическими, они постоянно переходятъ въ возвышенные религіозные настроения. Отраженные чувствованія—это исполненіе великій Божіихъ по отношению къ людямъ: ненависть къ иностраннымъ и любовь къ единовѣрцамъ, если Богъ этого требуетъ, милосердіе

къ бѣдствующимъ, помощь въ несчастіяхъ, прощеніе личныхъ обидъ и т. п. Чувствованія эти по своему качеству также бываютъ весьма различны, въ зависимости отъ различія теоретическихъ религіозныхъ вѣрованій. Къ единовѣрцамъ эти чувствованія во всякомъ случаѣ бываютъ благожелательными.

Нужно выяснить, какими же чувствованіями волнуется дитя подъ влияниемъ религіозныхъ представлений, какихъ въ немъ больше, а какихъ, можетъ-быть, и совсѣмъ нѣтъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначальная религія была чужда нравственности, въ ней не было нравственныхъ элементовъ и она состояла просто въ отношеніи человѣка къ Богу. Древній, первобытный богъ требовалъ себѣ жертвъ, моленій, послушанія, строгаго выполненія религіозныхъ обрядовъ, но не требовалъ нравственности, т.-е. правильныхъ благожелательныхъ отношеній къ людямъ. До этого ему никакого дѣла не было. Поэтому не только въ древнія времена, но и въ настоящее время встречается не мало людей, которые превосходно сочетаютъ самую мелочную и строгую обрядово-церковную набожность съ человѣконенавистничествомъ вообще, а въ особенности къ инонѣманникамъ и иностраннымъ. Нравственность присоединяется къ религіи не съ самого начала религіознаго процесса, а въ дальнѣйшемъ его теченіи. Переходъ отъ религіи, чуждой нравственности, къ этической составляеть, по справедливому замѣчанію Гефдинга, „наиболѣе значительный переворотъ въ истории религіи.“ Его значеніе гораздо крупнѣе, чѣмъ значеніе перехода отъ политеизма къ монотеизму, которому

часто придаютъ чрезмѣрно большую важность.¹⁾.

Интересно наблюсти, какъ это дѣло стоитъ у дѣтей. Чѣмъ опредѣляется поведеніе дѣтей: внушеніями и примѣромъ родителей, или представлениѳми о Божествѣ и Его предполагаемыми повелѣніями, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Дѣтская нравственность начинается полною независимостью отъ религіозныхъ представлений и первоначально есть не что иное, какъ выполненіе указаний родителей. Дѣти, какъ известно, отличаются первоначально большою эгоистичностью, они на весь міръ, на своихъ родителей и даже на Бога смотрятъ, какъ на источники своихъ удовольствій; до блага и положенія другихъ имъ дѣла бываетъ мало. Этотъ естественный, не рефлексивный, такъ сказать, донравственный дѣтскій эгоизмъ удерживается и въ дальнѣйшіе годы, причемъ его господство или ограниченіе будетъ весьма много зависѣть отъ жизненной обстановки ребенка, вліянія родителей и окружающихъ взрослыхъ и сравнительно очень мало отъ религіозныхъ представлений. Особенно эта черта сказывается въ дѣтяхъ недостаточныхъ классовъ, для которыхъ сносныя материальныя условія составляютъ предметъ мечтаній. „Я спрашивала, разсказываетъ г-жа Ломброзо,—у пятидесяти самыхъ маленькихъ дѣтей, такихъ, которые еще не прониклись наставленіями изъ книгъ, или моралью школьнаго учителя, о предметѣ и причинѣ ихъ привязанностей. „Кого ты любишь больше всѣхъ?—„Маму и папу.“—„А почему?—„Потому что они зарабатываютъ деньги, чтобы кормить меня“, или же

„потому что работаютъ и покупаютъ мнѣ кушать“, или „люблю маму, потому что готовить мнѣ кушать“, „потому что умѣть готовить поленту, и потому что ходить покупать мнѣ кушать“.—„А потомъ кого еще любишь?—„Джіованно“ (брата).—„Почему?—„Потому что всегда даритъ мнѣ сладкій пирогъ по воскресеньямъ.“—„Что вамъ больше всего нравится? Когда вы испытываете самое большое удовольствіе?“ Отвѣты были слѣдующіе: „на масленицѣ, когда я ёль блины“, „на свадьбѣ сестры, потому что тогда былъ большой обѣдъ“, „когда я иду къ кормилицыному мужу, потому что тамъ есть виноградъ“, „на Пасхѣ, когда мнѣ подарили шоколадное яйцо“¹⁾). Понятны идеалы, чувствованія и стремленія подобныхъ дѣтей, въ нихъ нѣтъ ни ма-лѣйшихъ религіозныхъ элементовъ.

Что касается виѣшнихъ, культовыхъ обнаружений религіознаго настроения, какъ-то молитвъ, поклоновъ и т. п., то они заимствуются обыкновенно у взрослыхъ главнымъ образомъ путемъ подражанія и обученія; но интересно наблюсти, не вносить ли дитя чего-либо своего въ свои моленія, не сочи-няеть ли оно какихъ-либо своихъ молитвъ и обращеній къ Богу и ангеламъ, не выдумываетъ ли оно какого-либо своего богослуженія, своихъ обрядовъ, своего культа. Это не только съ дѣтьми можетъ быть, но и бываетъ въ дѣйствительности. При наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій, дѣти обнаруживаютъ болѣе или менѣе значительное творчество въ религіозной сфере.

Гѣте разсказываетъ о себѣ, что ему приходилось въ дѣствѣ слушать мно-

1) Геффингъ. Философія религії. Стр. 320.

1) Ломброзо. Жизнь ребенка. Стр. 161—2.

го споровъ на темы о религії. Эти споры производили сильное впечатлѣніе на живого мальчика и побуждали самому попробовать пуститься въ подобныя же разсужденія. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился войти въ болѣе близкія отношенія съ Богомъ, воздвигнуть Ему, по примѣру Ветхаго Завѣта, алтарь и принести жертву. Страхъ предъ грознымъ Богомъ, нѣкогда испытанный мальчикомъ, былъ забытъ при видѣ красоты природы, созданной Творцомъ, и того добра, которое люди отъ нея получали. Теперь Гёте представлялъ Бога находящимся въ непосредственномъ сношениі съ природой, любящимъ ее, какъ Свое произведение; такой Богъ долженъ столько же заботиться о человѣкѣ и прочемъ существующемъ, сколько Онъ заботится о движеніи звѣздъ, о перемѣнахъ дня и года, о растеніяхъ и животныхъ. При жертвоприношеніи весь миръ символически изображался произведеніями природы, а надъ ними слѣдовало зажечь огонь, какъ изображеніе человѣческаго духа, возносящагося къ Творцу. Алтаремъ послужилъ очень красивый, сдѣланный изъ краснаго дерева, съ золотыми украшеніями, шутиль для ногъ, произведенія природы были представлены добытыми нѣсколькими экземплярами изъ различныхъ собраній натуральныхъ произведеній, а человѣческий духъ, возносящийся къ Творцу, изображался курительными свѣчками съ пріятнымъ запахомъ. Все было уставлено очень красиво и эффектно, и въ назначенный день, при восходѣ солнца, когда всѣ еще спали, курительные свѣчки были зажжены при помощи зажигательного стекла и такимъ образомъ жертва была принесена.

Богъ, которому принесъ жертву семилѣтній Гёте, не былъ христіанскимъ Богомъ, никакихъ христіанскихъ чертъ въ немъ не видно. Это былъ языческій богъ, холодный, равнодушный, съ одинаковымъ олимпійскимъ величиемъ взирающій на людей и на все существующее, заботившійся о человѣкѣ столько же, сколько и о растеніяхъ и о движеніи звѣздъ. Это былъ богъ въ значительной степени отвлеченный, потому что видимаго изображенія его Гёте не могъ представить, богъ разсудочный, творецъ красивой природы, котораго поэтому и почтить можно было лишь эстетически, расположивъ всѣ вещи въ красивомъ порядкѣ и совершивъ жертвоприношеніе при эффектной, со вкусомъ скомбинированной обстановкѣ, при восходѣ солнца, при пріятномъ ароматѣ курительныхъ свѣчекъ на изящномъ люпитрѣ. Очевидно, дитя, приносившее жертву такому Богу и при такихъ условіяхъ, было очень умное дитя, съ тонкими эстетическими чувствомъ по отношенію къ красотамъ природы; но не видно, чтобы другія чувствованія, обыкновенно соединяющіяся съ религіознымъ, были возбуждены въ этомъ дитяти. Можетъ-быть, причина такой скудости религіозныхъ волненій заключалась въ характерѣ религіознаго обученія. Гёте сообщаетъ, что преподававшія ему богословскія протестантскія воззрѣнія не заключали въ себѣ ничего, кроме сухой морали. Объ искусномъ и увлекательномъ изложеніи предмета не было и рѣчи, и „вообще все ученіе ровно ничего не говорило ни уму, ни сердцу“ ¹⁾.

Поэтому и жертвоприношеніе было эстетично, но суховато и холодно. Это

¹⁾) „Изъ моей жизни“. Книга первая.

была игра въ религію умнаго дитяти, безъ сильнаго сердечнаго увлечения.

Совершенно другой характеръ носить религіозное творчество маленькой Жоржъ Зандъ.

Аврора Дюпенъ еще въ дѣтствѣ отличалась необыкновенной силой фантазерства, мечтательности, творчества. „Привычка къ мечтательности, говорить она о себѣ,—усвоена мною почти съ колыбели, и я сама не могу дать себѣ въ ней отчета“. При этомъ еще Аврора владѣлаъ большою возбудимостью чувства, сердечною впечатлительностью. Потребность творчества составляла существенную потребность душевнаго склада Авроры, безъ фантастическихъ построений она жить не могла. По двѣнадцатому году она по-всюду носила въ головѣ одинъ романъ, за который сейчасъ же и принималась, какъ только у нея была свободная минута—на прогулкѣ, въ саду, въ полѣ, предъ тѣмъ какъ заснуть и по пробужденію. Она постоянно собирала материала для этого романа и прибавляла къ нему главу за главой. Эта романъ, игравшій весьма важную роль въ духовной жизни Авроры, назывался „Корамбе“.

Будучи 11 лѣтъ, Аврора прочитала „Иліаду“ и „Освобожденный Іерусалимъ“. Обѣ книги произвели на нее чрезвычайно сильное впечатлѣніе и показались слишкомъ короткими. Она решительно не знала, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Религіозная поэзія прочитанныхъ книгъ овладѣла ея душою, религія и романъ совмѣстились въ ея умѣ. Хорошо усвоивъ фабулу прочитанныхъ книгъ, она попыталась отчасти продолжить приключенія изображенныхъ героевъ и героянъ, отчасти измѣнить. Потребность

въ такомъ религіозно - поэтическомъ идеалѣ и творчествѣ и выразилась въ „Корамбѣ“.

Въ это время Аврора жила и воспитывалась у своей бабушки въ ея имѣніи Ноганъ, а бабушка была рационалистка, имѣла трезвый, разсудочный взглядъ на міръ и скептически относилась къ религіознымъ вѣрованіямъ. Подъ влияніемъ бабушки Аврора не верила чудесамъ, не верила въ божественность Иисуса и вообще въ религію. Между тѣмъ, соответствующая духовная потребность у дѣвочки была, сердце ея уже успѣло настрадаться, а по своей натурѣ она была чувствительна и поэтична, любила всякия чудесныя фантазіи. Поэтическо-фантастическое настроеніе дѣвочки, нѣжные запросы ея сердца на любовь и покровительство, на защиту и опору въ горѣ не могли найти удовлетворенія въ сухомъ, холодномъ и скептическомъ міровоззрѣніи бабушки. Аврора говорила себѣ: „Пусть всякая религія есть выдумка, но мы сочинимъ романъ, который будетъ религіей, или религію, которая будетъ романомъ. Я не вѣрю въ свои романы, но они даютъ мнѣ столько счастья, что какъ будто бы я въ нихъ и вѣрю. Впрочемъ, если и случится мнѣ время отъ времени въ нихъ поверить, то никто обѣ этомъ не узнаетъ, никто не будетъ противорѣчить моей иллюзіи, доказывая мнѣ, что я грѣжу“.

Внучкѣ нуженъ былъ Богъ, которому она могла бы поклоняться, къ которому она могла бы прибѣгать въ нуждѣ и горѣ; Богъ кроткій, милосердный, идеальный, Богъ примиритель и утѣшитель, Божественный другъ нашего несчастнаго человѣческаго рода, посредникъ, Богочеловѣкъ. Ни Іегова,

ни Юпитеръ ей не нравились, это боги слишкомъ высокіе и холодные. И воть она и создала себѣ желательнаго Бога—Корамбе. „Онъ былъ чистъ и милосердъ, какъ Иисусъ, лучезаренъ и прекрасенъ, какъ Гавриилъ, но у него не было граціи нимфъ и поэзіи Орфея. Онъ имѣлъ менѣе строгія формы, чѣмъ христіанскій Богъ, и болѣе духовное чувство, чѣмъ боги Гомера“. Корамбе часто представлялся Аврорѣ въ видѣ женщины, вообще пола не имѣлъ и являлся въ различныхъ формахъ. „Нѣкоторыхъ языческихъ богинь я любила: мудрую Палладу, цѣломудренную Діану, Ирисъ, Гебу, Флору, Музъ, Нимфъ. Это были очаровательныя существа, которыхъ я не хотѣла лишиться вслѣдствіе христіанства. Нужно было, чтобы Корамбе владѣлъ сполна тѣлесной и нравственной красотой, даромъ краснорѣчія, всемогущей прелестью искусствъ, особенно же талантомъ музыкальной импровизаціи. Я хотѣла любить его, какъ друга, какъ сестру, и въ то же время почитать его, какъ бога. Я не хотѣла бояться его и для этого желала, чтобы онъ имѣлъ нѣкоторые изъ нашихъ недостатковъ и слабостей“.

Корамбе дѣйствительно имѣлъ недостатокъ—излишнюю доброту и снисходительность и его существованіе представлялось Аврорѣ длиннымъ рядомъ испытаний, страданій, мученичества. Она называла книгой или пѣсней каждую фазу его воплощенія, такъ какъ онъ становился каждый разъ мужчиной или женщиной, касаясь земли, и иногда высшее всемогущее божество, назначившее его правителемъ нашей планеты, удлиняло срокъ его изгнанія среди настъ, въ наказаніе за его чрезмѣрныя любовь и милосердіе

къ людямъ. Въ каждой изъ этихъ пѣсень (а ихъ было въ поэмѣ о Корамбѣ, по крайней мѣрѣ, тысяча, хотя и не было написано ни одной строчки) пѣлый міръ новыхъ личностей группировался около Корамбѣ. Всѣ онѣ были добрыя, злыхъ не было. Корамбѣ всѣхъ утѣшалъ, все восстановлялъ. Онъ являлся Аврорѣ среди плѣнительныхъ красотъ природы, окруженній грустными и нѣжными существами. Сначала Аврора отдавала отчетъ въ своесть творчествъ, но, спустя нѣкоторое время, не она уже владѣла предметомъ, а онъ ею: „моя мечта становилась какъ бы пріятной галлюцинацией, столь чистой и иногда столь полной, что я была какъ бы восхищена изъ дѣйствительнаго міра“.

Въ честь Корамбѣ Аврора воздвигла жертвенникъ и устроила нѣчто въ родѣ культа. Она отыскала въ паркѣ Ногана укромное мѣстечко, никѣмъ не посвящаемое, окруженнное чащею толстыхъ деревъ и густыхъ кустарниковъ, и тамъ соорудила родѣ жертвенника, украсила его гирляндами и букетами цветовъ и приносila на немъ Корамбѣ жертвы. Убивать животныхъ въ честь его Аврора считала недостойнымъ, въ честь милосерднаго существа она полагала приличнымъ давать жизнь и свободу. Она ловила птичекъ, маленькихъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ, запирала ихъ въ ящики, который ставила на жертвенникъ, а потомъ открывала ящики и выпускала плѣнниковъ на волю въ честь бога любви и свободы—Корамбѣ¹⁾.

¹⁾ George Sand, *Histoire de ma vie*. Четыре тома. Paris, 1893. Дѣтство и юность писательницы изображены преимущественно во II и III томахъ; въ частности о Корамбѣ см. I гл. III тома (собственно эта глава составляетъ VIII гл. *Troisième partie. De l'enfance à la jeunesse. 1810—1819 гг.*)

Богъ Жоржъ Зандъ существенно отличенъ отъ бога Гёте. Послѣдній отвлечеんъ, холоденъ, сухъ, олимпійски спокоенъ; первый преисполненъ чувства, любви, милосердія, самъ прекрасенъ и иѣженъ, какъ женщина, какъ мать. Въ Корамбѣ бѣется живое сердце, въ немъ міровая скорбь и міровая любовь. Его натура сложная, тонкая и чувствительная, полуязыческая, полухристіанская. Въ Корамбѣ Аврора воплотила всю сущность, всѣ стремленія своего духа, возраста и пола. Религіозно-поэтическое построеніе маленькой Жоржъ Зандъ несравненно выше и сложнѣе построенія маленькаго Гёте, въ него Аврора вложила больше своей души, больше своихъ чувствъ и думъ, чѣмъ Гёте въ своего бога. Корамбѣ несравненно ближебыль сердцу и уму Жоржъ Зандъ, чѣмъ богъ Гёте его сердцу и уму. Религіозное творчество въ исторіи дѣтства Гёте небольшой эпизодъ, а въ исторіи дѣтства Жоржъ Зандъ—весьма важная черта.

Мы привели эти два примѣра религіозного творчества для выясненія, какъ лично усвоется, понимается и чувствуется религія, какіе субъективные оттѣнки въ этомъ процессѣ бываютъ, въ какой различной степени религіозное чувство захватываетъ жизнь дѣтей. Не нужно предполагать, что религіозное творчество встрѣчается въ жизни только такихъ высоко одаренныхъ дѣтей, какъ маленькой Гёте или маленькая Жоржъ Зандъ, оно въ большей или меньшей степени встрѣчается, вѣроятно, въ каждой дѣтской душѣ, у каждого мальчика и дѣвочки, только мы этого не замѣчаемъ или не придаемъ значенія. Если наблюдать дѣтей, между прочимъ, и съ этой точки зрѣнія, то можно быть увѣреннымъ, что

дѣтское творчество откроется тамъ, где его прежде совсѣмъ не предполагали.

П. Каптеревъ.

Вопросникъ по религіи дѣтей¹⁾.

1. Съ какого возраста началясь сообщенія дѣтямъ религіознаго содержанія, въ чемъ они состояли и въ какой формѣ происходили (біблейскіе разсказы, пересказъ молитвъ, бесѣды о Богѣ и т. п.).

2. Начало этихъ сообщеній было вызвано какими-либо запросами дитяти, обнаружившимися потребностями его духа, или обусловливалаась единственно желаніемъ родителей исполнить свою обязанность по отношенію къ религіозному воспитанію дитяти?

3. Показывались ли дѣтямъ какія-либо картины религіознаго содержанія, какія именно и не замѣчено ли, что дитя строитъ свои представленія о Богѣ, ангелахъ, сотвореніи міра и пр. по показаннымъ картинамъ?

4. Если были заведены ежедневныя домашнія молитвы, то произносились ли установленныя церковью молитвы, или сочиненные родителями, или придуманные самими дѣтьми? Примѣры молитвъ, придуманныхъ дѣтьми.

5. Водили ли дитя въ церковь и съ какого возраста? Какъ дитя относилось

¹⁾ Подъ дѣтствомъ разумѣется возрастъ отъ рожденія до наступленія физической зрѣлости, т.-е. до 13—14 лѣтъ, собственно дѣтство и отрочество. При отвѣтахъ весьма желательны хотя бы приблизительныя отмѣтки возраста (собственно года и, по возможности, мѣсяца), о которомъ идетъ рѣчь.

Очень было бы желательно получить на эти вопросы, на все или хотя бы на часть ихъ,— отвѣты. Посыпать ихъ просимъ на имя автора: Петру Федоровичу Каптереву. Спб. Лѣсной, Большая Спасская, д. 64.

ВОПРОСНИКЪ ПО РЕЛИГИИ ДѢТЕЙ.

къ церковной обстановкѣ и къ церковнымъ службамъ (впечатлѣніе эстетическое, религіозное, отношеніе къ иконамъ и священнослужителямъ и т. п.)?

6. Какъ вообще дитя относилось къ теоретическимъ религіознымъ сообщеніямъ и къ религіозной практикѣ—охотно усвояло сообщенія и выполняло культовые требования (молитвы, поклоны) или не охотно, какъ понимало сообщаемое, замѣчался ли запросъ, духовная потребность въ религіозномъ назиданіи, возникало ли въ дитяти, подъ вліяніемъ религіозного обучения, религіозное настроеніе или дитя оставалось равнодушнымъ и все религіозное обученіе было навязаннымъ ему?

7. Дѣтская религіозность отражалась ли на дѣтскихъ играхъ, т.-е. были ли у дѣтей религіозныя игры, или, по крайней мѣрѣ, игры съ религіознымъ элементомъ и въ чёмъ онъ состояли? Не играло ли дитя прямо въ церковь и церковная служба?

8. Больше христіанскіе праздники—Пасха, Рождество, Троица—прельщали дѣтей только своей бытовой обстановкой или известное настроеніе производило въ большей или меньшей степени и религіознымъ характеромъ праздниковъ?

9. Какъ дитя представляло Бога—материальнымъ или духовнымъ существомъ? Какія свойства Ему приписывало? Какія изъ божескихъ свойствъ были болѣе понятны дѣтямъ и какія менѣе? Гдѣ и какъ Богъ живеть? Что дѣлаетъ? Какъ относится къ людямъ и природѣ?

10. Не признавало ли дитя Бога, хотя бы только по временамъ, злымъ и жестокимъ существомъ; и если да, то по какимъ причинамъ и въ чёмъ выражало такое представленіе о Богѣ?

11. Не встречалось ли въ дѣтской жизни такихъ фактъ, по которымъ дитя слѣдовало бы считать идолопоклонникомъ?

12. Въ дѣтскихъ религіозныхъ представленіяхъ не замѣчалось ли слѣдовъ многобожія—религіозного почтенія къ звѣздамъ, небу, животнымъ — и даже фетишизма?

13. Какъ дитя представляло троичность лицъ Божества?

14. Какъ дитя представляло ангеловъ и чертей, какія свойства имъ приписывало? Откуда берутся ангелы и черти, гдѣ живутъ, что дѣлаютъ? Какъ относится къ Богу и людямъ?

15. Какъ дитя представляло душу? Откуда душа приходитъ и куда уходитъ по смерти тѣла?

16. Какъ дитя представляло будущую жизнь, будуть ли по смерти награды и наказанія, рай и адъ, и что такое эти рай и адъ?

17. Не замѣчено ли смѣшанія сказочныхъ представлений съ религіозными (львахъ, вѣдьмъ, колдуновъ, фей, рождественскихъ дѣдовъ съ ангелами, святыми, чертами)?

18. Какія преобладающія чувствованія возбуждало въ дѣтяхъ представление Божества—страха, униженія, благодарности, любви, благоговѣнія? Какъ чувствовало себя дитя по отношенію къ Богу—свободнымъ, смѣлымъ, довѣрчивымъ или стѣсненнымъ, подавленнымъ, желающимъ кое-что скрыть отъ Бога?

19. Не было ли замѣчено въ религіозныхъ чувствованіяхъ дитяти чего-либо особенного, не видимаго на обыкновенные чувствованія и что слѣдовало бы признать чувствомъ сверхъестественнаго, мистического?

20. Какія чувствованія пробуждались

въ дитяти при представленихъ ангеловъ, чертей, ада и рая?

21. Религиозныя представлениа вліяли ли на дѣтскіе поступки, иначе, дѣтская нравственность находилась ли въ зависимости отъ дѣтской религіи? Если находилась, то съ самаго начала или съ теченіемъ времени; подъ вліяніемъ внушеній родителей или собственнаго сознанія дитяти?

22. Въ какихъ видахъ знакахъ дитя предпочитало выражать свое религиозное настроение? Въ дѣтскомъ религиозномъ культе замѣчался ли эстетический элементъ или культь носилъ чисто практическій характеръ? Съ какого времени дитя начало чувствовать эстетическую сторону культа и подъ вліяніемъ какихъ причинъ?

23. По своему общему тону и содержанию, дѣтская религія отличалась эгоистическимъ или альтруистическимъ характеромъ? Если она постепенно становилась болѣе альтруистической, то съ какого возраста и подъ какими вліяніями?

24. Не замѣчено ли въ религиозной области какихъ-либо особыхъ проявленій дѣтского творчества и выдающихся личныхъ чертъ въ пониманіи религіи?

25. Нѣ было ли въ дѣтской жизни такихъ фактовъ, которые слѣдовало бы отнести къ религиозному скептицизму?

26. Не замѣчено ли какихъ-либо различий въ религиозныхъ представленияхъ, чувствованіяхъ и религиозной практикѣ у мальчиковъ и дѣвочекъ (половые особенности религиозного сознанія)?

П. Каптеревъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

25. Какъ животныхъ воспитываютъ дѣтвору. Рассказы Н. А. Скворцова. 64 стр. съ рисунками. Цѣна 25 коп. Изд. журналовъ: „Свѣтлячокъ“, „Путеводный Огонь“, „Дѣло и Потѣха“.

Вопросъ о воспитаніи дѣтей, т.е. о родительской заботѣ у животныхъ всегда интересовалъ и взрослыхъ и дѣтей и еще въ достаточной степени теменъ. Поэтому каждая попытка разъяснить, освѣтить его является весьма желательной. Подобную попытку дѣлаетъ и г. Скворцовъ, предлагая цѣлый рядъ рассказовъ на эту тему. Всѣ они, конечно, удовлетворительны, для дѣтей даже интересны; хотя изложеніе ихъ могло бы быть не такъ конспективно. Что же касается изданія, то невольно приходитъ въ голову пословица „у семи нянекъ дитя безъ глазъ“... Во первыхъ, общий видъ книжечки совершенно не подкупаетъ читателя и ее не захочется спрятать на память, для пополненія дѣтской библиотеки. А между тѣмъ дѣтскому журналу, (а особенно тремъ) надобы стремиться развивать вкусъ у своихъ читателей... Во-вторыхъ, рисунки заставляютъ желать много. Вотъ напримѣръ: „Соловей“ (стр. 3) „Орель“ (стр. 11) „Насѣдка“ (стр. 15) и нѣкоторые другие не производятъ никакого впечатлѣнія. Есть, впрочемъ, и лучшіе рисунки. Въ третьихъ—въ книгѣ нѣтъ даже оглавленія, заглавные шрифты тоже имѣютъ какой-то случайный характеръ и безъ особенного повода бывають то крупнѣе, то мельче.

Д-ръ К. Яцута.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Октябрь — № 10.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ № 10.

1. Скрывать или не скрывать? <i>Л. Е. Оболенская</i> .	321
2. Сознание обязанностей у детей. <i>Я. Н.</i>	335
3. Детская жизнь и заботы о детях. <i>В. Измайлова</i> .	345
4. Библиография.	351

СКРЫВАТЬ ИЛИ НЕ СКРЫВАТЬ?

(О трехъ порокахъ школьного возраста).

Куда часто заглядываетъ солнце, тамъ рѣдко показывается врачъ.

(Старое изречение римской медицины).

I.

Въ физической жизни человѣка солнце и его свѣтовые лучи играютъ великую роль дезинфицировъ; это знали еще древніе врачи, а наша современная медицина убѣдилась въ этомъ тысячами кропотливыхъ изслѣдований.

Гораздо менѣе убѣждены даже люди научно-образованные въ значеніи для моральной жизни людей другого солнца, которое называется „истиной“, „правдой“. И еще менѣе признается это солнце въ области педагогіи. О немъ-то я и хочу поговорить здѣсь.

Несколько времени тому назадъ, въ печати и публикѣ возбудилъ крупную сенсацію разсказъ Леонида Андреева „Въ Туманѣ“. Многіе возмутились тѣмъ,

что этотъ молодой и талантливый писатель затронулъ въ беллетристической формѣ такой вопросъ, о которомъ у насъ принято говорить только „при закрытыхъ дверяхъ“, да и то съ врачами-специалистами, и лишь въ случаѣахъ настоятельной необходимости. Дѣло идеть въ разсказѣ о юношѣ, гимназистѣ старшихъ классовъ, захваченномъ той ужасной болѣзнью, которая губитъ цѣлый поколѣнія людей, такъ какъ имѣть свойство заражать здоровыхъ самыми различными путями (посудой, вещами и пр.) и передаваться наследственно, — болѣзнь, которую тщательно скрываютъ, вслѣдствіе чего она становится еще болѣе опасной. Какъ она страшно распространяется, видно изъ того, что въ Москвѣ, напримѣръ, на 811,412 зарегистрированныхъ больныхъ вѣдьми болѣзнями, приходится 27,274 больныхъ этой страшной болѣзнью; во всей Россіи на 26 миллионовъ зарегистрированныхъ больныхъ вообще, приходится 700,000 больныхъ этой болѣзнью. Но эти цифры, конечно, очень далеки отъ дѣйствительности, такъ какъ, повторяю, эта болѣзнь скрывается, и статистическая цифры о ней едва ли даютъ даже половину дѣйствительнаго числа заболеваній.

Ужаснѣе всего то, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, зараженіе этой болѣзнью происходитъ совершенно

невинными путями. Такъ, изслѣдованія, производившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, показали, что 90 человѣкъ изъ 100 страдающихъ этой болѣзни получили ее безъ всякой вины съ ихъ стороны, а именно: 78 человѣкъ отъ того, что жили вмѣстѣ съ такими больными, у 11 эта болѣзнь была наследственной, у двухъ женщинъ изъ этого числа болѣзнь явилась результатомъ кормленія грудью больныхъ дѣтей и т. п. Но эти цифры относятся къ деревенскимъ жителямъ, въ городахъ же, наоборотъ, зараженіе невинное гораздо рѣже. Такъ, специальный съѣздъ врачей, устроенный шесть лѣтъ тому назадъ при медицинскомъ департаментѣ для обсужденія мѣръ борьбы съ этой болѣзнию, пришелъ къ выводу, что въ городахъ только у 2 лицъ на 100 больныхъ этой болѣзнию было доказанное „невинное“ зараженіе. Такимъ образомъ, напр., изъ 27,000 московскихъ больныхъ, о которыхъ мы упомянули выше, только пять съ половиной тысячъ непознаны въ своей болѣзни, а 22,500 явились жертвой ея по своей винѣ, какъ и гимназистъ въ разсказѣ Андреева. А, между тѣмъ, замѣтьте, что въ то время, когда была собрана эта статистика, въ Москвѣ было немногого болѣе 800,000 жителей; стало-быть, почти на каждомъ 36 жителей Москвы былъ одинъ больной этой болѣзнию по своей винѣ.

Вдумайтесь хорошенько въ эти цифры! Пропомните ужасную заразительность этой болѣзни, для которой достаточно поддѣлую (а мы постоянно позволяемъ гостямъ дѣловать нашихъ дѣтей!), достаточно выпить изъ стакана, употреблявшагося такимъ больнымъ, или юлькой, которой онъ юль (а мы постоянно въ ресторанахъ, на вокзалахъ

и т. п. лѣмъ и юдимъ, кормимъ и поимъ своихъ дѣтей, не задумываясь объ этомъ), — чтобы понять, какъ важно распространить свѣдѣнія объ этой болѣзни въ публикѣ по возможности шире. Но такой широты достигаетъ у насъ только распространеніе беллетристическихъ произведеній. Наша публика совершенно почти не читаетъ серіозныхъ сочиненій и очень мало — даже популярныхъ научныхъ статей. Стало-быть, беллетристический этюдъ, напечатанный въ распространенномъ журнале и подписанный именемъ автора, котораго охотно читаются, былъ бы дѣломъ очень полезнымъ. Конечно, многое зависитъ отъ того, *какъ* написанъ такой этюдъ. Но я здѣсь не касаюсь этой стороны дѣла, то-есть, художественныхъ или даже моральныхъ приемовъ Леонида Андреева. Они могли быть хороши, могли быть и плохи. Это — другой вопросъ. Я обращаю вниманіе только на фактъ, что нѣкоторые напали на разсказъ „Въ туманѣ“ исключительно за то, что Андреевъ избралъ своей темой щекотливый предметъ, о которомъ „не говорять“ въ обществѣ вслухъ. Я вполнѣ присоединился бы къ тѣмъ противникамъ этого разсказа, которые указывали бы на неумѣтность нѣкоторыхъ деталей, особенно въ концѣ разсказа, или на неумѣніе изобразить ужасъ послѣдствій этой болѣзни такъ, чтобы они не шокировали непривычныхъ читателей черезътурь утрированнымъ подчеркиваніемъ того, что возбуждается не одинъ ужасъ, но и образы болѣе сложные, не всегда безвредные, а по большей части грязнящіе воображеніе... Самъ я отношусь къ разсказу Л. Андреева отрицательно и не далъ бы его читать ни моему сыну юношѣ, ни, тѣмъ болѣе, дѣвушкѣ.

С К Р Ы В А Т Ь И Л И Н Е С К Р Ы В А Т Ь?

Повторяю еще разъ, не объ этомъ разсказѣ я говорю, а о самомъ *принципѣ*,—то-есть, о пользѣ проведения въ публику и даже въ юношество правдивыхъ свѣдѣній о тѣхъ опасностяхъ, какимъ мы и наши дѣти подвергаемся ежеминутно, благодаря незнанію и покрову тайны, налагаемому на иѣкоторые предметы, особенно опасные и вредные.

Я убѣдился и личнымъ опытомъ, и опытомъ собственного воспитанія моихъ дѣтей, что единственнымъ спасеніемъ отъ этихъ опасностей,—какъ и вообще отъ бѣдствій, которыхъ можно предвидѣть,—является только свое временное ознакомленіе съ этими бѣдствіями и опасностями, то-есть „истина“, „правда“, „знаніе“.

Посмотрите, какъ поступаютъ въ аптекахъ съ ядами: ихъ ставятъ въ особый шкафъ, на которомъ сдѣлано надпись — „яды“, а иногда и нарисованъ черепъ, чтобы каждый сразу зналъ, съ какимъ опаснымъ веществомъ имѣеть дѣло.

Затѣмъ, при отпускѣ изъ аптеки ядовитыхъ веществъ, на склянкахъ наклеиваются особые ярлычки и т. п.

Посмотрите, какъ провозятъ по улицамъ или грунтовымъ дорогамъ взрывчатыя вещества, порохъ, снаряды. Надъ ними ставятъ красные флаги, чтобы каждый встрѣчающейся предупреждался объ опасности, которую можетъ вызвать его неосторожность.

А, между тѣмъ, когда среди насъ,—какъ это показываетъ статистика Москвы, въ обществѣ, въ гостиныхъ, въ театрахъ, на улицахъ, изъ 30 встрѣчныхъ ходить одинъ, представляющій изъ себя губку, пропитанную вреднейшимъ ядомъ, способнымъ погубить жизнь нашу или нашихъ дѣтей, мы

не принимаемъ никакихъ предосторожностей, мы даже кричимъ противъ попытокъ и намѣреній предупредить настъ отъ опасности! И все это только вслѣдствіе самого нелѣпаго предразсудка и невѣжественной щепетильности.

На моихъ глазахъ, въ Харьковѣ, заболѣлъ и черезъ иѣкоторое время умеръ, изуродованный до неузнаваемости, мой товарищъ, даровитый юноша-студентъ, умница, рѣдкій красавецъ, полный здоровья и силъ, и только оттого, что на вокзалѣ желѣзной дороги выпилъ воды изъ общаго стакана! Ужасная болѣзнь началась у него съ губъ и съ необыкновенной быстротой заразила весь организмъ.

Другой мой товарищъ былъ самъ виной своего зараженія. Но какъ онъ ужасно поплатился за свою неосторожность! Послѣ долгаго врачеванія и въ Россіи, и за границей, болѣзнь, казалось, исчезла. Талантливый молодой человѣкъ сталъ виднымъ дѣятелемъ по судебному вѣдомству, какъ вдругъ у него стали появляться головныя боли, которые съ каждымъ разомъ дѣлались мучительные. Дѣло было въ провинції. Мнѣнія врачей расходились: одни увѣряли, что болѣзнь перешла у него на кости черепа, другие полагали, что происходитъ какія-то новообразованія въ мозгу или его оболочкахъ. Скоро боли сдѣлались мучительными до такой степени, что несчастный умолялъ врачей—дать ему какой-нибудь быстро дѣйствующей отравы. Самъ онъ не могъ покончить съ собой, такъ какъ отъ него убирали все, чѣмъ бы онъ могъ убить себя. Умеръ онъ въ ужасныхъ мученіяхъ, которыя, по его словамъ, напоминали средневѣковыя пытки завинчиванія головы въ желѣзные обручи.

Но едва ли для него не было бы еще большей пыткой, если бы онъ остался жить и узналъ то, что случилось позднѣе съ его несчастной сестрой, которую онъ боготворилъ. Это была дѣвушка съ рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ; сдѣлавшихъ ученицей одного изъ знаменитыхъ піанистовъ, она очень быстро сама получила мѣсто преподавательницы въ консерваторіи, но... черезъ годъ у нея обнаружились признаки заболѣванія тою же болѣзнью, отъ которой умеръ ея братъ. Къ счастью для нея, болѣзнь не повлекла за собою ни вѣшняго изуродованія, ни адскихъ мученій, а перешла на легкія, и повлекла быструю смерть отъ туберкулѣва (чахотки). Ее убиль братъ своими цицфуями!..

И такихъ случаевъ,— среди которыхъ есть и болѣе ужасные,— я могъ бы привести сотни изъ однихъ только личныхъ моихъ воспоминаній. Расскажу еще одинъ: молодой офицеръ, окончившій академію генеральского штаба, послѣ долгаго лѣченія за границей и на Кавказѣ, считалъ себя совершенно освободившимся отъ этой болѣзни, полученной еще въ юности. Онъ женился, имѣлъ уже двоихъ дѣтей, какъ вдругъ появился рецидивъ болѣзни, которая перешла въ мозгъ: въ припадкѣ неожиданного умознѣупленія, онъ началъ стрѣлять изъ револьвера въ жену и дѣтей, которыхъ раньше того любилъ страстно. Къ счастью, у него успѣли во-время вырвать револьверъ. Умеръ онъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Эта болѣзнь особенно ужасна тѣмъ, что можетъ возвращаться совершенно неожиданно черезъ огромные промежутки времени, иногда лѣть черезъ двадцать...

И вотъ, о такой-то болѣзни, которая

хуже всякой чумы и проказы, у насть не принято говорить въ обществѣ, а предупредить отъ нея дѣтей и юношей считается преступленіемъ противъ нравственности!

Много есть нелѣпыхъ общественныхъ предразсудковъ, но этотъ едва ли не самый нелѣпый и опасный!

II.

Прежде, чѣмъ я перейду къ изложенію моихъ взглядовъ на способы и приемы сообщенія юношамъ свѣдѣній объ опасностяхъ, угрожающихъ ихъ здоровью и жизни въ тѣхъ сферахъ поведенія, изъ которыхъ обыкновенно дѣлаются секретъ, я считаю полезнымъ (отчасти по моимъ собственнымъ воспоминаніямъ, отчасти по сообщеніямъ моихъ дѣтей и другихъ юнош, съ которыми я бесѣдовалъ объ этомъ) разсмотрѣть тѣ пути, какими ребенокъ приходитъ къ извращенному и опасному знанію объ этихъ „тайнахъ“ и „секретахъ“, при теперешней системѣ „скрытности“.

Обыкновенно, мальчики и дѣвочки поступаютъ въ школу, не подозрѣвая даже о существованіи тѣхъ физіологическихъ функций, которые такъ тщательно скрываются. Исключеніе составляютъ или дѣти очень бѣдныхъ родителей, которая живутъ вмѣстѣ съ ними въ одной комнатѣ и, такъ сказать, присутствуютъ при всѣхъ отправленіяхъ взрослого человѣка, или же, напротивъ, дѣти родителей высшаго „свѣта“ (бомонда), которымъ—правда, не часто—удается подслушать разговоръ взрослыхъ, а иногда бонинъ и гувернантокъ. Такъ, молодой человѣкъ изъ очень свѣтской семьи рассказалъ одному моему другу, врачу слѣдующій эпизодъ изъ своей юности: однажды на дачѣ,

С к р ы в а т ь и л и н е с к р ы в а т ь?

послѣ сытнаго обѣда съ обычными возліяніями, трое молодыхъ людей, прѣхавшихъ къ нимъ въ гости, удалились въ садъ, прилегавшій къ дачѣ, чтобы покурить. Мальчикъ „увязался“ за ними, освободившись такимъ образомъ отъ надобѣшаго надзора боннѣнѣмки. Сперва гости занимались разговорами съ нимъ, подразнивали его, щекотали и т. п. Затѣмъ это имъ надоѣло, и они стали о чёмъ-то говорить другъ съ другомъ намеками, которыхъ онъ не понималъ; но намеки его заинтересовали, такъ какъ возбуждали въ гостяхъ громкій и веселый хохотъ. Мальчикъ сказалъ, что пойдеть къ боннѣ, а самъ, отойдя на нѣсколько шаговъ, присѣль за кустъ, правильно расчитавъ, что безъ него гости не будуть стѣсняться, и онъ пойметъ смыслъ намековъ, которые слышалъ. И, дѣйствительно, онъ узналъ такія вещи, о которыхъ не грезится даже иному опытному развратнику. Всѣ извращенія въ области извѣстныхъ функций прошли передъ его умственными взорами въ циничныхъ анекдотахъ, разсказываемыхъ другъ другу свѣтскими шалопаями. А такъ какъ все это рассказывалось ими съ выражениемъ необыкновенного удовольствія въ интонаціяхъ голоса и сопровождалось одобрѣніями и веселыми взрывами смѣха, то естественно, что картины этого рода представились ему какимъ-то будущимъ „раемъ“, который онъ узнаетъ, когда „вырастетъ большой“. Но, конечно, вносядѣствіи, онъ не сталъ ожидать времени, когда другое назовутъ его „большимъ“. Всѣмъ извѣстно, что дѣти считаютъ себя взрослыми или, по меньшей мѣрѣ, стараются поступать, какъ взрослые, въ очень раннемъ возрастѣ. И вотъ, не-

счастный ребенокъ уже въ двѣнадцать лѣтъ старался осуществить при каждомъ удобномъ случаѣ тѣ картины, которая запечатлѣлись въ его воображеніи. Мотивами его воли были при этомъ—любопытство и желаніе быть „взрослымъ“. Нужно ли добавлять, что онъ поторопился сообщить свои познанія знакомымъ мальчикамъ съ гордостью и хвастовствомъ, и что вѣ-которые эксперименты они стали про-дѣлывать сообща, не стѣсняясь привлечь въ свои „тайны“ и знакомыхъ дѣвочекъ, и даже родныхъ сестеръ этого новаго Колумба.

— И неужели вы не понимали, какъ это отвратительно, безнравственно и даже бесчестно?! спрашивалъ мой знакомый молодого человека.

— Клянусь вамъ, мій и въ голову не приходило, что въ этомъ заключается что-нибудь дурное. Я думалъ только, что это нужно скрывать отъ взрослыхъ, да и то лишь потому, что мы еще не взрослые, но что они сами не скрываютъ этого другъ отъ друга, а, наоборотъ, разсказываютъ наперебой, съ хвастовствомъ, какъ о подвигахъ, достойныхъ полнаго уваженія и восхищенія. Вѣдь, такъ и было, когда я подслушивалъ разговоръ тѣхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, считавшихся въ наше мѣсто образцами приличія, изящества... Какъ бы я могъ сдѣлать иной выводъ?

И вотъ, представьте себѣ, читатель, что такой мальчикъ поступаетъ въ школу и что въ той же школѣ учится вашъ сынъ, который тщательно охраняется вами отъ возможности узнать тѣ стороны жизни, которыя „скрываются“. Онъ на первыхъ же порахъ явится однимъ изъ наивнѣйшихъ и самыхъ довѣрчивыхъ слушателей нашего

„Болумба“ и, конечно, рассказы и цинические анекдоты этого послѣдняго произведутъ на вашего сына такое же сильное и увлекающее впечатлѣніе, какое на самого рассказчика произвели анекдоты свѣтскихъ шалопаевъ.

Мыѣ могутъ сказать, что это—рѣдкая случайность. Но я позволяю себѣ утверждать, что разсказанный мною случай—явленіе довольно обыденное. Кроме многихъ прямыхъ доказательствъ этого, которыхъ я имѣю, но которыхъ не буду приводить здѣсь,—у меня есть и косвенные доказательства: ученица средняго возраста одного изъ „лучшихъ“ столичныхъ женскихъ учебныхъ заведеній сообщила мнѣ, что въ классѣ, где учатся дѣвочки отъ 12 до 19 лѣтъ, уже появляются „специалистки“ безчисленныхъ разсказовъ и анекдотовъ въ томъ вкусѣ, о которомъ я только что говорилъ, а въ классѣ съ 14 и 15 лѣтними дѣвочками, такие разсказы становятся дѣвочкамъ обычными до такой степени, что въ антрактахъ между уроками не ведется почти никакихъ другихъ разговоровъ. И по большей части, специалистками такихъ анекдотовъ и разсказовъ являются дѣвочки изъ „свѣтскаго круга“. Послѣ того, что я узналъ отъ вышеупомянутаго пріятеля-врача, для меня сталъ яснѣть путь, какимъ пробрались эти разсказы и анекдоты въ „одно изъ лучшихъ“ женскихъ учебныхъ заведеній: очевидно, дѣвочки-специалистки могли услышать разсказы подобнаго рода только отъ мальчиковъ ихъ возраста, а эти послѣдніе получили свои свѣдѣнія отъ одного изъ тѣхъ „Болумбовъ“, котораго мы описали.—Достаточно, чтобы въ такихъ секретныхъ, а потому и интересныхъ вѣщахъ „просвѣтился“ одинъ, чтобы это „просвѣщеніе“ разлилось волной, за-

хватывая умы юношѣй и юницъ въ геометрической прогрессіи. Но такъ какъ вы сами держали всю эту сторону жизни въ секрѣтѣ отъ вашего сына или дочери, то понятно, что они никогда вамъ не разскажутъ о томъ, что узнали въ школѣ отъ товарищей и подругъ.

И въ то время, какъ смертельная, уродующая язва будетъ развиваться въ ихъ мозгу, заражать ихъ душу и отравлять ихъ кровь, вы будете восхищаться ихъ наивностью, а когда васъ поразитъ, какъ громомъ, скабрѣзный рисунокъ, найденный вами у нихъ случайно, какъ онъ былъ найденъ отцомъ у героя Андреева, будетъ уже поздно: и душа и тѣло вашихъ дѣтей уже навсегда погибли. И кто же виноватъ? Не ясно ли, какъ день, что виноваты вы сами съ вашей системой „скрыванія“ и „секрета“?

Мыѣ могутъ возразить, что, вѣдь, напримѣръ, изъ пьянства не дѣлаются секрета, а, между тѣмъ, среди нашихъ дѣтей иногда вырабатываются пьяницы уже на школьнай скамьѣ¹⁾.

Однако, идетъ ли въ дѣлу это возраженіе?

Да, „пьянство“ не скрывается, и осужденіе ему высказывается иногда при дѣтяхъ. Но осуждается ли при нихъ самое употребленіе вина? Нѣтъ, оно, если не словомъ, то дѣломъ постоянно восхваляется: за завтракомъ и обѣдомъ пьютъ непремѣнно и даютъ „немного вина“ дѣтямъ, во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ: на именинахъ, свадьбахъ и т. п., пьютъ непремѣнно и даютъ „немного вина“ дѣтямъ.

И это практикуется одинаково, какъ среди невѣжественныхъ низшихъ клас-

1) См. докладъ женщины-врача Покровской въ „Общ. охран. народнаго здравія“, въ 1902 г.

С К Р Ы В А Т Ъ И Л И Н Е С К Р Ы В А Т Ъ?

совь общества, такъ и среди высшихъ классовъ, считающихъ себя „образованными“.

Исключение составляютъ только семьи, дѣйствительно образованныя, знакомыя съ гигіеной. Тамъ знаютъ, что вино, даже въ малыхъ дозахъ—ядовито для дѣтей, останавливаетъ ростъ костей, вредитъ работе печени и т. п. Дѣтямъ не даютъ вина въ такихъ семьяхъ, но сами пьютъ при дѣтяхъ и порождаютъ въ нихъ ту же мысль, какую породили въ вышеупомянутомъ „маленькомъ Колумбѣ“ рассказы и анекдоты свѣтскихъ шалопаевъ: дѣти начинаютъ думать, что употребленіе вина представляетъ наслажденіе, но это наслажденіе не дозволяется дѣтямъ. И, понятно,, что ребенокъ, изъ любопытства и подражанія, постараится при первой же возможности испытать это наслажденіе, то-есть станетъ пить по секрету. Остальная же дѣти даже секрета изъ этого не сдѣлаются. Передъ ними, вѣдь, говорили только о „вредѣ пьянства“, но они, видя, какъ ихъ близкіе пьютъ, конечно, думаютъ, что „пить“ и „пьянствовать“—двѣ вещи совершенно различныя: они увѣрены, что будутъ „пить“, но никогда не позволятъ себѣ „пьянствовать“. Они въ этомъ увѣрены, потому что имъ никто не сказалъ,—да и не могъ сказать (по невѣжству нашему въ гигіенѣ),—что „пьянство“ приходитъ само собою къ тому, кто пьетъ, хотя бы и понемногу. Правда, не на всѣхъ вино дѣйствуетъ столь роковымъ образомъ, какъ не всякой заболѣваетъ въ эпидемію холеры или оспы. Одни организмы воспріимчивы къ яду, другие наоборотъ. Но, въ то время, какъ отъ оспы и холеры мы предохраняемъ и предостерегаемъ каждого ребенка, ибо не знаемъ за-

нѣ, воспріимчивъ ли онъ къ ихъ заразительному началу,—мы не предостерегаемъ отъ употребленія алкоголя въ малыхъ дозахъ! Кто же намъ скажаль и удостовѣриль, что именно наши дѣти не обладаютъ такимъ организмомъ, для котораго алкоголь явится смертельнымъ ядомъ, которымъ изуродуетъ и ихъ душу, и ихъ тѣло, и ихъ возможное будущее потомство? Никто нась въ этомъ не могъ удостоѣрить, потому что этого никто не зналъ и не можетъ знать: та или иная идіосинкрозія къ алкоголю можетъ обнаружиться только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его употребленія. Такъ какъ же мы смѣмъ играть жизнью нашихъ дѣтей??!

Слѣпota нашего нерѣжества безпрѣдельна, и она несомнѣнно преступна, преступна почти такъ же, какъ дѣтоубийство или развращеніе дѣтей...

Но мы взяли алкоголизмъ дѣтей, въ видѣ возраженія противъ нась, которое формулировали такъ: „вотъ о пьянствѣ говорятъ открыто, но это не мѣшаетъ появлению дѣтей-алкоголиковъ. Значитъ, одною откровенностью еще злу не поможешь“.

Конечно, не поможешь: иная откровенность вредище тайны. Откровенность о пьянствѣ такова, что ее можно бы уподобить, напр., такой откровенности о секретныхъ явленіяхъ жизни, при которой мы не только говорили бы о нихъ все при дѣтяхъ, но и совершили при нихъ все то, отъ чего ихъ нужно предохранить. Если бы нашелся такой безумецъ, который бы совѣтовалъ такой приемъ предохраненія, онъ былъ бы такимъ же преступникомъ передъ дѣтьми, какимъ является теперь воспитатель, напивающійся передъ ними, хотя и говорящій противъ алкоголизма.

Но, вѣдь, почти всѣ мы такъ и поступаемъ обыкновенно! Конечно, когда я говорю о вредѣ „секрета“ и тайны, я имѣю въ виду вовсе не такие пріемы „откровенности“. Но обѣ этихъ приемахъ скажу въ послѣдней главѣ, а сперва два слова еще объ одномъ дѣтскомъ по-
рокѣ.

Л. Е. Оболенскій.

(Оконч. слѣд.).

Сознаніе обязанностей у дѣтей.

„Хорошій воспитатель никогда не дастъ дитяти приказанія, для котораго онъ не имѣлъ бы разумнаго основанія“, замѣчаетъ одинъ изъ выдающихся новѣйшихъ педагоговъ, извѣстная шведская писательница Элленъ Кей. Если же дитя не желаетъ исполнить приказаніе и настаиваетъ, чтобы его убѣдили въ необходимости исполненія, то ему слѣдуетъ указать, что взрослые люди также должны часто подчиняться разнымъ требованіямъ и, зная свои обязанности, дѣлать то или другое, чего имъ въ данную минуту вовсе не хотѣлось бы. Справится ли умъ мальши съ этимъ указаніемъ, или не справится, онъ все же наведеть его на мысль, что есть обязанности, отъ которыхъ нельзѧ уклоняться.

Эта мысль, вначалѣ едва затрогивающая умъ дитяти, мало по малу съ течениемъ времени укрѣпляется въ немъ и выступаетъ затѣмъ почти или вполнѣ руководящимъ сознаніемъ дитяти о существованіи для него обязанностей, которая нужно неуклонно исполнять. Но „сознаніе обязанностей“ предполагаетъ внутреннее убѣжденіе у дитяти, что тотъ или другой поступокъ, та или другая работа, данное отношеніе къ людямъ или вещамъ—

необходимы, такъ повелѣваемыя, что имъ не возможно не удовлетворять. Поэтому такое сознаніе не можетъ достигаться ни награжденіями, ни даже похвалою, ни тѣмъ менѣе наказаніями, упреками или выговорами. Сознаніе обязанностей должно перейти/у дитяти въ склонность, сдѣлаться нравственной нормой не только его интеллекта, но и его чувства. Тутъ выдвигается и высокое значеніе примѣра для дитяти. Примѣръ доставляетъ нравственности наиболѣе наглядную, свѣжую, жизненную опору. Не всякий примѣръ, естественно, дѣйствуетъ одинаково сильно. Вліяніе его зависитъ отъ того, насколько дѣйствія другого лица способны вызвать у самого дитяти извѣстныя ощущенія, стремленія и поступки и, такъ сказать, слиться съ его собственными желаніями и дѣйствіями. Кроме того, нравственный примѣръ не долженъ заключаться собственно въ простомъ вызовѣ вѣнчихъ поступковъ, а главнымъ образомъ въ возбужденіи ощущеній, вызывающихъ сознаніе нравственныхъ обязанностей и направляющихъ на соответственные поступки. Примѣръ полезенъ лишь настолько, насколько онъ преобразовываетъ въ ребенка одинъ склонности и укрѣпляетъ другія. Дѣти обыкновенно болѣе или менѣе одинаково воспріимчивы къ ощущеніямъ въ ту или другую сторону. Оттого многимъ дѣтямъ достаточно пробыть нѣсколько недѣль въ обществѣ испорченного товарища, чтобы, особенно если послѣдній постарше, все ихъ нравственное развитіе получило превратное направление, вопреки совѣтамъ и даже примѣру родителей. Воспитатели должны быть въ этомъ отношеніи очень осторожны и не давать постороннему вліянію иногда уже за

короткое время уничтожить всю ихъ собственную продолжительную работу. Кто внимательно слѣдитъ за развитиемъ нравственного чувства у дѣтей, тотъ не разъ замѣтить всю сокрушающую силу нежеланныхъ постороннихъ вліяній, очень недолго, повидимому, практиковавшихся.

То же самое слѣдуетъ сказать о вліяніи примѣра, сообщаемаго въ книжкѣ, въ разсказѣ или поэтическомъ произведеніи. Дѣйствие этого примѣра зависитъ отъ того, находить ли онъ себѣ въ душѣ ребенка извѣстное созвучіе. Въ ранимъ дѣйствіе на вліянія этого рода нельзя во всякомъ случаѣ много полагаться, и это къ счастью дѣтей. Такъ, многія сказки въ книгахъ, какъ и разныя нянюшкины сказки менѣе всего часто соотвѣтствуютъ по своему характеру вызову сознанія обязанностей у дѣтей. Душа ребенка и въ этомъ отношеніи несравненно подвижнѣе и измѣнчивѣе, чѣмъ душа взрослого. Человѣкъ, близко знающій ребенка, можетъ заранѣе быть увѣренъ, что такой-то примѣръ не произведеть на ребенка ни малѣшаго вліянія и что та или другая сказка или побасенка доставить ему нѣкоторое развлеченіе и не оставить въ его душѣ никакого слѣда, но не слѣдуетъ забывать, что и прекрасно воспитываемыя дѣти сохраняютъ въ нѣкоторой степени слѣды ощущеній, навѣяныхъ неизѣмльмыемъ содержаніемъ той или другой дѣтской книжки или сказки. Не поступкамъ, естественно, учатся въ нихъ дѣти, но у дѣтей складываются透过 нихъ ощущенія, которыя могутъ то содѣйствовать сознанию обязанностей у дитяти, то отвращать отъ этого сознанія. Тутъ быстрая подвижность и перемѣнчивость дѣтской нравственно-

сти обнаруживается въ цѣлыхъ рядахъ проявленій дѣтской воли и фантазіи, и воспитатели, какъ и родители, часто не знаютъ, откуда, собственно, свалились внезапно на нихъ дѣтей цѣлые круговороты желаній, капризовъ и требованій. Едва замѣтно суммируясь, ощущенія, вызванныя неразумной книжкой или сказкой, выступаютъ въ не-послѣдовательной и тревожной работе дѣтской души. Взрослый человѣкъ обыкновенно довольно ясно и правильно сознаетъ свои нравственные силы и ихъ прочность. Только въ частностяхъ, но не въ общемъ, можемъ мы нерѣдко обнаружить въ нихъ самообольщеніе; вообще же взрослые хорошо большей частью знаютъ, согласуются ли ихъ дѣйствія и стремленія съ разумною нормою или нетъ; это самопознаніе имѣеть у нихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ настолько глубокіе корни, что чужія мнѣнія рѣдко могутъ поколебать ихъ собственныхъ. Дѣти же представляютъ совершенную противоположность въ этомъ отношеніи. Ихъ нравственное самопознаніе обыкновенно довольно неопределенно и измѣнчиво. Такъ какъ въ душѣ ребенка одновременно и почти съ одинаковою силою уживаются цѣлые ряды самыхъ различныхъ прежнихъ ощущеній, желаній и дѣйствій, то онъ неизбѣжно мечется въ нихъ, не зная, что ему слѣдуетъ предпочесть.

Въ тѣсной связи съ этимъ разнообразiemъ воспринятыхъ ощущеній отъ приказаний и послабленій, порицаній и похвалъ, различныхъ примѣровъ со стороны взрослыхъ и имѣющихъ въ книжкахъ и сказкахъ стоять ощущенія, прививаемыя дѣтямъ безапелляціоннымъ обыкновенно признаніемъ у нихъ дурныхъ качествъ всякаго рода.

Долгое время относиться къ дитяти съ презрѣніемъ, часто называть его нелестнымъ именемъ, продолжительно ставить ему въ укоръ давно прошедшій нежеланный поступокъ—все это можетъ послужить лишь самой вѣрной преградой къ пробужденію у дитяти сознанія обязанностей и способно дать въ результатѣ самыя тяжкія для него послѣдствія. Если дитя соединить съ представленіемъ о самомъ себѣ извѣстное безнравственное качество, и если это представленіе будетъ въ немъ долгое время поддерживаемо извѣстнаго рода обращеніемъ съ нимъ со стороны старшихъ, то у дитяти можно уничтожить этимъ способомъ всякое нравственное самосознаніе и даже всякую нравственную стыдливость. Ребенокъ привыкаетъ къ этому соединенію; онъ дѣйствительно сдѣлается лѣтнемъ, лжецомъ, лакомкою, распущенными, злымъ, скрытнымъ и проч., потому что самъ воспитатель достигнетъ этого своимъ презрѣніемъ къ дитяти, своимъ осужденіемъ его душевныхъ качествъ. Вотъ почему въ дѣлѣ воспитанія также вредны и насмѣшки. По отношению къ взрослымъ они часто представляютъ весьма дѣйствительное средство, способное оказать хорошее вліянія. Но душевные силы дитяти рѣдко бываютъ такъ крѣпки въ ихъ сознательной части, чтобы они могли одержать победу въ вызванной этимъ способомъ нравственной борьбѣ. Насмѣшка нравственно подавляетъ ребенка; если она вызываетъ реакцію, то чисто личную, по отношению къ насмѣшнику, т.-е. именно въ томъ направленіи, противъ котораго воспитаніе должно всѣми силами бороться. Даже самъ воспитатель рѣдко бываетъ въ состояніи сохранить въ себѣ хорошее чувство къ насмѣшнику,

даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда насмѣшка, какъ это иногда бываетъ, диктуется искреннимъ желаніемъ его нравственнаго совершенствованія. Насколько же труднѣе это для ребенка! Испытывая отчужденіе и удаляясь отъ того, кто надъ нимъ смеется, онъ сохраняетъ къ нему нерасположеніе, вслѣдствіе котораго не можетъ и впослѣдствіи надлежащимъ образомъ воспринимать вліяніе воспитателя и руководиться имъ. (См. Бенеке. Руководство къ воспитанію и обученію. Переводъ Н. Х. Весселя, 2-ое изданіе, стр. 214).

Медленно, но неуклонно, безчисленными рядами впечатлѣній и ощущеній создается у дѣтей сознаніе обязанностей. Въ этомъ сознаніи лучшая нравственная опора для дитяти и часто высшая радость для его родителей и воспитателей. Но оно не терпитъ никакихъ отрицательныхъ мѣръ и никакихъ искусственныхъ возбужденій. Какъ органическая часть душевного состава дитяти, какъ и взрослаго человѣка, это сознаніе воздается изъ живыхъ функций ума и чувства и основано на положительной, наличной силѣ, а не какой-нибудь отрицательной, т.-е. такой, которой дѣйствіе вызывается недостаткомъ того или другаго условія. Въ этомъ качествѣ сознаніе обязанностей всегда заставляетъ ребенка исполнить то или другое неуклонно и безусловно. Чемъ шире это сознаніе, темъ больше число предметовъ, нуждъ и желаній, на которое оно распространяется у дитяти, тѣмъ прочнѣе и вѣрнѣе нравственное дальнѣйшее развитіе послѣдняго. Родители могутъ поддерживать это сознаніе, какъ живую благотворную силу, но не должны и пытаться искусственно создавать ее принужденіями

всякаго рода и, особенно, наказаніями. Менѣ же всего они должны противорѣчить складывающемуся у дитяти такому сознанію уже потому, что это большей частью вполнѣ напрасный трудъ для нихъ самихъ, и еще потому, что всякия пререканія и запреты на этотъ счетъ готовятъ муки дѣтямъ. Нельзя не признать, что бываютъ случаи, когда сознаніе своихъ обязанностей у дѣтей распространяется на предметы родителямъ нежеланные. Прямымъ запрещеніемъ исполнить желаемое дитятей или устраненіемъ самаго предмета, къ которому тягается дѣтский поступокъ, ровно ничего толковаго тутъ не достигается, а скорѣе всего вызывается лишь упрямство, которое не легко сломить. Разъ ужъ рѣшено окончательно, что та или другая забота, вовсе не входить въ кругъ сознанія дѣтскихъ обязанностей, то ее можно устранить лишь исподволь, и именно дѣятельной замѣною ея вновь возникшими дѣтскими желаніями и стремленіями. Во всякомъ случаѣ нельзя угашать сознаніе обязанностей у дѣтей насилиственными средствами. Это сознаніе—такой драгоценный кладъ для нравственного развитія будущаго взрослого человѣка, что только разсудительное и благосклонное отношеніе къ нему можетъ быть у мѣста; насилия же, запрещенія и наказанія должны быть устраниены какъ изъ процесса зарожденія и возникновенія сознанія обязанностей у дитяти, такъ и изъ уничтоженія нежеланныхъ его проявленій, въ какомъ бы видѣ эти послѣднія якъ выразились. Таково должно быть тутъ правило, едва допускающее, по нашему мнѣнію, какія-либо и когда-либо исключенія.

Я. П.

Дѣтская жизнь и заботы о дѣтяхъ.

(Рѣчь г. директора Новороссійской гимназіи.—Забытыя дѣти въ г. Орлѣ.—Жестокости севастопольского дѣlopроизводителя штаба.—Педагогъ, видящій во всемъ „крамолу”.—Минские хулиганы-развратители дѣвочекъ.—Дѣтский митингъ.—Резолюція Симбирскаго сельско-педагогическаго кружка).

Въ недавно вышедшей мартовской книжкѣ „Циркуляра по управлению кавказскимъ учебнымъ округомъ“ напечатанъ, между прочимъ, журналъ со всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ Новороссійской мужской гимназіи съ родителями учащихся. Въ этомъ журналь обращаетъ на себя вниманіе очень обстоятельная рѣчь г. директора гимназіи, рѣчь, касающаяся старого и вѣчно новаго въ то же время вопроса о дефектахъ нашего школьнаго и семѣнаго воспитанія. Важно и интересно то, что вопросъ ставится г. директоромъ рѣшительно, прямо и просто. „Не будемъ закрывать глаза предъ дѣйствительностью, — между прочимъ, сказалъ почтенный педагогъ,— и признаемъ за несомнѣнныи фактъ, что наши дѣти начинаютъ ускользать, уходить изъ рукъ и семьи и школы, что они находять для себя интересы помимо семьи и школы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни нашей и другихъ школъ. Ученикъ старшаго класса оставляетъ домъ своихъ родныхъ и наимає квартиру отдаленно отъ нихъ. Какой поводъ? Родители—люди почтенные и достойные, сынъ—хорошій по успѣхамъ и поведенію ученикъ. Оказывается, что родители стѣсняютъ его: они требуютъ, чтобы онъ во-время возвращался домой, чтобы приходящіе къ нему товарищи раздѣляли хоть отчасти съ ними

общество, а не затворялись непремѣнно въ отдельной комнатѣ и т. д. „Я,—говорить онъ,—питаю къ родителямъ хорошія чувства, но не могу мириться съ ихъ опекой. Почему другимъ ученикамъ все можно, а мнѣ нельзя?“ *Другой случай.* Изъ средней школы посылаютъ надзирателя узнать о причинѣ пеявки старшаго ученика въ гимназію. Мать ученика со слезами сообщаетъ, что онъ уже вторую ночь проводитъ виѣ дома и она не знаетъ, гдѣ онъ находится, что это повторяется съ нимъ не первый уже разъ. *Третій случай.* Два ученика выпускнаго класса, съ хорошими успѣхами, бросаютъ вдругъ учебное заведеніе и уезжаютъ за-границу искать счастья, не предупредивъ объ этомъ ни родителей своихъ, ни наставниковъ. *Четвертый случай.* Два ученика 7-го класса, при хорошихъ способностяхъ, бросаютъ учиться, не хотятъ сдѣлать усиля для перехода въ слѣдующій классъ и уходятъ изъ школы, несмотря на всѣ усиля и противодѣйствія со стороны семьи и школы“.

Еще дальше въ своей рѣчи г. директоръ дѣлаетъ въ высшей степени грустную характеристику современной учащейся молодежи. „Случай самоубийства на порогѣ средней школы и за порогомъ ея—ужасны, хотя бы они и оставались только единичными. Взглянемъ поближе на нашихъ дѣтей. Въ физическомъ отношеніи имъ недостаетъ многаго: между ними много малокровныхъ, близорукихъ, глуховатыхъ, слабогрудыхъ, золотушныхъ, нервныхъ и даже истерическихъ. По характеру они въ большинствѣ—добрьи малые, но неустойчивы, легко подпадаютъ вліянію другихъ, легко теряются, падаютъ духомъ, нервничаютъ, не на-

стойчивы въ достижениіи цѣли, иногда поражаютъ недостаткомъ жизнерадостнаго настроенія и бодрой работы. По отношенію къ ученію они исправно посѣщаютъ гимназію и хорошо учатся въ низшихъ и отчасти въ среднихъ классахъ; въ старшихъ же классахъ они пропускаютъ много уроковъ и замѣтно хуже учатся. Въ общемъ въ ученіи они обидно невнимательны, не умѣютъ распорядиться своимъ временемъ, не могутъ сосредоточиться на предметѣ. По отношенію къ внешней дисциплинѣ они—угловаты, излишне конфузливы, а иногда грубоваты. Какъ ни странно, они не умѣютъ ни ходить, ни стоять, ни кланяться, излишне словоохотливы, прерываютъ рѣчь другихъ, мало пріучены къ порядку, а потому часто нарушаютъ его въ школѣ и дома; не исполняютъ просьбъ и требованій не по злобѣ, а по недостатку хорошихъ привычекъ и по халатности. Мать просить сына принести газету. Вместо того, чтобы предупредительно и немедленно исполнить просьбу, онъ отвѣчаетъ: „Да гдѣ она?“ — „Я не знаю, поющи“.—„Да гдѣ ее искать?“—„Ты не первый день въ домѣ и у насъ не много мѣстъ, гдѣ она можетъ быть. Сейчасъ найди“. Неохотно и невнимательно сынъ ищетъ газету и не находитъ ея, хотя она лежитъ почти передъ его глазами“.

Это, въ общемъ, можно сказать, блестящая характеристика лица компетентнаго въ сферѣ данного вопроса—поистинѣ ужасна именно своюю правдивостью. Что же дѣлать, какъ быть? Г. директоръ указываетъ на добрый примѣръ родителей и педагоговъ, на необходимость дружной совмѣстной работы семьи и школы. Объ этомъ писали и говорили очень давно и очень

много. Быть-можеть, эти „изъяны души“ современныхъ дѣтей коренятся гораздо глубже,—въ средѣ, въ жизни, которая несомнѣнно должна быть реформирована такъ, чтобы и родители и педагоги были люди здоровые и нравственно и физически, чтобы они сознательно и сердечно относились къ высокой миссии воспитанія дѣтей. Отъ нездоровыихъ отцовъ рождаются нездоровыя дѣти. Въ больной, неврастеничной семье—больная атмосфера въчныхъ капризовъ, придиrokъ, несправедливостей всякаго рода. Эти больныя, а иногда еще почти съ пеленокъ порочныя дѣти идутъ въ школу, гдѣ сплошь да рядомъ встрѣчаются суровое, официальное-мелочное и придирчивое отношеніе къ себѣ со стороны „людей въ футлярахъ“. „Добрый примеръ... совмѣстная работа семьи и школы“... Это легко сказать! Интересно было бы знать, сколько у насть вообще на всю массу придется—не говоримъ ужъ объ отцахъ! —матерей, вложившихъ всю душу, весь свой умъ, въ воспитаніе своихъ дѣтей, учащихся добрую половину своей жизни ради дѣтей. А какая у насть забота о чужихъ дѣтяхъ? Дѣтская страданія—страшная бездна, а случаи дѣйствительной любви къ дѣтямъ, сознательной заботы о нихъ—единичны. Повторяемъ, надо реформировать жизнь такъ, чтобы въ ней вообще было больше сознательности, любви и меньше порочности и эгоизма.

Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ фактамъ изъ области отношеній взрослыхъ къ дѣтямъ.

По словамъ „Орловск. Вѣсти.“, въ г. Орлѣ настоящее помѣщеніе дома призрѣнія дѣтей бѣднѣйшихъ мѣщанъ предполагалось перевести въ другое,

болѣе соотвѣтствующее требованіямъ гигіиены и обыденныхъ удобствъ. До сихъ поръ въ этомъ направлѣніи не сдѣлано ничего. „Нѣть средствъ“. Въ то же время § 2 устава орловскаго купеческаго собранія гласитъ слѣдующее: изъ собранной, на основаніи § 77, суммы десятую часть ежегоднаго сбора купеческое собраніе отдѣляетъ для малолѣтнихъ, призванныхъ въ домъ призрѣнія дѣтей бѣднѣйшихъ дѣтей г. Орла. Однако, какъ слышала газета, эти суммы не передавались купеческимъ собраніемъ что-то около 10 лѣтъ. Между тѣмъ карточныхъ штрафовъ (§ 77) въ теченіе года поступаетъ до 5,000 руб. А дѣти заѣхываютъ въ жарѣ и пыли въ самой людной части города.

Комментаріи къ этому возмутительному факту излишни.

Севастопольскія газеты сообщаютъ о такомъ случаѣ. 8-лѣтній сынъ дѣло-производителя штаба Соловьева, въ дѣтской игрѣ, въ которой участвовалъ и 10-лѣтній Сергѣй, сынъ капитана Мономахова, слоткнувшись упалъ. Въ слезахъ онъ бѣжитъ къ отцу жаловаться, причемъ виновникомъ происшедшаго называетъ своего товарища Сергѣя. Отецъ кинулся на десятилѣтняго мальчика съ дикимъ крикомъ: „я тебя убью!“ И избилъ его такъ, что тотъ слегъ въ постель.

А вотъ типъ педагога, который, по-видимому, до такой степени боится какой-то „крамолы“, что все осталъное, относящееся непосредственно къ дѣлу обучения и воспитанія, не имѣть для него никакого значенія. Въ томъ же „Орловск. Вѣсти.“ корреспондентъ изъ Ростовля пишетъ:

„Иванъ Ивановичъ Н—въ; кто его не знаетъ у насть? Это инспекторъ народныхъ училищъ“.

Онъ видитъ теперь во всемъ *крамолу*, потому время безшокойное. Иванъ Ивановичъ замѣтилъ крамолу даже въ учебникѣ „Наше Родное“, соч. извѣстнаго Баранова.

— Александръ II-й даровалъ судь скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ, читаетъ десятилѣтній мальчикъ въ школѣ.

— Что,—что... правый... милостивый... равный?.. Крамола... пропаганда... значитъ, раньше былъ судъ не правый, не милостивый, не равный?..

— Баричъ—это избалованный изнѣженный сынъ барина,— богатыхъ родителей, панскій ребекокъ, объясняетъ учительница.

— Что вы... что вы... вѣдь это возбужденіе черни противъ дворянъ, господъ... пропаганда... крамола. Да вы знаете, чѣмъ это пахнетъ? поясняетъ учительницѣ Иванъ Ивановичъ.

— Исторію нужно проходить осторожно, говоритъ Иванъ Ивановичъ учителямъ;—исторію нужно начинать всегда съ царствованія Александра III-го, какъ болѣе славнаго царя, и царствованія императора Александра II-го можно проходить кратко:—рассказать о турецкой войнѣ и обѣ оборонѣ Севастополя.

— У васъ „Книга для взрослыхъ“, да какъ же это можно? Книга взрослыхъ въ школѣ...

Чуть не сожженію предать эту книгу требовалъ Иванъ Ивановичъ, а вѣдь книга одобрена для начальныхъ училищъ уч. комитетомъ мин. народн. просв.

Учителей своихъ Иванъ Ивановичъ поучаетъ:

— Вы должны строго следить за учениками. На перемѣнахъ подслушивайте, что они говорятъ, и сообщайте мнѣ.

При назначеніи учителей Иванъ Ивановичъ справляется о родственникахъ кандидата, а нѣтъ ли моль у него въ семье студента или чего подобнаго и, если есть, пиши пропало.

Въ „Бѣлорусск. Вѣстн.“ помѣщено коллективное письмо въ редакцію, изъ котораго явствуетъ, что въ г. Минскѣ „компанія хулигановъ высшаго разбора“ занимается развращеніемъ учащихся дѣвочекъ. Замѣчательно, что хулиганы эти „пользуются безнаказанностью“. Эти „апостолы скотства, говорится между прочимъ въ письмѣ, благоразумно выбираютъ своими жертвами дѣтей, родители которыхъ не живутъ въ г. Минскѣ и, следовательно, лишены возможности такъ или иначе уберечь ребенка отъ грозящей опасности“. Они дошли до того, что „надняхъ одинъ изъ этого тріумвирата скотовъ осмѣлился возить по городу дѣвочку въ формѣ рядомъ съ одной изъ „артистокъ“ мѣстнаго кафе-шантана, а вечеромъ вся компанія поила дѣтей пивомъ, въ которое подливали коньякъ“.

„Они пользуются безнаказанностью“... „Одинъ изъ нихъ открыто“... и т. д. Вотъ вамъ и „добрый примѣръ“ со стороны взрослыхъ!

Подобныхъ „примѣровъ“ въ нашей жизни не оберешься и слава Богу, что хоть кое-гдѣ можно теперь встрѣтить случая активнаго протеста со стороны дѣтей противъ грубаго и несправедливаго къ нимъ отношенія взрослыхъ.

Оригинальный митингъ произошелъ, по словамъ грузинской газеты „Иверіа“, въ м. Озургети. Въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ рѣчи г. директора Новороссійской гимназіи, между прочимъ, говорилось объ отсутствіи въ учащихся серознаго отноше-

нія къ дѣлу, устойчивости характера и т. д. Объ этой устойчивости характера, обѣ этой серіозности говорили въ м. Озургеты малыши 10—14 лѣтъ. Они устроили сходку и одинъ изъ нихъ сказалъ слѣдующее: „Товарищи, правда, мы еще молоды, но это обстоятельство насть не должно пугать... Если мы съ малыхъ лѣтъ не будемъ стараться жить честно, развивать свои умственныя способности, вырабатывать стойкость характера и т. п., то послѣ будетъ поздно. Поэтому предлагаю итии рука объ руку со взрослыми“.

Прежде чѣмъ принять какую-либо резолюцію, одинъ изъ участниковъ сходки предложилъ товарищамъ удалить изъ собранія одного мальчика, известного въ товарищескомъ кругу по своей наклонности къ доносамъ. Мальчишка сталъ обливаться горькими слезами и на колѣньяхъ сталъ умолять товарищѣй сжалиться надъ нимъ, не скандалить его публично и не выгонять изъ собранія, за что обѣщаю исправиться и быть солидарнымъ съ ними всегда и во всемъ. Собрание вняло мольбамъ молодого кающагося грѣшника. Послѣ этого инцидента была поставлена слѣдующая резолюція: „Каждый изъ насть облязается не дѣлать ничего противоравственного, ни къ кому не обращаться съ бранными словами, не шалить, не ссориться съ товарищами, не ругать ихъ, слушаться родителей, уважать чужую собственность, вмѣсто того, чтобы забавляться играми—читать книжечки; въ современномъ движеніи не отставать отъ взрослыхъ и дѣлствовать вмѣстѣ съ ними заодно. Нарушившій это постановленіе будетъ преданъ товарищескому суду. Осмѣлившемуся донести на товарища будетъ объявленъ бой-

котъ“. Подъ конецъ произведены были выборы маленькихъ десятскихъ и присутствовавшіе съ криками „ура!“ чинно разошлись.

Вотъ какъ иногда говорятъ и ведутъ себя дѣти, когда не чувствуютъ надъ собой официальной опеки!

Въ г. Симбирскѣ семейно-педагогическій кружокъ была принята слѣдующая резолюція:

„Мы, члены симбирского семейно-педагогического кружка, обсудивъ до-кладъ объ общихъ условіяхъ нашей школьнай жизни, глубоко возмущенные событиями, имѣвшими мѣсто въ Псковѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Курскѣ и др. городахъ, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Необходима полная реорганизація средней школы на новыхъ воспитательно-образовательныхъ началахъ. Педагогический совѣтъ, въ который должны входить и представители отъ родителей, долженъ быть совершенно самостоятеленъ. Формализмъ полицейского характера долженъ уступить свое мѣсто искренности отношений между педагогами и учащимися. 2) Школа должна быть доступна для всѣхъ, независимо отъ национальныхъ, религіозныхъ и со-словныхъ особенностей. Преподаваніе должно вестись на родномъ языке большинства учащихся. 3) Необходимо без-отлагательное увеличеніе числа школьнай низшихъ и среднихъ, чтобы стремление населенія дать своимъ дѣтямъ образованіе не встрѣчало никакихъ препятствій. Начальное образованіе должно быть всеобщимъ и обязательнымъ. 4) Школы должны находиться въ вѣдѣніи тѣхъ общественныхъ учрежденій, которые даютъ средства на ихъ содержаніе. 5) Школа должна быть свободна отъ всякаго рода политиче-

скихъ и религіозныхъ вліяній. 6) Необходима тѣсная связь между низшей, средней и высшей школами, чтобы переходъ изъ одной въ другую былъ возможенъ безъ всякихъ затрудненій. 7) Вышкольный надзоръ учебныхъ заведеній за учащимися, какъ преслѣдующій чисто полицейскія цѣли, долженъ быть устранитъ. Вышкольное воспитаніе должно быть предоставлено родителямъ, также какъ и религіозное и заботы объ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. 8) Необходима полная свобода частной инициативы въ дѣлѣ открытія школъ, съ правомъ выработки самостоятельныхъ программъ. Открытіе новыхъ школъ должно происходить явочнымъ порядкомъ, а не разрѣшительнымъ. 9) Всѣ изложенные положенія нерѣходимо довести до свѣдѣнія земскихъ и городскихъ управъ Симбирской губерніи, съ просьбой предложить или внести эти предложения на обсужденіе въ земскихъ собранияхъ и городскихъ думахъ".

В. Измайлова.

БИБЛІОГРАФІЯ.

26. Человѣкъ, животныя и растенія. Библіотека Горбунова—Посадова. Начальное природовѣдѣніе. Составилъ О. Шмейль. Переводъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Выпускъ I. Животныя и человѣкъ. 203 стр., 103 рис. Цѣна 70 коп. Выпускъ II. Растенія. 207 стр., 133 рис. и 8 раскрашенныхъ таблицъ. Цѣна 90 коп.

Какъ та, такъ и другая книга представляютъ собою краткій популярный учебникъ по естествознанію. По всему видно, что какъ авторъ, такъ и переводчикъ чувствуетъ большую симпатію къ ботаникѣ, потому что II выпускъ со-

ставленъ съ большею любовью и роскошью, чѣмъ первый. Содержаніе обоихъ выпусковъ не блещетъ оригинальностью, но соответствуетъ научнымъ данными и мѣстами довольно полно, мѣстами же чувствуются пробѣлы. Общий планъ изложенія таковъ, что сначала авторъ знакомить читателя съ однимъ типичнымъ видомъ растенія или животнаго, а далѣе сообщаетъ краткія свѣдѣнія о другихъ родственныхъ видахъ. Вотъ здѣсь-то авторъ иногда бываетъ слишкомъ конспективенъ и потому скучноватъ. Около тридцати пяти страницъ посвящено анатоміи человѣка. Въ общемъ обѣ части изданы хорошо, снабжены достаточнымъ количествомъ хорошихъ рисунковъ, со стороны же содержанія не обладаютъ никакими особыми достоинствами, но не имѣютъ и существенныхъ недостатковъ. Встрѣчаются, правда, мѣстами ошибки, но едва ли онѣ важны. Особенно такие промахи замѣчаются въ анатоміи животныхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 169—170 написано, что послѣ обработки кости соляной кислотой она станетъ тѣбкой и будетъ состоять изъ одного хряща; если же ее прокалить, то она сдѣлается хрупкой и будетъ состоять изъ однихъ минеральныхъ веществъ. Все это совершенно невѣрно. Во-первыхъ: послѣ обработки кости соляной кислотой удаляются неорганическія вещества кости (соли), а остается костное вещество оссейнъ, а не хрящъ (да не всякий хрящъ и гибокъ). Во-вторыхъ: при прокаливаніи костное вещество сгораетъ, а неорганическія соли превращаются въ золу и кость будетъ похожа на обгорѣлую палку. На стр. 176 авторъ наивно заявляетъ, что отъ сильного охлажденія и нагреванія мозгъ защищенъ волосами головы, а особенно воздухомъ между ними. Выходитъ, что быть лысымъ не только некрасиво, но и опасно для мозга. Вообще анатомія и физіология человѣка, какъ и въ большинствѣ подобныхъ руководствъ, хромаетъ къ стыду авторовъ.

Д-ръ Ячути

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедингенъ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Ноябрь № 11.

1905.

Содержание № 11.

1. Воспитание, какъ факторъ борьбы съ вырождениемъ. Д-ра <i>М. И. Малышеваго</i>	353
2. Бесѣды о воспитаніи. <i>В. С. Лихачова</i>	364
3. Скрывать или не скрывать? <i>Л. Е. Оболенскаго</i> . (Окончаніе).	367
4. Дѣтская жизнь и заботы о дѣтяхъ. <i>В. Ильинова</i>	375
5. Библиографія.	381

Воспитаніе, какъ факторъ борьбы съ вырождениемъ.

(Опытъ наблюдательной психологіи и педагогической статистики).

I.

Въ настоящее время; когда теоріи наследственности являются доминирующими, какъ въ медицинѣ, такъ и въ антропологіи, умѣстно будетъ въ противовѣсть современному увлечению приходить нѣсколько завѣсу надъ вліяніемъ также и другихъ факторовъ развитія индивидуальности человѣка.

Быть можетъ, этимъ путемъ удастся пошатнуть тотъ деморализующій скептицизмъ, съ которымъ какъ общество, такъ и ученый міръ относятся ко всякаго рода попыткамъ активной борьбы съ вырождениемъ человѣческаго рода.

Изъ многихъ факторовъ вырожденія, судьба которыхъ по существу своему находится въ нашихъ рукахъ, я останавливаюсь здесь на вліяніи неблаго-

пріятной семейной обстановки въ дѣтскомъ возрастѣ.

Съ этой цѣлью мною разобранъ материалъ наблюдений, собранныхъ частью въ специальныхъ заведеніяхъ для отсталыхъ и ненормальныхъ дѣтей, частью непосредственно изъ самой жизни.

Къ сожалѣнію, материалъ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло, не даетъ возможности охватить поднятый здѣсь вопросъ настолько широко и всесторонне, какъ мнѣ хотѣлось бы этого.

Дѣло въ томъ, что въ моемъ распоряженіи были дѣти лишь съ ярко выраженными особенностями. Огромная же масса дѣтей съ аномалиями, не выходящими изъ границъ, терпимыхъ школой и жизнью, совершенно не попала въ число моихъ наблюдений.

Всѣдѣствие этого материалъ, собранный мною, отличается нѣкоторой односторонностью, хотя и цѣнной по своей выпуклости.

Изъ 480 наблюдений мнѣ удалось собрать болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ домашняго воспитанія въ 196 случаяхъ.

Изъ 196 наблюдений условія семейнаго воспитанія оказались благопріятными лишь въ 71 случаѣ¹⁾. Осталь-

¹⁾ Подъ благопріятными условіями семейнаго воспитанія я разумѣю тѣ случаи, когда: 1) въ семье налицо были все ея составные части (отецъ и мать); 2) когда имѣлась до-

ныя 125, т.-е. 63% или $\frac{2}{3}$ состояли изъ семей или сложившихся неудачно, или совершенно распавшихся.

Эти 125 человѣкъ дѣтей, которые были выброшены за бортъ школой и обществомъ, какъ непригодные для жизни дегенераты, оказались:

- въ 14 случаяхъ круглыми сиротами;
- „ 10 случаяхъ незаконнорожденными дѣтьми;
- „ 29 случаяхъ родители ихъ разошлись и не жили вмѣстѣ;
- „ 9 случаяхъ одинъ изъ родителей душевно-больной;
- „ 1 случай отецъ—боясь;
- „ 14 случаяхъ одинъ изъ родителей умеръ;
- „ 24 случаяхъ въ семьяхъ царствовалъ бросающейся въ глаза хаось;
- „ 10 случаяхъ дѣти видѣли дурной примѣръ со стороны родителей;
- „ 4 случаяхъ дѣти прѣмыши;
- „ 10 случаяхъ отецъ пьяница.

въ 125 случаяхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ статистическимъ даннымъ, я попытаюсь предварительно показать читателю, что представляютъ изъ себя эти 125 разбитыхъ домашнихъ очаговъ; насколько способны они, въ своемъ полуразрушенномъ видѣ, дать маленькому человѣку то, что ему столь необходимо въ тѣ годы, которые являются, въ сущности, продолженiemъ утробного существованія, которые складываютъ личность и подготовляютъ почву для дальнѣйшихъ вліяній.

статочная материальная обеспеченность; 3) когда у родителей было достаточно здраваго смысла, охоты и времени, чтобы заниматься воспитаніемъ дѣтей.

II.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ оставался круглымъ сиротой, семья гибла не сразу. Чаще это происходило послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, сначала одного, потомъ другого родителя.

Сама по себѣ продолжительная болѣзнь нарушала установленный строй семьи и заставляла сосредоточивать всѣ силы у кровати больного. Дѣти въ это время предоставлялись самимъ себѣ или поверхностному надзору случайно приглашаемыхъ лицъ. Слѣдующее за смертью измѣненіе семьи въ свою очередь вносило неопредѣленность и, наконецъ, смерть второго родителя предоставляла ребенка въ распоряженіе родственниковъ.

Дѣти переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, находились подъ разными вліяніями и въ различныхъ условіяхъ жизни.

Такъ, въ одномъ случаѣ, два брата, оставшись круглыми сиротами, каждые три мѣсяца переходили на житье къ новой тетушкѣ. Въ другомъ—мальчикъ съ 8 до 13 лѣтъ, прежде чѣмъ убѣжалъ изъ дома, перемѣнилъ 6 разъ семьи родственниковъ и 4 раза городъ и учебное заведеніе.

Даже въ случаяхъ сравнительной материальной обеспеченности и добровольности опекуновъ, въ отношеніи дѣтей все выполнялось лишь съ формальной стороны. Ребенка кое-какъ подготавливали и помѣщали въ учебное заведеніе. Если онъ шелъ плохо, къ нему приглашали репетиторовъ; если и это не помогало, на него совершенно махали рукой.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ребенокъ крупнымъ проступкомъ,

даже преступлениемъ, не заявилъ о томъ, что въ отношеніи его не выполнены самыя простыя обязанности.

Если принять во вниманіе, что подобная смерть обоихъ родителей сама по себѣ указываетъ на хилость фамиліи, или рода, то станетъ ясно, какъ вредно должно было отражаться это чисто формальное отношеніе на дѣтяхъ, слабыхъ и неустойчивыхъ отъ рожденія.

При достаточной заброшенности, необходимости постоянно примѣняться къ новымъ условіямъ и обстановкѣ, естественно вырабатывается въ ребенкѣ „жизнь минутой“.

Ничего прочнаго, стойкаго и продолжительнаго, никакихъ опредѣленныхъ плановъ на будущее. Всѣ отрицательные задатки получаютъ полный просторъ для своего развитія.

III.

Не лучше было положеній наблюдавшихъ мною незаконорожденныхъ дѣтей.

Незаконный ребенокъ¹⁾ съ самаго момента появленія своего на свѣтъ лишенъ семьи. Рождаясь почти всегда вопреки желанію своихъ случайныхъ родителей, незаконныя дѣти являются тяжкимъ для нихъ бременемъ.

Въ 7-ми случаяхъ (изъ 10-ти моихъ наблюдений) между отцомъ и матерью лежала какъ умственная, такъ и соціальная пропасть. Это не были дѣти увлечения, хотя бы временнаго и случайнаго. Отцы ихъ изъ интеллигент-

наго, болѣе или менѣе обеспеченаго, класса. Матери же — или мало интеллигентныя, или совершенно неинтеллигентныя дѣвушки.

При этомъ родители, даже при желаніи, далеко не всегда могли материально обезпечить своихъ дѣтей. Родственники, приходившіе на помощь въ такихъ случаяхъ, дѣлали это изподтишка и ребенка съ первыхъ же дней окружала ложь.

Ради традицій незаконнаго ребенка обыкновенно опасались взять въ семью, въ среду законныхъ дѣтей. Въ лучшемъ случаѣ его пристраивали куданибудь. Чаще же онъ оставлялся долгое время на произволъ судьбы. Такъ было почти во всѣхъ разбираемыхъ здѣсь случаяхъ. Отцы взяли своихъ незаконныхъ дѣтей спустя довольно долгое время послѣ ихъ рожденія. При этомъ дѣти первое время провели въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Они кочевали или вмѣстѣ съ матерью, которая, уходя на работу, оставляла ребенка на рукахъ дешевой прислуги; или же ихъ помѣщали сначала въ деревнѣ, потомъ въ различныхъ семьяхъ.

Съ того момента, когда отецъ бралъ ребенка къ себѣ, судьба его становилась лишь сравнительно лучше. У безсемейнаго отца ребенокъ оставался по-прежнему заброшеннымъ. Попадая же въ семью, онъ третировался, какъ приемышъ. Не испытывая материальныхъ лишеній, онъ не зналъ зато и материнской заботливости.

IV.

Положеніе дѣтей, родители которыхъ разошлись, отличается отъ предыдущихъ въ значительной степени.

Особенно важнымъ отрицательнымъ факторомъ является то, что дѣти дѣ-

¹⁾ Подъ незаконными дѣтьми я разумѣлъ здѣсь лишь тѣ случаи, когда отецъ и мать не жили вмѣстѣ и ребенокъ являлся результатомъ случайного, временнаго сближенія его родителей. Тѣ же случаи, гдѣ была гражданская семья, я не отличалъ отъ законныхъ.

лялись невольными свидѣтелями семейнаго разлада и участниками тяжелыхъ, мучительныхъ сценъ.

Причиною разъѣза рѣдко служило мирное несогласіе во взглядахъ родителей, которое могло бы слаживаться сознаніемъ отвѣтственности передъ дѣтьми. Такихъ случаевъ только одинъ.

Гораздо чаще причиною разъѣза была дѣйствительная невозможность совмѣстного существованія вслѣдствіе полной разнозданности одного изъ родителей...

Такихъ случаевъ девять (9). Въ трехъ (3) изъ нихъ отцы представляли изъ себя пѣчально чудовищное, и дѣтей приходилось отнимать у нихъ силою, послѣ чего они иногда крали дѣтей и требовали отъ матерей выкупа.

Даже въ болѣе мягкихъ случаяхъ разъѣзу предшествуетъ семейная драма, которая не можетъ не отразиться на дѣяхъ. Неуравновѣшенные родители, ослѣпленные раздраженіемъ и желаніемъ настоять на своемъ, часто прибѣгаютъ къ авторитету дѣтей и дѣлаютъ ихъ своими судьями.

Часто разъѣздъ кончается тѣмъ, что родители, благодаря физической невозможности раздѣлить дѣтей, разрубаютъ гордіевъ узель тѣмъ, что дѣти поочереди живутъ то у одного изъ нихъ, то у другого. Ребенокъ переходить изъ одного враждующаго лагеря въ другой.

Менѣе честная сторона старается подкупить его баловствомъ и даже поощреніемъ дурныхъ пристиниковъ.

Надо очень много сознанія и выдержаніи со стороны ребенка, чтобы вынести этотъ систематический соблазнъ.

V.

Не лучше положеніе ребенка, когда отецъ пьяница или бродяга.

Даже при сильной энергичной матери такой отецъ вносить въ семью страшную деморализацию.

Случаевъ пьянства отца было десять (10).

Изъ нихъ пять (5) приходятся на семьи съ дѣтьми слабоумными и эпилептиками, два случая—на умственно отсталыхъ и 3—на случаи нравственной деморализации при сохраненіи интеллекта.

При этомъ умственная отсталость въ обоихъ случаяхъ сопровождалась упадкомъ нравственности, а въ одномъ даже значительнымъ ея извращеніемъ.

VI.

Положеніе дѣтей, когда одинъ изъ родителей душевно больной, имѣть свои печальные особенности.

Душевная болѣзнь развивается постепенно и много проходить времени, прежде чѣмъ больной членъ семьи отъ нея отдѣляется.

Семья съ вѣнчаной стороны какъ бы существуетъ, а между тѣмъ внутри ея царить хаосъ, совершаются нелѣпости и наступаетъ иногда полное ея распаденіе.

Наиболѣе пагубнымъ въ такихъ случаяхъ является то, что душевно-больной членъ семьи всѣми окружающими считается здоровымъ. Проявленія больнаго ума и больной воли объясняются странностями, приписываютъ случайному вѣнчаному причинамъ, или непроумленію.

Въ тотъ роковой періодъ, когда разрушается человѣкомъ все то, что онъ успѣлъ создать за многіе годы,—онъ является очень опаснымъ членомъ семьи и въ педагогическомъ отношеніи.

Душевная болѣзнь, помимо хаоса, вносимаго въ семью, еще сбиваетъ съ

ВОСПИТАНИЕ, КАКЪ ФАКТОРЪ БОРЬБЫ СЪ ВЫРОЖДЕНИЕМЪ.

толку близкихъ людей, которые принимаютъ бредъ больного ума за истину.

Эта, своего рода, психическая зараза особенно должна отражаться на дѣтяхъ въ томъ возрастѣ, когда нѣть еще своего сужденія и критерія, но есть уже стремленіе понять и уяснить себѣ окружающее, создать свое міровоззрѣніе.

Изъ 9 наблюденийъ 7 приходятся на дѣтей значительно слабоумныхъ, и 2 лишь случаи на дѣтей съ сохранившимся интеллектомъ, но сильно запущенныхъ въ своемъ воспитаніи. При этомъ одинъ изъ этихъ дѣтей былъ, видимо, сильно сбитъ съ толку отцомъ парапоникомъ, долгое время поражалъ своимъ абсурднымъ взглядомъ на вещи и лишь постепенно вырабатывалось у него болѣе правильное отношеніе къ окружающему.

VII.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ главнымъ отрицательнымъ факторомъ являлась заброшенность ребенка и частая перемѣна различныхъ, иногда прямо противоположныхъ, вліяній и системъ воспитанія.

Труднѣе поддаются классификаціи семьи, гдѣ всѣ составные части ихъ налицо, но не составляютъ дружного здороваго пѣлага.

Къ числу этихъ семей относятся прежде всего тѣ случаи, гдѣ дѣти видаютъ дурной примѣръ со стороны лицъ, по положенію своему являющихся для нихъ авторитетомъ.

Такихъ случаевъ было двѣнадцать (12).

Въ трехъ (3) изъ нихъ матери отличались очень сомнительной нравственностью, обманывая мужей и дѣлай дѣтей своими сообщниками.

Въ одномъ (1)—родители кулаки-по-

мѣщики эксплуатировали окружающихъ привлекая къ этому и дѣтей. Дѣти росли въ атмосфѣре систематического обиранія ближняго и даже не подозревали о возможности иныхъ отношеній къ людямъ.

Въ одномъ случаѣ—отецъ прокутывалъ два состоянія; въ одномъ — отецъ на каторгѣ за подлоги; въ двухъ случаяхъ матери поощряли разгуль сыновей, тайно снабжая ихъ деньгами.

Въ одномъ — воспитатель, которому ввѣренъ былъ ребенокъ, тайно разворачивалъ его.

Въ одномъ—отецъ подрядчикъ посвящалъ сына во всѣ свои продѣлки, пока сынъ не занялся ими самостоятельно и не попалъ подъ судь. И, наконецъ, еще въ одномъ случаѣ мать на глазахъ подрастающихъ дѣтей очень недвусмысленно относилась къ домашнимъ учителямъ и воспитателямъ.

Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и тѣ семьи, большей частью многочисленныя, гдѣ съ формальной стороны все обстоитъ благополучно. Родители, видимо, здоровы, часто очень образованы, любятъ дѣтей своихъ, отличаются безусловной нравственностью, но въ жизни ихъ нѣть ничего определенного и систематичаго.

Не придавая никакого значенія формѣ и видимости, они, какъ имъ кажется, признаютъ лишь содержаніе.

Такое отношеніе къ жизни у нихъ не есть результатъ строго продуманного принципа, или системы, это простое слѣдствіе ихъ собственной несостоятельности. Это тѣ дилетанты въ жизни, которые не умѣютъ своему содержанію дать ясной, опредѣленной и законченной формы.

Не умѣя создать стройной семейной обстановки, они въ какомъ-то хаосѣ

воспитывают своихъ дѣтей, наивно считая этотъ хаосъ *системой свободного воспитания*. Ни для какого занятия нѣть у нихъ опредѣленного времени, ни для какой вещи—опредѣленного места.

Вся семья живетъ, какъ ей вздумается, и то же предоставляется дѣтямъ.

Съ малыхъ лѣтъ находясь въ такой обстановкѣ, ребенокъ привыкаетъ жить однимъ настроениемъ. Эта привычка переносится на все, не исключая даже привязанностей, такъ какъ и онъ связаны съ долгомъ и обязанностями, и онъ имѣютъ свою внешнюю опредѣленную форму, которой въ жизни людей придается колоссальное значеніе.

Несостоятельность такого воспитанія оказывается очень скоро.

Несмотря на свои способности, ребенокъ не поспѣваетъ за товарищами, которые привыкли правильно распредѣлять досугъ и работу.

Онъ не способенъ къ продолжительному напряженію, успѣхи его неровны, вниманіе постоянно колеблется.

Послѣ непродолжительной борьбы со школой, способный, иногда даже талантливый, ребенокъ исключается изъ нея на основаніи § 34, или иного, аналогичнаго съ нимъ, какъ *неспособный ученикъ* и нерадивый воспитанникъ.

Если же въ немъ еще имѣются зачатки вырожденія, что встречается довольно часто, то на этой дегенеративной почвѣ, при господствующемъ вокругъ хаосѣ, развиваются какія угодно порочныя наклонности¹⁾.

Д-ръ М. И. Маларевскій.
(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Дѣйствительная система свободного воспитанія заключается въ томъ, чтобы, предоставивъ ребенку полный просторъ для разви-

Бесѣды о воспитаніи.

V.

Вы слышите оживленный разговоръ въ дѣтской. Входите — и разговоръ сразу обрывается. Спрашиваете у кого-нибудь изъ дѣтей, въ чёмъ дѣло, — и получаете уклончивый отвѣтъ, сопровождающийся уклончивымъ взглядомъ.

Это очень серіозный моментъ. Это значитъ, что въ дѣтяхъ нѣть уже прежняго довѣрія къ вамъ. Съ какихъ поръ? Вѣдь еще недавно дѣти болтали при васъ обо всемъ, не стѣсняясь, и въ упоръ смотрѣли на васъ своими чистыми, ясными глазами. Съ какихъ поръ — не все ли равно! Лишь бы не было поздно.

Очевидно, вами сдѣланъ рядъ промаховъ, въ свое время не замѣченныхъ. Когда-нибудь — допустимъ, по разсѣянности, — вы не откликнулись на попрывъ дѣтской откровенности; когда-нибудь вы скрыли отъ дѣтей что-либо такое, что скрывать не было никакой надобности: за промахомъ промахъ — и уже между вами и дѣтьми пролегла грань, пока еще, къ счастью, не глубокая. Поскорѣй сравнивайте ее съ землей. На сегодня еще останется отъ нея бурый слѣдъ, завтра зазеленѣеть она свѣжей травкой, а черезъ нѣсколько дней вы, какъ и дѣти, забудете, гдѣ она была. Бѣда не въ томъ, что у дѣтей завелись свои секреты; это въ порядкѣ вещей. Бѣда въ томъ, что дѣтамъ ихъ секреты кажутся чѣмъ-то

тія своей индивидуальности, зорко оберегать его въ то же время отъ всего, что можетъ вредно отразиться на его психическомъ и физическомъ здоровье. Воспитаніе Штолца есть слабый намекъ на это и самъ Гончаровъ не сумѣлъ нарисовать его, а лишь набросаль штрихи.

преступнымъ, и они боятся обнаружения не столько ихъ содержания, сколько ихъ существования. Здѣсь-то и необходимо наискорѣйшее со стороны родителей разувѣреніе и успокоеніе. Лучше всего, конечно, такихъ, чреватыхъ бурными послѣдствіями, промаховъ не дѣлать—и это, право, не такъ ужъ трудно.

Ребенокъ застаеть мать въ слезахъ: только - что произошла супружескаяссора. Ребенокъ, самъ готовый заплакать, спрашивается, о чемъ плачетъ мама. Отвѣта нѣтъ или, вместо отвѣта, ребенокъ слышитъ обидное: „ахъ, оставь, не твоё дѣло“.

Пришелъ срокъ расплаты съ учителемъ. Для этого отецъ ученика зоветъ учителя въ кабинетъ и не вполнѣ тщательно затворяетъ дверь, вслѣдствіе чего ученикъ становится невольнымъ свидѣтелемъ, какъ монеты или ассигнаціи переходятъ изъ рукъ отца въ руки учителя. Если отецъ усматриваетъ непрошенаго свидѣтеля, то послѣдній обыкновенно изгоняется, а монеты или ассигнаціи таинственно прикрываются.

Дѣти затѣяли такую игру, въ которую, по мнѣнію родителей, имъ, какъ большими дѣтями, играть уже стыдно. Дѣтямъ было очень весело; но брошенное вскользь родительское замѣчаніе, хотя можетъ-статься и не заключавшее въ себѣ прямого запрета, испортило всю затѣю: дѣти смущены, игра разстраивается—и недавняго веселья какъ не бывало.

Родители почему-либо нервничаютъ и зря придираются къ дѣтямъ: не такъ ступилъ, не такъ сѣла, некстати замѣялся, сказала глупость. Дѣти въ свою очередь начинаютъ нервничать. Это еще болѣе раздражаетъ родителей

и усиливаетъ придишки. Естественно усиливается и нервная реакція со стороны дѣтей. Въ концѣ концовъ шлеши, слезы и т. п.

Примѣры взяты изъ воспоминаній и наблюдений на выдержанку. Въ жизни имъ нѣтъ числа. Каждый примѣръ въ отдельности представляетъ собой одинъ изъ тѣхъ незначительныхъ случаевъ, мимо которыхъ мы обыкновенно проходимъ безъ вниманія; но каждый случай дѣлаетъ свое дѣло, какъ дѣлаетъ свое дѣло капля, долбящая камень,—и въ результатѣ простодушное изумленіе: почемъ? откуда?

Такъ постепенно не только подрывается въ дѣтяхъ довѣріе къ намъ, не только развивается въ нихъ нежелательная скрытность, но и вообще исчажаются основныя понятія добра и зла, правды и кривды, долга и произвола.

Прежде чѣмъ увидѣть мать плачушею, ребенокъ слышалъ издали крупный разговоръ между нею и отцомъ, доходившій до вскриковъ съ обѣихъ сторонъ. Но отецъ хлопнулъ дверью и ушелъ,—мать же налицо и при томъ въ слезахъ. Значитъ, отецъ обидѣлъ мать—иного вывода для ребенка нѣтъ. А можетъ-быть, произошло обратное?

Отецъ расплачиваются съ учителемъ такъ, чтобы этого никто не видѣлъ. Опять неизбѣжный выводъ: платить за трудъ, равно какъ и получать за него,—дѣло не очень-то хорошее; но, такъ какъ обыкновенно платящій бываетъ богатъ, а получающій бѣдень, то главнымъ виновникомъ нехорошаго дѣла оказывается послѣдній: учитель не можетъ не брать денегъ, а отецъ только снисходитъ къ его слабости или бѣдности—что, очевидно, одно и то же.

Какъ же быть, однако? Нельзя же пріобщать ребенка къ тѣмъ распрямъ

и стычкамъ, какія происходятъ между родителями,—нельзя же обращать его въ судью между отцомъ и матерью! Конечно, нельзя. Но разъ онъ слышалъ, какъ отецъ и мать другъ на друга кричали, разъ онъ видѣлъ мать въ слезахъ,—то онъ ужъ прюбщенъ, онъ ужъ судья. Тутъ выходъ одинъ. Отцу и матери, ясно сознающимъ лежащій на нихъ воспитательный долгъ и искренно желающимъ этотъ долгъ исполнить, надлежитъ изгнать изъ взаимного обихода всякия распри и стычки; если же это, по ихъ темпераментамъ и характерамъ, оказывается для нихъ непосильнымъ или если они просто не хотятъ поступиться вкоренившимся привычкою,—то ужъ надо играть въ открытую: лучше ребенку видѣть и слышать все и выводить заключенія на основаніи всей совокупности данныхъ,—чѣмъ видѣть и слышать вполовину и судить по догадкамъ. Что касается такого случая, какъ расплата съ учителемъ, то здѣсь родительская скрытность не имѣть ни малѣйшаго оправданія и является просто-напросто дурнымъ предразсудкомъ.

В. С. Лихачовъ.

Скрывать или не скрывать?

(Окончаніе 1).

IV.

Порокъ этотъ обыкновенно называютъ „порокомъ школьнаго возраста“.

Специалисты сообщаютъ намъ, что его распространенность громадна.

Относительно этого порока, необходимо также имѣть въ виду, что степень его вреда не для всѣхъ дѣтей

одинакова. Онъ дѣйствуетъ убийственно, какъ ядъ, на дѣтей съ слабой организацией и плохой (наследственно) нервно-мозговой системой. Лично я наблюдалъ два случая очень ранней смерти (12 и 14 лѣтъ), вызванной исключительно этимъ порокомъ. Но, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, результатами являются—ослабленіе дѣятельности мозга, проявляющееся въ ослабленіи памяти и сообразительности,—нервныя заболѣванія, напр., неврастенія, болѣзни сердца, ослабленіе мышцъ, желудочно-кишечная глубокая разстройства, потеря зрѣнія, ослабленіе слуха и, кромѣ того, потеря способности, необходимой для счастливаго брака. Это причиняетъ впослѣдствіи одно изъ величайшихъ нравственныхъ пытокъ. Впрочемъ, я знаю случай, когда эта способность постепенно возстановлялась, хотя и въ пѣсколько ослабленіи видѣ, такъ что все-таки могли появляться здоровыя дѣти и семейная жизнь сохранялась.

Огромный вредъ больнымъ этого рода приносятъ популярные плохія книжки объ ихъ болѣзни. Въ нихъ, обыкновенно, преувеличивается опасность болѣзни и ея неизлѣчимость, а это воздействуетъ на больного, какъ нѣкотораго рода смущеніе (suggestion), парализующее волю и рѣшимость бороться съ дурной привычкой. Наступаетъ отчалинѣ, апатія и больной гибнетъ. Между тѣмъ, при существованіи вѣры въ возможность освободиться отъ губительной привычки, эта послѣдняя можетъ быть побѣждена, особенно при содѣствіи дополнительныхъ мѣръ, укрепляющихъ нервы и общее питаніе,—мѣръ, особенно гигіеническихъ (купанье, физическая упражненія на открытомъ воздухѣ, напримѣръ гребля).

1) См. „Восп. и Обуч.“, № 10, стр. 321.

СКРЫВАТЬ ИЛИ НЕ СКРЫВАТЬ?

Я лично наблюдалъ, какъ одинъ юноша, влавшій было въ совершенное отчаяніе относительно возможности бороться съ гибельной привычкой (пока онъ жилъ въ столицѣ зимой),—былъ перевезенъ весной на югъ, къ морю; здѣсь онъ съ увлечениемъ отдался купаньямъ и поездкамъ на лодкѣ, при чёмъ самъ грѣбъ. Черезъ мѣсяцъ, его уже нельзя было узнать: исчезла блѣдность кожи и дряблость мышцъ, прошла сутуловатость; тупое сонное выражение глазъ, съ начинавшимся косоглазіемъ, исчезло, смѣнившись бодрымъ и смѣлымъ взглядомъ. Воля начала совершенно успѣшно бороться съ привычкой, а въ концѣ лѣта не было даже нужды бороться съ нею, потому что она перестала заявлять о себѣ.

Но начальной причиной всей этой перемѣны было, однако, убѣжденіе, которое я старался закрѣпить въ душѣ этого юноши,—объ излѣчимости его болѣзни. Но самая возможность внушить ему это убѣжденіе явилась только послѣ того, когда я добился,—путемъ долгихъ усилий,—полней его откровенности. Въ этомъ-то и лежитъ, по-моему, самая основная задача спасенія юношества отъ подобныхъ опасностей; нужно прежде всего добиться ихъ полной, безусловной откровенности, ихъ совершенного довѣрія къ себѣ.—Но объ этомъ поговорю подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

V.

Изъ всего предыдущаго изложенія читатели уже могутъ сами видѣть, что первымъ и въ то же время единственнымъ средствомъ спасенія дѣтей и юношней отъ тріады разсмотрѣнныхъ нами пороковъ является ихъ полная откровенность. Но она не можетъ быть

вызвана никакими иными способами, кроме одного, а именно: необходимо поставить дѣтей и юношней относительно себя такъ, чтобы они видѣли въ васъ только старшаго товарища и друга, но ни коимъ образомъ не воспитателя, не „ментора“.

Только тотъ, кто совершенно забылъ свое дѣтство и свою юность и не имѣть ни малѣшаго понятія о психологіи дѣтей и юношней,—можетъ надѣяться, что добьется ихъ откровенности, не отказавшись отъ менторскаго, поучительнаго тона и замашекъ.

Описать все или хотя бы нѣкоторые приемы, которыми я самъ добился полной откровенности дѣтей и юношней, я здѣсь не въ состояніи, потому что эти приемы приходилось менять соответственно душевнымъ особенностямъ ребенка. Необходимо только помнить одно, что у юноши, въ котораго уже заброшено зерно порчи, образуется прямо-враждебный взглядъ на каждого взрослого, въ которомъ онъ заподозритъ намѣреніе руководить, советовать и т. п. Поэтому, до наступленія момента полной откровенности, необходимо временно исключить изъ своихъ отношений къ пациенту всякия советы, указанія, а тѣмъ болѣе морализованія и проповѣди. Всё это никакъ не воспринимается дѣтьми, а, наоборотъ, можетъ имѣть совершенно обратное влияніе: вашъ пациентъ станетъ нарочно, изъ досады противъ васъ, дѣлать именно то, что вы советуете ему не дѣлать.

Мои читатели, вѣроятно, слыхали разсказъ о томъ, какимъ образомъ знаменитый нѣмецкій поэтъ Гейне добился того, что первое изданіе его стихотвореній разошлось очень быстро въ то время, когда онъ былъ еще совер-

шению неизвестенъ. Онъ посовѣтовалъ своему издателю—отправиться къ редактору университета и сообщить ему, будто бы студенты съ необычайной жадностью раскупаютъ стихотворенія Гейне, очень-де вредныя по содержанію. Въ дѣйствительности было совсѣмъ наоборотъ, т. е. книжка не расходилась вовсе. Но вотъ, ректоръ объявляетъ студентамъ, что имъ воспрещается покупать и читать стихотворенія Гейне. Результатомъ было то, что книжка разошлась вся на другой же день и потребовалось новое изданіе.

Этотъ анекдотъ,— а, быть-можеть, и былъ,—превосходно характеризуетъ психологію юности. Если о взрослыхъ говорятъ, что „запретный плодъ для нихъ сладокъ“, то, говоря о юношахъ, нужно взять эту формулу въ квадратѣ, такъ какъ,—кромѣ общечеловѣческаго мотива, а именно особаго любопытства относительно всего запретнаго, всего секретнаго и скрываемаго,— тутъ является дѣтское самолюбіе, заставляющее казаться взрослымъ, возникающее изъ отношенія взрослыхъ къ дѣтямъ и юношамъ, всегда нѣсколько „свысока“, шутливо, полупрезрительно, менторски. Изъ этого-то отношенія и раздражаемаго имъ самолюбія подростковъ, возникаетъ, главнымъ образомъ, тотъ упорный антагонизмъ, тотъ почти злобный духъ протesta, который замѣчается у юношой по отношенію къ „старшимъ“.

Итакъ, чтобы получить возможность вліять на юношество, необходимо прежде всего устранить этотъ антагонизмъ.

Но тутъ есть еще одно препятствіе: есть педагоги, отлично понявшиѳ это первое положеніе, но „пересаливающіе“ въ своемъ стремленіи заслужить до-

вѣrie и любовь юношой. Это „пересаливаніе“ такъ же опасно, какъ и „менторство“, потому что, перейдя за извѣстные предѣлы, оно становится „угодничествомъ“, „занскиваніемъ“ передъ молодежью. Эта послѣдняя отлично чувствуетъ, что передъ нею занскиваютъ, и перестаетъ уважать такого педагога, начинаетъ относиться къ нему сама презрительно, свысока, „менторски“.

Поэтому, стремясь къ товарищескому, чуждому менторства, отношенію съ юношествомъ, воспитатель никогда не долженъ терять своего достоинства (нравственнаго), своей безусловной самостоятельности.

Только иройдя благополучно между Сцилой и Харибдой этого труднаго пути, онъ можетъ взять на себя задачу совсѣника, указателя пути, можетъ даже итти и дальше: предупреждать о грядущей опасности еще въ то время, когда нѣтъ ея признаковъ. То-есть, говоря проще, знакомить юношой заранѣе съ тѣми опасностями, какія могутъ открыться для нихъ на пути еще неизвѣстномъ даже въ общихъ чертахъ.

Сообщенія подобнаго рода должны дѣлаться непремѣнно, но дѣлаться очень осторожно и умѣло.

1) Прежде всего, они не должны возбуждать воображенія и любопытства въ сторону удовольствія этихъ невидимыхъ путей, а, наоборотъ, вся сила воображенія юноши должна быть направлена на печальные результаты этого пути,— будетъ ли это употребленіе алкоголя, или „дѣтскій порокъ“, или преждевременное удовлетвореніе любопытства въ области пола.

Простое, реальное, близкое къ научному сообщеніе о строеніи человѣ-

СКРЫВАТЬ ИЛИ НЕ СКРЫВАТЬ?

ческаго организма, о его функцияхъ, о тѣли и назначеніи этихъ функций и ихъ органовъ и о послѣдствіяхъ нарушенія правильности и своевременности этихъ функций — создаетъ прочную опору въ душѣ юноши противъ соблазна тѣми циническими картинками и анекдотами, которые онъ узнаетъ впослѣдствіи отъ товарищѣй по школѣ.

И эта опала будетъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ больше юноша будетъ предупрежденъ о разсказахъ, которые услышитъ въ школѣ. *Довѣріе его къ этимъ рассказамъ должно быть уничтожено зараннѣ.* Это достигается тѣмъ, что юноша узнаетъ отъ васъ о ложныхъ и ошибочныхъ основаніяхъ этихъ разсказовъ, о невѣжествѣ и болѣзненнѣй извращенности такихъ разсказчиковъ, или лицъ, отъ которыхъ эти послѣдніе усвоили свои разсказы.

Мнѣ известно по опыту, что юноша, подготовленный такимъ образомъ, является, затѣмъ, въ школѣ настоящимъ борцомъ противъ школьнаго повѣствователей извѣстнаго типа. Конечно, онъ не можетъ обратить „всѣхъ“ въ „свою сторону“. Но вокругъ него всегда образуется группа большихъ или меньшихъ размѣровъ, протестующая противъ цинизма, школьнай выщивки, кутежей и т. п.

И образованіе такой группы весьма существенно: мальчики, уже пораженные тѣмъ или инымъ недугомъ этого рода, дѣйствуютъ не одними разсказами, но и наемѣшками, презрѣніемъ, вышучиваніемъ тѣхъ изъ своихъ товарищѣй, которые держатся въ сторонѣ отъ ихъ компаний. А, какъ известно, одиѣ въ полѣ не воинъ. При юношескомъ самолюбіи, отчужденіе отъ товарищѣй, наемѣшки ихъ и т. п. мо-

гутъ поколебать юную волю и мысль. Поэтому-то весьма важно развить въ юношѣ не только отрицаніе цинизма, но также и то, чтобы это отрицаніе не было въ немъ совершенно пассивнымъ или молчаливымъ, а дополнялось стремлениемъ *пріобрѣсти себѣ послѣдователей*. Если они нашлись (какъ бы ихъ ни было мало,—пусть даже одинъ или два), наемѣшки уже не страшны: „на людяхъ и смерть красна“, — говорить народная мудрость. Юноша огражденъ отъ наемѣшекъ, какъ стѣной, сочувствіемъ своихъ единомышленниковъ.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ основные приемы, которые должны замѣнить теперешнее „скрываніе“ и „секреты“.

Даже въ томъ случаѣ, когда эти приемы примѣнены далеко не идеально и неумѣло, они вреда принести не могутъ, потому что въ школѣ вашъ ребенокъ *неизбѣжно* будетъ посвященъ товарищами въ то, что вы отъ него желали бы скрыть. И какъ бы плохо вы не выполнили задачи—сообщенія ему объ этихъ грядущихъ опасностяхъ, вы все же сдѣлаете это *полезнѣе* для него, чѣмъ это сдѣлаютъ его будущіе товарищи. Лучше и полезнѣе уже потому, что вы не будете, конечно, распальять его воображенія картинами наслажденій и удовольствія отъ запретныхъ плодовъ, а товарищи, наоборотъ, пустятъ впереди всего эту сторону; во-вторыхъ, въ вашемъ разсказѣ, во всякомъ случаѣ, исчезнетъ элементъ „молодечества“, который *непремѣнно* будетъ существеннымъ элементомъ разсказа товарищѣй; наконецъ, въ вашемъ разсказѣ вы укажете опасныя послѣдствія страшной триады школьнаго пороковъ, а въ раз-

сказахъ товарищѣй эта сторона совершенно не будетъ затронута.

Въ заключеніе, едва ли мои читатели, выслушавъ все, сказанное выше, станутъ колебаться, избирая отвѣтъ на вопросы, поставленные въ началѣ статьи: „скрывать, или не скрывать“? Но они не забудутъ и другого моего положенія: важно и то—*какъ не скрывать*.

Л. Е. Оболенскій.

Дѣтская жизнь и заботы о дѣтяхъ.

(Истязатели дѣтей. Похищеніе дѣвочки. Забастовка школьнія. Младенецъ, до которого никому нѣтъ дѣла. Рѣчи директора гимназіи и вице-губернатора въ Витебскѣ о новыхъ вѣяніяхъ. Покушеніе на самосожженіе въ одиночной тюрьмѣ. Дѣтская игра „въ казаковъ“ въ Н.-Новгородѣ. „Семейные очаги“ для призрѣнія сиротъ павшихъ воиновъ. Петиція бѣлостокскихъ родителей и опекуновъ).

Случай истязанія дѣтей людьми-звѣрями, для которыхъ, надо полагать, „все человѣческое - чуждо“, — будуть, конечно, повторяться безчисленное число разъ, пока человѣчество въ общей массѣ своей не усвоитъ принциповъ гуманности, не разовьется до истиннаго пониманія своего собственнаго человѣческаго достоинства. Тѣмъ не менѣе изъ этого въ высшей степени печальнаго положенія не слѣдуетъ, разумѣется, что печать въ отчаяніи должна махнуть рукой на случаи многообразныхъ проявленій дикости, озвѣрѣнія человѣческаго. Напротивъ, она должна отмѣтить по возможности всякий фактъ въ данной области, она должна пригвоздить къ позорному столбу, на судъ общественнаго мнѣнія, человѣка, забывающаго о томъ, что онъ—человѣкъ. Почти всякий старается ка-

заться лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, и положительно всякий боится, какъ-бы о немъ не подумали очень дурно. Неисправимые негодяи— почти исключительное явленіе.

Въ Одессѣ, по улицѣ Жуковскаго, въ домѣ № 40, проживалъ, а быть можетъ и понынѣ проживаетъ дворникъ Антонъ Бугаенко. Этотъ фруктъ, выросшій на почвѣ невѣжества, находилъ своеобразное удовольствіе въ истязаніи дѣтей жильцовъ того дома, къ которому онъ приставленъ для услугъ. Удивительное дѣло: жильцы терпѣли! Но вотъ Антонъ Бугаенко нанесъ сильный ударъ *желѣзомъ* малолѣтней дочери жилицы Бельтаки. Чаша терпѣнія очевидно переполнилась и молчаливые до тѣхъ поръ, смиренные жильцы подали слезницу одесскому градоначальнику. Тогда былъ составленъ полицейскій протоколъ и подтвердилось, что Антонъ Бугаенко—человѣкъ-звѣрь.

Не далеко отъ дворника Антона Бугаенко по своей нравственной сущности отстоитъ директоръ Бавыкинской (Тверской губ.) исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ И. П. Голобутскій. Какъ сообщаетъ „Харьковск. листокъ“, 8-го Іюля воспитанники колоніи явились къ законоучителю священнику о. Павлу Тихомирову и просили его пойти съ ними въ колонію, потому что тамъ жестоко избитъ директоромъ колоніи И. П. Голобутскимъ ихъ товарищъ—воспитанникъ Малофеевъ. Священникъ пошелъ и увидѣлъ избитаго мальчика Малофеева: онъ былъ окровавленъ, съ подбитыми глазами и съ синяками на лицѣ. Произошло объясненіе. Всѣ воспитанники (ихъ болѣе 30 чел.) говорили, что Малофеевъ избитъ г. Голобутскимъ. Голобутскій не отрицалъ, но утверждалъ,

что онъ ударила Малофеева только „одинъ разъ“. На это воспитанники возразили, что столько синяковъ и кровоподтековъ однімъ ударомъ сдѣлать нельзя, что Голобутской постоянно бьетъ ихъ, воспитанниковъ, и упомянули даже о какой-то особой плеткѣ г. директора. Объясненіе происходило въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ и о. Павла Тихомирова во внутреннемъ помѣщеніи колоніи. Это же объясненіе слышали сынъ священника учитель К. П. Тихомировъ, пришедший за отцомъ, слесарь колоніи Ив. П. Фомушкинъ и другія лица, которыхъ стояли извѣтѣ, у оконъ.

• Въ той же Одессѣ, гдѣ живетъ Антонъ Бугаенко, продолжаютъ похищать дѣвочекъ. Такъ, не особенно давно, по словамъ „Од. Нов.“, нѣкто Коганъ обратился съ заявлениемъ въ полицію о похищеніи его 14-лѣтней дочери. Путемъ дознанія надзирателю Басюрѣ удалось выяснить, что дѣвочка похищена сосѣдкой, Р. Шнейдеръ, согласно предварительному уговору ея съ другимъ соѣдомъ А. Ямпольскимъ, которому она и сдала дѣвочку на станціи „Раздѣльная“, заманивъ ее туда подъ видомъ увеселительной прогулки. Послѣ дознанія дѣвочка неожиданно возвратилась въ Одессу и рассказала слѣдующую исторію. По прибытіи на „Раздѣльную“, Шнейдеръ куда-то скрылась, оставивъ Коганъ одну. Не понимая, что происходитъ, дѣвушка стала разыскивать Шнейдеръ, и вдругъ передъ нею выросъ Ямпольскій. Онъ сталъ уговаривать ее отправиться съ нимъ въ Кишиневъ на одинъ день, а оттуда они возвратятся въ Одессу. Ничего не подозрѣвая, дѣвушка согласилась. По прибытіи въ Кишиневъ, Ямпольскій, подъ угрозой зарѣзать ее, надругался

надъ ней. И только на разсвѣтѣ Коганъ удалось спастись изъ номера. Собравъ у сердобольныхъ людей на билетъ, она прибыла въ Одессу.

Не важно, повидимому, обстоять дѣло воспитанія въ красно-поселенческой (Самарск. у.) низшей сельско-хозяйственной школѣ. Ребята терпѣли—терпѣли, да и рѣшили прекратить занятія до удовлетворенія пѣлаго ряда претензій, которая и изложили въ соответствующей петиціи. Въ ряду этихъ претензій, какъ пишетъ „Р. Л.“, наиболѣе интересны три: 1, улучшеніе пищи, 2, несоблюденіе постовъ, и 3, пользованіе плодами изъ сада и огорода (!). И вообще, по словамъ школьнія, „школьный режимъ губительно дѣйствуетъ на ихъ умъ и сердце“.

Въ Витебскѣ, на актѣ въ женской гимназіи директоромъ и вице-губернаторомъ произнесены были рѣчи, заслуживающія вниманія. Директоръ, по словамъ „Вит. губ. Вѣд.“, сказалъ: „Мы живемъ въ удивительное время, когда дѣти - школьники учатъ родителей и командуютъ ими (!). Молодежь и люди самыхъ обыденныхъ занятій, до ремесленныхъ подмастерьевъ включительно, и женщины разныхъ званій хотятъ решать государственные дѣла первостепенной важности; когда не только большие, но и малые, не только болѣе или менѣе разумные, но и неразумные требуютъ общей свободы и равенства. Теперь все требуютъ правъ и находятъ полезнымъ возбуждать народный духъ внушеніемъ о томъ, что образованные классы общества и государственные учрежденія существуютъ на счетъ народа въ противность справедливости (!)... Стремленія женщинъ имѣть избирательные права, право вотировать въ обществен-

ныхъ и государственныхъ собранияхъ и занимать гражданскія должности есть праздная затѣя отъ незнанія болѣе важнаго и близкаго дѣла или отъ неимѣнія интереса къ нему" и т. д. и т. д. Послѣ директора выступилъ вице-губернаторъ г. Ключаревъ. Онъ сказалъ немногого и закончилъ свою рѣчь приблизительно такъ: "Всѣ стремятся на какіе-то тамъ курсы. Желаю вамъ, mesdemoiselles, поступить на самые высшіе курсы, т.-е. выйти замужъ!" Это остроуміе вызвало такой взрывъ хохота, что вице-губернаторъ поспѣшилъ скрыться.

Въ Саратовѣ въ юлѣ мѣсяца имѣлъ мѣсто ужасный случай. Въ мѣстной одиночной тюрьмѣ, какъ пишетъ „Прав. Край“, облилъ себя керосиномъ и зажегъ содержащейся подъ слѣдствиемъ Дудникова, юношу 18 лѣтъ, бывшій ученикъ техническаго училища. Дверь въ камеру онъ предварительно забаррикадировалъ и, когда тюремная администрація сорвала дверь и вошла въ камеру, у Дудникова горѣли ноги; его, отправили въ больницу. За нѣсколько дней до этого Дудниковъ объявилъ голодовку.

Какія причины заставили несчастнаго рѣшился на такой шагъ?

Мѣстная жизнь въ Н.-Новгородѣ производитъ на впечатлительныя дѣтскія души характерное педагогическое вліяніе.

Новая игра замѣчается у мѣстныхъ дѣтей на нѣкоторыхъ улицахъ,—сообщаетъ „Ниж. Л.“. Состоитъ она въ томъ, что дѣти дѣлятся на двѣ партіи, изъ которыхъ одна вооружается самодѣльными „пиками“ и „нагайками“ и съ гаканьемъ набрасывается на другую; происходитъ шумъ, крикъ, иногда слезы; затѣмъ перемѣна ролей,—и пострадав-

шая партія колотить своего „противника“.

Какъ сообщаетъ столичная печать, нѣсколько лицъ, понесшихъ утраты во время нашей несчастной войны съ Японіей, объединились для устройства „Семейнаго очага“ для призрѣнія оиротѣвшихъ дѣтей убитыхъ воиновъ въ тѣхъ мѣстахъ, где окажутся сироты. Этотъ кружокъ начинаетъ свою дѣятельность открытиемъ двухъ „Семейныхъ очаговъ“: за Малой Охтой, близъ Петербурга, и въ Павловскѣ, Херсонской губ., Тираспольскаго уѣзда. На Охтѣ будутъ приниматься офицерскія дѣти, мальчики отъ 4—5 лѣтъ; въ Павловскѣ будутъ приниматься солдатскіе сироты отъ 4—5 лѣтъ, одни мальчики. Прошенія для принятія дѣтей можно подавать, начиная съ 1 августа, въ Петербургѣ (Итальянская, 3, кв. 75) а также въ имѣніи Павловка, Херсонской губ., Тираспольскаго уѣзда, на имя княгини Анны Ивановны Абамелекъ.

По словамъ „Сѣв.-Зап. Слова“, родители и опекуны воспитанниковъ бѣлостокскаго реальнаго училища обратились къ попечителю учебнаго округа съ петиціей слѣдующаго содержанія:

Мы, нижеподписавшіеся, родители и опекуны дѣтей, воспитывающихся въ бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, просимъ о введеніи въ реальномъ училищѣ съ новаго учебнаго года слѣдующихъ положеній: 1) Уничтоженія всѣхъ препятствій при поступленіи въ реальное училище по вѣроисповѣданіямъ, національностямъ, возрасту и недостатку вакансій. 2) Уничтоженія инспекціи, какъ полицейской инстанціи, и педелей. 3) Свободнаго выбора квартиръ для учениковъ, родители и опекуны которыхъ живутъ въ Бѣлостока 4) Уни-

чтоженія виѣшкольнаго надзора въ до-
машней жизни учениковъ. 5) Умень-
шенія платы за право учения въ пер-
выхъ 4-хъ классахъ до 20 руб. въ годъ.
6) Предоставленія права участія въ
педагогическомъ совѣтѣ родителямъ и
опекунамъ съ рѣшающимъ голосомъ.
7) Введенія преподаванія всѣхъ пред-
метовъ по чисто научнымъ основаніямъ
безъ примѣси политической тенденціи.
8) Обязательного преподаванія для дѣ-
тей поляковъ польского языка и его
литературы, а также исторіи польска-
го народа—преподавателями поляками
на польскомъ языкѣ. 9) Расширенія
училищной библіотеки введеніемъ въ
нее польскихъ и еврейскихъ книгъ.
10) Безпрепятственнаго чтенія учащи-
мися всѣхъ книгъ, допущенныхъ общей
цензурой. 11) Права участія учениковъ
въ кружкахъ самообразованія, имѣю-
щихъ научную и культурную цѣль. 12) О
возбужденіи ходатайства передъ мини-
стерствомъ народнаго просвѣщенія о
предоставленіи реалистамъ права по-
ступать въ университѣты на всѣ фак-
ультеты, по выдержаніи дополнитель-
наго экзамена по латинскому языку.
13) О допущеніи въ учительскій пер-
соналъ поляковъ, литовцевъ и евреевъ.
14) Вѣжливаго обращенія учительска-
го персонала со всѣми учащимися безъ
различія національности и вѣроиспо-
вѣданія. 15) О дозволеніи учащимся
свободно посѣщать публичныя лекціи
научнаго и общественнаго характера,
театры и концерты.

B. Измайлова.

БИБЛІОГРАФІЯ.

27. Жизнь пещернаго человѣка.
Stanley Waterloo. Переводъ съ амери-
канскаго Н. С. Кур-ова. Москва, изд.

C. Курпина и К°. Стр. 194 съ иллюстр.
Цѣна не обозначена.

Авторъ при составленіи своего труда
пользовался указаніями заинтересовав-
шихся его повѣстью ученыхъ, близко
знакомыхъ съ доисторической эпохой,
благодаря чему талантливо написанная
книга пріобрѣтаетъ еще большій инте-
ресъ и цѣнность. Цѣль автора не только
изобразить быть доисторического пе-
щерного человѣка, но и доказать, что
неолитическій періодъ (вѣкъ щлифован-
наго камня) слѣдоваль непосредственно
за палеолитическимъ (вѣкъ грубо тесан-
наго камня) безъ всякаго таинственного
пробѣла, за существование котораго вы-
сказываются нѣкоторые ученые

Главный герой повѣсти, Абъ, богато
одаренъ природой не только физически,
но и духовно. Смѣлый мальчикъ уже въ
возрастѣ 9 лѣтъ предпринимаетъ до-
вольно рискованныя экскурсіи по дѣ-
ственному лѣсу, недалеко отъ пещеры
родителей, гдѣ и знакомится съ Окомъ,
мальчикомъ своихъ же лѣтъ, сыномъ
одного изъ лучшихъ охотниковъ окре-
стности. Это знакомство и повліяло на
далѣйшую судьбу Аба. Мальчики все
время проводятъ вмѣстѣ, близко сход-
ятся благодаря пылкости юныхъ натуръ,
жаждущихъ первыхъ подвиговъ, и, на-
конецъ, составляютъ смѣлый планъ охоты
на дикую лошадь, чтобы завоевать себѣ
уваженіе въ глазахъ своихъ родителей
и расширить такимъ образомъ свободу
своихъ дѣйствій. Послѣ долгихъ риско-
ванныхъ приготовленій, массы трудно-
стей и долгихъ ожиданій въ ловушку
попался молодой носорогъ—добыча, съ ко-
торой юные охотники не въ состояніи
были справиться и пригласили на помощь
своихъ отцовъ. Съ этихъ поръ на маль-
чиковъ дѣйствительно смотрѣть уже,
какъ на охотниковъ. Абъ, благодаря
своей смѣлости, способностямъ, оста-
навливаетъ на себѣ вниманіе старого
Мока, искуснаго мастера всякаго рода
оружія и гравера по слоновой кости,
который и выучиваетъ его своему ремеслу.
Судьба благопріятствуетъ Абу, а про-
стой случай приводитъ его къ изобрѣ-
тенію лука.

Но вотъ послѣ охоты на мамонта,

кстати сказать, очень хорошо описанной, во время игръ Абъ былъ нечаянно раненъ стрѣлой и среди общаго возбужденія и веселья остается на произволъ судьбы и вѣрное съѣденіе звѣрей. Но вѣрный другъ, Окъ, не забылъ о немъ, и онъ неожиданно для себя избѣгаетъ смерти. Въ благодарность Абъ знакомить его съ новымъ оружіемъ, даритъ ему лучшій лукъ и стрѣлы. Но все-таки этотъ случай не могъ предотвратить назначеніе рока, и Окъ падаетъ отъ руки бывшаго друга.

Впервые появляется тутъ у человѣка угрывеніе совѣсти, мучащее его, отъ которого онъ не знаетъ, какъ избавиться; ему мерещится тѣнь его друга, невольно вызывающая въ немъ смутныя размышенія о существованіи Верховнаго Владытеля надъ вселенной.

Абъ женится на любимой имъ дѣвушкѣ и поселяется отдѣльно отъ родителей. Вскорѣ около него впервые образуется цѣлое поселеніе сначала изъ близкихъ ему людей, а потомъ вообще изъ сосѣдей, привлекаемыхъ сюда богатой охотой и умомъ Аба. Возникаютъ попытки построить первый домъ, вообще появляется стремленіе къ болѣе культурной жизни. Поселокъ крѣпнетъ, удачно отражаетъ нападеніе враговъ, и впервые появляются рабы.

Самый переходъ къ неолитическому вѣку совершаются очень просто: Мокъ и Абъ приходятъ къ заключенію, что стрѣла съ гладкимъ наконечникомъ идетъ глубже въ тѣло.

Въ книгѣ есть много интересныхъ описаній охоты на мамонта, тигра, носорога и др., масса любопытныхъ подробностей, такъ что читатель разстается съ ней, въ значительной степени удовлетворивъ свою любознательность. Жаль только, что рисунки штрихами (въ одну краску) такъ плохо выполнены и представляются скорѣе какими-то туманными пятнами.

28. **Небесныя свѣтила** (*Les merveilles celestes*). Камилла Фланаріо-

на. Переводъ съ послѣдняго (?) французского изданія *Ф. Александрова*, С.-Петербургъ, изд. *Луковниковъ*. Стр. 317, рис. 107, цѣна 1 руб.

Долгое время астрономія, вслѣдствіе отсутствія подходящихъ, живо написанныхъ руководствъ, оставалась для публики темной областью науки. Свое первое знакомство съ ней мы обыкновенно сводили по краткимъ, сухимъ, тяжело написаннымъ учебникамъ „Космографіи“. Вотъ почему, несомнѣнно, должна обратить на себя вниманіе эта книга, отличающаяся поразительной легкостью языка, мѣткостью и остроуміемъ сравненій. Авторъ, какъ онъ самъ выразился, старался не только „приподнять уголъ завѣсы, скрывающей отъ всѣхъ очей величественное зрѣлище природы“, но и пробудить любовь къ ней.

Весь материалъ книги разбить на четыре крупныхъ отдѣла: Мирозданіе, Наша вселенная, Область Солнца и Земля, повѣствованіе въ которыхъ ведется по главамъ.

Въ первомъ авторъ объясняетъ причину сѣны дня ночью, въ наглядныхъ сравненіяхъ даетъ понятіе о величинѣ мірового пространства, знакомить съ общимъ устройствомъ вселенной, и т. д.

Второй отдѣль „Наша вселенная“ обнимаетъ собою описаніе звѣздного міра, созвѣздій сѣвернаго и южнаго полушарій, способовъ ихъ нахожденія на небесномъ сводѣ, опредѣленія ихъ разстояній отъ земли и т. п.

Солнце со всей его системой планетъ и кометы описаны въ третемъ („Солнце“). Четвертый посвященъ нашей Землѣ и ближайшейсосѣдкѣ Лунѣ. Здѣсь приводятся доказательства шаровидности земли, ее вращенія вокругъ своей оси и вокругъ Солнца; объясняются причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ общій философскій взглядъ на твореніе.

Такой книгѣ отъ всей души слѣдуетъ пожелать успѣха, какимъ она и пользуется у читателей.

Я.

Редакторъ-изд. **Алексѣй Альмедингенъ**.

ВОСПИТАНИЕ и ОБУЧЕНИЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

XXIX г.

Декабрь № 12.

1905.

Открыта подписка на 1906 годъ

на ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Воспитаніе и Обученіе”.

Вопросы семейного воспитанія. Родительскіе кружки и союзы. Хроника дѣтской жизни. Обмѣнъ мнѣній между родителями и педагогами. Вопросы и отвѣты. Библіографія.

Самый распространенный и дешевый педагогический журналъ въ Россіи (расходится болѣе 5,000 экз.).

Цѣна въ годъ ОДИНЪ рубль съ доставкою и пересылкою.

Содержание № 12.

1. Отъ редакціи	385
2. По поводу родительскихъ союзовъ. А. .	387
3. Важнѣйшій предметъ вниманія въ до-
школьномъ воспитаніи. Я. Папера .	393
4. Воспитаніе, какъ факторъ борьбы съ вы-
рожденіемъ. (Окончаніе). Д-ра М. И. Ма-
ляревской	400
5. Дѣтская необузданность. —рз.	414
6. Библіографія	420
7. Оглавленіе „Восп. и Обуч“ за 1905 г.	

дительскихъ союзовъ, которые войдутъ въ тѣсное общеніе со школою. Семья и школа будутъ жить одними интересами, работать сообща.

Мы широко открываемъ страницы „Воспитанія и Обученія“ для разработки всѣхъ вопросовъ, относящихся до организаціи единенія семьи и школы.

Въ настоящее время родители и педагоги могутъ, ничѣмъ не стѣняясь, высказывать свои завѣтныя мысли о наиболѣвшихъ школьныхъ вопросахъ. Приглашаемъ ихъ къ обмѣну мнѣніями на страницахъ нашего журнала.

Отцы и матери! Перестаньте мол-

Отъ редакціи.

Слѣдуетъ надѣяться, что съ измѣ-
нившимися условіями русской жизни,
наша родина покроется сѣтью ро-

чать и оставьте излишнюю скромность. Мы твердо вѣримъ, что въ тиши дѣтскихъ у васъ накопилось такъ много наблюдений, такъ много передумано и пережито, что есть чѣмъ подѣлиться и между собою и съ педагогами. Пишите. Помогите намъ сдѣлать нашъ маленький журналъ не сборникомъ теоретическихъ статей, а органомъ обмѣна живыхъ мнѣній, вашихъ наблюдений, требований и желаній. Пали цензурныя оковы. Скоро уйдутъ въ прошлое и отношенія къ школѣ, какъ къ исправительному заведенію, и къ педагогамъ, какъ къ чиновникамъ - начальникамъ. Школа и семья сольются воедино. Надо только скорѣе забыть прошлое, бросить злобную борьбу. Спѣшите очистить почву для дружной совмѣстной работы.

Мы просимъ родительскіе союзы, кружки и общества присыпать намъ свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности.

Обѣщаемъ отцамъ, матерямъ и педагогамъ полную терпимость и свободу слова на страницахъ „Воспитанія и Обученія“. Мы признаемъ лишь одно направление: любовь къ нашимъ дѣтямъ и исканіе наиболѣшыхъ способовъ выростить изъ нихъ въ нѣдрахъ семьи и въ школѣ честныхъ гражданъ будущей свободной Россіи.

По поводу родительскихъ союзовъ.

Огромное политическое движение, охватившее Россію, первая стадія котораго закончилась манифестомъ 17-го октября 1905 года, отражается на всѣхъ областяхъ нашей жизни. Все захвачено въ вихрѣ революціонныхъ событий.

Происходитъ переопѣка всѣхъ цѣнностей, безпощадная критика существующаго, лихорадочное стремленіе къ новымъ формамъ, еще неяснымъ и колеблющимся. Все старое расшатано и отчасти разрушено, но ничего нового еще не создано, и мы переживаемъ теперь тяжкое время неизвѣстности и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Понятно, что школа, съ ея давно наиболѣшими язвами, могла реагировать на все происходящее лишь смутами, болѣзнями, страстными порывами. Наша семья, не привыкшая и не умѣющая приывать своимъ дѣтямъ начала разумной, сознательной дисциплины и правильныхъ гражданскихъ понятій,— растерялась, и на первое время бурные родительскія собранія въ средней школѣ, рядъ разнорѣчивыхъ петицій и постановлений—прибавили къ общему сумбуру лишній и, надо признаться, печальный аккордъ. Забывая, что школа послѣднихъ лѣтъ уже далеко не похожа на школу „деляновскую“ и „толстовскую“, мы со страстью горячностью набросились именно на эти школы. Мы, родители, обрадовавшись выпавшей, наконецъ, на нашу долю возможности свободно говорить,— начали громить и разрушать уже поваленное и почти разрушенное; въ горячихъ рѣчахъ мы изливали всю злобу и негодованіе за пережитое нами самими. Увлекшись борьбою съ вѣтряными мельницами, мы дождались, наконецъ, отъ нашихъ дѣтей напоминанія, что имъ нужно не прошедшее, а настоящее и будущее... Что же могли мы предложить имъ немедленно, сейчасъ же? Что положительное? Да ровно ничего. Русская семья до того растерялась, что не сумѣла даже охранить своихъ дѣтей отъ участія въ уличныхъ беспорядкахъ,

отъ ненужнаго для дѣтскаго возраста политика иства. Мы не знали, за что и какъ взяться, и въ безсиліи, прежде всего, постарались свалить вину съ своихъ плечъ на того же неизмѣннаго подсудимаго: школу съ ея бедушнымъ режимомъ и ужасными педагогами. Долой всякая справедливость и чувство мѣры! Лишь бы назвать виновнаго, а тамъ—казнить и казнить!..

Эти крайности и увлечения—спутники каждой революціи; нѣтъ возможности избѣжать ихъ, такъ какъ повидимому исторія еще никого не научила. Приходится терпѣливо ждать, пока события совершаютъ свой фаталистический кругъ. Но когда взрослая смута захватываетъ и дѣтство—поистинѣ охватываетъ ужасъ. Чѣмъ отвѣтимъ мы передъ будущимъ родины за поколѣніе раньше времени созрѣвшихъ, состарившихся, съ разбитыми нервами, людѣй?

Пройдутъ года, забудется все злое, кошмарное и тяжкое, чего такъ много выпадаетъ на каждую смутную эпоху, останется лишь идеальное и хорошее, какъ результатъ освобожденія человѣческаго разума и энергіи отъ лишнихъ путей. Настанутъ же, наконецъ, миръ и тишина, но они настанутъ тѣмъ скорѣе и прочище, чѣмъ здоровье будетъ то поколѣніе, которое приметъ отъ насъ наслѣдство.

Побережемъ его до времени, пусть оно пока несетъ только свою дѣтскую работу, а мы постараемся справиться со своею безъ помощи дѣтей.

Что же надо дѣлать?

Поучимся для этого у нашихъ крайнихъ политическихъ партій.

Онѣ организованы, работаютъ согласно и неустанно, знаютъ, чего хотятъ.

А мы, родители? До сихъ поръ дѣй-

ствовали въ разбродахъ, не зная ясно, что нужно для нашихъ дѣтей,—поти-хоньку критиковали существующіе порядки; не желая учиться и трактуя свысока педагогику и всѣ относящіяся къ ней науки, мы рѣзко осуждали профессиональныхъ педагоговъ и въ то же время всячески потворствовали развитію въ нихъ маніи начальническаго величія.

Теперь все должно измѣниться: мы, какъ свободные граждане, многое будемъ дѣлать сами, безъ надежды на попечительныя заботы начальства.

Соберемся же въ родительскіе союзы и придемъ на помощь школѣ скорѣе, на дѣлѣ, а не на словахъ только, для воспитанія будущихъ свободныхъ и сознательныхъ гражданъ своей родины.

Начало такому союзу въ Петербургѣ уже положено и первый его митингъ состоялся 13-го ноября въ залѣ Тенишевскаго училища. Организацію въ родительскіе союзы нельзѧ не привѣтствовать и надо вѣрить въ ихъ будущность. Но первый митингъ, слѣдуетъ сознаться, мало даль положительного. Рядъ страстныхъ рѣчей съ обличеніями старой школы, проклятіями, призывающими къ разрушенію... Все это такъ старо и всѣмъ извѣстно... А гдѣ же призывъ къ творческой, практической работѣ и къ какой? Единственный лучъ свѣта—рѣчь г. Григорьева, о которой скажемъ ниже. Во всѣхъ остальныхъ рѣчахъ одипаковая яркія, лубочныя краски, отсутствие мѣры и... даже простой справедливости: если бы все сказанное была одна чистая истина, то какъ же могло создаться нынѣшнее освободительное движение, въ которомъ участвуетъ столько педагоговъ и столько учениковъ этой старой и мертвой школы?

Въ концѣ митинга взошелъ на каеодру гимназистъ 7-го класса и поучалъ „старшихъ товарищѣ“ азбучнымъ педагогическимъ истинамъ. „Мы требуемъ... мы требуемъ... мы требуемъ“... слышалось безпрестанно, и какъ было совсѣмъ и жутко слушать эту рѣчъ!.. Для кого это нужно и для кого поучительно? Неужели почтенныя членамъ бюро не было стыдно? Не можетъ быть! Навѣрно, въ душѣ многихъ шевелилось не хорошее чувство. Но признается въ этомъ *теперь*—не хватаетъ смѣлости... Послѣ гимназиста говорила еще гимназистка или институтка...

Возможно, что выборные старосты отъ старшихъ классовъ будутъ очень полезны въ средней школѣ. Пускай ученики собираются сами, одни или со своими учителями, въ своей школѣ и говорить, о чёмъ хотятъ. Пускай они организуются въ разнаго рода союзы съ образовательными цѣлями. Конечно, педагогическому совету и всему персоналу обязательно прислушиваться къ голосу учениковъ и ученицъ. Конечно же, родителямъ обязательно быть первыми друзьями своихъ дѣтей, внимательно следить за ихъ развитиемъ, терпимо относиться къ свободному выражению ихъ мнѣній, считаться съ этими мнѣніями. Все это понятно, но зачѣмъ же учениковъ средней школы выталкивать на митинги въ 500 человѣкъ родителей и педагоговъ? Хорошо ли это?

Одна рѣчъ г. Григорьева носила дѣловой, практическій характеръ; ораторъ призывалъ родителей къ немедленной и настоящей работе, предложивъ ту организацію единенія со школой, которая практикуется въ Норвегіи. Тамъ родители выбираютъ изъ своей среды делегатовъ, которые работаютъ вмѣстѣ съ педагогическими совѣтами въ раз-

рѣшеніи текущихъ вопросовъ ежедневной жизни школы. Выборные же изъ числа родителей участвуютъ и въ окружныхъ педагогическихъ совѣтахъ (у насъ такихъ нѣть) и въ самомъ министерствѣ. Г. Григорьевъ предложилъ образовать комиссию и разработать этотъ проектъ детально, въ примѣненіи къ нашей жизни, а потомъ и провести его и на дѣлѣ. Это дѣйствительно задача, достойная родительскихъ союзовъ, и можетъ совершенно обновить нашу школу.

Но пусть первый митингъ былъ не особенно удаченъ. Пусть на немъ были крайняя, нетерпимыя рѣчи, ненужные страшныя слова и проч. и проч. Что дѣлать? Мы слишкомъ долго молчали, слишкомъ не привыкли къ свободной общественной творческой работе. Это пройдетъ и устроится, только надо приложить всѣ старанія, чтобы устроилось скорѣе и какъ можно лучше.

Будемъ же собираться въ родительскіе союзы, выяснимъ себѣ ясно практическія задачи будущаго и вступимъ въ тѣсное общеніе со школой. Забудемъ ея старые недостатки,бросимъ копаться со злобою въ ея прошедшемъ. Жизнь не ждетъ. Надо работать для завтрашняго, работать неустанно и безпрерывно. Пусть родительскіе союзы внесутъ въ стѣны школъ жизненную, свѣжую струю, они сдѣлаютъ это, если войдутъ въ нее не врагами педагоговъ, а друзьями ихъ, не съ цѣлью только критиковать, подрывать авторитетъ, ставить на видъ ихъ недостатки или неудачи, а съ тѣмъ, чтобы совместно съ ними сдѣлать для нашихъ дѣтей годы ученья—годами радостнаго и бодрого труда.

A.

Важнѣйшій предметъ вниманія въ дошкольномъ воспитаніи.

Знанія даютъ людямъ школа въ различныхъ ея степеняхъ и видахъ, и если эти знанія вообще недостаточны или, какъ это часто бываетъ, не удовлетворяютъ даже самимъ существеннымъ жизненнымъ требованіямъ, то это значитъ, что она уклонилась отъ своего призванія и преслѣдуje чуждая ей задачи. Современные поколѣнія были у насъ не разъ свидѣтелями такихъ уклоненій, которыми подрывались самая цѣль и значеніе школьнаго ученія. Быстро воспринятими и еще быстрѣе осуществленными теоріями педагогического будто бы свойства создавались эти уклоненія, и великимъ вредомъ, который послѣднія приносили въ теченіе десятилѣтій, опять на весь міръ доказывалась справедливость изреченія: „grau ist alle Theorie“.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не сѣрость, не грубое непониманіе основного призванія школы, — стремленіе привить на новой жизненной нивѣ, на новыхъ жизненныхъ росткахъ старое, давнѣмъ давно расщатанное дерево. Развѣ это не сизифова работа, не простое толченіе воды — внѣдрять классической духъ нарождающимся поколѣніямъ при посредствѣ классическихъ языковъ, на которыхъ писали и, можетъ быть, говорили даже давно вымершія поколѣнія? Теорія считала доступнымъ такое внѣдреніе и въ теченіе десятилѣтій гнала за нимъ, уродуя умъ, калѣча душу учащагося юношества и давая ему слишкомъ недостаточная знанія.

Но мало того: та же теорія полагала, что она вмѣщаетъ въ себѣ при практическомъ ея исполненіи въ

школѣ и способы наиболѣе рациональнаго будто бы воспитанія дѣтей. Пусть только дѣти поступятъ въ школу, и тамъ ужъ, согласно мысли этой теоріи, имъ будетъ дано направление, которое не могутъ не пожелать для нихъ и самые разумные родители и воспитатели. Домашнее дошкольное воспитаніе дѣтей существенно не имѣло, согласно этому, *raison d'être*, такъ какъ школа въ своей могучей классической силѣ прекрасно восполняетъ пробѣлы дошкольного воспитанія. Нынѣ, къ счастью, въ стѣнахъ этого теоретического зданія пробита брешь, пространство которой съ каждымъ днемъ увеличивается, а значение классицизма, какъ воспитательного средства, всесфѣро не признается.

Нельзя не порадоваться этому, такъ какъ воспитательная привилегія, которую бралъ на себя классицизмъ, была то настоящей напраслиной, то дѣйствительнымъ вредомъ. Дѣтей воспитываетъ на самомъ дѣлѣ живая жизнь въ безчисленныхъ ея проявленіяхъ, воспитываютъ родители, окружающіе люди, воспитываетъ ихъ собственная борьба за свойства личнаго характера, за свой темпераментъ, но отнюдь не духъ одряхлѣвшаго классицизма, преподаваемаго школою въ той или другой пропорціи.

Дѣтское дошкольное воспитаніе не можетъ входить во всякому случаѣ въ рамки будущаго школьнаго образованія, какъ ни совершенно было бы это послѣднєе и какъ ни значительны были бы въ немъ чисто воспитательныя стремленія. Деятельность родителей или воспитателей, деятельность семьи незамѣнна въ дѣтскомъ воспитаніи, какъ ни значительно было бы относительно него будущее школьнаго воздействиe по-

средствомъ даваемаго знанія, расширенія кругозора учащагося и проч.

Но на чёмъ, собственно, должно сосредоточиваться, главнымъ образомъ, семейное дѣтское воспитаніе, которое всегда находитъ свое дополненіе и продолженіе какъ въ любомъ учебномъ заведеніи, такъ и въ любыхъ жизненныхъ условіяхъ, которыхъ ждутъ питомца семьи? Человѣческая мысль вѣками бьется надъ этимъ вопросомъ, и тысячи отвѣтовъ давались на него. Не меньшее число стройныхъ теорій издавна существуютъ на этотъ счетъ. Но по мѣрѣ расширенія умственного кругозора людей, по мѣрѣ общаго умственного развитія, отвѣты и теоріи не усложняются и не увеличиваются въ числѣ, а упрощаются и сокращаются. Чѣмъ сложнѣе вопросъ и чѣмъ ниже развитіе ставящаго его себѣ, тѣмъ скорѣе, какъ известно, получается на него отвѣтъ. Люди рѣшили вопросы, напримѣръ, о происхожденіи мира и о законахъ, управляющихъ вселеній, тогда еще, когда они едва умѣли считать даже до десяти только. Дикари отвѣчиваютъ безъ запинки на такие вопросы, надъ которыми трудились астрономы, физики и математики долгими годами, цѣлыми поколѣніями. Величайшіе физіологи стоять нѣмыми передъ вопросами, для которыхъ готовы отвѣты у любого простолюдина.

Точно такъ же и еще скорѣѣшаются вопросы дѣтского воспитанія. Здѣсь ни у кого нѣтъ незнанія, всѣ и всякий компетентны въ этомъ дѣлѣ, и оттого такъ многочисленны отвѣты на вопросъ, какъ воспитывать дѣтей дошкольного возраста, и самая теорія этого воспитанія.

Время непосредственныхъ возврѣній на воспитательное дѣло про-

ходить, однако же, исчезаютъ также теоріи, подсказанныя непосредственностью. Остается только, къ сожалѣнію, практика такого же рода и такого же направленія, но остается зато въ видѣ неизмѣримой сѣти, покрывающей громадная массы человѣческаго населенія, и толстаго слоя однородныхъ явлений, свойственныхъ этому населенію въ воспитательномъ дѣлѣ.

Педагогія вообще не принадлежитъ еще къ наукамъ, достаточно разработаннымъ, а педагогія, касающаяся раннаго дѣтскаго возраста, только намѣтила общія свои черты до настоящаго времени. Имѣя широкую литературу, образавшуюся за послѣднія тридцать — сорокъ лѣтъ, педагогика дошкольнаго возраста все же находится еще въ пеленкахъ; чуть не четверть столѣтія исключительного господства въ ней германскихъ возврѣній слишкомъ мало послужили ея развитию, и лишь съ того времени, какъ въ нее стали проникать идеи американскихъ педагогическихъ школъ, — она стала приобрѣтать прочную почву подъ собою и проявлять признаки несомнѣнаго поступательного движения. Поэтому ея отвѣты на вопросы дѣтского воспитанія имѣютъ пока еще слишкомъ общий характеръ, не отличаются опредѣленностью и иногда даже противорѣчивы. Преимущество ея отвѣтовъ надъ ходячими другими все же въ томъ, что они основаны на разностороннемъ изученіи дѣтской природы, изученіи, держащемся не априорныхъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія на дѣтскую природу, а добываемыхъ при посредствѣ фактовъ и проявленій наблюданій дѣтской жизни. Это большое ея преимущество несомнѣнно, и мы попытаемся формулировать въ послѣднюю

щихъ строкахъ, какъ опредѣляетъ педагогическая наука, руководящаяся опытомъ, важнѣйшій предметъ вниманія въ дошкольномъ воспитаніи дѣтей. Воспитатель или воспитательница, находясь передъ лицомъ ребенка, имѣютъ на самомъ дѣлѣ самыя разнообразныя заботы, требующіяся въ интересахъ воспитанія. Имъ приходится останавливаться на безчисленныхъ проявленіяхъ дѣтской природы, и какимъ, спрашивается, они должны дарить наибольшее вниманіе во множествѣ этихъ проявлений.

Прежде всего нужно тутъ помнить правило, что тотъ, кого постоянно волятъ другое, теряетъ способность самостоятельно ходить, и если мы послѣдовательно навязываемъ яитомцамъ наши собственныя желанія и заставляемъ ихъ поступать только такъ, какъ мы сами хотимъ, то все это какъ разъ обратное тому, на чёмъ должно главнымъ образомъ сосредоточиваться внимание воспитателя. Такимъ способомъ воздействиа на дитя мы устраниемъ самымъ предметъ, который долженъ бы занимать насъ; мы изучаемъ и наблюдаемъ тогда самихъ себя скрѣ, а совсѣмъ не способности и нравственные качества воспитываемаго дитя. Ни одна изъ воспитательныхъ заботъ не можетъ быть съ толкомъ исполнена до той поры, пока ребенокъ дѣлаетъ только то, что мы желаемъ отъ него или приказываемъ ему. Каждое дитя идетъ самостоятельно своей дорогой, диктуемой ему природой, темпераментомъ и соединенными съ ними нравственными его качествами; улучшения и поправки подъ влияніемъ воспитанія могутъ подвергаться лишь готовыя уже составные части живого существа. Ни прибавить къ нему что-нибудь, ни

убавить отъ него не въ нашей волѣ. Когда мы настаиваемъ на исполненіи дитятей лишь нашихъ желаній, то мы, такимъ образомъ, прибѣгаемъ къ подменѣ чужихъ нравственныхъ качествъ своими. Въ результатѣ получается нечто такое, что точно только выдресировано нами намъ же въ угоду. Это во всякомъ случаѣ не воспитаніе, въ основаніи которого должны всегда находиться свойства самого воспитываемаго.

Древнее „познай себя“, какъ спасительное человѣческое правило, имѣть неоспоримое глубокое значеніе по отношенію къ воспитываемому дитяти. Познаніе физическихъ и нравственныхъ качествъ послѣдняго, его склонностей и способностей, его темперамента и силь должно быть первенствующимъ, важнѣйшимъ предметомъ воспитательныхъ заботъ. Безъ этого познанія нельзя дѣлать ни одного шага въ воспитательномъ направленіи, нельзя предпринять ни одного воспитательного акта, куда бы онъ ни клонился на самомъ дѣлѣ. Самая благожелательная со стороны воспитателей дѣйствія по отношенію къ дитяти могутъ повести при незнаніи его душевныхъ свойствъ къ слѣдствіямъ, какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, которые ожидались отъ нихъ, и какъ часто это дѣйствительно бываетъ—извѣстно каждому, на комъ когда-либо лежали заботы о дѣтяхъ.

На языкѣ педагогіи это познаніе физического и духовного міра дитяти, каждого въ отдѣльности, называется опредѣленіемъ дѣтской индивидуальности. Чѣмъ многостороннѣе и точнѣе достигнуто индивидуальное распознаніе, тѣмъ прочнѣе становится воспитательное воздействиа, тѣмъ вѣрнѣе успехъ воспитанія. Какими средствами

и въ какомъ направлениі воспитывать дѣтей—на это указываетъ жизнь, педагогическая наука и разумъ воспитателей, но осуществленіе избранныхъ мѣръ должно быть тѣсно связано съ наиболѣе полнымъ познаніемъ дѣтской индивидуальности. Въ школѣ послѣднее едва исполнимо, хотя къ нему и стремится незначительная доля современныхъ учебныхъ заведеній, но въ семье такая задача разрѣшается просто искреннимъ и благожелательнымъ вниманіемъ къ дѣтямъ со стороны окружающихъ. Если познаніе дѣтской индивидуальности не скородается, то нужно, сообразно этому, не спѣшить также съ воспитательными мѣрами, обязательными для дитяти, и предоставить ему свободу, насколько это возможно: такъ, по крайней мѣрѣ, не приводятся хоть къ гибели душевныя качества дитяти, нерѣдко лучшія при кажущихся ихъ недостаткахъ, и дитя не уродуется „наперекоръ стихіямъ“. Едва ли разумнѣе прививать дитяти качества, которыхъ неизбѣжно превратятся при известныхъ условіяхъ въ нежеланныя, чѣмъ предоставить ему его собственныя, хотя бы тоже нежеланныя. Въ первомъ случаѣ ребенокъ восполяетъ свои недостатки безсилиемъ, тряпичностью воли и собственныхъ желаній, а во второмъ—онъ сохраняетъ хоть что-нибудь свое. Въ первомъ случаѣ дитя, очень мало исправляясь отъ недостатковъ или совсѣмъ не исправляясь отъ нихъ, становится рабомъ чужой воли, во второмъ—хоть рабство ему чуждо. Но не это гуть настолько важно на самомъ дѣлѣ, сколько то, чтобы воспитательной прививкою дитяти тѣхъ или иныхъ качествъ не ослаблять или уничтожать болѣе достойныхъ, свойственныхъ дитяти, что

также бываетъ очень часто, чутъ не постоянно. Какъ много матерей съ ужасомъ видѣть, какъ то въ прахъ разбиваются лучшія, по ихъ мнѣнію, воспитательные заботы ихъ о дѣтяхъ, то возникаютъ неожиданности отъ наиболѣе хваленыхъ дѣтскихъ качествъ. Любящія матери, онѣ не винили, однако, въ дѣйствительное значеніе той или другой дѣтской черты, склонности, проявленія воли, и поспѣшили съ воспитательными способами, дѣйствіе которыхъ оказалось вноскѣствіемъ совсѣмъ не тѣмъ, какое ожидалось. Очень можетъ быть, что имъ не пришлось бы раскаиваться, если бъ онѣ, вместо немедленного воспитательнаго воздействиѣя, заботились бы лишь о полномъ ознакомленіи съ природными, физическими и нравственными свойствами собственныхъ дѣтей.

Это такія заботы, во всякомъ случаѣ, которыхъ должны стоять на первомъ планѣ у матерей, отцовъ, воспитателей и всѣхъ окружающихъ дѣтей въ семье. Такое вниманіе къ дѣтямъ въ дошкольномъ возрастѣ привнесетъ имъ кстати великую пользу и при избраніи для нихъ школы и во время пребыванія въ ней.

Я. Наперь.

Воспитаніе, какъ факторъ борьбы съ вырожденіемъ.

(Опытъ наблюдательной психологіи и педагогической статистики).

(Окончаніе ¹).

УIII.

Теперь перехожу ко второй части своего доклада.

Въ предыдущемъ я пытался изобразить тѣ условія воспитанія, въ которыхъ приходится быть дѣтямъ, когда семья распадается.

¹) См. „Восп. и Обуч.“ № 11, ст. 333.

ВОСПИТАНИЕ, КАКЪ ФАКТОРЪ БОРЬБЫ СЪ ВЫРОЖДЕНИЕМЪ.

Теперь же я попытаюсь путемъ простого подсчета выяснить, насколько часто выпадаютъ на долю ненормальныхъ дѣтей тѣ и другія условія семейнаго воспитанія и какъ отражаются эти условія на тѣхъ дѣтскихъ порокахъ, которые поддаются регистру.

Съ этой цѣлью всѣ собранныя мною наблюденія я дѣлю на слѣдующія категории:

КАТЕГОРИИ:	СЕМЬИ.	
	Неблагопріят- ныя.	Благо- пріят- ныя.
I. Неудачники	4	—
II. Неуспѣвающіе	51	3
III. Умственно-отсталые . .	15	7
IV. Глубоко-слабоумные .	26	31
V. Истеричные	9	4
VI. Эпилептики	10	20
VII. Глухонѣмые	4	—
VIII. Вторично-слабоумные .	6	6

Я выдѣлилъ на первый планъ категорію *неудачниковъ* въ виду того, что на нихъ ярче всего отразилось отрицательное вліяніе неудовлетворительной семейной обстановки.

Будучи физически и психически отъ рожденія совершенно здоровыми, обладая даже недюжинными духовными силами, они все-таки не смогли выполнить той жизненной программы, которая соотвѣтствовала бы ихъ материальному и соціальному положенію.

Какъ на единственную причину этой несостоятельности въ жизни можно указать только на неблагопріятное вліяніе семьи.

Такихъ неудачниковъ мнѣ удалось зарегистрировать 4.

Впослѣдствії я встрѣчалъ еще нѣсколько случаевъ, весьма близкихъ къ этимъ.

Приводить ихъ біографіи, несмотря на чрезвычайный интересъ, было бы утомительно, а потому я ограничусь лишь перечисленіемъ ихъ отличительныхъ особенностей.

Это почти все дѣти очень хорошихъ, часто образованныхъ родителей. Въ семьяхъ дѣтямъ была предоставлена полная свобода для самостоятельного развитія.

Результаты получились своеобразные. Благодаря тому, что въ семьяхъ существовали очень хорошія традиціи и убѣжденія, дѣти этически не были заброшены, и въ этомъ отношеніи они были впослѣдствії безупречны. Но свобода, предоставленная имъ въ интеллектуальномъ и волевомъ отношеніяхъ,—не дала имъ ничего положительного.

Постоянно увлекаясь чѣмъ-нибудь, интереснымъ для нихъ только въ данный моментъ, они не привыкли къ систематическому упорному труду. Они всеѣ были исключены за неуспѣшность изъ первыхъ же классовъ средней школы.

Лишь когда съ возрастомъ развилось самосознаніе, юноши сами взялись за школу, но было уже поздно. Они кое-какъ успѣли сдать простѣйшіе экзамены, причемъ поражали учителей съ одной стороны чрезвычайной начитанностью, а съ другой—полнымъ отсутствиемъ элементарныхъ знаній. Это были самоучки-диллентанты; и, поскольку жизнь требуетъ школы, постольку они пасовали въ жизни. Будь они гени, они сумѣли бы найти выходъ изъ

своего положенія, какъ это сдѣлали Линней, Бокль и др. Но это были хотя и способные, но средніе люди и отсутствіе школы лишало ихъ умѣнія владѣть оружиемъ въ борьбѣ за существованіе.

Вторую категорію дѣтей я называю здесь *неуспѣвающими*. Это тѣ дѣти, которыхъ при среднихъ (иногда выше) умственныхъ дарованіяхъ отклоняются отъ нормы, отстаютъ отъ сверстниковъ въ школѣ, а впослѣдствіи и въ жизни, благодаря дефектамъ нравственнаго чувства. У нихъ наблюдается преобладаніе чувственныхъ инстинктовъ низшаго порядка.

Иногда несдерживаемый инстинктъ побуждаетъ ихъ на преступленіе. Они ненавидятъ всякое умственное напряженіе, у нихъ нѣтъ прочныхъ привязанностей, нѣтъ цѣли въ будущемъ и смысла въ настоящемъ.

Они живутъ потому, что родились. Извъ жизни они стараются почерпнуть только для нихъ пріятное. Все остальное они презираютъ и ненавидятъ. При отрицательномъ пониманіи этого пріятнаго они естественно рвутся къ тому, что признается дурнымъ и нехорошимъ. При такихъ условіяхъ они не успѣваютъ ни въ чёмъ.

Наука относить ихъ къ дегенерантамъ-иммораликамъ. Школа Ломброзо видѣтъ въ нихъ врожденныхъ преступниковъ.

Изъ 54 наблюденій надъ дѣтьми этой категоріи 51 приходятся на семьи, гдѣ условія воспитанія были отрицательны; только въ 3-хъ случаяхъ дѣти выросли въ условіяхъ, видимо благопріятныхъ для первоначального воспитанія.

Доказуя, что нравственные дефекты, свойственные этой категоріи, могутъ

быть действительно врожденными, нельзѧ не видѣть, что и отрицательныя семейныя условія сыграли свою роль въ развитіи этихъ дефектовъ, заглушая проблески нравственныхъ чувствъ и давая просторъ развитію порочныхъ инстинктовъ.

Нашъ взглядъ подтверждается еще тѣмъ, что тѣ же дѣти, попадая во время въ лучшія условія воспитанія, часто теряютъ свои дурныя наклонности и какъ бы возрождаются.

При этомъ, проживъ одинъ или два года въ хорошихъ воспитательныхъ условіяхъ, они настолько измѣняются къ лучшему, что уже совершенно не отличаются отъ другихъ сверстниковъ.

Между тѣмъ, если бы это действительно былъ антропологический типъ врожденного преступника (по Ломброзо и другимъ) и являлся продуктомъ лишь одного вырожденія, то какимъ образомъ возможно было бы понять это перерожденіе личности? Это было бы такъ же невозможно, какъ невозможна чернаго негра путемъ воспитанія превратить въ бѣлого европейца.

Даже опыты психического перерожденія дикаря въ европейца оканчивались неудачно, какъ это, напримѣръ, сообщаетъ Дарвинъ въ своемъ „Путешествіи на кораблѣ Бигль“.

Слѣдующая третья группа заключаетъ въ себѣ дѣтей *умственно-отсталыхъ*.

Сюда относятся тѣ случаи, когда ребенокъ уже съ дѣтства проявляетъ отсталость въ общемъ своемъ развитіи. Онъ поздно начинаетъ говорить и ходить. Поздно узнаетъ и различаетъ окружающее. Эта запоздалость остается и въ дальнѣйшемъ развитіи.

Онъ долго не можетъ понять счета и чтенія. Все отвлеченнное имъ можетъ

быть усвоено лишь въ конкретной об-
разной формѣ.

При благопріятныхъ условіяхъ вос-
питанія эти дѣти представляютъ изъ
себя совершенно иную картину, неже-
ли въ тѣхъ случаяхъ, когда они съ
дѣтства были предоставлены сами себѣ.
Въ первомъ случаѣ подъ вліяніемъ цѣ-
лесообразнаго обученія и воспитанія
такой ребенокъ при болѣе легкихъ
формахъ отсталости можетъ пройти
упрощенный курсъ средней школы, изу-
чить то или другое ремесло и всту-
пить въ жизнь работникомъ.

Когда же дѣти поступаютъ въ спе-
циальное заведеніе изъ семей неблаго-
пріятныхъ для первоначального воспи-
танія, дѣло обстоитъ совершенно иначе.

Прежде всего у заброшенныхъ от-
сталыхъ дѣтей наблюдается страшное
отвращеніе ко всякому труду. Они не-
навидятъ какъ ремесло, такъ и ученье.
При этомъ они неряшливы, лѣнивы,
не любятъ порядокъ и чистоту. Охотно
кланчатъ, мугогѣ курятъ, воруютъ и
даже плюютъ.

Прежде чѣмъ удастся привлечь ихъ
къ работѣ и обученію, приходится пе-
ревоспитывать ихъ во всѣхъ отноше-
ніяхъ.

Такъ что и здѣсь уже, путемъ про-
стого педагогического наблюденія, мы
находимъ подтвержденіе того, какую
значительную роль играетъ домашнее
воспитаніе въ развитіи характера и
нрава.

Вообще, такъ называемое педагоги-
ческое наблюденіе во всѣхъ случаяхъ
подтверждаетъ приводимые здѣсь ре-
зультаты статистического подсчета.

На всѣхъ ступеняхъ умственного
развитія можно отмѣтить двѣ категоріи
дѣтей.

Одна изъ нихъ, поступая въ учеб-

ное заведеніе, сразу приступаетъ къ
работѣ, очень быстро осваиваясь съ
режимомъ; другая же не только не хо-
четъ, но иногда не въ силахъ даже
понять того, что отъ нихъ что-нибудь
можетъ требоваться школой.

При другихъ формахъ ненормально-
стей, развивающихся уже на явно болѣз-
ненной почвѣ, напримѣръ, эпилеп-
сія и слабоуміе послѣ психозовъ (вто-
ричное слабоуміе), мы наблюдаемъ так-
же разницу отношенія къ такимъ дѣ-
тямъ удачной и неудачной семьи.

Первые помѣщаютъ ихъ въ специаль-
ное заведеніе, вторые забрасываютъ
ихъ и, если они попадаютъ въ заве-
деніе, то преимущественно въ тѣхъ
случаяхъ, когда становятся совершенно
невозможными и даже опасными въ
семье не только въ силу своей болѣз-
ненности, но въ силу уже нравствен-
ныхъ недостатковъ, запущенного вос-
питанія.

Этимъ объясняется то, что большая
часть эпилептиковъ, помѣщенныхъ въ
специальное заведеніе, происходить изъ
сравнительно удачныхъ семей.

IX.

Дѣтей, проявившихъ полную неспо-
собность къ умственному развитію, я
отношу къ IV-й категоріи—категоріи
„глубокаго слабоумія“.

Здѣсь не много можетъ сдѣлать вос-
питаніе, и отрицательные условія пер-
ваго дѣтства не такъ замѣтно отра-
жаются на числѣ ихъ изъ тѣхъ и дру-
гихъ семействъ.

Напротивъ, число изслѣдованныхъ
миною дѣтей-идиотовъ изъ благопріят-
ныхъ семей оказалось даже иѣсколько
больше, нежели тѣхъ же дѣтей изъ
неудачныхъ семей (см. таблицу).

Это объясняется тѣмъ, что заботли-

вые родители чаще помышшаютъ своихъ обездоленыхъ дѣтей въ специальныя врачебно-воспитательныя учрежденія, гдѣ я почерпалъ свой матеріалъ. Тогда какъ семьи неудачныхъ, счи-тая дѣло все равно безнадежнымъ, чаще оставляютъ ихъ на произволъ судьбы.

Наконецъ, остается категорія дѣтей, такъ называемыхъ, *истеричныхъ*.

Это дѣти, хотя и способныя и развитыя въ интеллектуальномъ отноше-ніи, но отличающіяся чрезвычайной неустойчивостью характера. У нихъ постоянная смѣна настроеній и же-ланій.

Они особенно чутки къ окружающей обстановкѣ. Малѣйшая неурядица въ домашнихъ отношеніяхъ тотчасъ отра-жается на ихъ психикѣ. Даже при очень хорошемъ режимѣ, но не при-способленномъ къ ихъ индивидуаль-ности, истеричные дѣти являются очень тяжелыми членами семьи, къ которой относятся или враждебно, если къ нимъ требовательны, или же — дес-потически, если по отношенію ихъ уступчивы.

Въ школѣ они предъявляютъ свои требованія къ учителямъ и не желаютъ считаться съ порядками школы.

При слишкомъ настойчивомъ же-ланіи со стороны педагоговъ пере-ломить ихъ нравъ, они впадаютъ въ мрачное недовѣріе ко всемъ окру-жающимъ и смотрятъ затравленны-ми звѣрьками.

Они выражаютъ свой протестъ и самозашиту бурными истерическими сценами, когда съ иѣной у рта обру-шиваютъ свой безсмысленный гнѣвъ на окружающихъ, не разбирая невин-ныхъ и виноватыхъ.

Иногда они дѣлаютъ попытки само-

убийства, или же, что бываетъ рѣже, открыто съ оружиемъ нападаютъ на тѣхъ, которые доводятъ ихъ до этого, стремясь нелѣпымъ насилиемъ лѣчить больную душу ребенка.

Иногда же они просто заявляютъ родителямъ, что, имѣя свои сообра-женія, не намѣрены болѣе посѣщать учеб-ное заведеніе и займутся самообразо-ваніемъ.

Въ одномъ случаѣ дѣло дошло до того, что 14-ти лѣтній мальчикъ соору-дилъ въ комнатѣ изъ шкафовъ и ширмъ маленький домикъ и жилъ въ немъ, цѣлые дни лежа на кровати и читая при лампѣ Майнъ-Рида и составляя программу своихъ собственныхъ при-ключений.

Онъ выходилъ изъ своей „хижины“, когда ему вздумается, но родители не смѣли заглядывать въ его убѣжище подъ страхомъ бурныхъ сценъ со сто-роны маленькаго деспота...

По отношенію къ такимъ дѣтямъ необходима чрезвычайная послѣдовательность. Ни ласки, ни строгости не дадутъ хорошихъ результатовъ. Малѣйшая оплошность со стороны педаго-гога подмѣчается ими тотчасъ и на ней съ удивительной настойчивостью строится дальнѣйшая цѣль недоразу-мѣній, которая очень быстро ведутъ къ полной невозможности дальнѣйшихъ отношеній.

Число истеричныхъ дѣтей въ моей статистикѣ сравнительно не велико и преобладаніе ихъ въ семьяхъ неудач-ныхъ незначительно. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ сильно-запу-щенномъ состояніи они очень склонны во многихъ отношеніяхъ съ дѣтьми второй категоріи (неуспѣвающими) и, видимо, часть изъ нихъ попала туда.

ВОСПИТАНИЕ, КАКЪ ФАКТОРЪ БОРЬБЫ СЪ ВЫРОЖДЕНИЕМЪ.

X.

КАТЕГОРИИ:	С Е М Ъ И.			Благоприятны.		
	Общее число.	Воров- ство.	Пьяни- чество.	Бродяж- ничество.	Общее число.	Воров- ство.
I. Неудачники.	4	—	—	—	—	—
II. Неуспѣвающіе.	51	19	7	3	3	3
III. Умственно отсталые.	15	6	2	1	7	—
IV. Глубокое слабоуміе.	26	12	1	1	31	1
V. Истеричные.	9	1	—	—	4	—
VI. Эпилептики.	10	6	—	—	20	5
VII. Глухонѣмые.	4	3	1	—	—	—
VIII. Вторичное слабоуміе	6	—	—	—	6	—
	125	47	11	5	71	9

Въ этой таблицѣ первыя четыре категории распределены послѣдовательно въ порядке упадка духовной личности, вторыя же четырѣ категории заключаютъ въ себѣ дѣтей съ явно выраженной патологієй.

Сравнивая цифры всѣхъ категорій, мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ явнаго патологического начала, или явной врожденности, гдѣ причина ненормальности не можетъ быть отнесена къ явно органической подкладкѣ, тамъ замѣчается значительно большее число изъ семей неблагопріятныхъ.

- I. Неудачники . . . 4—0,
II. Неуспѣвающіе . . 51—3.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ недостатки врожденны, но гдѣ могло имѣть вліяніе и воспитаніе, тамъ эта разница въ числахъ не столь замѣтна.

- III. Умственно-отсталые . 15—7,
V. Истеричные 9—4.

Тамъ же, гдѣ вліяніе воспитаніяничтожно, какъ, напримѣръ, въ IV, VI категоріяхъ, тамъ мы наблюдаемъ перевѣсь на сторонѣ семействъ удачныхъ, какъ болѣе заботливыхъ.

- IV. Глубокое слабоуміе . 26—31,
VI. Эпилептики 10—20.

И, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ненормальность развивается на почвѣ психоза, гдѣ для развитія психоза одинаково благопріятствуетъ какъ заботливая настойчивость родителей въ переутомленіи склоннаго къ болѣзни ума, такъ и хаотическая атмосфера,—тамъ число изъ обоихъ семействъ одинаково.

- Вторичное слабоуміе . . 6—6.

Остается еще четверо глухонѣмыхъ.

Для глухонѣмыхъ дѣтей существуетъ нѣсколько специальныхъ учебныхъ заведений, но туда не могутъ быть приняты дѣти, которые помимо потери речи и слуха имѣютъ еще моральные недостатки.

И всѣ четверо глухонѣмыхъ, какъ видно изъ таблицы, выросли въ обстановкѣ, неблагопріятной для воспитанія.

Чтобы закончить съ вопросомъ о вліяніи неблагопріятнаго воспитанія на складъ нрава и характера, я приведу здѣсь цифровыя данные того, въ какой зависимости отъ воспитанія находятся нѣкоторые дѣтскіе пороки, именно: воровство, пьянство и бродяжничество.

К А Т Е Г О Р И Й:	С Е М Ъ И		Благоприятная.			
	Неблагоприятная.	Общее Воровство.	Благоприятно-холодачество.	Воровство.	Пьянство.	Бродяжничество.
	Общее число.	Число.	Число.	Число.	Число.	Число.
I. Неудачники	4	—	—	—	—	—
II. Неуспевающие	51	19	7	3	3	—
III. Умственно-отсталые	15	6	2	1	7	—
IV. Глубокое слабоумие	26	12	1	1	31	1
V. Истеричные	9	1	—	—	4	—
VI. Эпилептики	10	6	—	—	20	5
VII. Глухонемые	4	3	1	—	—	—
VIII. Вторичное-слабоумие	6	—	—	—	6	—
	125	47	11	5	71	9
Процентное отношение.	—	37,6%	8,8%	4%	—	12,9%

Изъ прилагаемой таблицы видно, что изъ этихъ трехъ пороковъ наиболѣе распространена склонность къ воровству.

При этомъ, среди дѣтей, выросшихъ въ неблагоприятныхъ для воспитанія условіяхъ, воровство оказалось въ 47 случаяхъ изъ 125, что составляетъ 37,6%, тогда какъ въ благоприятныхъ семьяхъ—9 изъ 71, т.-е. всего 12,9%.

Притомъ, изъ этихъ 9 случаевъ 5 приходятся на эпилептиковъ, что очень важно, такъ какъ воровство здѣсь носить уже болѣзnenный характеръ, такъ называемая клептоманія.

Сравнивая воровство въ отдельныхъ группахъ, мы видимъ, что у тѣхъ же эпилептиковъ правой стороны (см. таблицу) воровство составляетъ $\frac{1}{4}$ часть (б изъ 20) всѣхъ случаевъ, тогда какъ на лѣвой сторонѣ больше половины (6 изъ 10).

При глубокомъ слабоуміи—направо воровство составляетъ 1 случай изъ 31, а напротиво—12 изъ 26.

Среди умственно-отсталыхъ направо неѣтъ ни одного вора и почти $\frac{1}{2}$ всѣхъ случаевъ напротиво.

Слѣдующія порочныя наклонности, какъ пьянство и бродяжничество, встречаются лишь въ лѣвой половинѣ и, составляя 8,8% пьянства и 4% бродяжничества, являются результатомъ исключительнозапущенного воспитанія.

И тотъ и другой порокъ, повидимому, требуютъ для своего развитія упражненія и это упражненіе порочности дѣтской возможно лишь въ томъ случаѣ, когда дѣти предоставлены самимъ себѣ и лишены необходимаго надзора.

Правда, есть сдинъ видъ, такъ называемыхъ „навязчивыхъ странствованій“, который развивается уже на патологической подкладкѣ.

Обыкновенно, этотъ видъ называются видомъ „бессознательныхъ странствованій“; онъ наблюдается у эпилептиковъ, истеричныхъ и неврастениковъ.

Среди моихъ наблюдений были лишь три такихъ случая: у неврастеника изъ лѣвой группы и два изъ правой у эпилептика и вторично слабоумного.

Но навязчивыя, или, какъ ихъ называютъ некоторые авторы, бессознательные странствованія не слѣдуетъ смѣшивать съ бродяжничествомъ и потому въ мою статистику совершенно не занесены эти случаи.

Заключеніе.

На основаніі всего вышеприведенаго, я предлагаю слѣдующіе выводы:

1) Вліяніе семьи и первоначального воспитанія слѣдуетъ считать не менѣе важнымъ факторомъ развитія индивидуальности, нежели наслѣдственность и другіе моменты.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда неуспѣвающій дома или въ школѣ ребенокъ оказывается физически здоровымъ и умственно состоятельнымъ, слѣдуетъ причину неуспѣшности искать въ окружающей его домашней обстановкѣ.

3) Когда семейная обстановка оказывается неблагопріятной для воспитанія, ребенка слѣдуетъ удалить изъ нея; въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ слишкомъ запущенъ, изъятіе его изъ домашней обстановки бываетъ уже недостаточнымъ; необходимы особыя условія для его перевоспитанія.

4) Склонность къ воровству, пьянству и бродяжничеству, кроме немногихъ случаевъ болѣзнянаго влеченія, есть, повидимому, результатъ неудачнаго воспитанія.

5) Въ анамнезѣ дѣтей испорченныхъ и такъ называемыхъ малолѣтнихъ преступниковъ слѣдуетъ отводить особое мѣсто свѣдѣніямъ о домашней жизни и первоначальномъ воспитаніи.

6) Желательны были бы аналогичные изслѣдованія среди учениковъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ и исправительныхъ заведеній.

7) Столь важная роль воспитанія въ развитіи человѣка даетъ надежду, что правильно поставленное воспитаніе можетъ служить могучимъ орудіемъ въ борьбѣ съ вырожденіемъ.

Д-ръ М. И. Маларевскій.

ДѢТСКАЯ „НЕОБУЗДАННОСТЬ“

(Изъ наблюденій).

„Земляничаго чаю сегодня не хочешь ли, Сонечка?“ — Нѣть, простого хочу, надоѣль земляничный, и смотрѣть на него противно.— „Оттого ты и не доила вторую чашку вчера вечеромъ, а сама просила земляничного“. — Совсѣмъ я, тетя, не просила этой гадости, а вы же сами предлагали мнѣ ее, и говорили еще, что земляничный чай всегда хорошо на меня действуетъ.— „Ну, Богъ съ тобою, пей обыкновенный, китайскій“, говоритъ нѣсколько сконфуженная тетя,— и подаетъ племянницѣ наполненную чашку. Восьмилѣтняя привѣредница прищуривается, всматривается въ содержимое чашки, и говоритъ: „Жидкій-то какой, точно помой, тетя, опять гадость дали и хотите, чтобы я пила“. — Да тебѣ крѣпкій чай вреденъ, ты вотъ вареньца положи, тогда и этотъ будетъ вкусенъ.— „Не стану я пить!“ заявляетъ маленькая Соня, и собирается уйти изъ столовой.— Хорошо, сейчасъ Аграфена принесетъ тебѣ въ дѣтскую другой чай, а ты какого варенья къ нему хочешь?— „Совсѣмъ не хочу чаю, я скоро спать лягу, только поиграю еще немножко“.

На лицѣ тети выражается беспокойство: какъ же это дѣвочка пойдетъ въ постель безъ чаю, ужъ не больна ли она?— „Сейчасъ прійду къ тебѣ съ градусникомъ, нужно измѣрить температуру, вчера и третьяго дня не мѣряли“, говоритъ она. Постѣшио наливая чашку болѣе окрашенаго чая, тетя сама идетъ съ нимъ въ дѣтскую, гдѣ застаетъ уже Аграфену, жалующуюся на то, что барышня, бросивъ ей въ лицо большой кусокъ мыла, чуть глаза ей не вышибла, и находитъ, что въ дѣт-

скую сегодня и войти нельзя, "такія онѣ злыя", заключаетъ она, указывая на дѣвочку.—"Сама она злочка и злочка! вскрикиваетъ Соня.—Она мѣшается не въ свое дѣло, сейчасъ называла меня озорницей и капризицей, оттого я и хотѣла, чтобы она убралась скорѣе изъ дѣтской. Завтра попрошу маму совсѣмъ прогнать эту злюку. Папа же говорилъ недавно, что три года живеть она у насъ, и все глупѣе становится. Вотъ сю минуту прогнали бы ее, еслибы папа и мама не поѣхали сегодня какъ разъ въ театръ. Дождалась теперь, и узнаешь, какъ ни за что называть меня капризицей", сиплетъ дѣвочка.—Даты, видно, больна сегодня, рѣшается вставить тетя.—"Совсѣмъ я не больна и хочу только играть, чтобы мнѣ не мѣшали, скоро девять часовъ, и вы же, тетя, заставите меня лечь".—Да ты вотъ чайку бы напила, я принесла хорошаго, такого, какъ ты любишь, а варенья сейчасъ достану.—"Не хочу я вашаго чая, онъ всегда противный, я хочу, чтобы прогнали злую Аграфену".—Да ты покушай только, а затѣмъ ужъ все и обсудимъ.—"Знаю, опять будете защищать негодную Аграфену. Не стану я пить вашего противного чая и есть не буду. Уйдите отсюда, тетя, уйдите, вы мѣшаете мнѣ успоконить графинь (куклы). Онѣ съ утра все ссорятся. Уйдите же, на конецъ!" возвышаетъ голосъ Соня.

— Гадкая необузданная дѣвчонка! вскрикиваетъ тетя и выходить изъ дѣтской.

Не новая была эта сцена въ семье; не новая и даже не неожиданная, такъ какъ чутъ не ежедневно повторялась, въ разныхъ варьятіяхъ, конечно. Вывали промежутки относительного спо-

койствія только тогда, когда Соня блѣдная и усталая, жаловалась на недоровье, и это случалось тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе выходила изъ себя раздраженная дѣвочка. Отецъ находилъ, что, какъ неистовство дѣвочки, такъ и самая ея болѣзня суть прямая слѣдствія непрерывнаго угожденія ей со стороны матери и тетки, его сестры, а эти послѣднія доказывали, что вниманіемъ къ дитяти совсѣмъ не вызываются ни капризы, ни болѣзнь особенно. Что касается Аграфены, то она имѣла на этотъ счетъ свое мнѣніе: „озорница барышня, балованная, оттого нѣтъ житья никому въ домѣ". Временный перерывъ явно-капризного настроенія дѣвочки всегда вель за собою усиленное ухаживанье за ней матери, тетки и нерѣдко отца. Утромъ, какъ только Соня раскроетъ глаза, она встрѣчалась съ шумной ласкою родныхъ и съ непремѣннымъ предложеніемъ того или другого испить, поѣсть изъ очень большого выбора. Согласіе ея на что-нибудь вызывало живое одобреніе, новые ласки и дальнѣйшія такія же предложения. Мама и тетя бывали тогда на седьмомъ небѣ, отецъ тамъ же, лишь Аграфена, случайно оказавшись при такой сценѣ, строила недоумѣвающую и сухую физіономію. „Вотъ врагъ-то", замѣчала по этому поводу мать Сони, а отецъ находилъ, что совсѣмъ не врагъ въ ней сидить, а дура. Случайно услышавъ замѣчаніе, Аграфена быстро мѣнила направленіе своей политики и, въ свою очередь, приступала къ дѣвочкѣ то съ лаской, то съ предложеніями хоть для предстоящаго завтрака. Усталая Соня обыкновенно выслушивала ее благосклонно и принимала ея предложенія довольно охотно, а

бодрая—живо ее прочно прогоняла. Собственно эти отношения дѣвочки къ прислугѣ точнѣе всего опредѣляли состояніе ея здоровья; не нужно было и термометра для измѣренія температуры. Когда она съ крикомъ прогоняла утромъ Аграфену, то термометръ показывалъ внизъ или вверхъ, около 37 градусовъ. Это до такой степени извѣстно было въ семье, что самая дикия выходки Сои непримѣнительно къ Аграфенѣ по утрамъ принимались съ искренней радостью, какъ свидѣтельство доброго здоровья любимицы. День проходилъ въ постоянныхъ смѣнахъ состоянія духа Сои, причемъ предупредительность мамы и тети не имѣла границъ. Вѣчная мысль, что Соя то совсѣмъ не ѳесть, то мало или плохо съѣсть, заставляла предлагать ей десятки разъ въ день всякия кушанья, и Соя снисходительно къ одному, другому, третьему или едва притрогивалась, или охотно ѡла. Ее прерывали съ этими предложениями во время ея постоянной страстной возни съ куклами, старались обольщать видомъ того или другого блюда и постоянно уговаривали: пойши, попробуй, вкусно вѣдь. Дѣвочка временами сдавалась на эти увѣщенія, временами же устраивала сцены съ неистовыми криками, плачомъ и даже грохотомъ посуды, соударившей яства. Къ вечеру же, когда отецъ ея приходилъ со службы, начинался обыкновенно настоящій кавардакъ, въ которомъ всякия неисполнимыя требованія занимали первостепенное мѣсто. „Необузданный ребенокъ!“ говорилъ отецъ. „Необузданный, истинно необузданный“, вторили ему женщины.

Дальнѣйшая передача картины изъ быта этой восьмилѣтней дѣвочки, дер-

жавшей въ постояннѣмъ страхѣ всю семью, была бы излишней: одинъ день похожъ былъ на другой, и только развѣ внезапное посѣщеніе Сои знакомыми дѣтьми, или ея уходъ въ гости, или наконецъ, какъ я уже упомянуль, нездоровье Сои придавали нѣсколько иной характеръ временному прохожденію этой семьи. Но да позволено будетъ спросить: у кого же первы не разстроются, если ему постоянно будуть мѣшать дѣло, заниматься? Кто можетъ покойно выдержать пытку вѣчной помѣхи въ какой-бы то ни было дѣятельности? Для дѣтей, между тѣмъ, игра—дѣло, занятіе, работа, та дѣятельность, которой они часто отдаются съ неменьшимъ вниманіемъ и съ неменьшей страстью, чѣмъ взрослые люди наиболѣе интересующему ихъ дѣлу. Въ игры дѣти всегда вносятъ извѣстную долю самостоятельной мысли и самостоятельного ощущенія, а всякая такая дѣятельность требуетъ вниманія и душевного покоя въ значительной степени. Нарушеніе этого покоя всегда вызываетъ некоторую степень раздраженія и недовольства. Чѣмъ бы ни нарушался покой, чѣмъ нибудь пріятнымъ ли или непріятнымъ, нарушенія, когда ови постоянны или только часты, неизбѣжно влекутъ за собою невольный, хотя бы и молчаливый, протестъ; они прерываютъ дѣло, они не даютъ вести его такъ, какъ нужно или какъ самъ хочешь. Зачѣмъ же по десятку разъ въ день предлагать Соѣ оторваться отъ ея игръ для ѡды? Да она ничего не ѡсть. Можно бы успокоиться вѣдь на мысли, что, проголосившись, непремѣнно станетъ ѡсть. Стоять нѣсколько разъ только запасться выдержанкой на этотъ счетъ, и вполнѣ ясно выступить иаличество

несвоевременныхъ предложенийъ и несомнѣнная разумность такой практики. Пусть Соня играетъ подъ-рядъ хоть три, хоть шесть часовъ съ своими гравюрами, пусть разбираетъ ихъ ссоры, возстановляетъ ихъ миръ въ теченіе всего того времени, которое ей понадобится, и когда эти заботы ея будутъ закончены—она сама попросить кушать, и совершить это дѣло, какъ дѣло съ куклами, безъ криковъ, безъ неистовства по отношенію къ окружающимъ.

Но съ вопросомъ, который сейчасъ былъ поставленъ, связанъ и другой, не менѣе важный для характеристики причинъ дѣтской необузданности. Частое, до непрѣятности самому ребенку частое питаніе можетъ ли оно быть полезно? Не приноситъ ли оно скорбѣ, вместо здоровья, разстройство послѣдняго? Какъ ни убиваться съ досады, что ребенокъ плохо Ѳѣсть, частымъ питаніемъ отнюдь не поможешь тутъ горю. Если есть области, въ которыхъ вообще выгодно предоставить наибольшее преимущество силамъ природы, то питаніе человѣка—самая подходящая изъ нихъ. Эти силы не только здѣсь не обмануть, а сами всегда указываютъ и лучшіе способы пользоваться ими, время, когда нужно ими пользоваться и мѣру, въ какой онѣ нужны. Пить чай разнаго рода и сдабривать ихъ самыми различными вареньями можетъ быть не менѣе вредно для ребенка или даже больше, чѣмъ кусокъ жаркого, отъ которого онъ упрямо отказывается. Зачѣмъ соблазнять его вареньями? Много ли въ нихъ питательности? Зачѣмъ ребенку непремѣнно наливаться чаемъ? Какая тутъ потеря, далѣе, если дитя лжетъ спать безъ чаю? Что собственно заставляетъ

тетю такъ настаивать, чтобы Соня проглотила известное количество чая передъ сномъ? Думаю, что прямое непониманіе побуждаетъ ее къ этому. Такую настойчивость можно еще понять, когда она относится къ питательной ёдѣ, не передъ самымъ сномъ, конечно, а не къ возбуждающему просто напитку, каковъ чай на самомъ дѣлѣ, да еще передъ тѣмъ, какъ ребенокъ собирается ложиться. Излишнее это рвение, да не только излишнее, но прямо безразсудное.

Соня, одинокая въ семье дѣвочка, росла подъ этими неослабными заботами, окруженнная несомнѣнно любовнымъ вниманіе всѣхъ ея окружающихъ, и благодаря этой любви никогда не могла ни сосредоточиться на своей игрѣ, ни вволю наиграться, ни Ѱѣсть только тогда, когда ей дѣйствительно хочется, и столько, сколько хочется. Съ чьей же стороны тутъ необузданность?

Я взялъ, правда, крайне рѣзкій примѣръ воспитательного безразсудства. Но тѣмъ хуже, что имѣются еще многочисленныя степени и формы того же безразсудного явленія. Рѣдкая семья, въ которой есть малыя дѣти, нынѣ не выступаетъ, къ сожалѣнію, съ однородными же примѣрами, различающимися только по степени, по формѣ или манерѣ.

—рѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

29. Сударь Пантелеї свѣтѣ Ивановичъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка. Дѣти-артисты В. М. Лаврова и другие рассказы (Лягушки, В. Косяковича, Г. Запольской и Антона Антецкаго).* Издание ред. ж. „Дѣтское чтеніе“. М. 1905. Съ рисунками.

На этот разъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ пользуется до извѣстной степени историческими образами и красками для своего рассказа—съ обычнымъ у этого автора мягкимъ юморомъ и гуманизмомъ.

„Новгородское преданіе“ повѣствуетъ намъ о тѣхъ временахъ, когда существовалъ еще богатый, торговый Великий Новгородъ; но уже къ нему придвигалось засиліе Московской земли, пока засылая только жалкаго, убогаго, но необходимаго хлѣбороба. Бояре Пантелеи Ивановичъ и Озиоба ссорятся иза-за клошка земли, пожалуй, имъ вовсе ненужной, но растравляющей ихъ чувствительное самодурство. Изъ-за ничтожной „Уключины“ бояре съ помощью своихъ челядинцевъ уже столкнулись и разодрались. Но ихъ поражаетъ и посрамляетъ „невѣдомый человѣкъ“ изъ московскихъ. Нежданно-негадано онъ запахалъ землю. Онъ смѣло выступаетъ во время схватки новгородцевъ и требуетъ примиренія. Онъ непоколебимо увѣренъ въ своемъ правѣ.

— Эхъ, бояре, бояре! Земля-то къ рукамъ, говорить онъ:—а вамъ и бороды не пройти! .

Пахарь еще жалѣть бояръ:

— Вы бѣдненые потому, что чужой хлѣбъ єдите. Я свой хлѣбъ ємъ. Вотъ и вышелъ Пестерь-богатырь!

Боярамъ стало совсѣмъ, они остались нового землевладѣльца въ покое—и примирились между собою. Но Пантелеи Ивановичъ задумывается: „... боятырь Пестерь настъ своимъ хлѣбомъ ушибеть. Не выстоять Великому Новгороду противъ пахаря“.

Стильно переданное повѣствованіе г. Мамина заставить поразмыслить о многомъ и дѣтей—постарше.

Болѣе зрѣлый читатель изъ дѣтей откликается и на сборникъ г. Лаврова, который предлагаетъ литературный материалъ безъ нарочитой назидательности. Тутъ разсказывается и о „дѣтяхъ-артистахъ“—изъ тирольцевъ и итальянцевъ, съ объективнымъ изображеніемъ и соблазновъ, и горестей карьеры художника, и о „панѣ-судѣѣ“, страст-

номъ охотнику, который видимо изъ всѣхъ любитъ живую природу, и о бѣдномъ сумасшедшемъ—Бѣломъ Жанѣ (онъ въ поминальный день, вместо лампадки, освѣщаетъ могилу своихъ родителей просто червячками).

Разсказы эти, рисуя намъ тирольцевъ, итальянцевъ, французовъ, не заключаютъ въ себѣ ничего, такъ сказать, мѣстно-национального.

Послѣдній очеркъ—Антона Антеп-каго „Мастеръ“ уже нѣсколько исключительного, въ этомъ отношеніи, содержанія.

Больной мастеръ, создавшій „великолѣпный колоколь“, умираетъ—радостный. Его извѣстили: „Хотинъ взятъ! Япъ III разгромилъ язычниковъ!“

A. Налимовъ.

30. Царь Иоаннъ Грозный. Историческая повѣсть. Издание вполнѣ переработанное для юношества. Льва Жданова. Съ 10 иллюстрациями по акварельямъ академика К. В. Лебедева и съ древнимъ планомъ Москвы и планомъ осады Казани. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. Цѣна?

Историческіе романы и повѣсти, помимо художественной цѣнности, имѣютъ весьма важное образовательное значеніе. Они возбуждаютъ интересъ къ научному историческому знанію, сами являются его проводниками, особенно въ изображеніи характеровъ, быта и правовѣтъ эпохи. Особымъ положеніемъ, которое занимаютъ историческіе романы и повѣсти въ области художественной литературы, обусловливаются и особенные трудности при созданіи этого ряда литературиыхъ произведеній. Г. Ждановъ еще увеличиваетъ эту трудность, взять на себя задачу дать личности и эпохѣ Грознаго новое „богатѣе правильное“ освѣщеніе, сравнительно съ тѣмъ, какое существуетъ въ исторической наукѣ и художественной литературѣ. Инстинктъ художника помѣшиалъ г. Жданову выполнить это и другія обѣщанія, какія онъ даетъ въ предисловіи, и спасъ отъ тѣхъ историческихъ ошибокъ, въ какія онъ рисовалъ внасть. Въ результатѣ г. Ждановъ

Воспитание и Овучение 1905 г.

новъ не сказалъ нового слова относительно пониманія личности и эпохи Грозного, но онъ даёт юнымъ читателямъ живое художественное повѣстование объ этой эпохѣ, возбуждаетъ интересъ къ ней и хорошия чувства по отношению къ грозному, но и глубоко несчастному царю. Въ слѣдующемъ изданіи мы рекомендовали бы выбросить предисловіе, за которое можно сдѣлать достаточно справедливыхъ нареканій. Внѣшность изданія не оставляетъ желать лучшаго.

Н. Ч.

31. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Соч. проф. К. Келлера. Пер. съ дополненіями и добавленіемъ отдельной части „Жизнь русскихъ морей“ П. Шмидта. Съ 10 табл. въ краскахъ, 6 гравюр. и 320 рис. Изданіе 2. А. Ф. Деврена. Спб. Вып. 3-й. Цѣна 1 р. 60 к. Подписанная цѣна 7 р. 50 к. за 5 выпусксовъ.

Прекрасное и дешевое сочиненіе Келлера, по достоинству оцѣненное русской публикой въ первомъ изданіи, въ настоящее время выходитъ вторымъ, дополненнымъ изданіемъ. Несмотря на убористую печать книга обѣщаетъ быть объемистой, такъ какъ въ ней много дополненій въ сравненіи съ первымъ изданіемъ. Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ начало второй части — систематического описанія животныхъ и содержитъ слѣдующія главы: морская млекопитающія, птицы, пресмыкающія, рыбы, ракообразныя, моллюски и иглокожія. Къ выпуску приложены двѣ красочные таблицы и одна гравюра. Прекрасно изданная книга съ полезнымъ, интереснымъ содержаніемъ сдѣлается, безъ сомнѣнія,

другомъ домашнихъ и школьніхъ библіотекъ.

32. Страницы изъ жизни природы. Павла Вольногорскаго. Со многими рисунками. Часть I. Цѣна 1 р. 50 к. Часть II. Цѣна 1 р. 75 к. Спб. 1904 г.

Цѣль этихъ двухъ книгъ — пробудить въ молодыхъ читателяхъ любовь къ природѣ и помочь имъ, путемъ самостоятельныхъ наблюдений, войти съ ней въ тѣсную дружбу. Въ первой книгѣ, предназначеннай для болѣе молодого возраста, авторъ внесъ извѣстную систему въ подборѣ статей, именно, содержаніе ихъ соотвѣтствуетъ временамъ года. Пробужденіе растеній отъ зимняго сна изображено въ главѣ: „Весна идетъ“, „Сережки“, „За городомъ весной“ и „Май въ деревнѣ“, пробужденіе птицъ въ главѣ: „Птичье яйцо“. Статьи „Наша рѣчка“ и „Невидимый кормъ рыбъ“ изображаютъ животный и растительный міръ лѣтомъ: „Желтые листья“, „Дремлющая жизнь“ посвящены описанію осеннеї природы, а „По первой порошѣ“, „Зима“ и „Елка“ рисуютъ жизнь растеній и животныхъ зимой. Второй томъ представляетъ рядъ отдельныхъ статей, навязанныхъ общей идеей, посвященныхъ большей частью описанію растеній. Содержаніе его видно изъ заглавій: „Въ мірѣ цветовъ“, „Василекъ“, „Кувшинки“, „Ядовитые науки“, „Однодневки“ и др. Въ заключеніе приведены біографические очерки двухъ ученыхъ естествоиспытателей, горячо любившихъ природу: Бэра и Ценковскаго. Прекрасно изданная книга отличается интереснымъ, поучительнымъ содержаніемъ и украшена массой красивыхъ рисунковъ и фотографій.

Д-ръ К. Яцута.

Редакторъ-изд. Алексѣй Альмедицнгенъ.